

ВЕСТНИК

П О В О Л Ж С К О Й
А К А Д Е М И И
ГОСУДАРСТВЕННОЙ
С Л У Ж Б Ы

Научный журнал

№ 2 (31)
2012

Саратов

Научный журнал

Учредитель
Поволжская академия государственной службы
имени П.А. Столыпина*

Главный редактор – профессор **Д.Ф. Аяцков**
Зам. главного редактора – профессор **О.Н. Фомин**
Ответственный секретарь – **С.Г. Сергеев**

Редакционный совет:

Д.Ф. Аяцков – председатель (доктор исторических наук, профессор, директор),
Л.В. Гильченко (заместитель полномочного представителя Президента РФ
в Приволжском федеральном округе),
В.В. Радаев (губернатор Саратовской области),
Н.И. Меркушкин (губернатор Самарской области),
О.И. Бетин (глава администрации Тамбовской области),
В.К. Бочкарёв (губернатор Пензенской области),
С.И. Морозов (губернатор Ульяновской области),
Ю.З. Камалтынов (руководитель Аппарата Президента Республики Татарстан)

Редакционная коллегия:

В.В. Герасимова, д-р экон. наук; **Л.В. Константинова**, д-р социол. наук;
Э.Г. Липатов, д-р юрид. наук; **О.И. Марченко**, канд. экон. наук;
Е.В. Масленникова, канд. социол. наук; **С.Ю. Наумов**, д-р ист. наук;
И.В. Ракевич, канд. экон. наук; **А.Н. Романцов**, д-р экон. наук;
Н.В. Тельтевская, д-р пед. наук; **Ю.И. Тарский**, д-р социол. наук;
Т.П. Фокина, канд. филос. наук; **О.И. Цыбулевская**, д-р юрид. наук;
В.Л. Чепляев, канд. социол. наук; **Т.И. Черняева**, д-р социол. наук

Свидетельство о регистрации средства массовой информации – журнала «Вестник Поволжской академии государственной службы» ПИ № ФС77-35069 от 23 января 2009 года выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций.

Подписной индекс в Роспечати 20432.

Научный журнал «Вестник Поволжской академии государственной службы» входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий (редакция – июнь 2011 г.), в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Материалы журнала размещены по адресу: <http://vestnik.pags.ru>

* На основании Указа Президента РФ от 20.09.2010 г. № 1140, распоряжения Правительства РФ от 23.09.2010 г. № 1562-р (в ред. распоряжения Правительства РФ от 27.12.2010 г. № 2387-р), постановления Правительства РФ от 29.12.2010 г. № 1178 ФГОУ ВПО «ПАГС» реорганизовано в форме присоединения к ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации» (РАНХиГС) с созданием Поволжского института им. П.А. Столыпина – филиала РАНХиГС.

© Поволжский институт управления имени П.А. Столыпина, 2012

№ 2(31)
2012

B U L L E T I N
OF THE VOLGA REGION ACADEMY
F O R C I V I L S E R V I C E

Science journal

Founder:

***Volga Region Academy for Civil Service
named after P.A. Stolypin***

Editor-in-chief: Professor ***D.F. Ayatskov***

Deputy editor-in-chief: Professor ***O.N. Fomin***

Executive secretary: ***S.G. Sergeev***

Editorial council:

D.F. Ayatskov – Chairman (Doctor of History, Professor, Director),
L.V. Gilchenko (Vice of the Plenipotentiary of the President in the Volga Federal District),
V.V. Radaev (Governor of the Saratov Region),
N.I. Merkulshkin (Governor of the Samara Region),
O.I. Betin (Head of the Administration of the Tambov Region),
V.K. Bochkarev (Governor of the Penza Region),
S.I. Morozov (Governor of the Ulyanovsk Region),
Yu.Z. Kamaltynov (Head of the Executive Office of the President
of the Republic of Tatarstan)

Editorial board:

V.V. Gerasimova, Doctor of Economic Sciences; ***L.V. Konstantinova***,
Doctor of Sociological Sciences; ***E.G. Lipatov***, Doctor of Law Sciences;
O.I. Marchenko, Candidate of Sciences (Economy);
E.V. Maslennikova, Candidate of Sciences (Sociology);
S.Yu. Naumov, Doctor of Historical Sciences; ***I.V. Rackevich***, Candidate of Sciences
(Economy); ***A.N. Romantsov***, Doctor of Economic Sciences;
N.V. Teltevsckaya, Doctor of Pedagogic Sciences; ***Yu.I. Tarsky***, Doctor
of Sociological Sciences; ***T.P. Fokina***, Candidate of Sciences (Philosophy);
O.I. Tsibylevskaya, Doctor of Law Sciences; ***V.L. Chepliaev***, Candidate
of Sciences (Sociology); ***T.I. Cherniaeva***, Doctor of Sociological Sciences

© Stolypin Volga Region Institute of Management, 2012

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

Имя Петра Аркадьевича Столыпина не нуждается в долгих представлениях. Этот человек сформировал целую эпоху в русской истории, хотя судьба отпустила ему всего пять лет деятельности в масштабах Российского государства. Личность выдающегося реформатора, взявшего на себя историческую ответственность за крутой поворот в стратегическом курсе развития страны, притягивает к себе внимание людей разных поколений на протяжении многих лет.

Столыпин вошел в историю начала XX века как выдающийся государственный деятель, разработавший реформаторский курс модернизации экономического развития страны и совершенствования государственного управления. Не случайно Поволжский институт управления РАНХиГС в г. Саратове носит имя Петра Аркадьевича Столыпина.

В 2011 году исполнилось 100 лет со дня гибели П.А. Столыпина, в апреле 2012 года – 150 лет со дня его рождения. Указом Президента Российской Федерации 2012 год определен как год празднования 150-летия Столыпина.

П.А. Столыпин – из тех крупных политических фигур, которые вызывают постоянные споры. Они начались во время кипучей деятельности реформатора и с тех пор не прекращались. Диаметрально противоположные оценки звучали в политических кругах начала XX века, дебаты продолжились в публицистике, перешли в исследовательскую литературу.

Современная столыпиниана насчитывает многие сотни томов. Личность выдающегося реформатора в последние двадцать лет как магнит притягивает к себе исследовательское внимание и общественный интерес, после многолетнего негативного оценочного трафарета по-новому осмысливается его деятельность, по-иному расставляются политические акценты.

Когда-то на первом плане обсуждения находилась Столыпинская аграрная реформа, затем – подавление революции, сегодня особую актуальность приобрели идеи П.А. Столыпина о преобразовании общественно-политической жизни страны в целом. На первый взгляд кажется, что о жизни и деятельности Столыпина уже все известно. Тем не менее накал страстей остается прежним. Это подтверждается как постоянным обращением российских авторов к столыпинской теме, так и изданием данного номера журнала, посвященного юбилейным датам, связанным с П.А. Столыпиным.

Д.Ф. Аяцков

ПУБЛИЧНАЯ ВЛАСТЬ, ГОСУДАРСТВЕННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

G.N. Utenkov
The Ideology of P.A. Stolypin
State Government Reforms

The article reveals the background of the crisis of public administration at the turn of XIX–XX centuries. Historical contradictions between different levels of government and social classes are shown.

Key words and word-combinations: public administration, state power, Russian autocracy, the ideology of reforms.

Раскрываются предпосылки кризиса государственного управления на рубеже XIX–XX вв. Показаны исторические противоречия между различными уровнями власти и общественными классами.

Ключевые слова и словосочетания: государственное управление, государственная власть, российское самодержавие, идеология реформ.

УДК 354:94(47)«17/1917»
ББК 66.3(0),123+63.3(2)5

Г.Н. Утенков

ИДЕОЛОГИЯ РЕФОРМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ П.А. СТОЛЫПИНА

Особенность государственной власти самодержавной России, согласно авторитетному мнению выдающегося историка В.О. Ключевского, состояла в том, что «государь стоит неизмеримо высоко над всеми подданными и властью своею над ними превосходит всех монархов на свете. Эта власть одинаково простирается как на духовных, так и на светских людей; ни от кого не завися, никому не отдавая отчета в действиях, свободно располагает государь имуществом и жизнью своих подданных. Боярин и последний крестьянин равны перед ним, одинаково безответны перед его волей» [1, с. 54]. В неограниченности царской власти и полной зависимости служилого класса от государства состояло главное отличие российского самодержавия от европейского абсолютизма [2].

Неограниченность царской власти, пол-

ная зависимость подданных от верховной воли, по мнению современников, и стали причиной глубокого кризиса государственной власти в России. Так, Н.Х. Бунге, либерал-консерватор, занимавший в царствование Александра III пост председателя Комитета министров, в «Загробных записках», рассуждая о причинах политического кризиса последних десятилетий XIX в., указал, что почва для него была подготовлена еще в период царствования Николая I [3, с. 262]. По его оценке, император правил, опираясь преимущественно на бюрократию, и как редкое исключение допускал «общественную самодетельность», что и привело к застою, поражению в Крымской войне, росту общественного недовольства.

Как следствие, Александр II и его окружение сделали ставку на предоставление населению большей свободы. Но созданные в ходе реформ земства, городские думы, органы крестьянского самоуправления не были должным образом интегрированы в общую систему государственного управления. Отсутствие в законодательстве должного разграничения компетенции выборных и административных учреждений при слабости правительственного надзора привело к постоянной конфронтации между ними. Кроме того, ведомственная разобщенность центральных государственных учреждений пагубно отражалась на качестве государственного управления [3, с. 263–264]. Система государственного управления деградировала.

К концу царствования Александра II в стране сложилась опасная политическая ситуация, обусловленная разочарованием в реформах, что создавало объективные условия для последовавших затем контрреформ.

Сложные по своей сути и содержанию процессы развития российского общества и государства привели к тому, что на рубеже XIX и XX столетия государственное управление России оказалось в состоянии системного кризиса. Диапазон предложений по решению назревших проблем был достаточно широк, но особое место в нем занимают реформы П.А. Столыпина.

Известный исследователь столыпинской концепции и программы преобразования России П.А. Пожигайло, оценивая политические процессы в Российском государстве того периода, справедливо отмечает, что эволюционное течение модернизационного процесса, инициированного «сверху», в 1861 г. исчерпало себя и власть не справлялась с решением конфликтов мирным путем [4, с. 16]. Революция 1905–1907 гг. инициировала «снизу» вопрос о смене типа модернизации с учетом вызовов новой исторической эпохи. Эти обстоятельства потребовали и от власти, и от общества кардинального пересмотра прежней системы взаимоотношений и поиска рационального выхода из общенационального кризиса.

Шаги к парламентаризму в системе государственного управления были связаны с принятием Николаем II документов от 6 августа 1905 г. – «Высочайшего Манифеста об учреждении Государственной Думы», «Закона об учреждении Государственной Думы» и «Положения о выборах в Государственную Думу». Государственные институты приобрели новую конфигурацию: была создана Государственная дума – нижняя палата российского парламента, в верхнюю палату преобразован Государственный Совет, широкие полномочия даны пра-

вительству. Но вся полнота власти по-прежнему принадлежала самодержавному монарху. Так, сохранялся «неприкосновенным Основной Закон Российской Империи о существе самодержавной власти» [5, с. 83].

В России на императора ложилась вся ответственность за назначение министров [6], в то время как ни одна крупная реформа в политической жизни, ни одно крупное преобразование в социально-экономической сфере не проходило мимо министерских канцелярий [7, с. 47]. Министерская система предполагала ответственность единоличного начальника за законность действий, а также и за целесообразность принятых мер, поэтому назначение П.А. Столыпина министром внутренних дел и возложение на него обязанностей главы российского правительства было чрезвычайно значимо в сложившихся кризисных условиях.

П.А. Столыпин встал у кормила власти Российского государства в период невероятно глубокого раскола в государстве, обществе, народе. Власть видела в общественности разрушительную силу; общественность же, в свою очередь, видела во власти силу косную, эгоистическую, эксплуататорскую [8, с. 6]. «Реформы, – писал П.А. Столыпин, – во время революции необходимы, так как революцию породили в большей мере недостатки внутреннего уклада... Обращать все творчество правительства на полицейские мероприятия – признак бессилия правящей власти» [9, с. 675].

Столыпинские реформы стали первым опытом системных реформ, затравивших все ключевые сферы жизни страны [10]. Отдавая отчет масштабности задач по модернизации России, П.А. Столыпин определял их как «эпоха перемен», «великий перелом», «перестройка и брожение», «период перестройки», «великий исторический перелом», «время переустройства всех государственных законодательных устоев» [11]. В сложившихся обстоятельствах решающим фактором в проведении модернизации России П.А. Столыпин считал органы государственной власти. От их дееспособности и эффективности, по его мнению, зависели исход реформ и в конечном счете стратегическое развитие России.

Базовые принципы идеологии реформирования системы государственного управления были сформулированы в правительственной Декларации, представленной в Государственную думу. В основу правительственных законопроектов, предложенных на рассмотрение парламента, была положена одна общая мысль: создать те материальные нормы, в которые должны воплотиться новые правоотношения, вытекающие из логики реформ последнего времени. В результате Россия – Отечество, по выражению П.А. Столыпина – должна превратиться в государство правовое [12, с. 122].

Однако, хотя Столыпин и признавал правительство «аппаратом власти, опирающимся на законы» [11, с. 39–40], в своей речи в Государственной думе 13 марта 1907 г. он заявил, что бывают роковые моменты в жизни государства, когда государственная необходимость стоит выше права, и тогда надлежит выбирать между цельностью теорий и цельностью Отечества [13, с. 99]. Премьер-министр был убежден, что именно «бездействие власти ведет к анархии» [13, с. 45], в силу чего «для лиц, стоящих у власти... нет... греха

большого, чем малодушное уклонение от ответственности» [13, с. 114]. В условиях системного кризиса неэффективная власть, по его мнению, выступала одним из решающих факторов политической нестабильности.

Масштаб личности П.А. Столыпина как выдающегося государственного деятеля и подлинного реформатора показывает его проект децентрализации управления государством, разделения империи на области, располагающие правами самоуправления при наличии в этих областях представительных учреждений [11, с. 12–15]. Децентрализация открывала простор местным творческим силам, давала возможность применять в разных местностях разные системы выборов, приспособленные к особенностям общественного устройства. Вместе с тем преобразования в области управления должны были обеспечить укрепление исполнительной вертикали власти.

Согласно проекту значительная часть империи должна быть разделена на одиннадцать областей, в каждой из которых учреждалось областное земское собрание и областное правительственное управление, для работы в которых привлекались местные деятели.

Реформа местного управления приобретала особое значение среди планируемых мер. Свое теоретическое обоснование и конкретное законодательное воплощение она получила в серии основополагающих документов: «Главные начала устройства местного управления» (1906), «Главные начала преобразования земских и городских общественных управлений» (1907), «Положение о губернском управлении» (1907) [14, с. 252–280, 293–352].

Особое значение в системе государственного управления имела реформа местного самоуправления, согласно которой все крестьянские сословные учреждения подлежали упразднению. Старую сословную структуру – общества сельских обывателей (общины) – предлагалось преобразовать в земельные союзы, построенные по принципу владения землей на одной территории. По сути, речь шла о введении самоуправляющейся бессословной мелкой земской единицы [15, с. 82].

В схеме реформирования местного управления ключевым оказался законопроект об уездной реформе. Проектом предусматривалось ограничение компетенции уездного предводителя дворянства и введение новой административной должности уездного начальника. Эта должность была встроена в административную вертикаль. Уездный начальник не зависел от дворянской корпорации. Он назначался царем по представлению министра внутренних дел из числа лиц, занимавших должности вице-губернатора, предводителя дворянства, непрямого члена губернского по крестьянским делам присутствия, председателя уездного съезда, председателя губернской или уездной земской управы [4, с. 145].

Столыпинным предлагалось объединить разрозненное управление в губерниях в руках губернаторов. Кандидатура губернатора утверждалась царем по представлению министра внутренних дел и одобрению Совета министров. Состоя в ведомстве МВД, губернатор являлся главным представителем высшего правительства в губернии. Он осуществлял наблюдение за точным исполнением законов и распоряжений правительства, обеспечивал общественное спо-

койствие и безопасность, заботился о благосостоянии вверенной его управлению территории [16, с. 330–352].

Во главе уездов вместо предводителей дворянства предлагалось поставить уездных начальников из местной среды, назначенных министром внутренних дел. Усиление власти губернатора должно было предотвратить повторение событий, подобных революционной смуте 1905 г. В то же время областные земские собрания получили бы широкое право местного законодательства по всем предметам, не имевшим общегосударственного значения. Помимо перечисленных мер, премьер-министр намечал понизить земский ценз, чтобы допустить к местному самоуправлению владельцев хуторов и рабочих, владевших небольшой недвижимостью [17, с. 73–78].

В целях укрепления центрального правительства и повышения его эффективности П.А. Столыпин планировал организовать восемь новых министерств. Ими должны были стать преимущественно «социальные» (в современной терминологии) министерства: труда, местного самоуправления, национальностей, социального обеспечения, исповеданий, исследования и эксплуатации природных богатств, здравоохранения, переселения. Характерно, что при разработке принципов новой социальной политики правительство П.А. Столыпина пошло на инновационный для своего времени шаг: была реализована идея взаимосвязи повышения уровня материального обеспечения государственных чиновников и служащих с результативностью проводимых реформ [4, с. 74; 17, с. 309, 315–316].

С точки зрения укрепления институтов государственной власти, повышения ответственности актуальным представляется проект о принципах, формах и размерах выплат содержания депутатам. Премьер-министр предлагал обеспечить членам Госдумы достойное существование, но одновременно принимались меры к тому, чтобы народный избранник не уклонялся от исполнения своих представительских обязанностей и аккуратно посещал заседания (в противном случае ему грозили вычеты из положенного довольствия) [17, с. 309, 313–314].

В результате Столыпинских реформ создавалась единая и взаимосвязанная система управления, стратегическая задача которого заключалась в том, чтобы максимально снять имеющиеся противоречия, порождавшие земскую оппозицию правительству, и направить усилия и тех и других в созидательное русло на решение задач общегосударственного и регионального масштаба [4, с. 156].

Реформу государственного управления невозможно представить без всеобъемлющей трансформации правовой системы, тем более, что Столыпин считал остро необходимым создание единого правового пространства в масштабах всей России. Эта реформа предусматривала унификацию законодательства, пересмотр устаревших правовых норм, замену их новыми, более соответствующими тем материальным и социальным отношениям, которые формировались в ходе преобразований.

Проект «О преобразовании местного суда» предполагал унификацию местного суда, превращение его, по словам П.А. Столыпина, в суд «доступный,

дешевый, близкий к населению» [4, с. 99; 8, с. 56; 16, с. 154–226]. С целью повышения эффективности репрессивного аппарата государства Петром Аркадьевичем был предложен проект реформирования силовых ведомств: в конце 1906 г. при Министерстве внутренних дел Российской империи была создана комиссия по преобразованию полиции, а именно: Устав полицейский должен был заменить собой правила устаревшего Устава о предупреждении и пресечении преступлений [14, с. 142].

Многие идеи П.А. Столыпина по реформированию государственного управления, предложенные в начале XX в., не потеряли своей актуальности до настоящего времени. Первостепенное значение для органов государственной власти по-прежнему имеют вопросы развития правового государства и гражданского общества, совершенствования российского федерализма, местного самоуправления и политической системы, повышения эффективности государственного управления и ответственности должностных лиц. Проводимая в настоящее время Президентом РФ и Правительством РФ политика вселяет надежду, что Россия получит те долгожданные двадцать лет покоя, о которых мечтал П.А. Столыпин, выстраивая стратегическую идеологию созидания Великой России.

Библиографический список

1. *Ключевский В.О.* Сказания иностранцев о Московском государстве. М., 1991.
2. *Ачкасов В.А.* Особенности эволюции российской государственности. URL: <http://www.politex.info/content/view/628/30/> (дата обращения: 24.04.2012).
3. *Степанов В.Л., Бунге Н.Х.* Судьба реформатора. М., 1998.
4. *Пожигаило П.А.* Столыпинская программа преобразования России (1906–1911). М., 2007.
5. *Пахоленко Н.Б.* К характеристике «Думского периода» в истории Российского государства // Становление конституционного государства в посттоталитарной России: сб. статей / отв. ред. В.А. Четвернин. М., 2007.
6. *Сенин А.С.* Становление министерской системы управления в России. URL: <http://elibrary.ru/download/30479562.html> (дата обращения: 05.03.2011).
7. *Демин В.А.* Государственная дума России (1906–1917): механизм функционирования. М., 1996.
8. *Бок М.П.* Воспоминания о моем отце П.А. Столыпине. М., 2004.
9. *Столыпин П.А.* Переписка. М., 2004.
10. *Могилевский К., Соловьев К.* Столыпинский проект преобразования России. URL: <http://www.politobraz.ru/novie-publikatsii/2009-06-15/stolipinskiy-proekt-preobrazovaniya-rossii.html> (дата обращения: 15.06.2009).
11. *Столыпин П.А.* Нам нужна Великая Россия // Полное собрание речей в Государственной думе и Государственном Совете. 1906–1911 гг. М., 1991.
12. Декларация Правительства П.А. Столыпина, внесенная в Государственную думу. 6 марта 1906 г. // История государственного управления в России (X–XXI вв.): хрестоматия / под общ. ред. Р.Г. Пихои. М., 2003.
13. *Столыпин П.А.* Мысли о России. М., 2006.
14. *Столыпин П.А.* Программа реформ. М., 2003. Т. 2.
15. Особые журналы Совета министров царской России. 1907. Ч. 1.
16. *Столыпин П.А.* Программа реформ. М., 2003. Т. 1.
17. *Зеньковский А.В.* Правда о Столыпине. Нью-Йорк, 1956.

A.A. Alekseenok
Methodical Approaches
to the Public Administration
of the Middle Class Formation
in Modern Russia

The basic directions and mechanisms of the government of middle class formation in the modern Russian society are researched. The special attention is given to institutional factors of middle class formation and increase.

Key words and word-combinations: middle class, public administration, social stratification.

Исследуются основные направления и механизмы государственного управления формированием среднего класса в современном российском обществе. Особое внимание уделяется институциональным факторам формирования и увеличения среднего класса.

Ключевые слова и словосочетания: средний класс, государственное управление, социальная стратификация.

УДК 316.344.233
ББК 60.54

А.А. Алексеенко

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ГОСУДАРСТВЕННОМУ УПРАВЛЕНИЮ ФОРМИРОВАНИЕМ СРЕДНЕГО КЛАССА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Начало XXI в. характеризуется наличием большого спектра концепций, посвященных проблемам уровня и качества жизни населения, социального расслоения общества, трансформации социальной структуры. В то же время теория и практика государственного управления испытывают острую потребность в исследованиях, основанных на комплексном, системном изучении социального самочувствия населения, а также актуальных процессов социальной стратификации.

О значимости государственного управления стратификационной структурой современного российского общества свидетельствует отражение данной проблематики в заявлениях первых лиц страны. Отдельное внимание руководство страны уделяет вопросам формирования и развития в России широкого социального слоя, который принято называть «средним классом». Так, в Послании Президента РФ Федеральному Собранию РФ от 5 ноября 2008 г. подчеркивалась важность социальных гарантий, гарантий социальной защиты, преодоления бедности, расширения свободы предпринимательства. Д.А. Медведев отмечал: «Именно в этом – успех формирования среднего класса», который должен стать основой стратификационной структуры современного российского общества [1].

Об этом же шла речь и в выступлении

21 ноября 2008 г. Председателя Правительства России на открытии X съезда партии «Единая Россия» при обсуждении Концепции долгосрочного развития страны. В.В. Путин подчеркнул: «Только на базе эффективной экономики можно гарантировать достойные доходы и высокое качество жизни наших людей, открыть дорогу для формирования по-настоящему массового и активного среднего класса» [2].

Расширение и укрепление позиций среднего класса является одним из важнейших направлений развития современного общества, подразумевающим комплекс мер по развитию гражданского общества, рыночной конкурентной экономики и эффективного демократического государства. Исследователи Института социологии РАН считают, что формирование среднего класса – одна из наиболее долгосрочных и в наименьшей степени поддающихся государственному регулированию задач [3].

Нормы поведения среднего класса вырабатываются в его же среде под воздействием внешних условий. В связи с этим необходимо, проводя соответствующие социологические исследования, выявить эти условия, модели поведения, стандарты жизни среднего класса, его медийные, информационные, культурные и образовательные запросы, ожидания относительно государственных, общественных и политических институтов. При проведении соответствующих исследований крайне важно опираться на реально существующие факты, а не на стереотипы представлений о среднем классе.

Считается, что широкий и стабильный «средний класс» существует лишь в экономически, социально и политически благополучных обществах, не испытывающих серьезных внутренних конфликтов. Современную Россию с ее высокими показателями дифференциации населения практически во всех отношениях вряд ли можно отнести к такой группе стран. Вот почему особое практическое значение приобретает тематика государственного управления социальным расслоением.

Величина распространения и характер влияния социального неравенства на российское общество, социальное самочувствие граждан требуют широкомасштабных, экстренных действий властвующей элиты по предотвращению возможных массовых выступлений граждан, возмущенных фактами социальной несправедливости. Специфика научного исследования проблемы социального неравенства в рамках его государственного регулирования связана не с самим фактом существования неравенства, а с анализом деятельности государства, проводимой властвующей элитой политикой по минимизации неравенства, с отражением его в общественном сознании, нравственной оценкой неравенства.

Именно оценка социального неравенства влияет на уровень социальной напряженности, актуализирует определенные социально-политические процессы, способствует формированию различных общественно-политических идей, движений, организаций, институтов.

В условиях глобализации все страны подвержены различным рискам, в той или иной степени переживают кризис, усиливающий дестабилизационные процессы и обостряющий проблемы социального неравенства. Революционные выступления в 2011 г. населения стран Ближнего Востока и Северной Африки, требующего соблюдения принципа социальной справедливости, повышения уровня жизни, допуска оппозиции к власти, участия граждан в процессах принятия

решений и управления обществом являются яркими свидетельствами того, что эффективная социальная политика, наряду с грамотным государственным управлением, сегодня является ведущим фактором легитимации власти и наоборот.

Увеличение масштабов неравенства в современной России несет угрозу безопасности личности, общества и государства на региональном и национальном уровнях, обуславливает дисфункциональность социально-политической системы, угрожает массовыми беспорядками и другими протестными действиями. В связи с этим представителям государственной власти следует уделить пристальное внимание разработке и реализации эффективных мер, направленных на минимизацию этого негативного явления. Необходимо осмысление сущности и содержания государственного регулирования этого многогранного феномена, активизирующегося в странах, претерпевающих, подобно России, модернизацию, всегда связанную с большими или меньшими социальными издержками.

Практическая направленность этой проблемы актуализируется тем, что экономическое реформирование в России в настоящее время имеет целевую направленность на повышение и обеспечение достойного качества жизни населения. Эта задача обусловлена как объективными, так и субъективными причинами происшедших, начиная с 1990-х годов, кардинальных изменений во всей общественной системе России. Современные кризисные процессы также ведут к усилению социальной напряженности в обществе. Вот почему возникает необходимость решения проблемы социального расслоения общества на основе не только преодоления бедности, но и формирования новой социальной страты – российского среднего класса. Реализация этой задачи со стороны государства возможна при наличии системы критериев отнесения групп населения к среднему классу и создания социально-экономических механизмов государственного воздействия на процесс.

Наукой и практикой в настоящее время разработана обширная система социально-экономических показателей, отражающих различные стороны и составляющие элементы уровня, качества, образа и условий жизни. В совокупности эти показатели формируют стратификационную структуру современного российского общества, во многом зависящую от реализуемой государством стратегии управления в данной области. Логично предположить, что принятию управленческих решений должен предшествовать глубокий и детальный анализ социально-экономических стратификационных показателей.

Изучить благосостояние населения достаточно сложно. Многие его элементы можно оценить лишь условно. Анализ существующих методологических подходов к измерению качества жизни показал, что разработка системы показателей для его оценки является наиболее важным и трудноразрешимым вопросом концепции качества жизни.

На наш взгляд, система индикаторов должна отражать не только объективные, но и субъективные оценки качества жизни, абсолютные и относительные показатели; включать совокупность компонентных индикаторов, показывающих состояние всех составляющих содержательной структуры благосостояния (уровня и образа жизни, условий жизнедеятельности), и соответствующих динамических показателей, призванных характеризовать изменения качества жизни населения. Подобно тому, как благосостояние является совокупностью уровня, образа и условий жизни и в конечном счете выражается в определенном

качестве жизни, так и расслоение общества необходимо рассматривать с позиции дифференциации качества жизни, отклонения уровня и динамики благосостояния (материального, социокультурного и физиологического) отдельных слоев населения от среднего или принятого за норму в том или ином государстве. Детально разработанная концепция благосостояния и качества жизни населения дает возможность формирования научно обоснованной методологии изучения социального расслоения общества, бедности и формирования среднего класса.

Средний класс идентифицируется не только лишь показателями достигнутого индивидом уровня материального благосостояния (денежный доход, имеющиеся сбережения, движимая и недвижимая собственность). В профессиональном плане представители среднего класса должны иметь образование не ниже среднего специального (в идеале – высшее) и заниматься нефизическим трудом. Подразумевается, что представители среднего класса регулярно повышают уровень собственного образования и имеют для этого институциональные возможности. Непременным и важным показателем является вложение собственных средств в поддержание здоровья, например покупка полиса дополнительного медицинского страхования, посещение физкультурно-оздоровительных объектов, в том числе бассейнов, фитнес-центров. Важна и активная гражданская позиция представителей данной категории населения, реализуемая в различных формах участия в общественной и политической жизни страны. Социально активный средний класс по своей природе заинтересован в развитии механизмов, обеспечивающих устойчивость и вертикальную мобильность в обществе: от него в конечном счете зависит социально-экономическое положение и всех прочих социальных групп.

В настоящее время всем этим критериям удовлетворяет не более 15–20% российских семей [4]. При этом в Концепции долгосрочного развития страны ставится задача увеличить данный показатель к 2020 г. до 50%, вероятность чего, на наш взгляд, невысока, тем не менее возможна при выполнении ряда условий.

Во-первых, экономика страны должна быть преобразована из сырьевой в инновационную, что позволит создать дополнительное количество высокопрофессиональных и высокооплачиваемых рабочих мест. Во-вторых, крайне необходимо снять административные барьеры для развития малого бизнеса, формирующего одну из основных частей среднего класса. Сегодня в малом бизнесе в России занято лишь 20% работающего населения, что в принципе коррелирует с количественными показателями доли среднего класса в наличной социальной структуре России. В-третьих, требуется создать эффективную и доступную систему непрерывного образования, нацеленную на поддержание конкурентоспособности людей среднего и предпенсионного возраста на рынке труда. В-четвертых, следует обеспечить массовый доступ трудящихся граждан к кредитным схемам приобретения жилья и товаров длительного пользования. В-пятых, не обойтись без реально функционирующего местного самоуправления, дающего возможность среднему классу проявить себя и направить в нужное русло социальную энергию.

Таким образом, проблема среднего класса является важнейшим связующим звеном в комплексе социально-экономических и политических реформ, которые предстоит подготовить и реализовать российской власти в ближайшие годы. Повышение роли среднего класса выступает условием укрепления всей

системы политических, правовых, судебных, государственных и прочих негосударственных институтов.

«Инертный» сценарий формирования среднего класса, реализуемый на базе существующих тенденций развития современного российского общества, не представляется перспективным. Необходимо понимать, что массовый средний класс – это совершенно другое общество в России, требующее достаточно радикальных изменений во всех сферах жизни, реформирование которых возможно лишь при целенаправленной, грамотной государственной политике.

Государство располагает всеми необходимыми – материальными, природными, интеллектуальными, кадровыми, духовными – резервами для придания социальным процессам позитивной динамики. У России есть реальные возможности для демографического бума, наращивания человеческого капитала, развития страны по восходящей социальной траектории. В этом контексте ряд последовательных шагов, которые могла бы предпринять власть в направлении преодоления недопустимого социального неравенства, можно рекомендовать, на наш взгляд, в качестве составляющих элементов механизма управления формированием российского среднего класса.

Одной из первостепенных задач выступает преобразование пенсионной системы таким образом, чтобы человек, начиная свою трудовую жизнь, знал заранее, как он будет жить, когда выйдет на пенсию. Важно, чтобы оказавшийся в среднем классе гражданин имел уверенность, что он не окажется на грани нищеты. Коренным образом следует изменить институциональную среду малого бизнеса. В производственной сфере было бы полезно перенять опыт ряда развитых стран, где уровень заработной платы увеличивается в зависимости от трудового стажа. Система здравоохранения должна фокусироваться на профилактике, пропаганде здорового образа жизни, экономическом стимулировании сбережения здоровья со стороны как работодателя, так и самого человека. Не меньшее внимание государства должно быть обращено на развитие местного управления, поощрение участия некоммерческих организаций в жизни муниципалитетов.

Наиболее заметной целевой аудиторией, которой уделяется основное внимание в рамках государственной социальной политики, традиционно выступают группы пожилых людей, слаботзащищенных категорий населения и те, кто не удовлетворен своей жизнью в целом. Несомненно, в первую очередь именно они нуждаются в создании условий для нормализации своего социального самочувствия. Но в перспективе основным механизмом государственного регулирования стратификационных процессов должны стать стимулирование граждан к индивидуальной социальной мобильности, мотивирование их стремления улучшить свой образовательный, социально-культурный статус и, как следствие, возможности повысить экономический потенциал и степень доступа к политическому влиянию. Ориентируясь на мнение большинства россиян о необходимости серьезного государственного участия в социальной и экономической жизни общества, следует активизировать работу соответствующих государственных структур по созданию равных для всех граждан возможностей получения образования, трудоустройства в соответствии со способностями и уровнем профессионализма, достойного медицинского обслуживания.

Процесс формирования среднего класса нельзя оптимизировать только со-

зданием какой-либо отдельной программы (федеральной целевой, государственной) или увеличением размера социальных выплат. Само по себе формирование среднего класса не является самоцелью развития нашего общества – цель состоит в создании условий для комфортного проживания всех слоев населения, а доля среднего класса в социальной структуре России выступает индикатором успешности социума, превращения России в процветающую современную страну, входящую в число мировых лидеров.

Библиографический список

1. Медведев Д.А. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации // Рос. газ. 2008. 5 нояб.
2. Официальная стенограмма выступления Председателя партии В.В. Путина на межрегиональной конференции партии «Единая Россия» «Стратегия социально-экономического развития Северо-Запада России до 2020 года. Программа на 2011–2012 годы». URL: <http://www.edinros39.ru/speech/4232.php>
3. Городской средний класс в современной России: аналит. докл. М., 2006.
4. Средний класс в современной России / отв. ред. М.К. Горшков, Н.Е. Тихонова. М., 2008.

S.M. Fedyunina
The State Language Policy
and Language Planning
in the Context of the Multiethnic
Russian Society Development

The content of the concepts “language policy” and “language planning” are considered. By the example of the language policy of the Russian Federation and the legislation of the Republics within the Russian Federation and former Soviet Republics the problem of the status of the Russian language in multi-ethnic communities is investigated.

Key words and word-combinations: language planning, multiculturalism, multiethnic society, official language.

Рассматривается содержание понятий «языковая политика» и «языковое планирование». На примере языковой политики Российской Федерации, законотворчества республик в составе РФ и государств бывшего СССР исследуется проблема статуса русского языка в многоэтнических обществах.

Ключевые слова и словосочетания: языковое планирование, мультикультурализм, многоэтническое общество, государственный язык.

УДК 351(470+571)
ББК 67.401.12(2Рос)

С.М. Федюнина

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА И ЯЗЫКОВОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ МНОГОЭТНИЧНОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Прозрачность государственных границ и рост культурно-этнической диверсификации внутри стран делают невозможной культурную однородность населения. В современном мире, пронизанном глобализацией и транснациональными перемещениями, по сути не осталось моноэтнических государств, а в полиэтнических условиях многие проблемы приобретают новое звучание. В частности, языковая политика и языковое пла-

нирование в многонациональном государстве, несомненно, относится к числу приоритетных направлений деятельности.

Для современной России вопросы, касающиеся роли, места и статуса русского языка, других языков народов Российской Федерации как внутри страны, так и в мировом сообществе, являются важнейшими. С нашей точки зрения, научное осмысление комплекса проблем, связанных с государственным языком, и практическое применение полученных результатов представляются чрезвычайно значимыми в контексте перспектив развития российского общества и государства.

Поскольку все стороны социальной жизни обеспечиваются посредством языковых коммуникаций, необходимо внести ясность в трактовку ряда терминов, объединенных гиперонимом «язык» и использующихся как в официальных документах любого государства, так и в повседневной жизни граждан. Для настоящего исследования ключевыми являются понятия «языковая политика» и «языковое планирование».

Способы выбора языка и языковой нормы, составляющих содержание языковой политики, зависят от интересов определенных классов, этнических общностей, преследуемых политических и идеологических целей. К числу основных понятий, рассматриваемых в дискурсе языковой политики, относятся: мировой язык, титульный язык, официальный язык, национальный язык, язык межнационального общения, государственный язык, родной язык, корпусное языковое планирование, статусное языковое планирование. В изменяющейся российской действительности указанные понятия могут наполняться новым содержанием, соответственно термины могут менять свои значения.

Социальный статус понятия «*мировой язык*» может быть раскрыт через категорию объектов мировой истории и культуры, а источниками его пополнения служат исторические или иные научные исследования, а также языковая жизнедеятельность общества. На планете существует более трех тысяч языков, и количество мировых языков постоянно увеличивается. Безусловным фаворитом является английский язык, фактически ставший языком международного общения. Наряду с немецким, испанским, китайским, французским языками, русский язык продолжает играть роль мирового языка, о чем речь пойдет далее.

Титульным языком принято обозначать язык этноса, название которого отражено в наименовании определенного национально-государственного или национально-территориального образования. В российских условиях титульный язык, с одной стороны, выступает в качестве национального языка, на котором говорят представители титульной национальности, а с другой — может быть официальным, государственным языком. Это не всегда соответствует имеющейся международной практике. По рекомендации экспертов ЮНЕСКО понятия «*national language*» (*национальный язык*) и «*official language*» (*официальный, государственный язык*) разграничиваются. С учетом обстоятельства, что понятие «nationality» в большинстве государств Западной Европы и США трактуется как «гражданство», а не «националь-

ность», термином «national language» обозначается язык, выполняющий интеграционную функцию в рамках данного государства в политической, социальной и культурной жизни общества. Таким образом, речь идет о феномене, который в отечественной социологии, политологии, лингвистике, праве и других науках принято называть *языком межнационального общения*. Термин «official language» обозначает язык государственного управления, законодательства, судопроизводства – то, что в складывающейся российской научной традиции, учитывающей федеративное устройство государства и наличие в составе России национальных республик, чаще именуется *государственным языком республик*.

Родной язык образуют языковые нормы и стили, которые индивидум привычно использует в профессиональной деятельности и повседневной жизни. Как показывает практика, национальная самоидентификация личности и языковая самоидентификация во множестве случаев не совпадают. Достаточно вспомнить русских эмигрантов первой волны, большинство из которых были билингвами, в равной степени владевшими русским и французским языками. Характерно, что при этом они самоидентифицировали себя как русские, тогда как позиционирующие себя «гражданами мира» современные российские космополиты зачастую так и не научились хорошо говорить на современном «международном» – английском – языке [1, с. 199]. Проблему выбора языка общения, встающую перед билингом в зависимости от диалогической ситуации, описал известный социолингвист Джошуа Фишман, который показал распределение сфер использования языков: для общения со «своими» или с «чужими», для устного или письменного общения и т.д. [2].

Современные теории языковой политики и языкового планирования в обществе используют выделенные в моделях Х. Клосса и Р. Купера три основных элемента языкового планирования: корпус-планирование (corpus planning) – как планирование внутрilingвистических факторов обновления языка; планирование статуса (status planning) – как планирование расширения функций и значимости языка в социальном контексте; планирование овладения (acquisition planning) – как планирование изменений в обладании языками у целевых групп населения. Если планирование статуса формирует в конечном счете потребность в носителях того или иного языка, то планирование овладением приводит к конкретному распределению речевого ресурса в обществе [3]. Таким образом, следует дискурсивно учитывать и разграничивать категории *статус* и *корпус* применительно к языку в аспекте языковой политики.

Определив базовые термины, связанные с понятиями «языковая политика» и «языковое планирование», перейдем к рассмотрению выраженных данными терминами явлений, отражающихся в российской действительности.

Русский язык, как один из *мировых языков*, является официальным или рабочим языком таких авторитетных международных организаций, как ООН, ОБСЕ, МАГАТЭ, ЮНЕСКО, ВОЗ. В 2010 г. Департаментом общественной информации ООН принято решение о проведении Дня русского языка, в

развитие которого Президент России распорядился о ежегодном праздновании 6 июня Дня русского языка. Целью празднования, говорится в Указе главы государства, является сохранение, поддержка и развитие русского языка как общенационального достояния народов Российской Федерации, средства международного общения и неотъемлемой части культурного и духовного наследия мировой цивилизации. Таким образом, статус русского языка получил солидное официальное подтверждение на мировом и российском федеральном уровнях.

Следует подчеркнуть, что на постсоветском пространстве русский язык оказался в неоднозначной ситуации. По исторической инерции он до сих пор играет роль *языка межнационального общения*. Но в зависимости от меняющейся внутренней политической конъюнктуры, в законы и другие нормативные акты бывших советских республик вносятся корректировки, изменяющие статус русского языка на данных территориях. В целом языковая политика постсоветских государств существенно разнится. Дискриминация начинается там, где возникают сравнения этнического свойства, где возможно этническое насилие на бытовом уровне, в том числе насилие в плане использования родного языка представителями того или иного этноса. Посредством ограничений в использовании русского языка национальные элиты решают, в частности, собственные политические задачи, связанные со становлением новой государственности. Такие примеры хорошо известны: дискриминационные меры в отношении использования русского языка узаконены в Грузии и на Украине, государствах Балтии и Средней Азии.

Термины «*официальный язык*» и «*государственный язык*» имелись еще в законодательстве СССР [4]. Однако правовые нормы советского и постсоветского периода, регулирующие отношения в сфере применения и использования языка, имеют существенные отличия. Статья 4 Закона «О языках народов СССР» гласила: «С учетом исторически сложившихся условий и в целях обеспечения общесоюзных задач русский язык признается на территории СССР официальным языком СССР и используется как средство межнационального общения». Из Закона РФ «О языках народов Российской Федерации» понятия «*официальный язык*» и «*язык межнационального общения*» исключены. В соответствии с логикой отечественного «постсоветского» законодателя выделение русского языка как особого «средства межнационального общения» – неправомерная процедура, нарушающая «равные права языков народов России» [5]. Сегодня русский язык является *государственным языком* Российской Федерации, значение и функции которого установлены Конституцией РФ. В статусе государственного языка Российской Федерации он употребляется наряду с иными национальными языками в разных сферах политической, общественной и культурной жизни россиян.

Действующим законодательством введено понятие «язык (языки) народов России» и установлено равноправие между ними. Закон РФ «О языках народов Российской Федерации» определяет языки народов нашей страны как «национальное достояние Российского государства», подчеркивает «равные права всех языков народов Российской Федерации» [6, ст. 3]. Однако в субъектах РФ,

имеющих статус республик, наряду с русским языком в качестве государственного может быть установлен(ы) язык(и) народа или народов, населяющих эту республику. Как правило, такое положение занимает язык титульной национальности. В итоге получается, что принцип равноправия языков народов России нарушается, поскольку ни в других видах субъектов Федерации, ни «нетитульные» языки в самих республиках не имеют возможностей быть примененными в качестве официальных.

Нормативные акты о языках республик, входящих в состав Российской Федерации, являются отражением государственной политики соответствующих национально-государственных образований. Языковая политика «республиканского» масштаба оказывает воздействие на социально-экономические и социокультурные стороны жизни граждан. Например, Закон «О языках народов Республики Бурятия» [7] устанавливает ведение делопроизводства на предприятиях, в учреждениях и общественных организациях Республики Бурятия на государственном языке Российской Федерации. В Республиках Коми и Марий Эл требуется еще и применение соответствующих государственных языков этих республик. Во многих республиках не всегда учитывается тот факт, что состояние «второго» или «третьего» государственного языка зачастую не позволяет в полном объеме выполнять возлагаемую на него функцию, например в силу недостаточности четких письменных традиций, устоявшихся литературных норм, слабого развития функциональных стилей, неразработанности требуемой терминологии [8, с. 4].

Обозначенные проблемы несут в себе тревожные тенденции и создают потенциальные риски нарушения целостности единого федеративного Российского государства. Понижение статуса русского языка, фактическое нарушение языкового равноправия граждан в регионах сказываются на образовательном процессе, приводят к конфликтам.

В качестве примера уместно привести Татарстан, где в республиканском школьном образовании в 1990 г. было внедрено обязательное двуязычие. Первоначально это требование не воспринималось негативно, однако в дальнейшем количество часов на обучение русскому языку и русской литературе стали уменьшать, а количество часов, выделяемых для татарского языка, – увеличивать. В результате русские дети татарскому языку так и не научились, а грамотность в области русского языка в целом резко пошла вниз [9]. Равнодушие татарстанских чиновников к данной проблеме и их бездействие способствовали разжиганию конфликта, который вылился в альтернативные митинги, прошедшие в Казани 16 апреля 2011 г. под лозунгами в защиту как русского, так и татарского языка. Конфликт внешне принял форму этнолингвистического, но его причина – политическая.

Современная Россия является полиэтническим обществом и столетиями развивалась как многонациональное государство, в котором постоянно происходили процессы взаимопроникновения и смешения культур. Русский язык исторически выступает системообразующим фактором сохранения целостности Российской Федерации, необходимым элементом единообразия в области государственного управления, механизмом для реализации прав и обязанностей

населения России на федеральном и региональном уровнях. Он консолидирует общество, стимулирует развитие устойчивых политических, экономических и культурных связей внутри России.

На наш взгляд, овладение государственным языком Российской Федерации на должном уровне должно касаться не только российских граждан, но и мигрантов, желающих адаптироваться в России. Эту задачу сформулировал в своей предвыборной президентской программе В.В. Путин, подчеркнувший, что овладение русским языком – одно из важнейших условий повышения конкурентоспособности личности, расширения пространства ее жизненного успеха [10]. Председатель Правительства РФ актуализировал необходимость сдачи обязательного экзамена по русскому языку для приобретения или продления миграционного статуса, вывел проблему на уровень языкового планирования.

Следует признать, что за последние семь лет на федеральном уровне был предпринят ряд шагов в этой области, выраженных в действиях по поддержке, распространению и сохранению русского языка в Российском многонациональном государстве. В частности, внесены изменения в действующее законодательство [11], принято постановление Правительства РФ [12], утверждены федеральные целевые программы [13; 14].

Однако усовершенствованная законодательная база и достойные целевые программы, к сожалению, на практике не гарантируют защиту государственного языка от негативных воздействий в масштабах как всей страны, так и отдельных ее регионов, не решает имеющихся острых проблем. Так, нововведения, вызванные реформированием словарного состава русского языка, породили бурные дискуссии. Особенно негативная реакция отмечается у высокообразованной части населения России. Повсеместной тенденцией является засорение англицизмами – терминами и оборотами, не свойственными русской словесности. Как никогда, заметным стало тиражируемое средствами массовой информации употребление жаргонизмов в речи политиков, журналистов, иных публичных персон. Эксперты выражают свои опасения: «В стране царит состояние вседозволенности в обращении с языком... [что] чревато в недалеком будущем примитивностью языка со всеми вытекающими отсюда последствиями» [15]. В «национальных» регионах отмечается тенденция к сокращению русскоязычного информационного, образовательного и культурного пространства.

В целом языковая политика современного Российского государства еще не достаточно четко продумана, что особенно заметно в области языкового планирования. Кроме того, следует признать недостаточной развитость научной базы, предназначенной для осмысления указанных феноменов. По нашему мнению, представляется весьма перспективным рассмотрение обозначенной проблемы как процесса обмена деятельностью и социально-волевыми установками между акторами по специфическим поводам, порождаемым явлениями «языка в политике» и «политики в языке» [16, с. 11]. Не менее интересными и отличающимися новизной видятся перспективы исследования задач и принципов, определяющих идеологию поднятия статуса русского языка,

которые обозначены в Концепции празднования Дня русского языка в Российской Федерации [17].

Языковая политика и языковое планирование в многоэтничном государстве выполняют роль значимого инструмента сохранения и вместе с тем развития страны. Пренебрежение этим инструментом представляется весьма опасным, а его эффективное применение создает дополнительный запас прочности, особенно значимый в период проведения модернизационных преобразований.

Библиографический список

1. Федюнина С.М. Языковая политика в контексте мультикультурализма // Психолингвистические аспекты языкового анализа текста: сб. науч. трудов по мат-лам Всерос. науч. конф. Саратов, 2009. С. 197–202.
2. Fishman J.A. Who Speaks What Language to Whom and When // The Bilingual Reader. L.; N.Y., 2000. P. 89–106.
3. Кузнецов С.Н. Модели языковой политики в русскоязычном сообществе // Русский язык: исторические судьбы и современность: тез. I Междунар. конгресса исследователей русского языка. М., 2001. URL: www.russian.slavica.org/article4962.html
4. Бенедиктов Н.А., Бердашневич А.П. О правовых основах государственной языковой политики // Мир русского слова. 2003. № 2. С. 9–19.
5. Нерознак В.П. Языковая реформа (1990–1995) // Вестник РАН. 1996. Т. 66, № 1. С. 3–6.
6. О языках народов Российской Федерации: Закон РФ от 25 окт. 1991 г. № 1807-1 (с послед. изм. и доп.) // Ведомости СНД РСФСР и ВС РСФСР. 1991. № 50. Ст. 1740.
7. О языках народов Республики Бурятия: Закон Республики Бурятия от 10 июня 1992 г. № 221-ХП (с послед. изм. и доп.) // Ведомости Верховного Совета Республики Бурятия. 1993. № 5.
8. Ляшенко Н.В. Русский язык как государственный язык Российской Федерации: конституционно-правовой анализ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004.
9. Сулейманов Р. Этнолингвистический конфликт в Татарстане: борьба за русский язык // Агентство политических новостей (АПН). 2012. 18 апр. URL: www.apn.ru/publications/article26389.htm
10. Путин В.В. Россия: национальный вопрос. URL: www.ng.ru/politics/2012-01-23/1_national.html
11. О государственном языке Российской Федерации: Федер. закон от 1 июня 2005 г. № 53-ФЗ // Рос. газ. 2005. 7 июня.
12. О порядке утверждения норм современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации, правил русской орфографии и пунктуации: постановление Правительства РФ от 23 нояб. 2006 г. № 714 // СЗ РФ. 2006. № 48. Ст. 5042.
13. О Федеральной целевой программе «Русский язык (2006–2010 годы)»: постановление Правительства РФ от 29 дек. 2005 г. № 833 (с послед. изм. и доп.) // СЗ РФ. 2006. № 2. Ст. 200.
14. О Федеральной целевой программе «Русский язык» на 2011–2015 годы: постановление Правительства РФ от 20 июня 2011 г. № 492 // СЗ РФ. 2011. № 26. Ст. 3815.
15. Кузнецова А.И. Проблема престижности русского литературного языка в современной России: два аспекта // Русская социолингвистика. 2001. URL: www.okkazionalizmu.ru
16. Калинина Е.Н. Государственная языковая политика Российской Федерации: технологии реализации в условиях этнокультурного разнообразия: автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2006.
17. Концепция празднования Дня русского языка в Российской Федерации. URL: www.ropryal.ru/wp-content/uploads/2012/03/konceptsiya_drya.doc

I.N.Tarasov

The Dynamics of Institutional Development of Anti-Corruption Policy in the Regions of the Volga Federal District

Stages of forming regional anti-corruption policy are defined. Models of anti-corruption policy development by the example of Tatarstan, Samara, and Saratov regions are shown.

Key words and word-combinations: anti-corruption policy, anti-corruption legislation, the Volga Federal District.

Определяются этапы формирования региональной антикоррупционной политики. Показаны модели развития антикоррупционной политики на примере Татарстана, Самарской и Саратовской областей.

Ключевые слова и словосочетания: антикоррупционная политика, антикоррупционное законодательство, Приволжский федеральный округ.

УДК 354(470.44)

ББК 66.3(0),123(235.54)

И.Н. Тарасов

ДИНАМИКА ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ АНТИКОРРУПЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ В РЕГИОНАХ ПРИВОЛЖСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА

Одной из важнейших проблем в современной России является коррупция. Пристальное общественное внимание к ней обусловлено сознанием того, что коррупция теснейшим образом связана с неэффективностью политической системы, государственного управления, несовершенством правоотношений, деформацией общественной морали. Коррупция препятствует реализации общественных интересов, свобод граждан, причиняет ущерб сотрудничеству с другими государствами, социальной и инвестиционной политике. Она подрывает основной ресурс власти – доверие со стороны населения, без чего власть не может проводить какую-либо полноценную политику.

Сегодня некоторые органы власти приобрели характер корпоративной структуры, которая не организует работу института политической системы, а использует ресурсы государства в своих корыстных интересах. Ситуация с коррупцией в России не может считаться благополучной, а проблема институционализации противодействия коррупции чрезвычайно важна и актуальна. Она диктует необходимость постоянного и всеобъемлющего взаимодействия всех заинтересованных сторон в вопросах противодействия коррупции на региональном, федеральном и международном уровнях.

На общегосударственном уровне Федераль-

ный закон «О противодействии коррупции» [1] был принят в декабре 2008 г., однако до сих пор в нашей стране фактически отсутствует система общественного контроля как за соблюдением законодательства, так и за деятельностью органов власти любого уровня. Организации общественного сектора почти полностью отстранены от практического участия в реализации административной политики.

Вместе с тем в ряде субъектов РФ, входящих в состав Приволжского федерального округа, еще до принятия указанного Федерального закона была предпринята относительно успешная попытка проектирования деятельности по противодействию коррупции на региональном уровне. Первые нормативно-институциональные комплексы, являющиеся базой региональной антикоррупционной политики, начали формироваться в 1990-х годах. Отметим, что антикоррупционные проекты конца XX в. не носили целостного характера и часто принимали формы скоротечных пиар-кампаний. Так, волгоградское законодательство было отменено судом, действие башкирского приостановлено прокуратурой и лишь татарстанское продолжает действовать.

Ситуация стала изменяться в начале 2000-х годов. Сегодня в Самарской области достаточно активно действует Координационный совет «Партнерство в борьбе с коррупцией», в Нижнем Новгороде создана Комиссия по борьбе с коррупцией при администрации губернатора области, активно работает Фонд поддержки антикоррупционных инициатив. В 2006 г. принят Закон «О противодействии коррупции в Саратовской области» [2].

Наша исследовательская задача состоит в том, чтобы установить этапы формирования региональной антикоррупционной политики в субъектах Федерации, входящих в состав Приволжского федерального округа (ПФО), и определить возможные направления развития данного процесса в сравнительной перспективе. В качестве базовых примеров для сравнения отобраны случаи Республики Татарстан, Самарской и Саратовской областей, поскольку именно в этих регионах ПФО формирование антикоррупционной политики происходит на сегодняшний день наиболее интенсивно и представляет характерные для других регионов особенности.

Раньше всего (в пределах ПФО) вопросами комплексной антикоррупционной политики занялись в Самарской области. Еще в октябре 2001 г. по инициативе губернатора К.А. Титова началась реализация программы «Партнерство по противодействию коррупции». Был создан Координационный совет, в который вошли представители органов власти, негосударственных некоммерческих организаций, объединений предпринимателей, средств массовой информации. Большие усилия были направлены на информирование и активизацию простых граждан в противодействии коррупции, на правовое просвещение населения.

В 2004 г. Саратовская область сделала первый шаг к разработке собственного антикоррупционного законодательства. В прокуратуре области была создана рабочая группа по противодействию коррупции, которая предложила соответствующий законопроект. К его разработке привлекались ученые Саратовского центра по исследованию проблем организованной преступности и коррупции при Саратовской государственной академии права, специалисты торгово-промышленной палаты области.

В 2005 г. Татарстан стал первым субъектом РФ, в котором была разработана республиканская Стратегия антикоррупционной политики, а в 2006 г. принят целый ряд антикоррупционных законодательных актов [3]. Основными целями и задачами утвержденной республиканской Стратегии стали повышение эффективности взаимодействия органов государственной власти и общества в сфере государственного управления; снижение уровня коррупции и обеспечение защиты прав и законных интересов граждан, общества и государства от угроз, связанных с коррупцией. Во исполнение Стратегии министерством юстиции республики разработан проект Кодекса этики и служебного поведения государственных гражданских служащих Республики Татарстан, который прошел правовую экспертизу и был утвержден Указом Президента Республики Татарстан в марте 2011 г.

Татарстанское законодательство в качестве одной из действенных мер предполагало формирование межрегиональных антикоррупционных коалиций. В ходе состоявшейся в ноябре 2006 г. в Казани научно-практической конференции «О проблемах борьбы с коррупцией» было принято решение об учреждении Фонда «Антикоррупция» [4]. Основные направления деятельности фонда: оптимизация правоохранительной и судебной практик, выявление и пресечение коррупционной деятельности.

Таким образом, существующая антикоррупционная политика Республики Татарстан явилась результатом стремительного и последовательного развития антикоррупционного законодательства, инициированного исключительно властными структурами. Татарстанское антикоррупционное законодательство послужило образцом при создании Закона Саратовской области «О противодействии коррупции в Саратовской области» [2].

Закон «О противодействии коррупции в Саратовской области» определял круг актов (проектов), которые в обязательном порядке должны пройти антикоррупционную экспертизу. В соответствии с данным нормативно-правовым актом в феврале 2007 г. был создан отдел по противодействию коррупции при Правительстве области. Его функциями стали: «разработка программных мероприятий по реализации антикоррупционной политики области; организация и проведение антикоррупционного мониторинга в области; организация и проведение антикоррупционной экспертизы проектов правовых актов области, в том числе законов области, а также действующих правовых актов области; работа с обращениями граждан, должностных и юридических лиц, содержащими сведения о коррупционной деятельности субъектов коррупционных правонарушений; подготовка ежегодного отчета о состоянии коррупции и реализации мер антикоррупционной политики в области и представление его губернатору области и в областную Думу; изучение практики успешно реализованных антикоррупционных программ в регионах Российской Федерации и зарубежных странах» [2, ст. 10].

В феврале 2007 г. в торгово-промышленной палате Саратовской области создан экспертный совет для проведения экспертиз нормативно-правовых актов на коррупциогенность. Целями совета являются анализ причин и условий, порождающих коррупцию, и подготовка экспертных заключений по тем или

иным нормативно-правовым актам или их проектам. Для участия в работе совета могут привлекаться независимые эксперты – социологи, юристы, специалисты той отрасли деятельности, которой посвящена каждая конкретная экспертиза.

Высший исполнительный и законодательный органы государственной власти Саратовской области предприняли собственные шаги, направленные на профилактику коррупции. Так, в декабре 2009 г. принято постановление Правительства области «О порядке проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов области и проектов нормативных правовых актов области» [5], а в июле 2010 г. – постановление Саратовской областной Думы «О порядке проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов области и проектов нормативных правовых актов области» [6].

Таким образом, хотя инициатива в разработке нормативной базы и принадлежала региональным властным структурам, но в Саратовской области институты гражданского общества активно включились в разработку и реализацию антикоррупционной политики.

Несколько иначе формировалась антикоррупционная политика Самарской области. Здесь акцент был сделан на тесном взаимодействии органов власти, представителей бизнеса и общества, причем многие инициативы исходили не от властных органов.

Имеется ряд показательных примеров антикоррупционной гражданской активности в регионе. В 2005 г. при Самарской губернской Думе был создан Общественный совет, в состав которого вошли 207 негосударственных некоммерческих организаций. Совет содействовал разработке и принятию в 2006 г. Положения о двухуровневой общественной экспертизе регионального законодательства на коррупциогенность. Помимо Совета при Самарской губернской Думе была организована Школа общественных экспертов. 14 декабря 2006 г. в Самаре состоялась областная конференция «Программа противодействия коррупции в Самарской области, 2001–2006 годы. Итоги, Проблемы, Перспективы», на которой были подведены итоги пяти лет реализации программы «Партнерство по противодействию коррупции в Самарской области» [7].

Гражданская активность сказалась на результатах опросов общественного мнения в Самарской области. Респонденты отмечали увеличение случаев вымогательства и взяток представителями органов власти с 17% в 1997 г. до 27% в 2006 г.; 64% респондентов в 2002 г. и в 2005 г. считали, что все или почти все представители власти коррумпированы. В 1998 г. 86% респондентов и 81% в 2006 г. полагали, что уровень коррупции повысился или остался без изменения; 61% респондентов в 1999 г. и 67% в 2006 г. считали, что коррупцию в России искоренить невозможно [8]. В результате пятилетней антикоррупционной работы общественных структур граждане стали занимать более активную позицию в антикоррупционных процессах.

Результаты пятилетней реализации программы «Партнерство по противодействию коррупции в Самарской области» были положены в основу антикоррупционного законодательства, которое в Самарской области стало разрабатываться позже, чем в других регионах ПФО. Итогом антикоррупционной деятельности законодателей, правоохранителей и общественников стал Закон «О противодействии коррупции в Самарской области» [9], принятый в марте

2009 г. Примечательно, что к маю 2012 г. в самарской закон было внесено лишь 4 поправки, связанные с развитием федерального законодательства.

В прочих регионах ПФО формирование антикоррупционной политики происходит менее интенсивно.

При сравнительном анализе юридических документов необходимо учитывать динамику процесса формирования нормативной базы антикоррупционной политики в регионах Приволжья. «Ранний старт» не всегда обеспечивает принятие эффективных решений, хотя и определяет некоторое тактическое преимущество, выражающееся в возможности более развернутого позиционирования гражданских и властных институтов, ориентированных на борьбу с коррупцией.

Региональные законы о противодействии коррупции уже приняты во всех субъектах федерального округа. В ряде регионов ПФО развивается процесс институционализации антикоррупционной политики. В частности, в Татарстане, Удмуртии, Чувашии, Пензенской, Саратовской, Самарской, Ульяновской областях и других субъектах образованы и начали работать специализированные органы, осуществляющие мониторинговые и аудиторские функции в рамках региональных программ (стратегий) противодействия коррупции.

Отдельные регионы находятся лишь в начале пути формирования собственной антикоррупционной политики. Так, в Оренбургской области распоряжением губернатора создана рабочая группа для разработки областной целевой программы по противодействию коррупции.

Примеры Башкортостана и Нижегородской области представляют собой особые случаи. В этих регионах антикоррупционная политика разрабатывается чрезвычайно медленно. Хотя в этот процесс вовлечено гражданское общество и законодательная база противодействия коррупции формируется в условиях диалога, все же антикоррупционная политика рассматривается как сфера административных и даже технических решений. Экспертная деятельность в этих субъектах РФ также существенно запаздывает в своем развитии по сравнению с иными регионами ПФО, хотя соответствующее законодательство принято. Нижегородский закон о противодействии коррупции [10] был принят в марте 2008 г. и уже через год потребовал существенной новеллизации. Принятый в июле 2009 г. Закон «О противодействии коррупции в Республике Башкортостан» [11] определил организационные основы противодействия коррупции, установил полномочия республиканских государственных органов и должностных лиц в этой сфере.

Таким образом, можно выделить несколько этапов формирования региональной антикоррупционной политики:

- принятие политического решения (как правило, органами исполнительной власти) о необходимости формирования антикоррупционной политики;
- выбор разработчика общей концепции. Опыт показывает, что таким разработчиком могут выступать не только властные структуры (прокуратура, например), но и отечественные и зарубежные научно-исследовательские институты, неправительственные организации, а также предпринимательские сообщества;
- разработка общей концепции антикоррупционной политики и регионального закона о противодействии коррупции;

- общественное обсуждение, экспертиза и принятие закона о противодействии коррупции;
- учреждение специального уполномоченного органа, как правило не являющегося полностью независимым и входящего в структуру правоохранительных, надзорных или исполнительных органов власти;
- разработка специальным уполномоченным органом совместно с институтами гражданского общества среднесрочной (на 4–5 лет) программы противодействия коррупции, как правило, в статусе региональной целевой программы;
- принятие и финансовое обеспечение реализации антикоррупционной программы (стратегии);
- разработка и внедрение ведомственных и отраслевых программ по противодействию коррупции, институциональных регламентов;
- мониторинг исполнения антикоррупционного законодательства и реализации мероприятий, предусмотренных соответствующей региональной программой;
- новеллизация регионального законодательства и модернизация антикоррупционной программы.

Определяя дальнейшие перспективы развития антикоррупционной политики в субъектах ПФО, необходимо оговориться, что собственно «региональная специфика» все более теряет свое значение в связи с принятием основополагающего Федерального закона. Тем не менее, унификация регионального законодательства имеет свои пределы, поскольку сам Федеральный закон носит рамочный характер и во многом учитывает различающуюся динамику институционализации антикоррупционной политики в отдельных регионах. Этот процесс неизбежно будет сопровождаться противоречиями и, возможно, даже конфликтами по поводу компетенций и полномочий федеральных и региональных уполномоченных органов, трактовки (расширительной или сужающей) положений федерального законодательства в сравнении с действовавшим до того региональным законодательством.

Библиографический список

1. О противодействии коррупции: Федер. закон от 25 дек. 2008 г. № 273-ФЗ (в ред. от 21 нояб. 2011 г.) // СЗ РФ. 2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6228; 2011. № 48. Ст. 6730.
2. О противодействии коррупции в Саратовской области: Закон Саратовской области от 29 дек. 2006 г. № 155-ЗСО // Сар. обл. газ. 2007. 23 янв.
3. Ведомости Государственного Совета Татарстана. 2006. № 5.
4. Александр Коновалов принял участие в научно-практической конференции «О проблемах борьбы с коррупцией». URL: <http://www.pfo.ru/?id=10296>
5. О порядке проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов области и проектов нормативных правовых актов области: постановление Правительства Саратовской области от 3 дек. 2009 г. № 601-п // Собрание законодательства Саратовской области. 2009. № 30.
6. О порядке проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов Саратовской области и проектов нормативных правовых актов Саратовской области в Саратовской областной Думе: постановление Саратовской областной Думы от 21 июля 2010 г. № 34-1682 // Неделя области. 2010. 29 июля.
7. Конференция «Программа противодействия коррупции в Самарской области, 2001–2006 годы. Итоги, Проблемы, Перспективы». URL: <http://www.stopcor.ru/resolution2.doc>

8. Современное состояние и динамика развития некоммерческого сектора Самарской области / И. Козина, Е. Репринцева, И. Тартаковская [и др.]. Самара, 1998.

9. О противодействии коррупции в Самарской области: Закон Самарской области от 10 марта 2009 г. № 23-ГД // Волжская коммуна. 2009. 12 марта.

10. О противодействии коррупции в Нижегородской области: Закон Нижегородской области от 7 марта 2008 г. № 20-З // Нижегородские новости. 2008. 20 марта.

11. О противодействии коррупции в Республике Башкортостан: Закон Республики Башкортостан от 13 июля 2009 г. № 145-з // Ведомости Государственного Собрания – Курултая, Президента и Правительства Республики Башкортостан. 2009. № 17(311). Ст. 1087.

N.S. Rutkovskaya

Features of the Russian Model of Fiscal Federalism and the Main Results of Its Implementation in the Republic of Mordovia in 2000–2011

The article deals with the process of formation of the Russian model of fiscal federalism in 2000–2011. Their main characteristics are analyzed. The implementation of the principles of this model is investigated by the example of the budget development of a subsidized region – the Republic of Mordovia.

Key words and word-combinations: budgeting, fiscal federalism, intergovernmental fiscal relations, revenue and expenditure powers.

Рассматривается процесс оформления российской модели бюджетного федерализма в 2000–2011 гг. и анализируются его основные характеристики. Реализация принципов этой модели исследуется на примере бюджетного развития дотационного региона – Республики Мордовия.

Ключевые слова и словосочетания: бюджетный процесс, бюджетный федерализм, межбюджетные отношения, доходные и расходные полномочия.

УДК 351(470.345)
ББК 67.401.14(2Рос.Мор)

Н.С. Рутковская

**ОСОБЕННОСТИ
РОССИЙСКОЙ МОДЕЛИ
БЮДЖЕТНОГО
ФЕДЕРАЛИЗМА
И ОСНОВНЫЕ
РЕЗУЛЬТАТЫ
ЕЕ РЕАЛИЗАЦИИ
В РЕСПУБЛИКЕ МОРДОВИЯ
В 2000–2011 ГОДАХ***

В федеративном государстве организация, осуществление и распределение власти между центром и регионами строится на принципах федерализма. Ключевым инструментом их реализации как с социально-экономической, так и с политической точки зрения является бюджетный процесс, который, в свою очередь, базируется на принципах бюджетного федерализма.

* Работа выполнена в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы. Проект 14.740.11.0239 «Динамика центрально-периферийной конфигурации современной России и политические механизмы оптимизации территориального управления».

Начавшееся в 2000 г. реформирование федеративных отношений в России не могло не затронуть межбюджетных (Федерации и ее субъектов) отношений. Оно стало стратегическим направлением в деятельности Правительства РФ. По инициативе центра было изменено бюджетное законодательство и нормы, регламентирующие финансовую поддержку регионов, пересмотрены пропорции распределения налоговых поступлений между бюджетами различного уровня. В итоге одновременно с усилением контрольных полномочий центра повысился уровень ответственности субъектов Федерации за использование предоставляемых им бюджетных средств.

Процесс реформирования межбюджетных отношений в 2000-х годах предполагал реформу не только бюджетной, но и налоговой системы, что было обусловлено изменением характера взаимоотношений между федеральной властью и российскими регионами.

Реформирование межбюджетных отношений основывалось на развитой нормативной базе. Так, на протяжении всего десятилетия в Бюджетный [1] и Налоговый [2] кодексы РФ вносились многочисленные поправки. В 1998 г. Правительством РФ была принята первая Концепция реформирования межбюджетных отношений [3], действовавшая до 2001 г. Среди наиболее значимых решений, касающихся развития межбюджетных отношений, стала принятая Правительством РФ Программа развития бюджетного федерализма в Российской Федерации на период до 2005 г. [4]. В период 2006–2008 гг. совершенствование межбюджетных отношений проходило в рамках реализации Концепции повышения эффективности межбюджетных отношений и качества управления государственными и муниципальными финансами в Российской Федерации [5]. Экономический кризис 2008 г. потребовал принятия еще одного программного документа – Концепции межбюджетных отношений и организации бюджетного процесса в субъектах Российской Федерации и муниципальных образованиях до 2013 г. [6]. Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [7] регламентировал межбюджетные отношения уже на уровне регионов. Его реализация потребовала настолько серьезных подготовительных мероприятий, что до 2008 г. устанавливался, а затем был пролонгирован переходный период, с тем чтобы местные органы самоуправления могли постепенно начинать работу на новых принципах.

Принятие перечисленных документов по существу способствовало формированию российской модели бюджетного федерализма, увязывающей в единую систему взаимоотношения бюджетов различных уровней и видов (государственных и муниципальных). Эффективность принятых мер зависела как от характеристик этой модели, так и от экономического потенциала регионов России, для которых свойствен значительный разрыв в уровне доходов.

Концепция реформы межбюджетных отношений была ориентирована на осуществление четкого разграничения бюджетных и налоговых полномочий и ответственности между федеральными, региональными и местными органами власти. Предполагалось начать поэтапную децентрализацию бюджетной системы в соответствии с закреплением за каждым ее уровнем самостоятельных

доходных источников. Одновременно с этим планировалось постепенное усиление роли федерального бюджета в процессе перераспределения финансовых средств между субъектами Федерации через различные формализованные каналы финансовой помощи.

Преобразования были нацелены на сглаживание резких территориальных различий в реальной бюджетной обеспеченности, нарастание которых в предшествующие годы привело к обострению многих социально-экономических проблем. Дополнительные сложности в процессе преобразований создавало стремление федерального Правительства к первоочередному погашению внешнего долга, пик выплат по которому приходился на 2003 г.

В процессе реализации мероприятий реформы вводились требования, законодательно ограничивавшие предоставление финансовых средств регионам жесткими условиями. Кроме того, предусматривались санкции за нарушение бюджетной и налоговой дисциплины. Правительство РФ получило право приостанавливать и уменьшать финансирование федеральных программ, размеры кредитов и бюджетных ссуд, прекращать выдачу лицензий и квот на экспорт, приостанавливать поставку продукции из госресурсов.

Делая анализ формирующейся модели бюджетного федерализма, следует отчетливо представлять намечавшиеся при этом цели, поскольку именно они определяют изначальную направленность всего бюджетного процесса. Если на уровне программных документов закладывались такие цели, как выравнивание территориального развития, решение задач общегосударственного характера и создание стимулов для развития территорий, то в процессе осуществления преобразований среди приоритетов оказались развитие отдельных регионов, а также создание дополнительного центростремительного экономического тяготения. Эти приоритеты способствовали изменению децентрализационного вектора бюджетирования на противоположный. В этих условиях задача сближения расходных и доходных полномочий субъектов РФ ложилась практически целиком на плечи федерального центра.

Согласно Бюджетному кодексу (гл. 16) доходные поступления в местные бюджеты зависят от перечислений бюджетов других уровней. Дотации и субвенции муниципальным образованиям предоставляются из федеральных, региональных и местных фондов: Федерального фонда поддержки регионов (ст. 131), Федерального фонда регионального развития (ст. 132), Федерального фонда компенсаций (ст. 133), регионального фонда финансовой поддержки поселений (ст. 137), регионального фонда финансовой поддержки муниципальных районов (городских округов) (ст. 138) и других.

Это положение сохранилось и после принятия Программы развития бюджетного федерализма в Российской Федерации на период до 2005 г. Средства, идущие на финансовую поддержку регионов, были перераспределены по пяти фондам: финансовой поддержки субъектов Российской Федерации, компенсаций, софинансирования социальных расходов, реформирования региональных финансов, регионального развития. Объем финансирования по первым трем фондам был посчитан по утвержденным формулам, четвертый же формировался на основе конкурса инвестиционных проектов. Большая часть финансовой по-

мощи федерального правительства (до 65%) была сосредоточена в Федеральном фонде финансовой поддержки субъектов РФ. До 80% средств финансовой поддержки субъектам Федерации направлялись на выравнивание, остальные – на компенсации и стимулирование.

Следует подчеркнуть системность предоставления помощи, позволившую достигнуть высокого уровня прозрачности и предсказуемости межбюджетных отношений. Более 95% объема межбюджетных трансфертов из федерального бюджета стало распределяться на основе единых методик, исходя из показателей, адекватно, по мнению центра, отражающих факторы, определявшие потребность в финансировании. В целях активизации деятельности по финансовому оздоровлению, содействия реформированию бюджетной сферы и бюджетного процесса, стимулирования экономических реформ в субъектах РФ и муниципальных образованиях были предусмотрены субсидии на реформирование региональных и муниципальных финансов, предоставляемые на конкурсной основе бюджетам субъектов РФ и местным бюджетам. Проект бюджета на 2005 г. впервые был сверстан на основе законодательного разграничения финансово-бюджетных полномочий между всеми уровнями бюджетной вертикали.

Реализованные меры позволили значительно повысить уровень централизации финансов. По оценке аналитиков Аппарата Совета Федерации, доля федерального бюджета в доходах консолидированного бюджета увеличилась с 44% в 1999 г. до 66,2% в 2007 г. [8, с. 8]. В построенной бюджетной вертикали полномочия и ответственность перекладывались на нижние, а реальные доходные полномочия направлялись на верхние этажи власти. Доходы регионов изымались в пользу федерального бюджета, чтобы потом возвратиться регионам в качестве субвенций. Показательны объемы перераспределения средств между федеральным и региональным уровнем: если в 1999 г. безвозмездные перечисления регионам составили 9% расходов федерального бюджета, то в 2001 г. – более 18%, а в 2005 г. – около трети [8, с. 9–10].

Проводимая бюджетная политика обусловила резкий рост объемов региональных бюджетов, который объяснялся не увеличением реальных доходов, а передачей на региональный уровень обширных расходных полномочий, которые ранее финансировались федеральным бюджетом. В 2003–2005 гг. доходы консолидированных бюджетов субъектов РФ с учетом финансовой помощи из федерального бюджета на душу населения выросли на 57% [9].

В процессе реформирования бюджетной сферы федеральный центр не только не осуществил перераспределение налоговых полномочий в пользу регионов, но, напротив, консолидировал налоговые поступления в своих руках. Тем самым ограничивалась экономическая самостоятельность регионов и муниципальных образований, доходы которых не зависели от темпов экономического роста. Между объемом бюджетных расходных обязательств и доходными источниками, закрепленными за субъектами Федерации, возникли серьезные диспропорции. По оценке Счетной палаты РФ, за период 2003–2005 гг. и в 2006 г. общая сумма выпадающих доходов в связи с изменениями бюджетного и налогового законодательства по данным, представленным исполнительными

органами субъектов РФ, составляет 595,4 млрд рублей, а сумма дополнительных доходов – 52,9 млрд рублей [9]. Недостающие суммы регионы должны были финансировать не доходами от собственной экономической деятельности, а межбюджетными трансфертами.

Наполнение региональных бюджетов зависит не только от исполнения налоговых обязательств и получения межбюджетных трансфертов. Федеральным центром предусматриваются дотации и субвенции, предоставляемые субъектам РФ на финансирование социально значимых расходов, а также на реализацию национальных проектов. Федеральным бюджетом предусматривается финансирование целого ряда федеральных целевых программ, участие в которых позволяет регионам привлечь значительные бюджетные средства. Федеральные средства направляются на строительство и модернизацию дорог, поддержку сельского хозяйства, составляют дотации и субвенции бюджетам ЗАТО.

По мнению федерального центра, субъекты Федерации, а также муниципальные образования должны наращивать свои доходы, участвуя в реализации иницилируемых центром крупномасштабных инвестиционных проектов, в том числе создания особых экономических зон. Такая политика ориентирует регионы на укрепление сотрудничества с федеральным центром при осуществлении национальных проектов, федеральных целевых программ, экономических проектов, а также на участие в различного рода конкурсных отборах, осуществляемых Москвой. Общий объем предоставляемых субвенций законодательно не ограничивается, что позволяет отдельным субъектам РФ привлекать обширные бюджетные средства.

В итоге произведенных преобразований в Российском федеративном государстве сложилась централизованная модель бюджетирования. Рассмотрим степень эффективности этой системы на примере Республики Мордовия.

Республика является дотационным регионом, промышленный потенциал которого возник в 1950–1980-е годы. В ходе кризиса 1990-х годов экономическая модель, построенная на инвестициях союзного бюджета, прекратила существование. Руководству республики пришлось изыскивать источники наполнения, что заставило уже в 1997 г. перейти к реформированию межбюджетных отношений. В последнее десятилетие бюджет Республики Мордовия отражает все преобразования, которые проводятся федеральным центром.

Динамика объема бюджета Мордовии демонстрирует тенденцию резкого роста его доходов, что является прямым следствием реформирования бюджетной системы Российской Федерации. В частности, планируемые доходы республиканского бюджета выросли с 2 млрд рублей в 2000 г. [10] до 19 млрд в 2011 г. [11]. Свидетельством того, что данная тенденция не является прерогативой только лишь Республики Мордовия, являются, к примеру, аналогичные показатели Чувашской Республики и Пензенской области. Бюджет Пензенской области за аналогичный период увеличился с 1,5 млрд [12] до 29 млрд рублей [13], а бюджет Чувашии – с 1,9 млрд [14] до 22 млрд рублей [15]. Резкое увеличение региональных бюджетов отражает курс федерального центра на разграничение доходных и бюджетных полномочий.

Динамика увеличения объемов бюджета Мордовии за последнее десятиле-

тие характеризуется следующими цифрами: в 2000 г. они составили 2 млрд, в 2001 – 3,5 млрд, в 2002 – 4,8, в 2003 – 5, в 2004 – 5,7, в 2005 – 7,5, в 2006 – 9,2, в 2007 – 12,98, в 2008 – 15, в 2009 – 19,5, в 2010 – 15, в 2011 – 19 млрд рублей. Из приведенных данных видно, что в период с 2000 по 2004 г. рост планируемых доходов бюджета шел незначительными темпами, ускорение наблюдается с 2005 г., когда федеральным центром было осуществлено законодательное разграничение расходных полномочий. Рост планируемых объемов бюджета не прекратился и в период финансового кризиса. Если в 2007 докризисном году объем бюджета республики составлял 12 млрд рублей [16], то к 2011 г. он вырос до 19 млрд рублей [11], даже несмотря на то, что в 2010 г. имело место снижение объемов бюджета. В целом планируемые доходы бюджета республики за десятилетие выросли почти в 10 раз.

В последние годы региональными законодателями вслед за федеральным центром стало практиковаться планирование расходов бюджета на три года вперед, что позволяет оценить намерения, тенденцию и достигнутые результаты. В частности, в 2010 г. объемы бюджета значительно разошлись с прогнозными показателями. В 2009 г. предполагались расходы бюджета на 2010 г. в размере 18,9 млрд рублей [17], что в итоге было скорректировано в сторону уменьшения до 14,9 млрд рублей [18].

Прогнозные показатели на 2011 г. также подвергались корректировкам. По предварительному прогнозу 2009 г. объем бюджета должен был составить 18,9 млрд [17], по прогнозу 2010 г. он резко уменьшился до 11 млрд рублей [18], а итоговая цифра, собственно и заложенная в Законе о бюджете 2011 г., составила 19,3 млрд рублей [11].

Бюджет Республики Мордовии за исследуемые десять лет преимущественно являлся дефицитным. Исключениями являются 2001, 2003, 2004 г., когда бюджет исполнялся с профицитом. Особенно сильным дефицит республиканского бюджета был в 2010 г. По его итогам разница между доходами и расходами в пользу последних составила почти 7 млрд рублей [19].

Представляют интерес показатели доходов республиканского бюджета. Цифры доходов бюджета демонстрируют существенные различия между планируемыми и исполненными показателями. Если в 2000–2003 гг. эти показатели различались незначительно, то в 2003 г. расхождение между ними стали расти. Если по плану 2003 г. доходы составляли 5 млрд [20], то по исполнению – 9,8 млрд рублей [21]. В 2004 г. разница была еще более существенной: планировались доходы в объеме 5,7 млрд [22], а были исполнены в объеме 17,2 млрд рублей [23]. Тем самым по исполнению цифры бюджета имеют растущую динамику. Исключением не является и 2010 г., когда вместо планируемых 15 млрд доходы составили 26,9 млрд рублей [24], существенно перекрыв показатели исполненного бюджета за 2009 г., составлявших 24,8 млрд рублей [17], вместо 19,5 млрд планируемых [25]. Имеющиеся расхождения обусловлены описанной спецификой выстраивания в России межбюджетных отношений, в силу которых доходы субъектов Федерации уходят в федеральный центр, а оттуда возвращаются на места не только в виде межбюджетных трансфертов, но и в качестве финансирования национальных проектов, федеральных целевых программ, конкурсных инвестиционных проектов и т.п.

Исключительно высокая активность Республики Мордовия, проявленная региональными властями при привлечении в республику финансовых потоков позволила региону радикально увеличить доходы бюджета. В Послании Главы Республики Мордовия Н.И. Меркушкина за 2010 г. в части, касающейся совершенствования муниципального управления, прописано, в частности, следующее: «Со значительным увеличением числа федеральных программ задачей задач для всех республиканских министерств, ведомств является обязательное участие республики в них. С учетом тех сумм, которые выделяются по этим программам, в решающей степени будут зависеть перспективы республики» [26].

Описанные тенденции в развитии бюджетной системы, равно как и характеристики российской модели бюджетного федерализма, обусловили определенные оценки, появляющиеся в научной литературе. «Из едва сформировавшихся и неокрепших субъектов федеративных (договорных) отношений регионы стали возвращаться в прежнее положение объектов унитарного (субординационного) управления со стороны центральной власти, которая все более укрепляется в роли «вершителя судеб» территорий, ведающего ключевыми вопросами их жизнедеятельности, — от назначения губернаторов и утверждения стратегий развития до наполнения бюджетов и притока инвестиций» [27, с. 6]. По мнению значительной части исследователей и политиков, степень централизации бюджетных потоков в России неоправданно высока, что заставляет аналитиков уклоняться от использования термина «бюджетный федерализм», отдавая предпочтение более нейтральному термину «бюджетные отношения».

Таким образом, в России формируется модель бюджетного федерализма, предполагающая, во-первых, высокую степень консолидированности бюджетных средств в федеральном бюджете, во-вторых, уменьшение самостоятельности и независимости от центра как регионов, так и муниципальных образований, в-третьих, постановку интенсивности поступления бюджетных потоков из центра на места в зависимости от степени активности региональных властей в их взаимодействии с центром. Эта модель в процессе ее реализации в условиях дотационного региона, каковым является Республика Мордовия, позволила республике на фоне общего увеличения объемов бюджета в течение всего десятилетия обеспечивать привлечение бюджетных потоков, существенно превышающих цифры, первоначально планируемые региональными законодателями.

Библиографический список

1. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31 июля 1998 г. № 145-ФЗ // СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3823.
2. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ // СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3824.
3. О концепции реформирования межбюджетных отношений в Российской Федерации в 1999–2001 годах: постановление Правительства РФ от 30 июля 1998 г. № 862 // СЗ РФ. 1998. № 32. Ст. 3905.
4. О программе развития бюджетного федерализма в Российской Федерации на период до 2005 года: постановление Правительства РФ от 15 авг. 2001 г. № 584 // СЗ РФ. 2001. № 34. Ст. 3503.

5. О концепции повышения эффективности межбюджетных отношений и качества управления государственными и муниципальными финансами в Российской Федерации в 2006–2008 годах: распоряжение Правительства РФ от 3 апр. 2006 г. № 467-р // СЗ РФ. 2006. № 15. Ст. 1640.
6. О концепции межбюджетных отношений и организации бюджетного процесса в субъектах Российской Федерации и муниципальных образованиях до 2013 года: распоряжение Правительства РФ от 8 авг. 2009 г. № 1123-р // СЗ РФ. 2009. № 33. Ст. 4129.
7. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: Федер. закон от 6 окт. 2003 г. № 131-ФЗ // СЗ РФ. 2003. № 40. Ст. 3822.
8. Миронова Т.А. Проблемы межбюджетных отношений в Российской Федерации в контексте проекта Федерального закона «О федеральном бюджете на 2007 год» // Аналитический вестник СФ. 2006. № 23.
9. Рябухин С.Н. Аналитическая записка «Анализ состояния и проблемы формирования доходного потенциала субъектов Российской Федерации» // Бюллетень Счетной палаты РФ. 2007. № 1.
10. О республиканском бюджете Республики Мордовия на 2000 год: Закон РМ от 20 дек. 1999 г. № 60-3 // Известия Мордовии. 1999. 23 дек.
11. О республиканском бюджете Республики Мордовия на 2011 год и на плановый период 2012 и 2013 годов: Закон РМ от 24 дек. 2010 г. № 100-3 // Известия Мордовии. 2010. 28 дек.
12. Об областном бюджете на 2000 год: Закон Пензенской области от 20 дек. 1999 г. № 180-ЗПО // Ведомости Законодательного Собрания Пензенской области. 2000. 5 янв.
13. О бюджете Пензенской области на 2011 г. и на плановый период 2011 и 2012 гг.: Закон Пензенской области от 22 дек. 2010 г. № 1996-ЗПО // Ведомости Законодательного Собрания Пензенской области. 2011. № 31, ч. 3; № 32, ч. 2; № 33.
14. О республиканском бюджете Чувашской Республики на 2000 год: Закон ЧР от 11 дек. 1999 г. № 18 // Чаваш ен (Свод официальных документов). 1999. 24 дек.
15. О республиканском бюджете Чувашской Республики на 2011 г. и на плановый период 2012 и 2013 гг.: Закон ЧР от 10 нояб. 2011 г. № 60 // Вести Чувашии. 2010. 2 дек.
16. О республиканском бюджете Республики Мордовия на 2007 г.: Закон РМ от 5 дек. 2006 г. № 80-3 // Известия Мордовии. 2006. 7 дек.
17. О республиканском бюджете Республики Мордовия на 2009 год и на плановый период 2010 и 2011 годов: Закон РМ от 2 дек. 2008 г. № 122-3 // Известия Мордовии. 2008. 5 дек.
18. О республиканском бюджете Республики Мордовия на 2010 год и на плановый период 2011 и 2012 годов: Закон РМ от 3 дек. 2009 г. № 92-3 // Известия Мордовии. 2009. 4 дек.
19. Об исполнении республиканского бюджета Республики Мордовия за 2010 год: Закон РМ от 14 июня 2011 г. № 20-3 // Известия Мордовии. 2011. 16 июня.
20. О республиканском бюджете Республики Мордовия на 2003 год: Закон РМ от 27 дек. 2002 г. № 66-3 // Известия Мордовии. 2002. 30 дек.
21. Об исполнении республиканского бюджета Республики Мордовия за 2003 год: Закон РМ от 28 мая 2004 г. № 49-3 // Известия Мордовии. 2004. 3 июня.
22. О республиканском бюджете Республики Мордовия на 2004 год: Закон РМ от 8 дек. 2003 г. № 63-3 // Известия Мордовии. 2003. 10 дек.
23. Об исполнении республиканского бюджета Республики Мордовия за 2004 год: Закон РМ от 26 мая 2005 г. № 48-3 // Известия Мордовии. 2005. 3 июня.
24. Об исполнении республиканского бюджета Республики Мордовия за 2010 год: Закон РМ от 14 июня 2011 г. № 20-3 // Известия Мордовии. 2011. 16 июня.
25. Об исполнении республиканского бюджета Республики Мордовия за 2009 год: Закон РМ от 13 мая 2010 г. № 30-3 // Известия Мордовии. 2010. 14 мая.
26. Послание Главы РМ за 2010 г. // Известия РМ. 2010. 17 дек.
27. Швецов А. Региональная политика в российской унитарной Федерации // Федерализм. 2008. № 2.

L.I. Goncharova, A.N. Krakhmalov
Conceptual Aspects
of the Municipal Employees'
Labor

Indications of municipal service are revealed and scientific approaches to the definition of the municipal employees' labor are presented. The special attention is paid to the analysis of the essential characteristics of the municipal administration system.

Key words and word-combinations: municipal administration, municipal service, municipal employee.

Показаны признаки муниципальной службы и представлены научные подходы к определению труда муниципальных служащих. Особое внимание уделяется анализу существенных характеристик системы муниципального управления.

Ключевые слова и словосочетания: муниципальное управление, муниципальная служба, муниципальный служащий.

УДК 331:342:35(470+571)
ББК 65.241+67.401.02(2Рос)

Л.И. Гончарова,
А.Н. Крахмалов

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ТРУДА МУНИЦИПАЛЬНЫХ СЛУЖАЩИХ

Одной из составных частей административной реформы в Российской Федерации стало преобразование местного самоуправления в рамках принятого в 2003 г. Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [1]. В качестве целей реформирования были заявлены обеспечение политической и экономической самостоятельности муниципальных органов власти в решении вопросов местного значения, повышение ответственности должностных лиц и органов местного самоуправления за надлежащее исполнение полномочий в рамках их компетенции.

Значение развитого местного самоуправления трудно переоценить, поскольку именно в муниципальных образованиях реализуется основная часть жизненных интересов населения. От того, кто работает в органах местного самоуправления, зависит качество жизни граждан. В деятельности муниципальных служащих «находят свое реальное воплощение задачи и функции местного самоуправления, кроется секрет его эффективности и неудач» [2, с. 113], потому что каждый муниципальный правовой акт на территории муниципального образования исполняется конкретными людьми, работающими в системе органов местного самоуправления.

Муниципальная служба представляет со-

бой профессиональную деятельность, «которая осуществляется на постоянной основе на должностях муниципальной службы, замещаемых путем заключения трудового договора (контракта)» [3, ст. 2]. К ее основным признакам относят профессиональный характер деятельности служащих, наличие квалификационных требований, предъявляемых к должности (например, уровень профессионального образования, стаж и квалификация служащего), установленные полномочия по решению вопросов местного значения.

Имеющееся многообразие проявлений муниципальной службы побуждает к комплексному исследованию данного феномена с позиций ряда основных теоретических подходов, имеющих в науке. На наш взгляд, концептуальные основы в определении сущности труда муниципальных служащих раскрываются в рамках системного, институционального и структурно-функционального научных подходов.

На основании системного подхода возможно различное толкование понятия системы муниципальной службы [4]. Она может отождествляться с группой муниципальных служащих [5], замещающих должности муниципальной службы, или с некоей сложной организованной совокупностью, связи которой носят устойчивый, внутренний характер [6]. На наш взгляд, следует разделить вторую точку зрения, поскольку простая группа муниципальных служащих не представляет собой системы. Только при наличии административно-функциональных связей между служащими будет образовываться взаимодействие и система муниципальной службы. Исключение какого-либо муниципального служащего как элемента из системы повлечет за собой изменение ее функционирования в целом путем перераспределения принадлежавших ему управленческих функций между остальными служащими.

Системный подход исходит из позиции, что деятельность муниципальных служащих осуществляется через муниципальную службу как подсистему, неразрывно связанную с органом местного самоуправления. Сам орган представляет собой совокупность взаимозависимых подсистем: муниципальные служащие; структура администрации, отдела; задачи, технология и связи между ними, ориентированные на достижение различных целей в условиях меняющейся внешней среды. Труд муниципальных служащих в данном случае определяется как элемент или подсистема муниципального управления в целом.

Система муниципального управления в целом представляет собой совокупность органов местного самоуправления и персонал муниципальной службы. Она обусловлена целями, функциями и принципами осуществления властно-управленческого воздействия в отношении населения территории муниципального образования, выраженного в правовых и организационных формах, а также в комплексе используемых методов, средств, ресурсов, связей между субъектами и объектами муниципального управления.

Система муниципального управления состоит из ряда элементов, образующих собой подсистемы более простого характера, находящиеся в непосредственном взаимодействии друг с другом и определяющие целостность всей

системы муниципального управления. К таким подсистемам можно отнести муниципальных служащих, аппарат муниципальной службы, должности муниципальной службы, структурные подразделения местной администрации и всю структуру администрации в целом как совокупность устойчивых взаимосвязей, складывающихся между муниципальными служащими и структурными подразделениями (отделами), в которых они работают.

Как и другие системы, муниципальное управление зависит от внешней и внутренней среды, представляющих собой совокупность условий, возникающих независимо, объективно (внешняя среда) или субъективно (внутренняя среда) и оказывающих существенное воздействие на систему.

К факторам внешней среды, воздействующим на труд муниципальных служащих, необходимо отнести характеристики муниципальных образований, которые могут существенно различаться по размерам территории, численности и составу населения, положению в системе территориального разделения труда, экономическому потенциалу, состоянию муниципального хозяйства, уровню развития инженерной и социальной инфраструктуры. Муниципальные образования с разным составом решаемых задач и функций управления, необходимым объемом управленческой работы различаются численностью и внутренним построением исполнительных органов. Тип муниципального образования предопределяет состав предметов ведения местного самоуправления, что, со своей стороны, обуславливает объем задач и функций муниципальных служащих. Штат администрации крупного городского округа может насчитывать сотни работников и десятки структурных подразделений, тогда как штат администрации небольшого сельского поселения – лишь 5–7 сотрудников.

Наряду с внешними, следует выделить и внутренние факторы, воздействующие на труд муниципальных служащих. К ним относятся техника (технические информационные средства), технология управления, организация труда (организация рабочих мест, регламентация), деловые и личностные качества служащего (опыт, квалификация, стаж, состояние здоровья). С одной стороны, они влияют на труд муниципальных служащих, с другой – сами определяют его. Особо необходимо отметить ряд внутренних факторов, непосредственно оказывающих влияние на труд муниципальных служащих – например, стиль работы органа местного самоуправления и роль ее лидера. Кроме того, в муниципалитете сами субъекты управления, то есть муниципальные служащие, неизбежно привносят в систему управления элементы неопределенности и субъективности принимаемых решений. Следовательно, особенности управленческого труда муниципальных служащих вытекают из особенностей самого муниципального образования как объекта системы муниципального управления.

Таким образом, с позиций системного подхода труд муниципальных служащих представляет собой особый вид формализованной профессионально-управленческой деятельности подготовленных специалистов подсистемы муниципальной службы, целью которой является реализация социальных функций системы муниципального управления в целом при условии, что ни одно управ-

ленческое решение не принимается в изоляции и отрыве от других изменений организационной среды.

Особое значение в процессе становления муниципальной службы имеет ее развитие в виде социального института.

Для нормального функционирования муниципального образования необходимо закрепить ряд публично-правовых отношений, обеспечивающих социальный порядок и баланс интересов разнообразных групп местного населения, и сделать их обязательными для всех. Практика закрепления отношений, удовлетворяющих насущные потребности людей, оформляется в статусно-ролевую систему. Такого рода системы создаются в обществе в форме институтов [7, с. 20].

Любой социальный институт возникает и функционирует лишь на основе социальной потребности. Если такая потребность становится незначительной или совсем исчезает, то существование института оказывается бессмысленным, тормозящим общественную жизнь. Основоположник институционального подхода в управлении П. Друкер полагал, что «каждый институт должен анализироваться в терминах верований и надежд общества, которому он служит... Необходимо анализировать институт в его отношении к функциональным требованиям общества, частью которого он является...» [8, с. 13].

Муниципальная служба как институт представляет собой систему юридических, моральных, организационных и других норм и правил, регулирующих деятельность муниципальных служащих при реализации ими должностных функций в определенной области муниципального управления. Когда утверждается, что муниципальная служба – это институт, то подразумевается под этим группа чиновников, работающих в органах местного самоуправления, а также административные организации и учреждения, которыми они располагают.

Институт муниципальной службы функционирует в публично-правовой сфере; он организует, упорядочивает, формализует, стандартизирует две группы отношений: служебные – между муниципальным образованием и муниципальными служащими, а также публичные – между чиновником и гражданином.

В основу публичных отношений положена установка законопослушания. В норме эти отношения строятся, исходя из равенства всех перед законом: они выражают подчинение не должностному лицу, а закону, и именно закон выступает для населения гарантом от произвола со стороны чиновников. Публичные отношения характеризуются состоянием взаимодействия служащего, соблюдающего закон, и гражданина, повинующегося чувству долга перед законом. В рамках служебных отношений образцом поведения муниципального служащего является лояльность.

Муниципальная служба как социальный институт обладает рядом признаков. Во-первых, она жестко регламентирует управленческий труд. Для нее характерно четкое распределение функций, прав и обязанностей муниципальных служащих, что обеспечивает регулярность, высокую предсказуемость и надежность результатов их труда, а также стабильность функционирования и развития муниципалитета. Во-вторых, предъявляемые к служащим требова-

ния и характер их труда обезличены путем распределения между ними деперсонифицированных служебных прав и обязанностей. В-третьих, осуществлены разделение управленческого труда и профессионализация выполнения служащими должностных функций в целях достижения высокой эффективности управленческого труда. В этих целях существует специальная подготовка служащих с тем, чтобы они могли выполнять свои профессиональные обязанности. В-четвертых, обеспечена материальная организация управления за счет наделения субъектов необходимыми средствами и ресурсами. В-пятых, для института муниципальной службы характерны не только формальные, но и неформальные отношения [7, с. 22], то есть связи между чиновниками внутри аппарата. В отличие от субординационных служебных связей, они представляют собой координационные, межличностные отношения, обеспечивающие более тесное сотрудничество управляющих субъектов. Указанные признаки муниципальной службы как социального института свидетельствуют о том, что именно в этих рамках социальное взаимодействие как глубокое, сопряженное отношение между муниципальными служащими по реализации управленческих функций в муниципальном управлении приобретает регулярный, самовозобновляющийся характер.

Труд муниципальных служащих как институт представляет собой определенный набор постоянных жестко регламентированных прав, обязанностей, функций и публично-служебных отношений, возникающих между муниципальными служащими, муниципальными служащими и населением муниципального образования с целью удовлетворения их потребностей и интересов, оформляемых в субординационно-должностную систему управления.

Немаловажное значение при определении концептуальных основ труда муниципальных служащих имеет структурно-функциональный подход, основоположниками которого являются Т. Парсонс и Р. Мертон.

В процессах муниципального управления необходимо постоянно учитывать плюрализм должностей муниципальных служащих и тех социальных функций, которые они реализуют, что приводит к усложнению принятия и осуществления управленческих решений. Одна из главных проблем, возникающих в связи с этим перед системой муниципальной службы, – четкая дифференциация прав, обязанностей и ответственности каждого муниципального служащего. Управленческий труд муниципальных служащих ориентирован на получение предсказуемых функциональных результатов. При этом «функция управления должна включать в себя ответственность за сохранение территориального единства нормативного порядка общества» [9, с. 506]. Здесь вступает в действие такая важнейшая функция управления, как контроль.

Контроль над муниципальной территорией представляет собой «фундаментальный императив относительно единства управленческих институтов» [10, с. 506]. Не менее важен адекватный контроль над мотивацией действий самих муниципальных служащих со стороны руководства органов местного самоуправления, а также контроль над структурой муниципальной службы. Контроль над экономико-технологическим комплексом муниципалитета бес-

печивает возможности развития территории. В силу публичного характера местного самоуправления все перечисленные виды контроля должны быть органически увязаны с политическим контролем, исходящим от органов муниципальной власти.

В рамках структурно-функционального подхода основное внимание уделяется определению муниципальной службы как профессиональной деятельности, структурированию этой деятельности в соответствии с реализацией различных управленческих функций, соответствующих занятию определенных должностей муниципальной службы.

Проанализировав концептуальные аспекты труда муниципальных служащих, необходимо отметить, что труд муниципальных служащих представляет собой вид возмездной целенаправленной нормативно-регламентированной профессионально-управленческой социальной деятельности специально подготовленных специалистов, находящихся на должностях муниципальной службы.

Муниципальные служащие выступают исполнителями управленческих функций, занимают особое место в социальной структуре общества – место организаторов жизнедеятельности местного сообщества, а основным средством реализации ими своих задач и функций является муниципальная служба. Содержание и набор перечня муниципальных функций муниципальных служащих проявляется в реализации полномочий органами местного самоуправления в решении соответствующих вопросов местного значения, закрепленных Федеральным законом «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». Муниципальная служба направлена на реализацию служащими должностных функций через создание определенных гарантий, социальных стандартов и норм, которые должны способствовать росту качественного уровня жизни населения, удовлетворению его социальных потребностей в изменяющихся условиях муниципального образования.

Библиографический список

1. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: Федер. закон от 6 окт. 2003 г. № 131-ФЗ (в ред. от 25 дек. 2008 г.) // СЗ РФ. 2003. № 40. Ст. 3822; Рос. газ. 2003. 8 окт.
2. *Игнатов В.Г., Рудой В.В.* Местное самоуправление. Ростов н/Д, 2005.
3. О муниципальной службе в Российской Федерации: Федер. закон от 2 марта 2007 г. № 25-ФЗ (в ред. от 21 окт. 2011 г.) // СЗ РФ. 2007. № 10. Ст. 1152; Рос. газ. 2011. 24 окт.
4. *Радченко А.И.* Основы государственного и муниципального управления: системный подход: учебник. 3-е изд., перераб. и доп. М.; Ростов н/Д, 2007.
5. *Аверьянов А.Н.* Система: Философская категория и реальность. М., 1976.
6. *Блауберг И.В., Юдин Э.Г.* Становление и сущность системного подхода. М., 1973.
7. *Щербаков Ю.Н.* Государственная и муниципальная служба: учебник. Ростов н/Д, 2007.
8. *Drucker P.F.* Concept of the corporation. N.Y., 1993.
9. *Парсонс Т.* Функциональная теория изменения // Американская социологическая мысль: тексты. М., 1996.
10. *Мертон Р.* Явные и латентные функции // Американская социологическая мысль: тексты. М., 1996.

V.I. Anikin, I.V. Surma
**Prospects of Political
and Economic Development
of Russia: Scenario Forecast**

The analysis of current trends of the international relations system transformation is presented. The methodological approach is described and several possible scenarios for further development of the processes in the world politics are identified. Recommendations for the formation of the main directions of Russian foreign policy, based on the experience of research in this area are presented.

Key words and word-combinations: geopolitics, system crisis, strategic matrix.

Представлен анализ современных тенденций трансформации системы международных отношений. Описан методологический подход и выявлены несколько возможных сценариев дальнейшего развития процессов в мировой политике. Даны рекомендации для формирования основных направлений внешней политики России с учетом опыта исследований в этой области.

Ключевые слова и словосочетания: геополитика, системный кризис, стратегическая матрица.

УДК 327(470:100):338(470+571)
ББК 66.4(2Рос)+65.9(2Рос)

В.И. Аникин, И.В. Сурма

ПЕРСПЕКТИВЫ ПОЛИТИКО- ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ: СЦЕНАРНЫЙ ПРОГНОЗ

Поставленные в настоящее время руководством страны задачи устойчивого развития России на основе инновационно-прорывного сценария и совершенствования социокультурных отношений диктуют необходимость разработки новых подходов к выстраиванию и реализации системной стратегии поступательного движения страны. В порядке постановки проблемы и определения задач считаем возможным представить свои соображения и рекомендации по выработке и формированию основных направлений внешней политики России с учетом имеющегося опыта проведенных в этой области исследований.

В настоящее время в экспертных научных кругах, в многочисленных обзорах, оценках и документах предлагаются и активно обсуждаются проблемы устойчивого развития и различные аспекты модернизации России.

Специалистами выделяются два основных варианта перспективного пути социально-экономического и технологического развития России: **инерционно-рыночная стратегия** и **стратегия инновационного прорыва** [1; 2]. Первый из них ориентирован на длительные сроки реализации, что может привести и уже частично приводит к деградации научно-технического потенциала страны во многих направлениях естественных и технических наук. Для него свойствен раз-

рыв между академической, вузовской, отраслевой наукой и производством. Вторым путем более привлекателен и предполагает концентрацию усилий ученых, государственную поддержку фундаментальных исследований и научных школ постиндустриальной, информационной и идеациональной парадигм развития страны.

Известным экономистом Е.Г. Ясиным были представлены три возможных сценария трансформации России: «модернизация сверху», «решительный рывок», «постепенное развитие» [3]. При этом в фокусе внимания ученого оказываются в буквальном смысле переломные моменты, своеобразные «развилки выбора» в российской истории новейшего периода:

1) *демократизация или империя* – выбор был сделан М.С. Горбачевым в пользу демократизации за счет распада «советской империи»;

2) *централизованное планирование или рыночная экономика* – выбор был сделан Б.Н. Ельциным, в результате чего мы имеем неэффективную, структурно изуродованную, насквозь коррумпированную, в целом не такую, как хотелось бы, но работающую рыночную экономику;

3) *бюрократия или олигархия* – выбор сделан В.В. Путиным и выразился в том, что бюрократия поставила под свой контроль бизнес и практически все ранее независимые общественные силы.

Сложившаяся при прохождении последних двух развилок ситуация поставила Россию перед необходимостью произвести авторитарную модернизацию «сверху» или же демократическую – «снизу».

Модернизация страны в широком смысле слова затрагивает не только экономические проблемы, но и проблемы политического, культурно-гуманитарного и технологического развития. При этом нельзя забывать о «безопасности через развитие», утвержденной в 2009 г. в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года [4]. Таким образом, необходимо осуществить комплексный системный анализ и учесть как названные проблемы, так и возможные новые вызовы и угрозы.

Различные государственные структуры действуют в этом направлении, но следует отметить успешное сотрудничество МИД России с рядом ведущих научно-исследовательских институтов и центров (например, Институтом экономических стратегий (ИНЭС), Российской академией народного хозяйства и государственной службы (РАНХиГС), Национальным институтом глобальной безопасности (НИИГлоб)) в части разработки информационно-аналитических программных комплексов, предназначенных для поддержки процессов принятия решений в сфере международных отношений. К ним относятся, в частности, «Баланс интересов» (Смоленка) и «Стратегическая матрица России», а также специальный программный комплекс прогнозирования направлений развития международного конфликта, функционирующий совместно с интеллектуальной ИПС «Истра-2006». Эффективность работы последнего из перечисленных программных комплексов была проверена на операции «Литой свинец» (кодовое название боевых действий между Израилем и террористической группировкой «Хамас»), проходившей с 27 декабря 2008 г. по 18 января 2009 г. на территории сектора Газа. Сценарий дальнейшего развития событий опреде-

лялся с 1 января 2009 г. на четыре дня, точность прогноза составила 60%. Программный комплекс позволил правильно выявить 8 из 11 событий, которые произошли в процессе операции в прогнозируемый промежуток времени [5].

Происходящие в мире сложные геополитические и геоэкономические процессы исследуются в Дипломатической академии МИД России с помощью методологического подхода, в основе которого лежит системно-сценарный анализ. Для него характерно представление стратегического субъекта в виде системы взаимосвязанных динамично изменяющихся во времени и рефлектирующих информационных, финансово-материальных, энергетических и людских потоков.

Ключевая идея построения стратегической матрицы многофакторного анализа («модель стратегической матрицы») базируется на постулате, что развитие любой страны происходит под воздействием комплекса факторов на достаточно большую и сложную систему, олицетворяющую государство. Основными наиболее существенными факторами, с нашей точки зрения, стали: управление как система; экономика; вооруженные силы; собственно внешняя политика. Такой выбор, формируемый на основе матричного описания комплекса факторов динамичного развития, рассматривается как обобщенная паттерн-модель. Качество же управления, как параметр, оценивающий общую функцию любой социальной системы, характеризуют следующие четыре ключевые показателя:

- *устойчивость государственного управления* – выражается в готовности системы управления к действиям в непредвиденных и кризисных условиях, способности преодолевать деструктивные воздействия внешнего и внутреннего характера;

- *адаптивность государственного управления* – воплощается в способности к новому целеполаганию политического руководства в условиях возникающих вызовов и угроз, а также в активном формировании общественных ожиданий;

- *способность к лидерству* – реализуется через умение направлять общественное развитие, имея в идеале своими целями сплоченное общество и его модернизацию;

- *эффективность элитообразования* – определяется уровнем подготовки не только управленческих кадров, но и научной и культурной элиты.

Используя представленный в общих чертах методологический подход и анализируя современные тенденции трансформации системы международных отношений и сложных процессов геоэкономического и геополитического характера, рассмотрим несколько возможных сценариев развития международной обстановки в мировом сообществе в прогнозный период до 2020 г.

1. Жесткая глобализация. Этот сценарий фактически означает сохранение действующей однополярной модели мира с жесткой иерархической структурой управления.

Запад присвоит себе монопольное право развивать высокотехнологичные производства и извлекать рентные доходы, в то время как прочие страны мира будут вынуждены довольствоваться ролью доноров вспомогательных производств, плательщиков «дани» за право существования в цивилизованном мире – про-

странстве «золотого миллиарда». Западное сообщество, вероятно, будет проводить скоординированную политику, стремясь воспрепятствовать стремительному прогрессу Китая, и регулировать конкуренцию с другими не-западными (Индия, Бразилия) экономическими центрами. США смогут, на наш взгляд, в период до 2020 г. остаться единственной сверхдержавой в условиях глобализации, циклических мировых и региональных финансовых кризисов, когда их экономическое влияние уменьшается главным образом за счет размена военно-политического влияния на экономические преференции. Для этого Америке придется постоянно поддерживать в мире (на фоне кризисного развития международной обстановки) состояние постоянной напряженности через систему перманентных региональных управляемых конфликтов. Цепь таких конфликтов прослеживается уже с начала 1990-х годов: Ирак – Хорватия – Босния – Косово – Афганистан – Ливан – Израиль / Палестина (сектор Газа), далее, с высокой степенью вероятности, Иран, КНДР, Сирия). Такой сценарий способен ненадолго стабилизировать международную обстановку, однако критическая масса недовольства государств не-западного мира будет постоянно нарастать.

Для России такой сценарий крайне неблагоприятен. Функции России в глобальной экономике сведутся к обеспечению сырьевых потребностей развитых стран, а ее конкурентоспособность в сфере высоких технологий снизится до кризисных показателей. В военной сфере Запад будет стремиться к тому, чтобы свести к минимуму ракетно-ядерный потенциал России и зафиксировать ее обороноспособность на уровне, позволяющем главным образом поддерживать внутривнутриполитическую стабильность и, возможно, удерживать КНР от военной экспансии на Дальнем Востоке в первые десятилетия XXI в. В целом же воплощение в жизнь сценария жесткой глобализации и фактического сохранения однополярного мира будет означать для России существенное снижение ее военного потенциала и доли в мировой экономике.

2. Сценарий **умеренной глобализации** основан на прогнозной тенденции постепенного снижения экономической мощи США в первой половине XXI в.

Если обобщить наиболее вероятные угрозы для экономики США, то можно их свести к трем часто упоминаемым экспертами рискам: а) потеря позиций доллара в качестве мировой резервной валюты; б) опасность длительной и масштабной рецессии (кейнсианский вариант); в) угроза высокой инфляции (либерально-монетаристский вариант). Поскольку в обозримом будущем США могут столкнуться с серьезными экономическими трудностями, альтернативой им могут выступать Евросоюз и Китай, но только в случае занятия ими позиций ведущих экономических центров мира и значительного усиления своих военных потенциалов. Изучение процессов формирования основных центров силы показывает, что только ядро ЕС (сейчас, с определенной долей вероятности, может произойти структурная кластеризация ЕС) и Китай, а при благоприятных условиях Япония, Индия и Россия способны выйти из-под американского прессинга.

Основным потенциальным конкурентом США в ближайшие годы американские политологи считают именно Китай, который в перспективе способен стать вторым полюсом силы. В среднесрочной перспективе Китай заинтересо-

ван получать из России передовые военные технологии, импорт которых из США и стран Западной Европы для Пекина практически невозможен.

Одну из основных ролей в процессе мирового развития в XXI в. сыграет Индия. К 2050 г. она окажется первой державой мира по численности населения и третьей (после КНР и США) – по экономической мощи. Именно Индия, как предполагается, сможет склонить чашу весов глобального противостояния в ту или иную сторону, поэтому все ведущие мировые игроки будут пытаться сделать ее своим главным союзником. При этом Индия рассматривает Россию в качестве традиционного стратегического партнера, а США – как естественного союзника и стратегического партнера.

Россия пока не располагает достаточными экономическими и демографическими возможностями на современном этапе развития, чтобы претендовать на роль самостоятельного мирового центра силы. Поэтому ее стратегической целью должна стать экономическая и военно-политическая интеграция постсоветского пространства. В условиях планомерной деятельности США и Евросоюза по усилению своего экономического и военно-политического присутствия в геополитической структуре постсоветского пространства оптимальной стратегией для нашей страны было бы принятие на себя роли регионального лидера, находящегося во втором эшелоне (подобно Китаю, сумевшему укрепить свои международные позиции и экономику, оставаясь в стороне от изнурительного противоборства СССР и США). В случае реализации сценария умеренной глобализации Россия сохраняет контроль над своими территориальными и природными ресурсами. Но для этого необходимо заметно повысить роль и влияние таких факторов, как государственное управление, внешняя политика, наука и образование, промышленность, изменить структуру экономики.

В целом сценарий «умеренной глобализации» предполагает, что евроатлантическое сообщество сохранит лидерство в системе международных отношений, однако оно будет не в состоянии действовать столь же сплоченно, как в случае однополярного мира, противодействовать формированию других (незападных) экономических и военных центров.

3. В рамках сценария **регионализации** базовой идеей трансформации международных отношений станет формирование конкурирующих между собой торгово-экономических зон (регионов), крупнейшими из которых будут Северо-Американская и Азиатско-Тихоокеанская, а также зона ЕС.

Вероятность воплощения в жизнь данного сценария не слишком велика, поскольку он подразумевает построение самодостаточных замкнутых экономических систем, взаимодействие которых на межблоковом уровне ограничено, что противоречит современным тенденциям развития мировой экономики. Регионализация несет дополнительный риск для международного сообщества в связи с распространением Всемирной торговой организации: если механизмы ВТО окажутся неэффективными, то торговые войны станут неизбежностью и станут значимым фактором дезинтеграции мирового пространства.

В рамках рассматриваемого сценария для России возможны два варианта – позитивной и негативной регионализации. Реализация сценария с позитивной регионализацией означает существенный рост по всем основным показателям (значительно выше показателей сценария умеренной глобализации), который

будет обусловлен *формированием союзного государства нового типа*. При негативном сценарии регионализации страна может превратиться в некую «рыхлую» конфедерацию регионов, *утратив суверенный контроль над нефтегазовым комплексом и* строя свою политику с учетом требований более мощных экономических и политических интеграционных объединений.

4. **Хаос.** По существу этот сценарий объединяет несколько вариантов катастрофического развития событий в мире, которые могут быть спровоцированы различными факторами (например, резкое усиление террористической деятельности, значительные природные аномалии, усиление глобального финансового кризиса или крупномасштабные военные конфликты).

Исходя из особенностей развития любого из приведенных сценариев, для оценки ситуации наиболее эффективно, на наш взгляд, воспользоваться одним из комплексов информационно-аналитической системы, применяемым в научной и практической деятельности, имеется в виду «Баланс интересов и прогнозирование конфликтов». Данная методика прогнозирования конфликтов основана на использовании модели процесса трансформации баланса интересов объектов мировой политической системы. При этом баланс интересов основных объектов мировой политической системы основывается на системе показателей, характеризующих положительные или отрицательные качества взаимодействующих объектов мировой политической системы, а также учитывающих совпадение или несовпадение их целей и задач, пересечение имеющихся сфер интересов. Целью прогнозных исследований в нашем случае является получение срезов возможного состояния отношений исследуемых объектов мировой политической системы для выбранного сценария развития обстановки на основе учета трансформации баланса интересов.

Проведенные исследования показали, что позиции России с точки зрения экономических и демографических возможностей в настоящее время не достаточны, чтобы претендовать на роль самостоятельного мирового центра силы (значение интегрального показателя мощи России увеличится до уровня 6,61 в 2025 г. с настоящих 5,82, не выходя тем не менее на нормативный уровень сверхдержавы – 7,5 усл. ед.). В то же время сохраняющиеся военные возможности России (особенно в сфере ракетно-ядерных вооружений), оставшийся научный и космический потенциал страны пока еще определяют ее уникальную роль на мировой арене.

Руководство Российской Федерации не скрывает, что на современном этапе одной из важнейших задач нашей страны как неотъемлемой составляющей части мирового сообщества является *«реформа мировой системы управления»* [6–8]. В этом контексте наиболее вероятными направлениями развития международного сообщества, по оценкам большинства российских экспертов, являются сценарии «умеренной глобализации» и «позитивной регионализации», а основной тенденцией мировой геополитики в обозримой перспективе станет формирование нескольких сопоставимых по могуществу центров силы.

Россия пока еще в состоянии сформировать один из весомых центров силы современного мира. Думается, что наиболее вероятно это сделать только путем заключения двусторонних и многосторонних договоров, в первую очередь со

странами ближнего зарубежья и соседствующими приграничными странами. Следовательно, стратегической целью России на ближайшие годы должна стать экономическая и военно-политическая интеграция прежде всего постсоветского пространства.

Библиографический список

1. Основы политики Российской Федерации в области науки и технологий на период до 2010 г. и дальнейшую перспективу // Поиск. 2002. 19 апр.
2. Программа социально-экономического развития Российской Федерации на среднесрочную перспективу (2003–2005 гг.) // Рос. газ. 2003. 2 сент.
3. Ясин Е.Г. Сценарии развития России на долгосрочную перспективу. М., 2011.
4. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года: утв. Указом Президента РФ от 12 мая 2009 г. № 537 // Рос. газета. 2009. 19 мая.
5. Глобальная безопасность: инновационные методы анализа конфликтов / под общ. ред. А.И. Смирнова. М., 2011.
6. Ежегодный доклад Академии прогнозирования – Российского отделения Международной академии исследований будущего за 2007 год / под ред. А.И. Агеева, И.В. Бестужева-Лады. М., 2007.
7. Россия в пространстве и времени / Б.Н. Кузык, А.И. Агеев, О.В. Доброчеев. М., 2004.
8. Аникин В.И. К вопросу методологии анализа и развития сложных систем в международных отношениях (структурно-функциональный подход в сценарии формирования государственного внешне-политического механизма) // Вестник РАЕН-ИНФО. М., 2008.

A.P. Tarutin
The Change of Public Policy
in the Insurance Sphere
in Connection with Russia's
Accession to WTO

The consequences of Russia's accession to the World Trade Organization for the insurance market are analyzed. The factors affecting the change of state policy are revealed and possible risks in the insurance sphere are predicted.

Key words and word-combinations: World Trade Organization, the state economic policy, insurance, the insurance market.

Проанализированы последствия вступления России в ВТО для страхового рынка. Выявляются факторы, влияющие на изменение государственной политики, и прогнозируются возможные риски в сфере страхования.

Ключевые слова и словосочетания: Всемирная торговая организация, государственная экономическая политика, страхование, страховой рынок.

УДК 368
ББК 65.271

А.П. Тарутин

ИЗМЕНЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ СТРАХОВАНИЯ В СВЯЗИ С ВСТУПЛЕНИЕМ РОССИИ В ВТО

Идущие в современном мире процессы глобализации имеют свои конкретные институциональные проявления. Таковым проявлением в мировой экономике, в частности, стала Всемирная торговая организация. Она была создана ведущими государствами в 1995 г. для либерализации мирового рынка, создания единых правил ведения бизне-

са и международной торговли товарами и услугами. К началу 2012 г. членами ВТО стали 153 страны, на долю которых приходится 97% мирового торгового оборота [1, с. 16]. Присоединение России к Всемирной торговой организации (ВТО) стало значимой точкой бифуркации в социально-экономическом развитии страны в начале XXI в., поскольку вступление в ВТО предусматривает отмену входных барьеров на национальные финансовые, банковские и страховые рынки.

В современных условиях, несмотря на глобализацию экономических и социальных процессов, повышение роли наднациональных политико-экономических организаций (ВТО, Всемирный банк и др.), Российское государство остается главным институтом, ответственным за формулирование и достижение общезначимых социальных целей. В отличие от ВТО, цели которой подчеркнута не артикулированы (задачей ВТО провозглашено не достижение каких-либо целей или результатов, а установление общих принципов международной торговли [2, с. 42]), государство выступает как совокупный социальный актор – выразитель социальных интересов. На наш взгляд, представляется верным такое понимание роли государства в экономике: «...предметной целью государственной экономической политики следует считать социальную защищенность, трактуемую как защита государством граждан от неизбежных экономических рисков, обеспечение каждого человека минимумом благ, необходимых для существования» [3, с. 59].

В настоящее время подавляющее большинство социальных агентов являются участниками страховых отношений. Государственную политику в сфере страхования стоит рассматривать как системообразующую деятельность государства, направленную на реализацию задач экономического развития российского общества. Реализация правительственного курса на вступление России в ВТО должна базироваться на сочетании корпоративных целей с общественными интересами, создании новых страховых механизмов, а также минимизации рисков и угроз, неизбежно возникающих в новых институциональных условиях.

После подписания на правительственном уровне протокола от 16 декабря 2011 г. отечественный страховой рынок вошел в принципиально новую фазу своего развития. Политика государства в страховой сфере в период до 2021 г. должна быть адаптирована к грядущим последствиям вступления России в ВТО. Это означает необходимость формирования нормативно-правовой базы, отвечающей требованиям ВТО и позволяющей реализовать национальные интересы в сфере страхования. Национальные интересы, в свою очередь, состоят в защите имущественных интересов отечественных страховых компаний.

В соответствии с достигнутыми договоренностями о членстве России в ВТО страховой рынок будет открыт для деятельности прямых филиалов иностранных страховщиков в 2021 г. При этом квота иностранного участия в уставном капитале российских страховщиков может быть увеличена с 20 до 50% уже с 2012 г. Российским государством установлены достаточно высокие требования к иностранным страховщикам: восьмилетний опыт работы в страховании жизни или пятилетний в других видах; пятилетний опыт управления прямыми

филиалами на зарубежных рынках; совокупные активы не менее 5 млрд долларов. Этим требованиям соответствуют не более 150 компаний в мире, в основном специализирующихся на страховании жизни [4].

Современное состояние отечественного страхового рынка может быть кратко охарактеризовано следующими показателями. В едином государственном реестре субъектов страхового дела на 31 декабря 2011 г. зарегистрированы 579 страховщиков, из них 572 страховые организации и 7 обществ взаимного страхования. Общая сумма страховых премий и выплат по всем видам страхования за 2011 г. составила соответственно 1267,85 и 888,39 млрд рублей (121,2 и 114,8% по сравнению с 2010 г.), в том числе по страхованию жизни соответственно 34,7 и 7,7 млрд (153,0 и 96,0%) по сравнению с 2010 г. [5, с. 46].

В табл. 1 представлены сравнительные макроэкономические показатели страховых рынков России и Европейского Союза, входящего в четверку наиболее влиятельных членов ВТО [6, с. 13]. Показатели страховых организаций ЕС в среднем на порядок превосходят соответствующие российские показатели. Таким образом, несмотря на декларируемое равноправие членов ВТО, России придется открыть свой недостаточно развитый и недокапитализированный страховой рынок для обладающих заведомо более высоким финансовым потенциалом иностранных страховщиков.

Таблица 1

**Основные макроэкономические показатели
страховых рынков России и Европейского Союза (2010 г.)**

Наименование	Доля в совокупной мировой страховой премии, %	Страховая премия на душу населения, долл. США	Доля сборов страховых премий в ВВП, %
Россия	0,97	114,22	1,31
Европейский Союз	36,44	2774,60	8,42

В политологических исследованиях в целях выявления и изучения факторов силы и слабости, возможностей и угроз, связанных с динамикой состояния внешней и внутренней среды, успешно применяют SWOT-анализ [7, с. 3]. Думается, что данный метод исследования можно использовать применительно к политологической оценке состояния и перспектив развития отечественного страхового рынка.

По нашему мнению, следует разделять последствия экспансии иностранных страховщиков соответственно на отечественные рынки страхования жизни и страхования иных, чем страхование жизни, видов. Страхование жизни обладает следующими отличиями: длительные сроки договоров; страхователи сохраняют права на уплаченные страховые взносы; в актуарные расчеты вводятся нормы доходности, которые объявляются страхователем при заключении договоров. Указанные особенности должны быть учтены, так как интересы российских страхователей могут пострадать вследствие внезапных выводов активов иностранными страховщиками за рубеж и неблагоприятной волатильности зарубежных рынков капиталов (табл. 2).

Таблица 2

**SWOT-анализ российского рынка страхования жизни
после вступления России в ВТО**

Сила (Strengths): • Доступ к долгосрочным ресурсам мировых финансовых рынков. • Повышение финансовой устойчивости страхования жизни с приходом иностранных страховщиков, обладающих международными кредитными рейтингами. • Повышение эффективности банкострахования по направлениям инвестирования страховых резервов и собственных средств страховщиков.	Слабости (Weakness): • Отечественные нормативно-правовые акты не унифицированы с международными нормами страхового надзора. • Снижение платежеспособного спроса вследствие возможного банкротства ряда отечественных предприятий и роста безработицы. • Недостаточное налоговое стимулирование юридических и физических лиц к заключению долгосрочных договоров страхования жизни.
Возможности (Opportunities): • Предложение долгосрочных страховых продуктов с привлекательной нормой доходности в валютном эквиваленте. • Диверсификация агентской и брокерской сетей для сбыта страховых продуктов. • Усиление сервисной составляющей в ассортименте страховых продуктов.	Угрозы (Threats): • Возможный внезапный вывод финансовых активов иностранных страховщиков за рубеж вследствие усиления социально-политических рисков. • Рост инфляции и неблагоприятные колебания процентных ставок на финансовых рынках. • Усиление волатильности валютных курсов.

При формировании государственной политики России после вступления в ВТО по иным видам страхования (исключая страхование жизни) должны быть учтены следующие возможные негативные последствия: вытеснение отечественных страховщиков из наиболее доходных сегментов страхового рынка; утечка конфиденциальной информации о техногенных и экологических рисках; вывоз валюты за рубеж в виде страховых и перестраховочных премий (табл. 3).

Таблица 3

**SWOT-анализ российского рынка иных видов страхования
после вступления России в ВТО**

Сила (Strengths): • Предложение клиент-ориентированных страховых продуктов мирового уровня. • Возможное снижение страховых тарифов и страховых премий. • Развитие банкострахования в сферах автокредитования, ипотеки, потребительских кредитов.	Слабости (Weakness): • Вывоз валюты за рубеж в виде страховых и перестраховочных премий. • Возможная утечка конфиденциальной информации. • Отечественные нормативно-правовые акты не унифицированы с международными нормами обеспечения финансовой устойчивости и платежеспособности страховщиков.
--	--

Возможности (Opportunities): • Выход на международные рынки страхования и перестрахования. • Получение доступа к современным технологиям страхования и хеджирования рисков. • Усиление превентивной функции страхования.	Угрозы (Threats): • Захват иностранными страховщиками наиболее рентабельных сегментов рынка. • Нарастание асимметрии информации по объектам страхования в пользу иностранных страховщиков. • Возможное несвоевременное выполнение обязательств иностранными страховщиками вследствие реализации катастрофических мировых стихийных и техногенных рисков.
---	---

Рейтинговое агентство «Эксперт РА» прогнозирует к 2021 г. три сценария развития отечественного страхового рынка [8]. Наиболее вероятный сценарий предусматривает возрастание рыночной доли иностранных страховщиков до 60–70%; в десятке лидеров отечественного страхового рынка будут преобладать иностранные компании. Пессимистический сценарий маловероятен, но предопределяет переход страхового рынка под контроль транснациональных страховых групп; рыночная доля иностранных страховщиков превысит 80%; в десятке лидеров останутся не более двух-трех российских страховых организаций. По оптимистическому сценарию вступление в ВТО и взаимовыгодное сотрудничество с иностранными страховщиками сформирует конкурентный страховой рынок с долей иностранных страховщиков с совокупной премией 50%; в десятке лидеров окажутся 5–6 национальных страховщиков.

Исследователь проблем развития внешней торговли стран – членов ЕС и привлечения иностранных инвестиций П. Фишер отмечает: «...растущее число переходных экономик разрабатывают фискальные, финансовые и нефинансовые побудительные механизмы для приоритетных отраслей и регионов. Часто бывает, чтобы воспользоваться определенными побудительными механизмами, транснациональные корпорации должны выполнить ряд специальных условий и ограничений. Ограничения обычно вводятся, когда отрасль уже успешно функционирует, когда отечественные компании показывают признаки своей конкурентоспособности» [9, с. 420]. По нашему мнению, государству совместно с представителями страхового сообщества и страхователями целесообразно разработать транспарентную систему ограничений для иностранных страховщиков на отечественном рынке:

1) финансовые ограничения:

– повышенные требования к размерам уставного капитала и собственных средств;

– ограниченный доступ к видам обязательного государственного страхования;

– ограничения в репатриации страховых резервов;

2) ограничения в области страховых технологий и персонала:

– передача передовых страховых технологий и обучения персонала;

- обязательные квоты занятости в иностранных страховых организациях для местного населения;
- лимиты для иностранных менеджеров в руководстве страховых организаций;

3) ограничения в области прав собственности:

- ограничения прав собственности в сфере недвижимости;
- ограничения в реинвестировании и репатриации прибыли;
- неполная защита прав собственности на нематериальные активы.

В изменившейся государственной политике в области страхования должны присутствовать прямые и косвенные методы государственного регулирования: контроль иностранных страховщиков совместно отечественными и международными органами страхового надзора, включающий правила и процедуры селекции и допуска на национальный страховой рынок; согласование на государственном и региональном уровнях ограничений и льгот для иностранных страховщиков.

Резюмируя изложенное, можно сделать ряд выводов. Во-первых, вступление России в ВТО и нарастающие процессы глобализации влекут за собой как положительные, так и негативные последствия для национального страхового рынка. Во-вторых, государственная политика после вступления в ВТО должна учитывать принципиальное различие и социально-экономические факторы состояния и развития страхования жизни и страхования иных, чем страхование жизни, видов. В-третьих, политика государства в сфере страхования после вступления в ВТО не может быть сведена только к государственному регулированию на федеральном уровне. Процессы формирования и осуществления политики в отношении иностранных транснациональных страховщиков не могут быть полностью монополизированы государством, но должны происходить в тесном взаимодействии с представителями отечественных страховых бизнес-сообществ и страхователями на федеральном и региональном уровнях.

Библиографический список

1. Денисенко Е. Долгая дорога к клубу // Эксперт С-З. 2012. № 5.
2. Development, Trade, and the WTO: A Handbook / eds. by B. Hoekman, A. Mattoo, P. English; World Bank (Trade and Development Series) N.Y., 2002.
3. Райзберг Б.А. Государственное управление и администрирование в экономике и социальной сфере: учеб. пособие. М., 2007.
4. Скажи: «Чииз». URL: <http://www.insur-info.ru/press/75188> (дата обращения: 16.04.2012).
5. Итоги деятельности страховщиков за 2011 год // Финансы. 2012. № 3.
6. Сравнительные данные мирового страхового рынка // Страховое дело. 2011. № 11.
7. Красиков С.А. Использование отдельных элементов теории политических рисков для проведения политологических исследований // Управление риском. 2007. № 4.
8. Доля иностранцев в общей премии после либерализации страхового рынка вырастет минимум до 50%. URL: <http://www.allinsurance.ru/biser.nsf/AllDocs/IUVKII-8S678G070312956> (дата обращения: 09.03.2012).
9. Фишер П. Прямые иностранные инвестиции для России: стратегия возрождения промышленности М., 1999.

РОССИЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО И ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО: ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

S.L. Merzlyakov
The Cooperation between
P. A. Stolypin and the State
Duma III as an Example
of Relations between Authorities
and the Society
for Modern Russia

Features of the relations between the Prime Minister Stolypin and the State Duma are revealed. The problem of social and political bases provision for extensive reforms is stated.

Key words and word-combinations: authority, society, reforms, conservatives, revolutionists.

Показаны особенности взаимоотношений премьер-министра Столыпина с Государственной думой. Ставится проблема обеспечения социальной и политической основ масштабных преобразований.

Ключевые слова и словосочетания: власть, общество, реформы, консерваторы, революционеры.

УДК 94(47)«17/1917»:316.334.3
ББК 63.3(2)5+60.561.3

С.Л. Мерзляков

СОТРУДНИЧЕСТВО П.А. СТОЛЫПИНА И III ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ КАК ПРИМЕР ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ВЛАСТИ И ОБЩЕСТВА ДЛЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Сегодня, как и сто лет назад, российская власть оказывается перед историческим выбором: пойти в интересах развития страны на вынужденный компромисс с оппозицией или же использовать в отношении нее «силовое» принуждение. Вот почему опыт столыпинских преобразований, анализ личностного фактора и осознание социальной ответственности всеми участниками политического процесса чрезвычайно важны для достижения положительных результатов формирования всей политической системы в условиях непопулярных мер и преобразований, направленных, в первую очередь, на сохранение государственности.

Николай II управлял страной с помощью армии чиновников, уже в конце XIX в. насчитывавшей 455 тыс. человек. При этом система институтов государства была далеко не совершенна. В частности, Государственный Совет был законосовещательным органом, а кабинет министров, по сути, не являлся правительством, так как глава каждого ведомства подчинялся непосредственно императору. Деятельность государственных органов отличалась формализмом, полной бесконтрольностью чиновников. В сложившихся условиях усилилось оппозиционное самодержавию общественно-политическое движение. Первая русская революция заставила власть искать компромиссы, идти на трансформацию политической системы, создавать новые институты.

Однако, как показал опыт, сами по себе институциональные изменения не смогли разрешить имевшихся в российском обществе и государстве глубоких противоречий. Так, I Государственная дума, поставив вопрос о принудительном отчуждении помещичьей земли, превратилась, по мнению царя, в революционную трибуну. 9 июля 1906 г. она была разогнана, Николай II объявил о созыве II Думы, а Председателем Совета министров назначил министра внутренних дел П.А. Столыпина.

Состоявшиеся в январе – феврале 1907 г. выборы во II Государственную думу обеспечили успех левым партиям. Главным же в работе II Думы вновь стал аграрный вопрос, обсуждение которого приняло острый и нежелательный для правительства П.А. Столыпина характер. Возникла реальная угроза, что Дума не утвердит его указ от 9 ноября 1906 г., по которому крестьянин, пользовавшийся наделом земли на общинном праве, мог потребовать передачи данного надела в личную собственность. В связи с этим 3 июня 1907 г. были опубликованы Манифест о роспуске II Государственной думы и новый избирательный закон. В результате этих событий в III Думе ощутимо преобладали депутаты от помещиков и буржуазии; в ней образовался помещичье-буржуазный союз. По своему партийному представительству нижняя палата российского парламента явно «поправела». Эта Дума была более пригодна для использования в качестве инструмента в целях реализации планов и задач, которые ставил перед страной П.А. Столыпин.

В истории российского дореволюционного парламентаризма III Дума занимает особое место: она единственная, проработавшая весь определенный ей законом срок. В это время в России отмечается год от года набирающий силу подъем экономики и культуры; растет численность населения; осваиваются новые для земледелия районы страны; создаются промышленные центры; укрепляется курс рубля и обеспечивается бездефицитный бюджет; по благосостоянию населения страна входит в шестерку наиболее обеспеченных стран мира [1]. Некоторые исследователи связывают это с тем, что «успокоение общества» с помощью череды преобразований, отвлекавших от революционной борьбы часть масс, и создание народного представительства в лице «удобной» Думы позволили государству сконцентрироваться на решении задач внутренней модернизации. Но была и другая сторона медали: Россия продолжала оставаться страной резких контрастов. По-прежнему действовали чрезвычайные правила, введенные еще Александром III в самом начале его

правления как временная мера, но так и не принесшие ожидаемого «успокоения» ни в деревне, ни в городе. Отказаться от чрезвычайных мер российская власть так и не смогла. Продолжалась практика внесудебных расправ, сохранялось социальное и правовое неравенство подданных, игнорировались справедливые требования трудящихся.

«Россия, – утверждал П.А. Столыпин с думской трибуны и, следовательно перед всей страной, – не может не быть недовольной; она недовольна не только правительством, но и Государственной думой и Государственным Советом, недовольна и правыми и левыми партиями... Недовольство это пройдет, когда обрисуется и укрепится русское государственное самосознание... И достигнуть этого возможно при одном условии: при правильной совместной работе правительства с представительными учреждениями» [2, с. 263–264]. Российская история свидетельствует, что при всей глубине понимания значения формирования «государственного мышления» премьер-министр оказался не услышан ни самими партиями, ни Думой, ни обществом, ни царем.

За пять лет существования III Дума рассмотрела и одобрила 2 197 законопроектов. Почти все они подготавливались правительством, за которым, по существу, безраздельно оставалось право «законодательного почина». При этом для Думы проекты П.А. Столыпина представлялись слишком консервативными, а для Государственного Совета, наоборот, – чрезмерно радикальными. «Прорваться» премьер-министру между такими Сциллой и Харибдой зачастую не удавалось, даже задействовав пресловутую статью 87 Основных законов Российской империи.

Несмотря на усилия П.А. Столыпина, среди принятых законов не оказалось важнейших, затрагивающих коренные интересы громаднейшей массы населения, простого народа: о волостном земстве, о кооперации, о самоуправлении церковных общин (приходов), о введении земства в Сибири и других местах, где оно отсутствовало. Дума не внесла необходимых поправок в аграрную реформу с целью ликвидации ее административной односторонности. В значительной мере эти сбои в работе законодательного механизма объяснялись отсутствием взаимопонимания между Думой, Государственным Советом и правительством, о чем с горечью говорил П.А. Столыпин.

Кроме того, имелось другое неустранимое размежевание: между левыми оппозиционными силами, с одной стороны, и лагерем монархии, с другой, имелось коренное расхождение в общей оценке ситуации в стране, а следовательно и в оценке политических задач, определении стратегии государственного руководства.

Либерально-демократическая оппозиция, стоявшая на легитимных позициях, заявляла: в стране наступило «успокоение», и правительство Столыпина само признает этот факт как свое важнейшее завоевание. Следовательно, раз есть «успокоение», то, как и обещало правительство, должны последовать реформы. Необходимость реформ признавало и правительство, опасавшееся, что в противном случае верх возьмут радикалы-социалисты, анархисты, прочие экстремисты, вся «мудрость» которых сводится к призыву: «Долой самодержавие!»

Только преобразования, считали правительственные реформаторы, могут ликвидировать корни «смуты», уничтожить «многоголовую гидру революции».

Позиция же монархического лагеря сводилась к отрицанию полного «успокоения страны», и следовательно сложившихся условий для реформ и причин для отмены методов чрезвычайщины в государственном управлении. Не случайно именно в связи с обсуждением в Государственном Совете одобренного Думой законопроекта о введении волостного земства Совет объединенного дворянства обратился к П.А. Столыпину со специальной запиской. В ней с прискорбием свидетельствовалось, что во многих местностях деревня и помещичья усадьба представляет собой два враждебных стана – «нападающих» и «обороняющихся», и делался общий вывод об отсутствии в стране условий для реформ. «Правые» демонстрировали убежденность, что «реформы сеют смуты», «способствуют анархии» и «разгулу страстей народных», «создают только дыры в правительственном лагере» [3, с. 2455; 4, с. 126–136, 159–160].

Думе так и не удалось стать консолидатором политических сил и предотвратить сползание страны к новому революционному потрясению. Ей не удалось пресечь процесс «размывания» законов – этот бич российской государственности, о котором с горечью говорили крупнейшие научные авторитеты страны [5, с. 148].

В свою очередь, правительство внимательно следило за деятельностью Думы и пресекало всякую ее попытку быть более или менее самостоятельной, пытаться расширительно истолковывать свои права. Тем не менее в летнюю сессию 1908 г. III Дума вошла в конфронтацию с Министерством финансов при обсуждении вопроса об ограничении продажи спиртных напитков. Не согласившись с предложениями Минфина, она поручила собственной комиссии выработать свой проект, но Сенат счел этот шаг Думы незаконным.

За время работы III Думы созданный в 1905–1907 гг. в России монархический законотворческий механизм показал свою недееспособность. Дума не могла, да и не очень стремилась отрегулировать или изменить его, выбить имевшиеся «законодательные пробки». Монархия же в лице Николая II, не отдавая себе в этом отчета, сама рубила последние возможности реформистского пути развития государства.

Даже имея в целом послушную Думу, правительство все же прибегало к правовому оформлению своих шагов путем издания не законов, а «высочайших указов», то есть актов императора. Так, именным указом были введены в действие «Правила о выделах надельной земли к одним местам». Закон, проведенный по ст. 87, получил одобрение обеих палат, но об этом при включении в Свод законов Российской империи упоминаний не делалось, а ведь речь велась о ключевом вопросе – о земле, о ломке привычного традиционного землепользования и, более того, образа жизни и мыслей подавляющего большинства российского населения.

Осведомленные вдумчивые современники отмечали, что на практике правительство стирает грани между указом и законом и верховное управление, как и в старой России, в любой нужный момент может пресечь законодателей. Против такого положения дел выступал сам П.А. Столыпин, который главную цель

проводимых реформ видел в превращении Российской империи в правовое государство, что и вызывало, по нашему мнению, главные трения между монархом и премьером.

Характерно, что не только видные общественные, научные деятели, известные противники режима, но и виднейшие сановники признавали нарастание авторитарных тенденций и всяческое пренебрежение Думой со стороны монархической власти. Отмечая нарастание авторитарных методов управления, систематического умаления прав не только «усеченного» в своем значении парламента, но и Совета министров, Председатель последнего В.Н. Коковцов писал: «В ближайшем окружении Государя значение правительства как-то стусевалось, и все резче и рельефнее выступал личный характер управления государем... в ближайшее окружение царя все более и более внедрялось сознание, что Государь может сделать все один. Министры, не проникнутые идеей самодержавия, а тем более Государственная дума, вечно докучающая правительству своей критикой, запросами, придирками и желанием властвовать, – все это должно быть ограничено возможно меньшими пределами» [6, с. 215].

К концу существования III Думы император возродил старую практику управления путем заслушивания всеподданнейших докладов отдельных министров, по которым он принимал решения единолично. Он рассматривал министров как своих «докладчиков», готовивших материал для его решений. Министр просвещения в кабинете П.А. Столыпина, профессор А.Н. Шварц отмечал, что увлеченный идеей восстановления всевластия самодержца Николай II не очень стеснялся в отзывах и о Думе, и о Совете министров. Он не раз говорил лицам, которые советовали ему считаться с Советом министров и Государственной Думой: «Это мне, простите, наплевать» [7, с. 67]. Видимо, не только Думу, но и Совет министров император терпел с большим трудом.

Николай II был убежден, что такие крупные государственные деятели, как действовавший премьер-министр П.А. Столыпин, оставляли его в тени, подрывали устои его самодержавной власти. Не случайно при назначении В.Н. Коковцова председателем Совета министров, последовавшего в день смерти Петра Аркадьевича, император произнес: «Надеюсь, что Вы не будете заслонять меня, как Столыпин». Характерно и заявление императрицы новому премьеру: «Вы очень чтите память Столыпина и придаете слишком много значения его деятельности, его личности. Не надо жалеть так тех, кого не стало... Он уже окончил свою роль и ему нечего уже было более исполнять» [6, с. 66].

Умаление роли Совета министров и его Председателя со стороны «ограниченного самодержца» заставляет вспомнить замысел, положенный в основание конституционных реформ 1906 г. Одновременно с учреждением Думы и наделением ее законодательными функциями бесправный прежде кабинет министров преобразовывается в полномочный Совет министров, призванный сосредоточить в своих руках все дела по подготовке законопроектов – на долю же Думы оставалось «давать на них согласие». Так оно и шло, особенно во времена П.А. Столыпина, буквально завалившего Думу проектами реформ. Разработан-

ная П.А. Столыпиным программа преобразований, помимо аграрной реформы, содержала целый комплекс законопроектов, в том числе проекты преобразования системы местных органов, однако эти законопроекты не были одобрены Государственной думой. Миссия поддержки реформатора для нее оказалась непосильной задачей.

В Думе выдвинулась плеяда видных ораторов (Ф.И. Родичев, В.М. Пуришкевич, В.А. Маклаков, А.Ф. Керенский), но среди них, как показала история, не оказалось ни одного крупного политического деятеля, понимающего народ, обладавшего подлинно государственной мудростью и надлежащей силой воли. В свою очередь, личностный фактор, присутствовавший во взаимоотношениях премьер-министра и нижней палаты российского парламента, негативно сказался на развитии институтов представительной демократии в России в целом.

Во времена премьер-министра П.А. Столыпина наладить продуктивную коммуникацию важнейших институтов государства так и не удалось, в результате чего произошел не только отказ от реформ, но и крах самой российской государственности. Вина здесь лежит не на только излишне авторитарной власти, но и на избыточно радикальном обществе. Ситуация треугольника «монарх – премьер-министр – дума» представляется не просто столкновением различающихся по своему характеру и содержанию интересов: она находит параллели в современной российской конфигурации политической системы, где одновременно действуют президент, премьер-министр, специфически понимающая свои задачи Государственная Дума и «партия власти», превращающая нижнюю палату современного российского парламента в подобие III Государственной думы Российской империи. Пассивность современной Государственной Думы, не желающей полномасштабно реализовывать свои полномочия, не испытывающей потребности в поиске взаимоприемлемых решений с исполнительной властью, лишь усугубляет ситуацию.

Сложившаяся сегодня в России схема организации политических отношений все более приближается к рассмотренному и столь нежелательному варианту разложения государственности. Следовательно, важно помнить о трагическом историческом опыте неконструктивного взаимодействия ключевых институтов верховной власти в Российском государстве, чтобы избежать негативного сценария развития событий в будущем.

Библиографический список

1. Российская империя до 1917 г. URL: <http://his.1september.ru/articlef.php?ID=200404205>
2. Речь П.А. Столыпина в Государственной думе 31 марта 1910 г. // П.А. Столыпин. Нам нужна Великая Россия. М., 1991.
3. Государственная дума. Третий созыв: стеногр. отчет. 1908, сессия 1, ч. 2. СПб., 1908.
4. Герье В. Второе раскрепощение. М., 1911.
5. Смирнов А.Ф. Государственная Дума Российской Империи 1906–1917 гг.: историко-правовой очерк. М., 1998.
6. Коковцов В.Н. Из моего прошлого. М., 1992. Т. 2.
7. Шварц А.Н. Моя переписка со Столыпиным. Мои воспоминания о Государе. М., 1994.

A.G. Kuznetsov
**Authority and Social Exchange:
Methodology of Sociological
Explication**

The social interpretations of power in the theory of social exchange are considered. The contribution of its representatives in the formation and development of the world sociological science is highlighted.

Key words and word-combinations: social phenomena and processes, social behavior, social interaction, social exchange theory.

Рассматриваются социологические интерпретации власти в теории социального обмена. Освещается вклад представителей теории в становление и развитие мировой социологической науки.

Ключевые слова и словосочетания: социальные явления и процессы, социальное поведение, социальное взаимодействие, теория социального обмена.

УДК 316.354:351/354
ББК 60.561.1

А.Г. Кузнецов

ВЛАСТЬ И СОЦИАЛЬНЫЙ ОБМЕН: МЕТОДОЛОГИЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЛИКАЦИИ

Многогранный феномен власти традиционно является приоритетным для социального познания. И классический, и современный этапы развития мировой социологической науки достаточно убедительно свидетельствуют о том, что осмысление теоретико-методологических оснований власти позволяет понять глубинные процессы, которые происходят в той или иной социальной системе, выявить их суть, порой скрытую для исследователя.

Методами социологической рефлексии исследуется широкий спектр проблем, генерируемых в системе «общество – власть» [1]. Ученых интересуют как фундаментальные сюжеты, например социальная природа власти, так и заметно более прикладные, в частности механизмы и способы воздействия власти на общество, управление сознанием и поведением людей. Специфическим предметом социологического анализа стала оценка эффективности и качества власти, социальных результатов принимаемых политических решений.

Представляется важным проанализировать современные зарубежные социологические концепции власти в целях определения их совместимости с российским историческим опытом и культурой и выработки предложений по адаптации этих концептуальных моделей к отечественным условиям. Особый научный и практический интерес, на наш

взгляд, представляет методология социологической экспликации власти в теории социального обмена.

Теория социального обмена – направление в социологии, представители которого рассматривают обмен различными типами деятельности как фундаментальную основу общественных отношений, на которой базируются различные структурные образования. Центральным в теории социального обмена является анализ отношений между акторами (субъектами деятельности) в различных социальных структурах, вступающими во взаимодействие для удовлетворения своих потребностей.

Эксперты считают теорию социального обмена одной из основных методологических перспектив в современной социологии, демонстрирующей образцы логико-познавательного осмысления и всестороннего объяснения содержания, структуры и динамики власти [2, с. 230]. Теория возникла в 1950–1960-х годах в США. Она выкристаллизовывалась главным образом в полемике со структурным функционализмом, стремясь преодолеть его статичность, которая обуславливалась явно не достаточным учетом в структурном функционализме фактора происходящих динамических изменений социальных процессов. В то же время теория социального обмена позволяла полнее и глубже учесть личностные аспекты, характеризующие общественные трансформации.

Социальные отношения и социальные структуры, порождаемые узами, связывающими людей в различные формы ассоциаций, рассматриваются представителями данной теории в качестве основных объектов исследования. Властные и статусные отношения между акторами в различных типах социальных структур определяются как ключевые силы социодинамики, а власть является важнейшей категорией анализа природы общественных изменений [3, с. 41]. Важным предметом анализа выступает проблема распределения власти, осуществляемого в рамках структур обмена.

Историки американской социологии отмечают, что наиболее содержательные и обоснованные интерпретации власти в теории социального обмена представлены в трудах основоположников этого направления: П. Блау, Д. Хоманса, Р. Эмерсона [4, с. 141].

Первым, кто сформулировал и концептуально оформил основные положения теории социального обмена, был Джордж Хоманс, с именем которого в социологии также связывают сосредоточенность на изучении микрооснований социальных структур и их изменений. В фундаментальной работе Хоманса «Социальное поведение как обмен» имплицитно присутствует интерес к феномену власти и сформированы методологические основания его исследований в рамках основных допущений теории социального обмена [5]. По Хомансу, социальный обмен предполагает добровольное и инициативное предоставление выгод и услуг, что и создает определенные обязательства. Парадокс социального обмена состоит в том, что он не только служит для установления уз дружбы, но и создает статусные различия между людьми.

Постоянное одностороннее предоставление важных благ – основной источник власти. Человек, имеющий в своем распоряжении ресурсы по удовлетворению потребностей других людей, может приобрести власть над ними. Согласно

Хомансу власть, как социологическое понятие, необходимо объяснять не действием макросоциальных структур и институтов, как это принято в структурном функционализме, а с точки зрения порождающих их социальных отношений, суть которых он видит в стремлении людей к получению наград и выгод, а также взаимному обмену ими. Следует подчеркнуть, что именно этот акцент на социальное взаимодействие, подкрепляемое различными видами вознаграждений, в объяснении различных общественных явлений принес признание теории социального обмена.

Последователь Хоманса Питер Блау стремился придать дефинициям теории социального обмена в большей мере социологическую ориентацию, комбинируя их с категориями макросоциологических концепций. Его фундаментальная работа «Обмен и власть в социальной жизни» посвящена исследованию власти в контексте институциональных систем обмена [6].

Согласно методологии Блау власть является ключевой категорией анализа социальных макроструктур и динамики их изменений. Эти процессы он рассматривает как проявления вторичного обмена. Вторичный обмен – правомерность в использовании власти в обмен на социальное одобрение – возникает в социуме по мере того, как власть становится дифференцированной. Властные отношения, приводимые в движение этим процессом, ведут дело либо к легитимизации и организации, либо к оппозиции и переменам.

Блау считает, что коллективное одобрение власти легитимизирует такую власть. Если люди получают выгоду от того способа, каким ими управляют находящиеся у власти, и считают требования, предъявляемые к ним, полностью оправданными теми преимуществами, которые им предоставляют, то в этом случае легко развиваются общие чувства лояльности, поскольку в процессе общения людей друг с другом они дают положительную оценку власти. Сообщество подчиненных вознаграждает находящихся у власти за полученные выгоды тем, что поддерживает указания лидеров и авторитет руководителя. Таким образом, по Блау, отличительной характеристикой легитимной власти является то, что командам вышестоящих подчиняются не потому, что у них есть власть санкций, а исходя из нормативного давления, оказываемого самими подчиненными, особенно если эти нормативные рамки институционализируются [6, с. 253].

В свою очередь, коллективное осуждение власти порождает оппозицию. Люди, считающие, что их эксплуатируют и угнетают чрезмерные требования находящихся у власти, склонны обмениваться друг с другом своими недовольствами и претензиями. Желание отомстить, ударив по угнетателям, часто вспыхивает в таких обсуждениях, где люди получают социальную поддержку своим агрессивным чувствам. При этом может быть принята идеология оппозиции, что еще больше оправдывает и подкрепляет враждебность против существующих властей. Оппозиционное движение как раз и развивается из такого разделенного недовольства, например: люди сплачиваются, чтобы организовать союз против своего работодателя или утверждают радикальную партию, борющуюся против своего правительства. Такая оппозиция является важным катализатором коренных социальных изменений [6, с. 253].

Большое внимание Блау уделяет нормативно-ценностной стороне социаль-

ного обмена, чтобы объяснить крупномасштабные процессы дифференциации власти, которые оказывают существенное влияние на социальное поведение и интерактивный межличностный обмен. Нормы и ценности рассматриваются им в качестве фундамента властных отношений, основания целостности и стабильности социальной системы. Согласно Блау, наличие единой нормативно-ценностной системы, разделяемой широкими массами, является показателем эффективности выполнения властью своих социальных функций, а глобальная цель любого политического режима должна заключаться в стремлении сформировать систему базисных ценностей, на которые ориентируются если не все, то подавляющая часть данного общества. Ведомые социально значимыми нормативно-ценностными образованиями люди часто отодвигают на задний план непосредственный собственный интерес и соображения обмена. Например, профессиональные нормы могут потребовать от специалиста помогать клиентам, не считаясь с вознаграждением, получаемым от них [6, с. 301]. Таким образом, Блау стремится показать, что теория социального обмена самым прямым образом касается непосредственных межличностных отношений и, следовательно, может быть дополнена другими теоретическими положениями и методологическими принципами, имеющими дело со сложными институционализированными структурами. В связи с этим создается общий контекст анализа макроструктур и процессов в системе «обмен и власть», основанный на расширении микроуровневой теоретической модели социального обмена.

Как и у Блау, тема «обмен и власть» находится в центре анализа у Ричарда Эмерсона. В работе «Теория обмена» он представил свое понимание власти и обосновал более широкую обменную теорию властных отношений [7].

Главное положение концепции Эмерсона сформулировано следующим образом: власть, определенная в терминах отношений – это функция зависимости одного актора от других, которая выражается в возможностях доступа к социальным ресурсам, их контроля и распределения из альтернативных источников. Актор, имеющий в своем распоряжении ресурсы по удовлетворению потребностей других социальных субъектов, может приобрести власть над ними при условии, что соблюден ряд требований. Важнейшие из них: индивиды не должны иметь ресурсов, которые они могут получить в ходе прямого обмена; у людей отсутствуют возможности получения желаемых благ из альтернативных источников; для социальных субъектов невозможно получить ресурсы с помощью силы; индивиды не должны производить переоценку ценностей, позволяющую им обойтись без благ, в которых они ранее нуждались. Только наличие всех указанных требований порождает зависимость от власти, а также ее дифференциацию.

Эмерсон значительно расширяет концептуальную базу теории социального обмена, вводя в научный оборот понятия «эмерджентность» и «диффузность», позволяющие переходить от властных отношений в малой группе к их более широким структурным связям. Диффузность предполагает отсутствие жесткой детерминации как по срокам, так и по формам вознаграждения за добровольно, а часто и инициативно оказанные человеком услуги другим людям. Эта категория дает возможность более углубленно объяснить и, соответственно,

спрогнозировать поведение индивида, имеющего свободу выбора в различных жизненных ситуациях, искусственно создаваемых властью в условиях современного общества. Общий смысл эмерджентности состоит в том, что социальный агрегат интерпретируется как целое, включая составляющие его элементы. Эмерсон полагает, что эмерджентные свойства власти должны быть определены в строго операциональных терминах и с достаточно большой степенью точности – их импликации должны быть логичными и позволять эмпирически измерять анализируемое свойство [7, с. 83].

Следует отметить последовательность Эмерсона в стремлении своей концепцией объединить подходы Хоманса и Блау. Его работы составили, по сути, теоретико-методологическую основу большинства последующих исследований об обмене и власти, проведенных в 1970–1990-е годы.

Сложившиеся в теории социального обмена традиции плодотворно развиваются в современной социологии [8, с. 10].

В настоящее время теория социального обмена довольно часто используется ведущими исследование социальных общностей и структур социологами в силу того, что она представляет собой достаточно удачную и конструктивную попытку интегрировать различные подходы в рамках перехода «микро-макроразвено» социальной реальности. Ее методологические принципы успешно применяются в эмпирических исследованиях, ориентированных на изучение наблюдаемых и экспериментально фиксируемых фактов социального поведения и взаимодействия. Последнее обстоятельство позволяет теории социального обмена все чаще конвергировать с другими социологическими концепциями, в частности с ролевыми теориями и анализом социальных сетей. Так, определение отношений обмена как «связанных» различными путями с формированием сетевых структур стало ключом к дальнейшему развитию этого влиятельного методологического направления в современной социологической мысли.

Вместе с тем многие эксперты полагают, что возможности теории социального обмена применительно к анализу власти не только не исчерпаны, но даже еще далеко не осознаны в полном объеме, ведь она не только позволяет проводить изучение разных уровней социальной реальности (социетального, макро- и микрогруппового), но и дает возможность осуществления органичного кросс-уровневого синтеза различных процессов и явлений, которые имеют место в обществе и государстве [9, с. 120]. Вполне обоснованной представляется также точка зрения, согласно которой теория социального обмена открывает широкие перспективы социологического исследования реального состояния институтов и структур власти, процессов их трансформации в современных условиях [10, с. 227]. Социально-практическая ценность этого знания во многом определяется его инженерной и управленческой функциями, связанными с возможностью целенаправленного воздействия на общество, на его отдельные сферы и группы, на процессы социального поведения и взаимодействия.

Все изложенное позволяет сделать вывод о том, что методология социологической экспликации власти и социального обмена должна в дальнейшем стать объектом более пристального концептуального анализа теоретической и прикладной социологии.

Библиографический список

1. Социологическая литература. М., 2011.
2. The Social Science Encyclopedia / ed. by A. Kyper. L., 1996.
3. Култыгин В.П. Современные зарубежные социологические концепции. М., 2000.
4. The Classical Tradition in Sociology: the American Tradition / ed. by J. Alexander et al. L., 1997.
5. Homans G. Social Behavior as Exchange. N.Y., 1974.
6. Blau P. Exchange and Power in Social Life. N.Y., 1986.
7. Emerson R. Exchange Theory. Boston, 1972.
8. The Classical Tradition in Sociology. L., 1997.
9. Coser L. Masters of Sociological Thought. N.Y., 1977.
10. International Encyclopedia of the Social Sciences. N.Y., 1998.

Yu.A. Aleksandrova
The Postmodernity of Political Power: the Space of Simulacra and Deconstruction

The analysis of the vector of political power development in Postmodernity is presented. The role of a simulacrum and a deconstruction in the process of organization and functioning of political power, the basic forms of their display are defined.

Key words and word-combinations: political power, the Postmodernity, simulacrum, deconstruction.

Представлен анализ вектора развития политической власти в эпоху постмодерна. Определена роль симулякра и деконструкции в процессе организации и функционирования политической власти, а также основные формы их проявления.

Ключевые слова и словосочетания: политическая власть, постмодерн, симулякр, деконструкция.

УДК 316.334.3
ББК 60.561.3

Ю.А. Александрова

**ПОСТМОДЕРН
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ:
ПРОСТРАНСТВО
СИМУЛЯКРОВ
И ДЕКОНСТРУКЦИИ**

С утверждением эпохи постмодерна во всех сферах общественной жизни достаточно отчетливо наметилась тенденция на трансформацию прежних канонов и норм, в соответствии с которыми в основном развивались процессы и явления эпохи модерна.

Зародившись в 1910-е годы в сфере культуры, век спустя постмодерн кардинальным образом изменил базовые начала и принципы функционирования общественных отношений не только в области живописи или литературы, но и в сфере экономических, религиозных, семейных и, что особенно важно, политических отношений. Предопределенность, закономерность и последовательность перестали быть обязательными. В основу организации всех сфер деятельности были положены качественно новые приори-

теты и факторы, ранее не игравшие роли в мировой общественной практике. Среди них в политическом процессе доминирующее положение заняли симулякр и деконструкция.

Именно симулякр и деконструкция в значительной степени предопределили вектор модификации основополагающих характеристик политической власти в период постмодерна. В частности, симулякр (термин Ж. Бодрийяра) ввел в общественную жизнь принцип тождества между реальным и вымышленным, оригиналом и копией, причем вопрос о соответствии истинного и ложного не ставится. Деконструкция (термин предложен М. Хайдеггером, введен в научный оборот Ж. Лаканом и теоретически обоснован Ж. Дерридой), в свою очередь, предопределила возможность разделения исходного явления на отдельные первичные фрагменты с их последующим соединением на принципиально новой основе, при этом вариативность подобного рода соединения безгранична.

Безусловно, интенсивность, степень, формы и специфика проявления симулякра и деконструкции в современных политических процессах и отношениях зависят от комплекса факторов – региональных, исторических, культурных и других. Их определяющая роль в модификации политической власти во времена постмодерна не вызывает сомнений, подтверждением чему служит ряд фактов.

Прежде всего следует отметить, что в сфере политики подверглись деконструкции основы прогнозирования. С долгосрочного стратегического планирования приоритет сместился в сторону разработки и принятия тактических решений, ориентированных на урегулирование сиюминутно возникающих проблем. Это обусловлено тем, что долгосрочное (стратегическое) планирование предполагает существование под собой определенной идеологической базы, в то время как постмодерн демонстрирует недоверие к монополизму одной идеологии, отдавая предпочтение идейному плюрализму. Кроме того, стратегическое планирование становится малоэффективным в силу дефицита времени (постоянно сокращающегося временного интервала между возникновением проблемной ситуации и моментом ее разрешения), а также количественного и качественного усложнения комплекса проблем. В результате нередко политические решения принимаются в «реактивном» режиме – как ответная реакция на те или иные процессы. Иными словами, лидеры мировых держав все чаще оказываются «заложниками» происходящих событий, нежели управляют ими [1, с. 24].

Эффективность и результативность применения былых стратегических способов и средств разрешения возникающих проблем значительно снижается по причинам быстрого изменения существенных условий и устаревания информации. Нехватка времени и отсутствие возможности применения каких-либо прецедентов усложняют процедуры определения и реализации политических решений. На этом фоне актуализируется необходимость создания качественно новых методов урегулирования проблемных вопросов.

В современном мире деконструируются, приобретая симулятивный характер, не только основы планирования и прогнозирования перспектив на будущее, но и принципы осуществления политики в настоящем. В частности, по причине качественного изменения характера политических отношений в эпоху

постмодерна, достаточно отчетливо прослеживается тенденция на установление взаимозависимости между национальным и наднациональным уровнем политики. Как заметил У. Бек, «то новое, что приходит в мир, можно с полным основанием назвать ползучей революцией, ибо додуманый до конца режим соблюдения прав человека, получающий приоритет в сравнении с правом народов на самоопределение, опрокидывает политический миропорядок: так называемые внутренние дела государств становятся делом всех» [2, с. 107].

В эпоху постмодерна, помимо военного вмешательства во внутригосударственные процессы (иллюстрацией чему могут служить конфликты на Ближнем Востоке), особое значение приобретают экономические (стабилизация экономической системы Греции посредством вмешательства структур ЕС) и информационные взаимоотношения. Соответственно меняется и внутриполитическая повестка дня, одно из ключевых положений в которой для государства занимают внешнеполитические вопросы. В итоге нередко без должного внимания остаются такие проблемы бытия, как образование, здравоохранение и жилищно-коммунальное хозяйство. При этом те решения, которые все же принимаются в рамках внутренней политики государства, нередко либо носят характер ответной реакции, либо представляют собой реализацию требований наднациональных структур, либо не отвечают потребностям общества (хотя необходимые и обоснованные решения также принимаются).

Помимо неуклонного роста числа нерешенных вопросов в различных сферах общественной жизни, еще одним следствием постмодерна стала десакрализация политической власти. Примечательно, что это проявляется не просто в изменении места власти, ее роли и значения в жизни общества, но и в личностном восприятии гражданами. Если во времена модерна политическая власть, представленная прежде всего главой государства, воспринималась как Божий дар, нечто сакральное, воплощающее высшую справедливость и правду, то в условиях постмодерна ключевые, базисные принципы организации и функционирования политической власти деконструируются в совершенно противоположном направлении.

Во-первых, власть приобретает дисперсный и межсубъектный характер, отражающий процесс интеракции между акторами и препятствующий концентрации всей полноты власти в одних руках. Во-вторых, непререкаемость монаршего волеизъявления замещается формой властного диалога, проявляющегося прежде всего при разработке и реализации политических решений. В-третьих, утрачивают свой изначальный смысл, а следовательно, и значение такие культурно-идеологические элементы, служившие ранее основой для легализации и легитимации статуса и полномочий, заявлений и решений представителей политической власти, как традиции и обычаи, заповеди и культы, обряды и ритуалы. В результате этого в условиях постмодерна одним из основных каналов, представляющих новые возможности для осуществления данных функций, становятся средства массовой информации (TV, радио, пресса, Internet). В-четвертых, глава современного государства не является неприкосновенной личностью, ответственной исключительно перед Божьим судом – он прежде всего гражданин конкретной страны, а затем уже – облеченный особыми полномочиями

управленец. На него так же, как и на остальных людей, распространяется действие национального законодательства, в том числе в области определения юридической ответственности за совершение тех или иных действий. Примеров тому в последнее время становится все больше. Так, бывшего президента Египта Хосни Мубарака обвиняют в убийстве демонстрантов (около 800 человек) в январе 2011 г.; бывшего руководителя Ливии Муаммара Каддафи – в преступлениях против человечества; бывшего премьер-министра Украины Ю.В. Тимошенко – в превышении должностных полномочий при подписании газовых контрактов с Россией в 2009 г.; бывшего премьер-министра Израиля Эхуда Ольмерта – в получении взятки в размере около двух миллионов шекелей за содействие в строительстве комплекса элитного жилья в Иерусалиме; бывшего премьер-министра Исландии Гейра Хорде – в небрежном управлении государством (недоведении до сведения членов правительства и руководителей ведомств известной ему информации о приближающемся финансово-экономическом кризисе).

Все указанные элементы деконструкции политической власти эпохи постмодерна примерно в равной степени оказывают существенное влияние на основы организации современного политического процесса. Однако, если первые формы трансформации осуществляются в условиях отсутствия или незначительного по степени проявления общественного резонанса со стороны мирового сообщества, то последний нередко сопровождается всплеском гражданской активности (например, в форме митингов в поддержку Ю. Тимошенко) или выражением весьма эмоциональных оценочных суждений, чаще всего критических.

Следует также отметить, что наряду с игнорированием властями жизненных проблем граждан немаловажную роль в процессе десакрализации политической власти сыграл также и тот факт, что в современном мире постепенно происходит частичное смешение различных областей деятельности («трансмутации», по Ж. Бодрийяру), ставшее, пожалуй, одним из ярчайших проявлений симулякра. В частности в сферу политики приходят специалисты как из смежных, так и из несмежных отраслей – бизнесмены, артисты, спортсмены, музыканты. Например, одним из президентов США был актер Рональд Рейган, первый президент Чехии – писатель и драматург Вацлав Гавел, кандидат в президенты США 2012 г. Митт Ромни – бизнесмен.

Происходит и обратный процесс: политика проникает в другие области, в частности в спорт и бизнес. Политические интересы, политические факторы в таком случае оказываются крайне весомыми. Эта сторона жизни постмодернового общества характеризуется следующим образом: «Разнородное настолько сблизилось, что везде сталкивается друг с другом; одновременность разновременного стала новым естеством» [3, с. 56].

В результате подобного сближения разнородного и разновременного в эпоху постмодерна произошла трансформация не просто правил политической игры, но модификация самой природы политической власти. Идеологический догматизм, божественность, культовость и монопольное право на обладание политической властью ушли в прошлое, уступив место идейному плюрализму, десакрализации и коллегиальности.

В сравнении с предшествующим периодом исторического развития (модерном) в настоящее время (постмодерн) политическая власть приобрела качественно иные характеристики, свидетельствующие не просто о ее развитии в соответствии с историческими условиями, но и о трансформации в пространство симулякров и деконструкции, изменившей все представления о ее фундаментальных основах.

Библиографический список

1. Тоффлер Э. Метаморфозы власти / пер. с англ. М., 2003.
2. Бек У. Власть и ее оппоненты в эпоху глобализма. Новая всемирно-политическая экономия / пер. с нем. М., 2007.
3. Ильин И.П. Постструктурализм, деконструктивизм, постмодернизм. М., 1996.

L.S. Anikin, Yu.I. Tarsky
The Political Component
of the Local Self-Government

The presence of the political component in the local self-government is shown. The potential of the electorate, the role and the significance of political preferences in the formation of local self-government are researched.

Key words and word-combinations: self-government, the electorate, electoral landscape, political parties.

Показано наличие политической составляющей у местного самоуправления. Исследуются потенциальные возможности электората, роль и значение политических предпочтений в деле формирования местного самоуправления.

Ключевые слова и словосочетания: самоуправление, электорат, электоральный пейзаж, политические партии.

УДК 352/353:316.334.3
ББК 66.3(0),131+60.561.3

Л.С. Аникин, Ю.И. Тарский

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

Не секрет, что идея местного самоуправления эксплуатируется различными политическими силами в своих интересах. Этот факт был отчетливо понятен еще Ф. Энгельсу, который в середине XIX в. писал о целях введения самоуправления в Пруссии следующее: «Чтобы Пруссия еще раз могла себя показать как образцовое государство, в ней было введено так называемое самоуправление. Задача заключалась в том, чтобы устранить наиболее вопиющие остатки феодализма и в то же время оставить по возможности все как было» [1, с. 476]. Новые акценты местного самоуправления возникают с развитием в том или ином государстве конкурентной общественно-политической системы.

После того как царским Манифестом 17 октября 1905 г. населению Российской импе-

рии были дарованы гражданские свободы, в том числе свобода союзов, подразумевавшая и свободу создания политических партий, к проблемам местного самоуправления обратились представители самых разных классов и сословий. Политические программы отечественных партий начала XX в. признавали необходимость этого социального института для устойчивой жизни общества, в нем видели главное средство решения назревших социальных проблем, с ним же связывались основные надежды на своеобразную перестройку, способную изменить жизнь общества без революционных потрясений.

После Октября 1917 г. на месте разрушенной системы земского самоуправления Российской империи стали возникать новые органы – Советы. Поскольку в первые десятилетия советской власти былой «средний» класс воспринимался как социально чуждый, то и строительство новой системы местного самоуправления имело свои социально-политические особенности. Среди них отметим неразвитость демократических традиций и низкую грамотность населения, а также выделение и последующее обособление так называемого «актива», который, как правило, формировался из беднейших слоев населения и в своей деятельности практически всецело ориентировался на указания центральных властей. Не менее примечательно то обстоятельство, что, пожалуй, впервые в истории России классовый, партийный «элемент» стал доминировать при организации любых общественных объединений. Местное самоуправление в досоветской России, формировавшееся в основном на клановой и собственнической основе, такого не знало.

Все эти факты в совокупности обусловили ситуацию, когда значительные массы людей были фактически устранены, изолированы от участия в местном самоуправлении. Школа местного самоуправления, ранее воспитывавшая довольно эффективных управленцев на местном уровне, оказалась им не доступна. Возникшая ситуация, в свою очередь, использовалась верхушкой партийно-политического руководства страны для отрыва представительной власти от самих трудящихся. В результате произошла передача реальной власти на местах и в центре в руки исполнительного аппарата и ее подчинение партийным интересам. Произошло это далеко не случайно. Так, И.В. Сталин с самых первых лет советской власти мыслил политическое управление только как управление полностью аппаратное: «...страной управляют на деле не те, которые выбирают своих делегатов в парламенты при буржуазном порядке или на съезды Советов при советских порядках. Нет. Страной управляют фактически те, которые овладели на деле исполнительными аппаратами государства, которые руководят этими аппаратами» [2, с. 366]. По его словам, при наличии кадров можно «иметь опытных агентов не только в центре, не только в тех местах, где обсуждаются и решаются вопросы, но и в тех местах, где решения проводятся в жизнь» [2, с. 367].

Постепенно эволюционируя, в советский период местные органы власти превратились в декоративные, а монополия на власть оказалась в руках исполнительных структур, никем не избираемых и ни перед кем, кроме вышестоящих – особенно партийных – органов, ни за что не отвечающих. Думается, что в основных своих чертах это положение осталось в советском прошлом.

Местное самоуправление, как общественный институт, в современной России

является объектом политической борьбы между соперничающими интересами различных общественных групп и слоев. Идея сильного и эффективного местного самоуправления постоянно эксплуатируется различными политическими силами в своих интересах, обусловленных той или иной политической или экономической ситуацией. На этом поле сталкиваются стремящиеся упрочить собственное положение новые политические и экономические элиты, борются уже утратившие свои места в элитных группах, но сохранившие определенные рычаги воздействия на значительные группы населения страны персоны.

И все же говорить о политической составляющей местного самоуправления сегодня не модно, поскольку в современных условиях развития российского общества оно являет нам довольно противоречивую картину.

С одной стороны, федеральные и региональные законы предусматривают, казалось бы, всевозможные формы и методы участия населения в жизни муниципалитета, а с другой – наблюдается пассивность того же населения при решении вопросов местного значения. Местное самоуправление в его нынешнем виде де-факто является своеобразным рычагом государственной власти, весьма удобным как для осуществления собственных целей, так и для отвлечения масс от постановки вопроса: кто на самом деле осуществляет управление на местах.

Создаваемое в России местное самоуправление как бы лишено собственной социальной базы. Во многом к этому привела логика разворачивания исторических процессов: падение советского политического режима повлекло за собой разрушение его социальной структуры, и средний класс (в его социалистическом понимании) сегодня практически исчез, а место, занимаемое им в прошлом, остается в значительной мере вакантным.

На этом фоне контроль над местным самоуправлением есть та реальная ценность, овладев которой государство и заинтересованные политические структуры получают возможность оказывать серьезное влияние на наиболее удаленные от политического центра процессы. В то же время упрочение позиции включенного в определенную властную иерархию управляющего элемента местного самоуправления является для него гораздо более важной задачей, чем эффективное, реализуемое в интересах местного сообщества выполнение обязанностей, которые на него (управляющий элемент) формально возложены.

В современной России качество собственно управленческих органов, избираемых населением, не корреспондирует интегрированному качеству всего местного электората. Они не есть слепок с него, не есть та капля воды, в которой отражается весь океан. Во многом это является следствием того, что формирует избираемые органы не весь электорат, а только наиболее активная или политически ангажированная его часть, пришедшая на выборы.

Электоральный пейзаж современного российского общества многоцветен и многолик. Он вполне отчетливо выражает стремление человека к полнокровному участию во всех сферах жизнедеятельности общества; к наиболее полной реализации творческих потенций, своего авторитета, собственного понимания нужд всей страны и регионального сообщества, к которому он принадлежит. Задача формирующегося гражданского общества и правового государства состоит в том, чтобы сделать электоральный пейзаж свободным от манипуляций со стороны акторов любой политической ориентации.

К примеру, имеющие значительный вес в решении задач «местного характера» представители бизнес-элиты, как правило, действуют в собственных политических и экономических интересах. Сращивание различных бизнес-структур с аппаратом управления на местах и проталкивание ими своих ставленников в представительные органы местного самоуправления для лоббирования собственных интересов представляет собой довольно значительную угрозу местному сообществу. Опросы общественного мнения фиксируют суждения россиян, связывающие отношения господства в городе и на селе с принадлежностью их носителей к бизнесу, в различных формах вкладывающему средства в управленческие органы. Ранее такие отношения традиционно связывались с партийным и государственным «назначенством» лиц на должности.

Сегодня властные структуры на всех уровнях имеют в своем распоряжении определенную совокупность приемов и методов, позволяющую им принимать решения для удовлетворения своих собственных политических интересов и амбиций. Более того, объективно власть заинтересована в сохранении такого двойственного положения, поскольку она, с одной стороны, якобы стоит на страже закона, а с другой – нарушает его под флагом защиты и исполнения «государственных» интересов, понимаемых прежде всего как проталкивание на ключевые посты собственных ставленников.

Вместе с тем эта ситуация нетерпима. Известный русский философ и правовед П.И. Новгородцев писал в 1923 г.: «По существу своему... демократия есть самоуправление народа; но для того чтобы это самоуправление не было пустой фикцией, надо чтобы народ выработал свои формы организации. Это должен быть народ, созревший для управления самим собой, сознающий свои права и уважающий чужие, понимающий свои обязанности и способный к самоограничению» [3, с. 548]. Мы видим, с каким уважением П.И. Новгородцев относится к русскому народу, способному, по его мнению, выстроить эффективную систему самоуправления, но в его рассуждениях нет и намека на политическую составляющую самоуправления.

Следует заметить, что само общество, в зависимости от того, на каких началах оно организовано (демократических или авторитарных), строит и свою собственную систему защиты социальных механизмов от «искажающего» влияния неугодных авторитетов. Так, в авторитарном обществе социальные механизмы организованы в довольно стройную систему, управляющуюся сверху и лишь в известных пределах допускающую самостоятельность и инициативу масс «снизу». Творчество масс поощряется в основном в сфере производства и только в связи с желанием повысить производительность труда. Оно находится под неусыпным руководством и присмотром первичных партийных организаций и их активистов.

Вообще наличие «посторонних» полей авторитетного воздействия в социальных механизмах не фиксируется никакими приборами, как это имеет место в технике. Оно может быть выявлено только через наличие определенной жизненной позиции акторов по отношению к господствующим в обществе духовным ценностям и идеологии. Способы выявления несогласных, оппонентов, чьи действия несут реальную или гипотетическую угрозу функционированию институтов политической власти, известны давно. Их совокупность находится в

широком диапазоне: от тотальной слежки за всеми сторонами жизни своих сограждан через систему политического сыска в тоталитарных государствах до социологических методов выявления реальной расстановки политических сил и настроения, пристрастий населения, способного либо поддержать ту или иную партию, либо отказать ей в доверии, – в демократических.

Местные органы самоуправления и призваны аккумулировать в себе творческую активность и управленческий потенциал населения, а это означает, что в эти органы должны избираться самые компетентные, социально активные и ответственные члены местных сообществ. Но на этом пути существуют серьезные опасности. Об одной из них предупреждал еще в прошлом веке М.А. Бакунин, имея в виду опасность развращающего действия власти на человека. «Массы выбрали меня в вожди, – писал он, – тем самым они открыто признали свою неполноценность и мое превосходство. Из всей толпы... я один способен управлять общественными делами. Народ во мне нуждается, он не может обойтись без моих услуг... значит, народ должен повиноваться мне ради собственного блага, и, снисходя до управления им, я делаю его счастливым. Не правда ли, есть от чего потерять голову и сердце и обзудеть от гордости» [4, с. 108]. По его мысли, сам факт выбора всегда означает признание определенных заслуг, но вместе с тем именно выбор и есть первый шаг, ведущий к авторитарности. Это заставляет нас говорить не только о том, что местные сообщества заинтересованы в выдвижении действительно авторитетных и значимых людей. Не менее, а может быть, даже более важно, чтобы выбранные авторитеты были искренне заинтересованы в защите самих органов местного самоуправления, в осуществлении контроля над собой со стороны местного сообщества.

Известный американский экономист Дж. Гэлбрейт справедливо отмечал: «Только наивный реформатор и тупоумный консерватор воображают, что государственный аппарат может быть использован как орудие осуществления перемен независимо от интересов и стремлений людей, из которых он состоит» [5, с. 440]. И сегодня не исключен субъективизм при принятии государственных решений, нередко облеченными властью субъектами принимаются некомпетентные или даже прямо противоречащие демократическому обновлению страны решения. Снизить негативный потенциал и социальные риски в этом отношении призван принцип политической конкуренции, реализуемый в Российской Федерации через многопартийность.

Политические партии в последнее время стали проявлять заметный интерес к муниципалитетам. Однако сам процесс формирования многопартийной системы, как и становление местного самоуправления в России, проходит сложно и противоречиво. И партийное строительство, и участие населения в решении вопросов местного значения в конечном счете «завязаны» на проблему должного «качества» российских граждан, проблему наличия или отсутствия социальной базы.

Наличие политических свобод, связанных с существованием оппозиции, возможность иметь иные, отличные от правительственных мнения и суждения и действительно, а не на словах участвовать в политической жизни страны в центре и на местах – реальность текущего момента. В современных условиях развития российского общества реальностью стало изменение политической

системы, в частности стала возможной массовая регистрация оппозиционных партий, которые, выйдя на политическую арену, естественно, заявят о своих притязаниях на реальное участие в местном самоуправлении. В результате, безусловно, изменится политическая составляющая этого социального института, она станет более «многоцветной», место клановых предпочтений займут партийные, что в известной мере изменит социальное содержание органов местного самоуправления.

Библиографический список

1. *Энгельс Ф.* Роль насилия в истории // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 21.
2. *Сталин И.В.* Речь при открытии 1-го совещания работников РКИ // Соч.: в 10 т. М., 1951. Т. 4.
3. *Новгородцев П.И.* Демократия на распутье // *Новгородцев П.И.* Об общественном идеале. М., 1991.
4. *Бакунин М.А.* Философия, социология, политика. М., 1989.
5. *Гэлбрейт Дж.* Новое индустриальное общество. М., 1969.

T.I. Chernyaeva, M.R. Suleimanov
Public Policy as a Social
Contract: Media Support

The modern policy is presented as a public policy and a social contract. Special features of the media support of regional policy are considered by the example of the Saratov Region.

Key words and word-combinations: policy, public policy, social contract, social issue, life quality.

Современная политика представлена как публичная политика и как общественный договор. Рассматриваются особенности медийного сопровождения региональной политики на примере Саратовской области.

Ключевые слова и словосочетания: политика, публичная политика, общественный договор, социальный вопрос, качество жизни.

УДК 32.01:316.334.3
ББК 66.04+60.561.3

Т.И. Черняева,
М.Р. Сулейманов

ПУБЛИЧНАЯ ПОЛИТИКА КАК ОБЩЕСТВЕННЫЙ ДОГОВОР: МЕДИЙНОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ

Осуществляемый в России курс на политическую модернизацию предполагает существенное расширение поля публичной политики.

Публичная политика (public policy) существует как симбиоз политического действия, научной рефлексии и акта масс-медийной коммуникации при обязательном участии экспертов, аналитиков, специалистов в области социальных наук, «интеллектуалов», публицистов и журналистов [1]. Принципиальным субъектом публичной политики выступает общество в целом, а ее составляющими являются социальные перцепции, категоризации, интерпретации, производимые

и частными, и общественными институтами. Вместе с тем в публичной политике легко обнаруживаются границы вмешательства государства в социально-политические процессы, проявляется его субъектность. Именно оно зачастую в инициативном порядке открывает формат общественных инициатив (как это произошло с Общественной палатой).

Современная политика, с нашей точки зрения, в любом институциональном оформлении существует как общественный договор – соглашение по значимым социальным вопросам. Общественный договор предстает как практика управления ожиданиями людей (общностей, институтов) о деятельности, масштабах, сроках и результатах их совместной активности, ожиданиями по поводу того, как люди будут действовать в ситуациях риска или непредвиденных обстоятельствах. Основными условиями действенности / результативности такого договора становятся добрая воля и разделяемые ожидания, а коммуникативными препятствиями – незнание, недоверие и пренебрежение. Общественный договор, как правило, является слабо формализованной практикой, зачастую не требующей письменного соглашения и построенной прежде всего на доверии, разделяемых социальных ценностях и общих для его участников дискурсивных практиках.

Можно выявить содержание, составляющее предмет общественного договора в публичной политике, – это так называемый «социальный вопрос», который приоритетен в политической повестке дня уже на протяжении более ста лет.

В последние годы «социальный вопрос» приобрел транснациональный, глобальный оттенок [2]. Транснациональный социальный вопрос можно представить с двух позиций, которые отражают напряженное противоречие между интересами национального государства и глобальной динамикой, а также различие между социальными правами и нормами общественной жизни.

Социальные права и стандарты, возможности их упрочения и смены существенно различаются в разных странах. Национальное гражданство соответствует глобальному распределению социального неравенства, связанного с местом рождения и наличием социальных шансов, поскольку механизмами, его обеспечивающими, запускаются и механизмы социального обеспечения, усиливая глобальное социальное неравенство. С другой стороны, глобальные метанормы равноправия и демократии предполагают общие модели управления и взаимодействия социальных институтов. Соответственно повышается значимость транснационального регулирования и контроля того, как реализуются социальные права [2].

Социальный вопрос в России предстает как вопрос социального потребления, напрямую завязанный на качество жизни. В условиях глобализации общественно-политической жизни, смягчения явных контрапунктов идеологических платформ политических партий идеологическая конкуренция все больше переходит в сферу успешного выполнения программ социальных преобразований «показателей качества жизни»: чем успешнее их реализация между пиками избирательных кампаний, тем четче прогнозируем итоговый положительный результат.

Российская глубинка становится локусом политической конкуренции, которая в случае успеха обеспечит стабильную прибавку электората на выборах. В нее переносится значительный корпус социальных проектов, которые сочетаются с другими, соединяются, переплетаются, заканчиваются и начинаются,

прерываются и возобновляются, но всегда носят характер социального обмена. Это необходимо учитывать при выявлении политических предпочтений регионального электората и их идеологическом подкреплении (концепт «политического потребления» В.И. Ильина) [3].

Именно в провинции в последнее время создаются коммуникативные площадки, на которых заключается и реализуется общественный договор, где население приобретает опыт публичной политики. В Саратовской области можно найти немало примеров такого рода.

В 2000 г. в ходе подготовки к выборам в Государственную Думу РФ один из кандидатов от Балаковского территориального одномандатного округа предложил населению Перелюбского и Алгайского районов Саратовской области определить круг проблем, которые необходимо решить в первую очередь. Список «наказов избирателей» регулярно публиковался в местной и региональной печати и постепенно превратился в громадную программу действий, предполагающую коренное преобразование окрестных мест. Содержательно они касались не только придания устойчивого развития муниципальному сектору экономики, но и ряда перспективных социальных проектов.

Таким проектом стало, например, сооружение нового мостового перехода через речку Александровку, протекающую в пригородной черте райцентра Александров Гай. Прежняя переправа существовала лишь в «особые погодные сезоны»: зимой, когда река покрывалась льдом, и летом, после схлынувшего половодья. В межсезонье водный поток делил населенный пункт на две самостоятельные части.

Другой проект вырос из просьбы жителей Новоалексеевки «пристроить» местную молодежь, то есть решить проблему досуга. Так появилась идея создания в поселке нового физкультурно-оздоровительного комплекса, оснащенного суперсовременным оборудованием, позволяющим проводить региональные соревнования по различным видам спорта, в том числе по плаванию в закрытых помещениях. В новом комплексе предполагалось построить плавательный бассейн с 25-метровыми водными дорожками.

Для населения Перелюбского района была важнее другая задача. В районе давно имелся техникум, в котором обучали сельским профессиям. Однако его материальная часть и само здание были настолько ветхими, что перспектива образовательного центра была более чем понятна – его ждало закрытие. Для решения проблемы потребовалось сложение векторов устремлений, интересов местного населения, региональной власти и политических партий. Только так – через улучшение показателей качества жизни – стало возможным изменить и социальную картину этих районов, и характер общественного договора.

Далее была разработана и реализована социальная программа «Верьте только делам!», в которую вошли множество других проектов, существенно изменяющих социальный облик Левобережья Саратовской области. Содержательный акцент этой программы сделан на решении социальных проблем региона. Она предусматривает ремонт и реконструкцию сельских школ, детсадов и социальных учреждений, строительство новых спортивных сооружений, дорог, автомобильных развязок и аграрных объектов.

Одну деталь стоит подчеркнуть особо: планы по социальным преобразова-

ниям районов не выродились в пустые разговоры на политическую тематику во время избирательных кампаний. В течение двух избирательных циклов, активно изменяя качество жизни местного населения, благоприятно влияя на решение социального вопроса, представители регионального отделения партии «Единая Россия» продвигают своих кандидатов во все органы власти – и муниципальные, и региональные. Именно они, выстроив целую программу социальных преобразований под лозунгом «Верьте только делам!», сумели в этих депрессивных районах существенно «потеснить» традиционных представителей местного электората – коммунистов [4].

Успех программы, а затем и партии на выборах в значительной степени был обусловлен масштабной медийной поддержкой. Передачи на региональных телевизионных каналах, статьи в местных периодических изданиях, наружная социальная реклама, листовки и агитационные брошюры, политические ивенты – практически весь спектр современных PR-практик был задействован для укрепления этого общественного договора. Использование медийных технологий в политических коммуникациях, с одной стороны, способствовало более эффективному и целенаправленному управлению регионом в контексте общественного договора, а с другой – позволило рассчитывать не только на положительные результаты избирательных технологий, но и с большей вероятностью задолго до выборов прогнозировать их итоги.

Управление регионом и избирательными процессами с социально-политической точки зрения имеет две фазы: первая – стабильный период, когда власть после выборов и формирования органов управления распределена; вторая – короткий мобилизационный период активных акций. В эти две фазы принципиально меняются характер общественных договоров и действия акторов, проводятся различные идеологические кампании с соответствующим набором медийных политических инструментов, методик и технологий.

В стабильной фазе управление регионом подчиняется общим политическим процессам и в основном воспроизводит федеральную стратегию, являясь ее своеобразной калькой либо пазлом, воссоздающим, как правило, общую политическую картину страны. В этот период основные политические акторы определены и партийные силы расставлены, что воплощается в стабильной конфигурации социально-политической карты региона. Каждый политический актор имеет ограниченное ресурсами социокультурное и политическое пространство, за которое он отвечает и где реализует политические интересы и осуществляет политические процессы / акции.

Когда наступает мобилизационная фаза – период активной борьбы, то происходит смещение акцентов. До этого периода действия акторов были направлены на поддержание и осуществление федеральной политики с региональной спецификой, но как только начинается предвыборная борьба, они начинают взаимодействовать не с населением (электоратом), а друг с другом.

В стабильном периоде действия политических акторов направлены на решение проблем населения, на улучшение показателей качества жизни. В короткий период активного противостояния действия политических противников больше похожи на политический брендинг, направлены на позиционирование себя / партии при решении этих проблем. При этом выделяется особая тактика, отчет-

ливо проявившаяся в последней избирательной кампании. Данная тактика предполагала смещение фокуса политических медийных коммуникаций с основных политических противников (практика политических дебатов) на приватные социальные группы (семьи, трудовые коллективы и другие малые целевые аудитории). Такая «политическая дружба» предполагает и формирует представление у населения об установлении новых доверительных отношений равных и уважающих друг друга партнеров. Внимание к малым группам не случайно. Они становятся основными носителями общественного договора, что в конечном итоге скажется на электоральном поведении.

На современном этапе медийное представление социальных интересов малых групп, принятие и реализация соответствующих политических решений становятся условием становления публичной политики как общественного договора.

Библиографический список

1. Шматко Н.А. Феномен публичной политики // Социологические исследования. 2001. № 7. С. 106–112.
2. Faist Th. The Transnational Social Question: Social Rights and Citizenship in a Global Context // International Sociology. 2009. Vol. 24. P. 12–13.
3. Ильин В.И. Россия: общество политического потребления // Философские науки. 2007. № 7. С. 49–66.
4. Верьте только делам!: агитац.-пропаганд. буклет / Саратов. рег. отд-ние партии «Единая Россия». Саратов, 2007.

E.V. Grigoriev
Current Issues in the Study
of the Political Image:
Problems and Methodology

Scientific approaches to the analysis of political image and reputation are systematized. The characteristics of these concepts are clarified. It is proposed to perform a complex analysis of image and reputation characteristics of political actors.

Key words and word-combinations: political actor, political image, reputation.

Систематизируются научные подходы к исследованию политического имиджа и репутации, уточняются характеристики этих понятий. Предлагается осуществлять комплексный анализ имиджевых и репутационных характеристик политических акторов.

Ключевые слова и словосочетания: политический актор, политический имидж, репутация.

УДК 32.01
ББК 66.04

Е.В. Григорьев

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ИМИДЖА: ПРОБЛЕМЫ И МЕТОДОЛОГИЯ

В современном научном дискурсе одно из центральных мест занимает понятие «имидж», органично встроенное в исследовательские модели в разных отраслях социально-гуманитарного знания и активно развивающееся в рамках имиджологии как отдельного научного направления. Между тем,

как показывает обзор многочисленной исследовательской литературы, должного теоретического обоснования и стройной концептуальной основы научного анализа имиджевая проблематика еще не обрела.

Подобная «методологическая беспомощность» имиджевого подхода [1, с. 17] для комплексной характеристики субъекта в современной системе социальных коммуникаций обуславливает соответствующее отношение к имиджу, как «к чему-то поверхностному, надуманному, преходящему, никак не связанному с глубинными процессами, происходящими в обществе» [2, с. 8]. Сложившаяся ситуация вынуждает ученых или вовсе оставлять за рамками своего научного анализа соответствующую теоретико-методологическую проблематику, ограничиваясь рабочим определением имиджа, или работать с более широкими категориями, получившими серьезное концептуальное обоснование [3].

Особую актуальность концептуализация вопросов, связанных с имиджем, приобретает в политической сфере. Здесь особенно остро ощущается потребность в имиджевых конструкциях, устойчивых и долгосрочных имиджевых стратегиях политических акторов, способных укрепить и повысить эффективность всей системы социально-политических коммуникаций. В связи с этим важным ракурсом научного поиска видится обобщение проблем и уточнение существующих теоретико-методологических позиций в области политологического анализа феномена имиджа и процесса его формирования, а также создание новых концептуальных моделей анализа, позволяющих осуществлять качественную диагностику и коррекцию политического имиджа, оперативно реагируя на социальные и политические вызовы.

Масштабность заявленной задачи очевидна, поэтому ограничимся обобщением проблем изучения политического имиджа, представленных в современном политологическом дискурсе, и определением перспективных направлений формирования современной концептуальной базы изучения этого феномена.

Первым шагом в этом направлении является уточнение понятия «имидж» в контексте изучения политических процессов и отношений, отделение его от родственных категорий образа и репутации.

В решении данной проблемы позиции исследовательского сообщества кардинально расходятся. Одни авторы вообще никак не различают эти феномены, не проводят между ними четкой границы и рассматривают политический имидж как «мультикультурный символ, синонимами которого выступают образ, роль, амплуа, типаж, репутация, прогнозируемое ожидание» [4, с. 17]. Другие, напротив, стремятся четко разграничить категории, определяя сущностные и содержательные каждой из них и тщательно подбирая на этой основе категориальный аппарат для своего исследования, в результате отдавая предпочтение или имиджу [5], или образу [6], или репутации [1].

Сравнивая эти исследовательские подходы, нельзя не отметить очевидную продуктивность второго направления. Однако представляется, что даже присущие ему категориальная четкость и строгость не сильно способствуют движению в направлении развития научной концепции политического имиджа. Продвинуться в решении этой проблемы можно, лишь активно развивая комплексные и контекстные ракурсы исследования имиджевой проблематики.

В этой логике при анализе сущностных, структурных и функциональных компонентов политического имиджа весьма успешно могут быть использованы психологические и социологические подходы, хорошо проработанные в современной науке. Психологические трактовки и подходы позволяют акцентировать внимание на особенностях политического субъекта, его внешних и внутренних характеристиках, которые могут быть использованы при конструировании имиджа, обеспечивая тем самым процессы индивидуализации индуктора. Социологические аспекты анализа дают возможность оценить политический имидж со стороны, определяя перечень запросов социума на формат и содержание формируемых образов, фиксируя соответствующие тренды на уровне массового сознания.

Е.А. Дагаева в числе основных достижений социально-психологического подхода отмечает достаточно глубокую проработанность понятия «имидж», его дифференциацию от традиционно смешиваемых с ним категорий. Обобщая многочисленные концепции, автор проводит весьма четкую границу между понятиями «имидж», «образ» и «социальные представления». В частности, она подчеркивает, что в отличие от образа имидж функционален, целенаправлен и иллюзорен. От социального представления имидж принципиально отличает мотивация его конструирования, обусловленная ориентацией на эффективное и результативное позиционирование в рамках социальной системы [7]. Будучи прагматичным, социальный субъект стремится посредством имиджа создать образ или скорректировать восприятие уже существующего образа, а не просто интерпретировать окружающую социальную реальность.

Разграничение понятий «имидж» и «образ» представляется важным, в первую очередь, с теоретико-методологической точки зрения – для понимания всего комплекса противоречий, неизбежно возникающих между спонтанно возникающими и целенаправленно формируемыми знаниями, суждениями, представлениями о субъектах политики и политических явлениях. Политический имидж в данном контексте можно рассматривать как компонент коммуникативной действительности, существующий в виртуальном пространстве и действующий на символическом уровне, выступающий в качестве фактора, способного скорректировать естественно формируемый в индивидуальном и общественном сознании образ политика или политического института. Политический имидж, как и образ, выполняет в этом случае посреднические функции в отношениях общества и власти, но, в отличие от него, обладает чертами конкретности, упрощенности, акцентуированности и нереальности.

В таком формате политический имидж выступает механизмом аккумуляции политического капитала. Инвестируя в свой имидж материальные и нематериальные ресурсы, политический актор может рассчитывать на получение политических дивидендов. В качестве условий накопления политического капитала посредством имиджевых технологий исследователи рассматривают принятие социальными группами позитивной реакции политика на свои запросы, новизну имиджа, благодаря чему обеспечивается внимание к нему публики, а также неудовлетворенность избирателей действиями конкурентов [8].

Политический капитал может рассматриваться как форма символического капитала [9, с. 179–230], основанного на вере и признании, точнее на бесчис-

ленных кредитных операциях, с помощью которых агенты наделяют человека (или предмет) той самой властью, которую они за ним признают. В таком случае символическая власть – это власть, которую тот, кто ей подчиняется, дает тому, кто ее осуществляет; это своего рода кредит, которым один наделяет другого, вкладывая в него свое доверие. И существует такая власть лишь потому, что тот, кто ей подчиняется, верит, что она существует.

Данная трактовка символического капитала актуализирует процессы производства мнений, образов, представлений, интерпретации действительности. Стремление политических деятелей навязать социальному окружению свои идеалы и идеи – не что иное, как стремление к накоплению символического кредита и недопущение его утраты. Подобная уязвимость политического деятеля перед подозрениями, клеветой, скандалом, перед всем тем, что угрожает верованию в него, делает символический капитал крайне неустойчивым.

В качестве основного способа измерения символического капитала исследователи предлагают использовать выявление репутации политического актора [10, с. 29]. Некоторые авторы в связи с этим даже используют термин «репутационный капитал», отмечая сходство в формате протекающих процессов в социально-политической и экономической сфере [11]. В контексте социально-политических коммуникаций устоялась трактовка репутации как социального представления [1, с. 4].

Репутация – более сложное образование, чем имидж. Она своеобразный результат содержательной эволюции этой категории, следствие ее более глубокого рассмотрения и изучения, продиктованное необходимостью общественной оценки имиджевых стратегий и деятельности акторов сквозь призму ценностей аудиторий. С этой точки зрения имидж проявляет себя лишь на уровне образа и образного восприятия общественностью. Репутация, в свою очередь, как широко распространенное оценочное суждение, мнение о конкретном институте или личности, связана не только с образом (имиджем), но и с групповым (коллективным, общественным) мнением. Отсюда следует, что репутация более рациональна, чем имидж, и возникает как результат переосмысления впечатлений от восприятия имиджа. Это не мнение суммы индивидов, а именно консолидированная позиция, возникающая не только в результате полученной информации, но и ее обсуждения в ходе групповых дискуссий, практического знакомства с деятельностью субъекта.

Сущностная и функциональная взаимосвязь имиджа и репутации, которую отмечают исследователи, представляется значимой в рамках исследования. Она позволяет успешно преодолеть узость и недостатки имиджевого подхода для комплексной характеристики субъекта в современной системе социально-политических коммуникаций. Репутация вводит в сферу анализа комплекс социальных представлений о политическом акторе, общественных ожиданий, возникающих в процессе реализации имиджевых стратегий; позволяет прогнозировать и моделировать на своей основе общественно-политическую деятельность. Имидж в данном контексте выступает основным инструментом формирования и управления репутацией, поскольку в условиях современного общества свою репутацию политический актор приобретает не только (и не столько) за счет своих конкретных дел, но и с

помощью целенаправленных, массированных коммуникаций, позволяющих сформировать желательный имидж, а затем бренд и репутацию [12, с. 3].

Ставка на комплексное использование структур и технологий для формирования образов в политической сфере позволяет исследователям в диалектическом взаимодействии рассматривать процессы формирования имиджа и репутации. Как отмечает Н.В. Устинова, в политической сфере имидж может только привлечь внимание общественности, но далее начинается его тестирование с помощью репутационных (нравственных, профессиональных и пр.) характеристик. Это позволяет, по словам автора, использовать для формирования и распространения политических репутаций как информационные технологии маркетингового типа (технологии формирования PR, создания и продвижения политической рекламы), так и технологии репутационного менеджмента («фасцинативные атаки», технология «политического поступка», технология «нейтрализации негативной репутации») [13].

В этой же логике имидж и репутацию анализирует М.С. Дорохова. По ее мнению, эти понятия характеризуют разные этапы всей системы социальных коммуникаций в конкурентной среде. Имидж является логичным завершением процесса восприятия объекта, формируя некий набор значимых характеристик, которые позволяют сравнивать его с другими аналогичными объектами. Это образ того или иного объекта в сознании человека, возникающий даже в том случае, если человек никогда в жизни не контактировал с данным объектом, а только с информацией о нем (порой недостоверной), на основании которой и создается данный образ. В свою очередь, репутация выступает результатом взаимодействия актора и аудитории, в ходе которого возникает доверие именно к этой личности или организации. По словам автора, репутация – это имидж, «пропущенный» через себя индивидом или общностью, то есть проанализированный им согласно своей внутренней системе ценностей и прошлому опыту взаимодействия с актором [14, с. 13–14].

Таким образом, комплексный анализ имиджевых и репутационных характеристик политических акторов позволяет существенно расширить рамки исследования процессов формирования и реализации образов в политике, активно развивая аспекты, связанные с планированием и прогнозированием динамики социально-политических коммуникаций. Включение в контекст изучения политического имиджа репутационной составляющей актуализирует практики его коррекции, приведения в соответствие с социальными запросами, мнениями и оценками текущей деятельности политических акторов. В свою очередь, практики конструирования политического имиджа дают возможность рассматривать репутацию в качестве динамического феномена, который также подвержен изменению как в течение короткого промежутка времени, так и в долгосрочном формате под влиянием поведенческих стратегий актора или распространенной о нем информации.

Библиографический список

1. *Трубецкой А.Ю.* Категория репутации в социально-политической коммуникации: автореф. дис. ... д-ра психол. наук. М., 2006.
2. *Чермушикова И.К.* Феномен имиджа: социально-философский анализ: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Волгоград, 2002.

3. Шестопал Е.Б. Образ и имидж в политическом восприятии: актуальные проблемы исследования // Образы государств, наций и лидеров. М., 2008.
4. Мякотина О.В. Имидж политического лидера: тенденции становления и изменения: автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2008.
5. Политическая имиджелогия / под ред. А.А. Деркача, Е.Б. Перелыгиной [и др.]. М., 2006.
6. Пищева Т.Н. Политические образы: проблемы исследования и интерпретации // Полис. 2011. № 2.
7. Дагаева Е.А. Методология изучения имиджа как социально-психологического феномена // Психологическая наука и образование. 2011. № 1.
8. Рожкова Е.А. Имидж и социальные роли политика: автореф. дис. ... канд. социол. наук. М., 2006.
9. Бурдые П. Социология политики. М., 1993.
10. Радаев В.В. Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация // Экономическая социология. 2002. Т. 3, № 4.
11. Харламов И.Г. Управление формированием репутационного капитала // Власть. 2008. № 11.
12. Харламов И.Г. Формирование репутации в политике и бизнесе: сравнительный анализ: автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2009.
13. Устинова Н.В. Политическая репутация: сущность, особенности, технологии формирования: автореф. дис. ... канд. полит. наук. Екатеринбург, 2005.
14. Дорохова М.С. Социально-психологический механизм формирования репутации в условиях рыночных отношений: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2009.

D.F. Ayatskov
Electoral Ratings for Regional
Branches of Political Parties
as a Basis of "Work on the Bugs"

Electoral results of the "United Russia" at the Election of the State Duma Deputies in 2011 are analyzed. It is suggested to adjust the activities of the political party regional branch taking into account the results of voting.

Key words and word-combinations: political party, elections, electoral ratings.

Анализируются электоральные результаты, полученные «Единой Россией» на выборах депутатов Государственной Думы в 2011 г. Предлагается корректировать деятельность регионального отделения политической партии с учетом результатов голосования.

Ключевые слова и словосочетания: политическая партия, выборы, электоральные рейтинги.

УДК 316.334.3(470+571)
ББК 60.561.3(2Рос)

Д.Ф. Аяцков

**ЭЛЕКТОРАЛЬНЫЕ
РЕЙТИНГИ
ДЛЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ
ОТДЕЛЕНИЙ
ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ
КАК ОСНОВА
«РАБОТЫ НАД ОШИБКАМИ»**

В декабре 2011 г. Государственная Дума шестого созыва собралась на свое первое заседание. Состав представительного Собрания, как и результаты голосования, вызвали неоднозначную реакцию российского общества, что нашло отражение в росте социально-политической активности населения протестного характера.

Лидеры страны оперативно отреагировали на социальные волнения и акции, вызванные официальными результатами выборов. Президент страны в своем Послании Федеральному Собранию РФ 22 декабря 2011 г. уделил существенное внимание проблеме повышения качества народного представительства в органах власти [1]. Свой ответ на митинги и критическую оценку результатов выборов проявил и Председатель Правительства РФ: в программе «Разговор с Владимиром Путиным», ставшей уже традиционной формой коммуникации с гражданами России, он сказал, что не видит ничего «запредельного» в митингах после выборов в Госдуму, главное – чтобы все оставалось в рамках закона [2].

Официальные результаты голосования непосредственно после выборов вызвали различное понимание у российских и зарубежных политологов, политиков, политтехнологов, социологов, журналистов и наблюдателей. В своих оценках и суждениях сообщество разделилось на три группы. Определенная часть отстаивала мнение, что в день голосования имели место значительные фальсификации. Другая группа доказывала, что фальсификации в пользу партии власти на федеральном уровне (не региональном) на выборах 4 декабря были самыми низкими за всю «постельцинскую» историю. Нередким было мнение, согласно которому результаты выборов вполне соответствовали данным опросов, проводившихся авторитетными социологическими службами, а также данным, полученным на выходе из избирательных участков. Дискуссии продолжились в 2012 г. Они отражали сомнения в легитимности вновь избранного представительного органа власти общенационального уровня, сосредоточивались на проблемах и специфике российской демократии, методах и технологиях, используемых победителями.

В зрелом демократическом обществе результаты выборов любого уровня – это повод задуматься о стратегии и тактике, об успехах, ошибках и просчетах. Это время работы над ошибками и глубокого анализа полученных результатов, что особенно актуально для тех политических сил, которые претендуют на звание правящих.

С 2008 г. рейтинг «Единой России» значительно снизился как в целом по стране, так и в регионах, в то время как рейтинги оппозиционных партий проявили тенденцию к повышению. Тем не менее результаты голосования в декабре 2011 г. позволили «Единой России» не только получить достаточное для абсолютной победы количество голосов избирателей, но и сохранить статус ведущей политической силы в стране. Как и кто бы ни критиковал прошедшие парламентские выборы с точки зрения использования административного ресурса, никто всерьез не ставил под сомнение тот факт, что более влиятельной политической партии, чем «Единая Россия», сегодня нет. Эксперты отмечали, что голосование за оппозиционные партии шло не столько за определенную альтернативную программу, сколько против «партии власти» с целью создания конкурентной среды и увеличения политической конкуренции в целом.

Сравнительное снижение электоральных результатов 2011 г. относительно показателей 2003 и 2007 гг. не стало неожиданным – они прогнозировались ВЦИОМом, ФОМом, «Левада-Центром», региональными социологическими службами. Отметим, что в тех субъектах Федерации, где руководство региональ-

ных отделений «Единой России» внимательно отнеслось к тревожной динамике и смогло скорректировать партийную работу, уровень электоральной поддержки «партии власти» существенного не изменился. К примеру, лидеры Саратовского регионального отделения «Единой России» отреагировали на результаты мониторинговых исследований и своевременно приняли меры для сохранения электоральных позиций в области хотя бы на уровне парламентских выборов 2007 г. Для сравнения приводится информация по результатам голосования за крупнейшую оппозиционную политическую партию – КПРФ, а также общенациональные показатели голосования за эти партии в 2003–2011 гг. (см. табл., составленную по официальным данным ЦИК РФ [3]).

**Сравнительные данные результатов голосования
по Российской Федерации и Саратовской области
на выборах в Государственную Думу в 2003–2011 гг.**

	2003 г., % РФ / Саратовская область	2007 г., % РФ / Саратовская область	2011 г., % РФ / Саратовская область
«Единая Россия»	48,8 / 45,07	64,3 / 65,96	49,32 / 65,55
КПРФ	11,3 / 17,05	11,57 / 12,56	19,19 / 13,6

Анализ показывает, что рейтинги партии «Единая Россия» регионального и федерального уровней на парламентских выборах 2003 и 2007 гг. были вполне сопоставимы. В 2011 г. региональный рейтинг единороссов разошелся с федеральным и оказался значительно выше. На наш взгляд, не в последнюю очередь это свидетельствует в пользу того, что региональные лидеры партии власти «уловили» тенденции падения рейтингов «Единой России» и своевременно отреагировали на вызов времени, более эффективно организовав работу.

Депутаты и другие официальные лица «партии власти» начали более активно работать с избирателями по их запросам, уделяя должное внимание организации обратной связи с населением. Большая экспертная работа проводилась на базе такой структуры, как Общественная палата Саратовской области, находящейся под заметным влиянием регионального отделения «Единой России». Важным направлением для регионального отделения партии «Единая Россия» стало создание дискуссионных площадок для обсуждения, согласования и артикуляции различных социальных интересов регионального уровня.

Особенно плодотворной оказалась деятельность трех политических клубов «Единой России» – Центра социально-консервативной политики (ЦСКП), либерально-консервативного клуба «4 ноября» и государственно-патриотического клуба. На базе общей дискуссионной площадки представителями бизнеса, власти, средств массовой информации, общественных организаций, научного сообщества обсуждались наиболее актуальные проблемы области и страны. Результаты совместных заседаний политклубов в виде стенограмм анализировались на разных уровнях партийного руководства, после чего были сделаны определенные корректировки и выводы.

Общее падение рейтинга «Единой России» порой связывают не только с

объективно разворачивающимся экономическим кризисом, но и непосредственно с конкретными политиками-единороссами. Различные социологические службы фиксируют, что рейтинг партии в целом «складывается» из персональных рейтингов и имиджа всех членов партии. Непрофессиональное исполнение ими своих обязанностей, особенно если они возглавляют субъекты Федерации, негативно отражается на настроениях населения, что фиксируют политические рейтинги. Очевидно, что лидерам «Единой России» в проблемных регионах необходимо подумать о причинах снижения рейтингов, провести «работу над ошибками».

Формированию позитивного имиджа партии явно не способствует информация об имеющихся внутренних противоречиях. В региональных отделениях «Единой России» могут быть противостоящие друг другу центры внутрипартийного влияния. Это явление институционально воспроизводится практически в каждом субъекте РФ [6, с. 70]. Не является исключением в данном случае и Саратовская область. Противостояние теперь уже бывшего (23 марта 2012 г. главой государства он был отправлен в отставку с формулировкой «по собственному желанию») губернатора П.Л. Ипатова, члена «Единой России», с региональным отделением партии, возглавляемым назначенным 5 апреля 2012 г. губернатором области В.В. Радаевым, не добавило правящей партии «бонусов» в глазах населения. Все участники конфликта олицетворяли собой правящую партию, и не связанные с представительством, отстаиванием и защитой интересов жителей Саратовской области внутрипартийные разногласия не вызывали симпатий граждан к «Единой России».

В сложных текущих условиях лидерам «Единой России» необходимо проводить работу по повышению качества представительства интересов населения. В своей предвыборной программе выдвинутый политической партией «Единая Россия» кандидатом в Президенты РФ национальный лидер В.В. Путин уделил достаточное внимание этой проблеме. Так, в статье «Демократия и качество государства» он изложил свою точку зрения по данному вопросу следующим образом: «Демократия, на мой взгляд, заключается как в фундаментальном праве народа выбирать власть, так и в возможности непрерывно влиять на власть и процесс принятия ею решений. А значит, демократия должна иметь механизмы постоянного и прямого действия, эффективные каналы диалога, общественного контроля, коммуникаций и “обратной связи”» [4].

Качество представительства интересов населения повышать предстоит не только в Государственной Думе, но и в муниципальных и региональных парламентах. Очевидно, что работа в этом направлении далека от завершения. В первую очередь именно депутатскому корпусу, особенно в регионах и муниципалитетах, необходимо уделять больше внимания непосредственной работе с населением, внимательнее относиться к запросам граждан, слушать и слышать их, работать для них.

Пожалуй, одной из наиболее актуальных проблем является не слишком позитивное самоощущение граждан. Уровень жизни большинства жителей в российских регионах остается крайне низким, хотя до руководства страны доходят оптимистические сведения по развитию и повышению уровня благо-

состояния граждан. Эту проблему 10 января 2012 г. на селекторном совещании с губернаторами субъектов РФ обсуждал премьер-министр страны и лидер правящей партии В.В. Путин, который подчеркнул: «Нам, конечно, нужно с вами добиваться того, чтобы результаты работы, экономическая эффективность деятельности той или иной региональной команды напрямую отражались на уровне жизни граждан, проживающих на той или другой территории, чтобы не было разрыва между бумажными отчетами и *социальным самочувствием граждан*» [5].

Председатель Правительства РФ отметил, что в системе, выработанной для оценки результативности работы в регионах, заложено 300 критериев, но, хотя получаемые показатели выглядят весьма привлекательно на бумаге, граждане оценивают результаты работы регионального руководства весьма низко. Это несоответствие заставляет задуматься об объективности получаемых данных и возможном изменении системы оценки эффективности деятельности глав исполнительной власти субъектов РФ [5].

Очевидно, что многие издержки партийного строительства в современной России проявляются в полной мере именно на уровне регионов, поскольку здесь политические партии наиболее тесно работают с населением. В этом направлении предстоит трудоемкая работа, в которой весьма полезным материалом могут оказаться рейтинги, отражающие текущие и потенциальные тенденции динамики общественных настроений.

Насколько бы дискуссионным ни был феномен российской демократии, результаты выборов 4 декабря 2011 г. в Государственную Думу РФ, с нашей точки зрения, убедительно показали, что «слухи о ее кончине» в России явно преувеличены. Борьба за власть, даже в демократической стране, означает, что есть победители, но обязательно будут и проигравшие. Следовательно, будут довольные, будут и недовольные. Институт выборов остается основополагающим элементом российской демократии и важнейшим механизмом, посредством которого мирным путем формируются властные органы, а электоральные рейтинги способны стать не только ориентиром, но и богатой пищей для размышлений о путях, способах и направлениях развития российской суверенной демократии.

Библиографический список

1. *Медведев Д.А.* Послание Федеральному Собранию РФ // Рос. газ. 2011. 23 дек.
2. Разговор с Владимиром Путиным. Продолжение. 15 дек. 2011 г. URL: <http://www.moskva-putinu.ru/>
3. URL: http://www.cikrf.ru/banners/vib_arhiv/
4. *Путин В.В.* Демократия и качество государства // Коммерсантъ. 2012. 6 февр.
5. Об оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации: официальная стенограмма селекторного совещания. 10 янв. 2012 г. URL: <http://premier.gov.ru/events/news/17719/>
6. *Дахин А.В.* Региональные политические коммуникации в конкурентной партийной среде (на примере Нижегородской области) // Изменение России: политические повестки и стратегии: тез. докл. Междунар. науч. конф. Москва, 25–26 нояб. 2010 г. М., 2010.

O.B. Batraeva
Organizational Changes
in the Party "United Russia"

The problem of assessing political and organizational capacity of political parties is stated. The insufficiency of the "United Russia" restructuring process and its organizational component changes at the current stage is pointed out.

Key words and word-combinations: political and organizational potential of a party, party restructuring, political product.

Ставится проблема оценки политико-организационного потенциала политической партии. Показана недостаточность реструктуризации «Единой России» и изменения ее организационной составляющей на современном этапе.

Ключевые слова и словосочетания: политико-организационный потенциал партии, реструктуризация партии, политический продукт.

УДК 316.334.3
ББК 60.561.3

О.Б. Батраева

ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ
ИЗМЕНЕНИЯ В ПАРТИИ
«ЕДИНАЯ РОССИЯ»

Доминирующие партии – явление, присущее странам, находящимся в процессе модернизации, но его характеристики значительно варьируются в зависимости от конкретных условий. Вероятно, поэтому доминирующая партия и ее деятельность являются постоянным объектом исследовательского интереса, аналитические результаты которого важны не только в теоретическом, но и в практическом плане.

Особое положение партии «Единая Россия» в российской партийной системе и во всем политическом пространстве современной России не вызывает сомнения: ее доминирование очевидно.

Работая с различными социальными средами, «Единая Россия» выступает достаточно эффективным модератором партийного и электорального пространства страны. Партия служит достаточно эффективной площадкой достижения элитных договоренностей и обеспечения «навязанного» консенсуса, придает дополнительный запас прочности персоналистскому режиму. Ее участие способствовало решению ряда задач модернизационного плана и во многом обеспечило устойчивость и стабильность политической системы. Она осуществляет законодательное оформление политических решений, генерированных в рамках сформировавшейся властной вертикали.

При всех недостатках как партийной структуры «Единая Россия» показала высокоэффективную способность к мобилизации всех провластных ресурсов и удержанию их под своим контролем. Об этом свидетель-

ствуют результаты прошедших 4 декабря 2011 г. выборов в Государственную Думу РФ шестого созыва, на которых она получила 49,32% голосов избирателей. Прочность партийных позиций подтверждается и данными выборов в субъектах Федерации. В целом другие партии показывают значительно меньшие электоральные результаты, чем «партия власти». Практически во всех российских регионах «Единая Россия» имеет большинство депутатских мандатов в региональных и муниципальных представительных органах власти. Значительному укреплению ее позиций в субъектах Федерации способствовала практика назначения губернаторов Президентом РФ из числа кандидатов от партии, получившей большинство на выборах в законодательные собрания регионов.

В последнее время усилилась критика «Единой России» со стороны оппозиционных сил, других партий и населения в целом.

Наиболее высокую электоральную поддержку партии всегда оказывали патерналистски настроенные слаты населения, а также граждане, наиболее выигравшие от реформ. Скептически относящиеся к ведущей политической партии модернистские слаты, включающие в себя высокообразованных граждан – жителей крупных городов (так называемый «средний класс»), а также часть властной элиты выразили свое недовольство отсутствием возможности оказывать реальное влияние на политический процесс. В обществе появился запрос на изменения, актуализировалась потребность в более конкурентном, открытом политическом порядке, в дальнейшем реформировании политической системы. Игнорирование партийным руководством «Единой России» негативных проявлений в общественной жизни, неспособность канализировать массовые протестные настроения жителей крупных городов привели к тому, что по сравнению с предыдущими выборами депутатов Государственной Думы «Единая Россия» потеряла почти 15% голосов избирателей.

Изменение внешних условий функционирования политической партии, формирование новой или корректировка прежней стратегии партийного развития обуславливают необходимость реструктуризации «партии власти». Руководство «Единой России» вполне осознает необходимость организационных реформ, считая партию сильной политической организацией, которая может себе позволить назревшие изменения.

«Единая Россия» – партия, в большей степени построенная «сверху – вниз». Она приспособлена для выполнения руководящих указаний, в лучшем случае – для ассимиляции элитных фигур, но не для проявления инициативы, тем более определения курса государственной власти. Членство в «Единой России» постепенно превращалось в весьма наглядное и практически обязательное свидетельство лояльности существующему политическому режиму, способствующее продвижению того или иного лица по карьерной лестнице [1, с. 96–97].

Несмотря на то, что на региональном уровне начала формироваться и отрабатываться модель «партийного» правления, когда партии приобретают ответственность и полномочия по формированию исполнительной власти, предстоящее вновь введение выборности губернаторов оставляет пока неясным вопрос о роли партий в этом процессе. Развитие политико-организационного потенциала партии «Единая Россия» значительно затрудняет ограниченная значимость

партийной идентификации для политических элит, выражающаяся в том, что для занятия важнейших государственных постов формально совершенно не обязательна принадлежность лица к политической партии, стаж членства в ней или наличие опыта партийной работы.

«Единая Россия» относится к партиям с жестким уровнем формализации внутрипартийных отношений; при этом уровень партийной дисциплины невысок, о чем свидетельствуют постоянные внутрипартийные конфликты. Используемые формы партийной организации и вовлечения в деятельность партии рядовых членов и активистов носят во многом формальный характер. Низкая роль рядовых членов правящей партии, кризисные явления в организации внутрипартийной жизни усугублялись рядом факторов общего плана. Так, формирование членской базы для современных российских политических партий не расценивается как значимый источник ресурсов – это, скорее, требование действующего законодательства, выполнение которого обременительно и затратно для политических партий, в силу чего партии зачастую мотивированы лишь на формальное его соблюдение. Следует отметить, что формирование партиями региональных отделений в определенном количестве субъектов РФ также в большей мере обусловлено требованиями законодательства о партиях, чем их желанием увеличить свой ресурсный потенциал. На эти особенности накладывается низкий уровень общественной поддержки партий, что не только не стимулирует роста членской базы, но негативно влияет на их качественный состав. По данным ФОМ [2] и ВЦИОМ [3], более 70% российских граждан заявляют о своем нежелании вступать в какую-либо партию, мотивируя это отсутствием интереса к политике, занятостью, негативным отношением к партиям вообще.

Данные позиции в целом подтверждаются региональным эмпирическим материалом. В Аткарском отделении партии «Единая Россия» в феврале – марте 2011 г. нами был проведен опрос с целью исследования внутрипартийных отношений. На период опроса в местном отделении партии состояло более 800 человек, из них было опрошено 100 партийцев.

Среди форм деятельности местного отделения, где они непосредственно принимали участие, респонденты называют митинги, благотворительные акции, работу общественных приемных. Возможность проявления инициативы оценивается низко: никто из них не выступал с какими-либо инициативами, но 23% респондентов считают возможным поддержку инициативы со стороны партии, если она находится в русле партийной политики. На вопрос «Может ли рядовой член партии повлиять на принятие партийных решений?» только 2% респондентов ответили утвердительно; 53% отрицают такую возможность; 35% признают такую возможность для некоторых случаев; остальные затруднились ответить на этот вопрос.

В результате такой внутрипартийной политики складывается ситуация кадрового голода. В региональных исполкомах зачастую недостает высокопрофессиональных политических менеджеров, которые могут наладить деятельность регионального отделения как составной части динамично развивающейся системы. Даже в крупнейшей российской партии, каковой является «Единая Россия», отмечается недостаток квалифицированных кадров. С одной стороны, не

отлажена система подготовки партийных кадров; с другой – квалифицированные кадры не всегда согласны работать на партию, поскольку считают ее деятельность достаточно формализованной. Фактическое отсутствие концептуально выстроенной системы подготовки кадров, низкий вес меритократических критериев вертикальной мобильности делают создание действенного механизма ротации кадров одним из важнейших направлений реструктуризации партии.

Судя по материалам официального сайта «Единой России», в партии ведется системная работа по обновлению структуры и организационной деятельности. Состав Высшего совета партии был расширен за счет включения в него наиболее эффективных глав регионов страны. Увеличилось число заместителей секретаря Президиума Генерального совета, в том числе отвечающих за такие ключевые направления, как молодежная политика, взаимодействие с общественными организациями, с экспертным сообществом. Реализуются новые принципы подбора кандидатур на должность секретарей региональных политических советов, позволяющие им в полной мере сконцентрироваться на партийной работе. Модернизирован институт межрегиональных координационных советов, занимающихся вопросами политического согласования, курирования основных направлений партийной жизни на уровне федеральных округов. Кроме того, сформулированы и утверждены критерии отбора и оценки эффективности руководителей региональных и местных исполнительных комитетов партии. Кадровому обновлению «Единой России» призвано способствовать принятое принципиальное решение проводить прямые, альтернативные, тайные выборы секретарей региональных отделений партии с перспективой их дальнейшего выдвижения на выборах высшего должностного лица субъекта РФ.

В 2008 г. в партии прошла дискуссия о новых критериях приема в партию и об оплате членских взносов. Центральным элементом новой процедуры является создание условий для сознательного вступления в партию, исключение всякого принуждения и конъюнктурных соображений. Тогда же был проведен аудит партийных рядов, позволивший выявить и снять с партийного учета тех, кто утратил связь с партией. Эта процедура, в ходе которой произошла коррекция общей численности партийцев на 4% (80 313 чел.), позволила частично ликвидировать перекосы, возникавшие из-за стремительного роста членства в партии в предыдущие годы и включавшие в том числе и негласную практику коллективного приема. Показательно, что весной 2008 г. с официального сайта «Единой России» исчез счетчик, отслеживающий рост численности партийцев. Сегодня на официальном сайте партии содержатся только данные о количестве местных и первичных отделений партии [4].

По мнению экспертов, проблемами стали бюрократизация партии, недостаточность обратной связи. Правящая партия превратилась в большой бюрократический механизм, ее аппарат фактически стал барьером при передаче идей граждан партийному руководству. Задачу консолидации сил общественности вокруг «Единой России» первоначально выполняли такие структуры, как консультативные советы общественных объединений, создаваемые при Генеральном, региональных и местных политических советах партии, и советы сторонников партии «Единая Россия».

Обе эти структуры обладали некоторой автономией в правах на региональном уровне, в частности их возглавляли председатели, назначавшиеся решением Генерального совета партии. В консультативном совете общественных объединений предусматривалось коллективное членство: в него входили общественные объединения в статусе юридических лиц. С каждым таким объединением заключался договор о взаимодействии и сотрудничестве, определяющий для них направления взаимодействия и содержание партнерских отношений с «Единой Россией». В совете сторонников предусматривалось индивидуальное членство, а его главными задачами были подготовка сторонников для вступления в ряды партии и взаимодействие с группами граждан, не имеющих права состоять членами какой-либо политической партии. После упразднения консультативных советов вся тяжесть работы с непартийным активом была переложена на институт сторонников. Позже было принято решение об учреждении института координаторов партии по направлениям деятельности, основной задачей которых стало вовлечение в сотрудничество с партией государственных и общественных деятелей, представителей элит, институтов гражданского общества, оказывающих существенное влияние на формирование общественного мнения на федеральном, региональном и местном уровнях. Однако вертикаль взаимодействия без участия самих общественных организаций оказалась малоэффективной.

Воплощением партийной «политики реальных дел» и попыткой преодолеть бюрократический барьер стало формирование сети общественных приемных, а также создание системы сбора и анализа предложений, жалоб, замечаний граждан страны. Работа с претензиями населения – очень важное направление для партии, но приемные должны также заниматься поиском проектов, идей, предложений по развитию региона, по переходу на инновационное развитие, что сегодня выражено чрезвычайно слабо в их деятельности.

Недостаточная эмерджентность «Единой России» заставила ее пойти на существенное развитие внутрипартийной дискуссии. Организованная в рамках трех клубов – социально-консервативного, либерально-консервативного и патриотического, она должна была привлечь представителей экспертного сообщества к аналитическому обсуждению потребностей «партии власти» и иных властных структур.

Деятельность клубов сосредоточена на разработке важных инициатив в области назревших политических вопросов, обсуждении законопроектов. Часть экспертов расценивает их как действительно серьезные дискуссионные площадки [5]. Отмечается, что при каждом клубе сформировались свои неформальные сообщества экспертов и ньюсмейкеров. Высказывается и противоположное мнение о деятельности внутрипартийных клубов: «Клубы не внесли ничего принципиально нового в партийную жизнь. Отчасти это площадки для дискуссий, отчасти форма политического самообразования» [6]. Закрытость партийной работы в клубах, ее непубличность демонстрируют результаты уже упомянутого собственного опроса в местном отделении партии: 97% респондентов не знали даже о существовании клубов.

Важным шагом в направлении организационного обновления «Единой России» стало создание Общероссийского народного фронта, в котором партия

изначально заняла системообразующее положение. К Фронту присоединились организации самых разных направлений – профсоюзы, ассоциации предпринимателей, женщин, ветеранские и молодежные организации, объединения пенсионеров и другие. Несмотря на различия во взглядах и подходах, все организации, объединенные Народным фронтом, смогли прийти к компромиссу и вместе с «Единой Россией» сформировать фракцию большинства в Госдуме шестого созыва.

Организационная работа по институализации складывающихся на местах социально-политических низовых групп и включении их в политический процесс, начатая в рамках института сторонников и продолженная в рамках сотрудничества с ОНФ, призвана перевести возросшую гражданскую активность в конструктивное направление борьбы с недостатками политической системы и социального строя России. При обсуждении дальнейшего пути развития «Единой России» была высказана идея формирования внутри партии идеологических платформ, которые призваны не дублировать функции дискуссионных клубов, рассчитанных на достаточно элитарные, зачастую закрытые переговоры экспертов разного профиля и профессиональных политиков. Платформы должны не только вырабатывать новые идеи, но и предлагать пути их решения, добиваться внедрения этих инноваций в политическую и социально-экономическую жизнь [7].

Таким образом, реструктуризация в «Единой России» является комплексной, затрагивает отношения как внутри партии, так и между партией и различными социальными средами. Она проводится в направлении создания вокруг партии сети гражданских сообществ, пытается приблизить традиционную партийную структуру к современной системе сетевых взаимодействий и развитых горизонтальных связей между членами партии, между партией и избирателями.

Основным препятствием для полноценной реструктуризации служит крайняя слабость функции стратегического целеполагания. Партия ориентирована на поддержку власти, а не на разработку самостоятельной политической стратегии, поэтому ее стратегический выбор находится в зависимости от стратегического выбора власти и, по нашему мнению, обречен на запаздывание.

Библиографический список

1. Коргунок Ю.Г., Мелешкина Е.Ю. Организационное устройство «Единой России» и партии коммунистов Республики Молдова: взгляд изнутри // Политэкс. 2010. № 1.
2. Данные социологических опросов ФОМ. URL: <http://bd.fom.ru/report/map/dominant/dom0821/d082122>
3. Данные социологических опросов ВЦИОМ. URL: http://wciom.ru/arkhiv/tematicheskii_arkhiv/item/single/10759.html
4. Официальный сайт партии «Единая Россия». URL: <http://er.ru/party/>
5. Шапошникова А. Партии следует активизировать свою деятельность среди научного сообщества: интервью от 24 мая 2010 г. URL: <http://kreml.org/interview/245201910>
6. Павловский Г.О. Интервью от 12 апр. 2010 г. URL: <http://kreml.org/interview/241567526>
7. Неверов С. Идеология развития: интервью от 6 апр. 2012 г. URL: <http://er.ru/news/2012/4/6/neverov-ideologiya-razvitiya/>

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

B.S. Mongush
Features of the Category
of “Legal Means” and Its
Application in Civilistics

Basic indicators of the legal means are highlighted. Author's definition of one of their kind – civil-legal means – is proposed. The essential distinctive features of civil-legal means are identified.

Key words and word-combinations: civil law (civilistics), legal means, features of civil-legal means.

Выделены основные признаки юридических средств. Предложена авторская дефиниция одного из видов – гражданско-правовых средств. Определены существенные отличительные черты гражданско-правовых средств.

Ключевые слова и словосочетания: гражданское право (цивилистика), правовые средства, особенности гражданско-правовых средств.

УДК 347.91/.95
ББК 67.410.1

Б.С. Монгуш

ОСОБЕННОСТИ КАТЕГОРИИ «ПРАВОВЫЕ СРЕДСТВА» И ЕЕ ПРИМЕНЕНИЯ В ЦИВИЛИСТИКЕ

Инструментальный подход к рассмотрению различных юридических категорий вызывает интерес у ученых-цивилистов. Появляются все новые исследования, касающиеся основополагающих проблем в гражданском праве, однако до сих пор в юридической литературе нет единства в определении базовой, основной категории «правовые средства».

Следует признать, что термин «правовые средства» – сугубо теоретический и в настоящий момент в Российской Федерации на законодательном уровне не закреплён. Представляется целесообразным начать исследование с исходного определения, позволяющего обозначить отправную точку анализа избранной темы. На наш взгляд, правовые средства – это совокупность нормативных установлений, институтов, приемов и деятельность субъектов права по их реализации, направленная на достижение правовых целей, обеспечиваемая государством и выполняющая конкретные функции, которые определяются их целевым предназначением и сферой осуществления.

Выделим основные черты правовых средств.

Во-первых, правовые средства должны быть предназначены для достижения правовых целей.

Во-вторых, они должны быть правомерными. Своим предназначением правовые средства призваны отвечать интересам отдельных лиц, общества и государства в целом. Правомерность выражается и в их соответствии нормам права, непротиворечии действующему законодательству, общим принципам и началам права, а также возможности породить позитивные юридические последствия. Однако не стоит забывать, что в ст. 6 Гражданского кодекса РФ [1] юридически значимыми признаются не только отношения, урегулированные законодательством, но и отношения, которые возникают на основе соглашения сторон или обычаев делового оборота. Используя различные средства, субъект права не вправе выходить за рамки пределов осуществления гражданских прав, не должен нарушать права и законные интересы иных граждан и юридических лиц. В соответствии со ст. 8 ГК РФ гражданские права и обязанности могут возникать не только из оснований, предусмотренных законом и иными правовыми актами, но также из действий граждан и юридических лиц, которые хотя и не предусмотрены нормативными правовыми актами, но в силу общих начал и смысла гражданского законодательства порождают гражданские права и обязанности. Отмечая особенности данного признака, ученые полагают, что «содержание и порядок применения средств в решающей степени определяется не нормами права, а согласованным волеизъявлением субъектов, вырабатываемым в общих границах правовой дозволенности» [2, с. 187].

Правомерность выражается в том, что правовые средства должны быть предусмотрены нормами права, поскольку «вне нормативной сферы правовые средства существовать не могут, именно правовые нормы придают рассматриваемым средствам регулирования правовой характер» [3, с. 54]. Значит, в содержание признака правомерности правовых средств следует включать закрепление их нормами законодательства и непротиворечивость условий договора по соглашению сторон общим правилам действующего закона.

В-третьих, правовые средства обеспечиваются государством. Субъектом, обязанным обеспечить признание, соблюдение и защиту прав и свобод, является государство. Именно государству в лице его органов, учреждений, должностных лиц предстоит создать эффективно работающую систему правовых средств и механизмов, реализующих защиту субъективных гражданских прав в новых политических, социально-экономических условиях [4, с. 264–281]. Для действенной защиты нарушенных субъективных прав управомоченному лицу должна быть предоставлена соответствующими государственными органами возможность использовать весь спектр правовых средств, предусмотренных действующим законодательством и направленных не только на пресечение и предупреждение правонарушений, восстановление нарушенного состояния и компенсацию вызванных потерь, но и на обеспечение гарантий их реального осуществления, возможностей их реализации.

В-четвертых, выбор средств зависит от целей, на достижение которых мотивирован субъект. Государство предоставляет лишь перечень, набор правовых

средств, а носитель этого субъективного гражданского права обладает соответствующим правомочием на его защиту с помощью средств, предусмотренных законодательством. Таким образом, набор правовых средств зависит, в частности, от воли субъекта. Необходимо помнить, что в рамках цивилистики, где преобладающим является диспозитивный метод правового регулирования, субъектам предоставлена свобода осуществления субъективного гражданского права, нормы права здесь содержат лишь определенный, но не обязательный вариант поведения, с которым субъект права может согласиться либо отказаться и выбрать иной. В гражданско-правовой сфере субъекты, как правило, в первую очередь удовлетворяют свои собственные цели, действуют, преследуя личный интерес. Использование гражданско-правовых средств прежде всего рассчитано на инициативу и свободу усмотрения субъектов в выборе юридических средств, наполнении их содержания, целей и порядка применения.

В-пятых, правовые средства выполняют определенные функции, содержание которых зависит от конкретного вида, сферы применения, отрасли права. Функции выражают сущность применяемых правовых средств.

В-шестых, правовые средства характеризуются двумя формами выражения: «правовые средства – состояния» и «правовые средства – процесс, деятельность». Рассматриваемый феномен содержит в себе динамическую и статическую стороны. Правовые средства – это прежде всего модель, состояние, правовая конструкция, «которая не действует автоматически и только в потенциале и в процессе ее практического использования может привести к достижению поставленной правовой цели» [5, с. 138]. Под средствами понимаются конкретные приемы, способы, инструменты, которые аккумулируются только благодаря деятельности субъектов по их применению для достижения желаемого результата. В этом контексте верным будет считать, что «категория «средство» включает в себя как инструментарий, так и его использование при получении желаемого результата» [6, с. 141]. В философских науках средствами также называют «объективные предметы или действия, включенные в структуру целеполагающей деятельности и обеспечивающие получение определенного результата» [7, с. 206]. Правовые средства имеют материальное закрепление в нормах права, нормативных установлениях, но это было сделано для того, чтобы они практически использовались, претворялись в жизнь, чтобы достигались социально значимые цели. В противном случае категория «правовые средства» как нормативные установления не имела бы смысла.

Правореализационная деятельность субъектов, на наш взгляд, является существенным признаком правовых средств, который как раз и отличает изучаемую категорию от таких, понятий, как «права», «нормы права», «правовые институты».

С одной стороны, правовые средства обладают свойством нормативности; с другой стороны, они не характеризуются общеобязательностью, возможностью применения неопределенное количество раз. Правовое средство есть один из возможных вариантов поведения, характеризующийся «деятельностью», процессуальностью, направленный на достижение социально-экономической цели,

содержание которой в каждом конкретном случае определяется усмотрением управомоченного субъекта. Реализуется правовое средство волевыми юридически значимыми действиями субъекта, совершаемыми в рамках общественных отношений. Юридически значимые действия совершаются в его интересах, им самим или иными субъектами права в его интересах. Это наиболее общие признаки правовых средств, характеризующих рассматриваемое явление в качестве главного родового понятия для отдельных его видов. Безусловно, любые определения изучаемого феномена имеют право существовать, и теория познания тоже не исключает возможности объяснения одного и того же явления несколькими способами.

Правовые средства – это своеобразное сочетание определенных нормативных установлений, приемов и конкретной деятельности субъектов защиты, направленной на претворение их в жизнь, достижение желаемой цели.

Согласимся с мнением авторов, считающих, что понятие правовых средств не образует особых, принципиально отличных от традиционных, зафиксированных догмой права, в общепринятом понятийном аппарате явлений правовой действительности [8, с. 349–350]. Функционально-целевой подход позволяет сделать принципиально важный для нашего исследования вывод о том, что понятие правовых средств наполняет специфическим содержанием цель, для достижения которой они используются. Из предложенного определения можно вывести дефиницию **гражданско-правовых средств**: это совокупность нормативных установлений, институтов, приемов и деятельность субъектов гражданских отношений по их реализации, направленная на достижение имущественных и личных неимущественных благ, обеспечиваемая государством и выполняющая определенные функции в сфере гражданского права.

Гражданско-правовые средства характеризуются большим разнообразием. В рассматриваемом контексте интерес представляют гражданско-правовые средства защиты. В широком смысле они понимаются как совокупность приемов, институтов и деятельность субъектов права по их применению и использованию, нацеленная на восстановление нарушенного субъективного гражданского права, на пресечение противоправных действий нарушителя, обеспечиваемая государством и выражающаяся в форме действий или бездействий. Средства защиты гражданских прав в узком смысле – это система элементов, состоящая из форм, порядка и способов защиты имущественных и личных неимущественных прав субъектов гражданских отношений.

Рассматриваемая правовая материя от иных правовых средств отличается следующими особенностями:

- 1) целевым предназначением и характером защищаемых прав – личных неимущественных и имущественных. Понятие «гражданско-правовые средства защиты», как и понятие «правовые средства», нельзя полноценно рассмотреть без диалектического единства с парной категорией «цель»;
- 2) формами выражения средств защиты – ими выступают как действия, так и бездействия субъектов, направленные на защиту права;
- 3) способом осуществления – реализуются путем их применения и использо-

вания субъектами права. Гражданско-правовые средства используются субъектами права только после того, когда субъективное гражданское право уже нарушено;

4) правовой природой – гражданско-правовые средства диспозитивны и характеризуются добровольной технологией их реализации. Именно «гражданское законодательство наделяет обладателя субъективного права дозволительными нормами по защите своих прав, предоставляет ему возможность действовать по своей инициативе, по своему усмотрению и в своем интересе на диспозитивной основе, причем на равных условиях с иными участниками (субъектами) защиты» [9]. Свобода выбора средства защиты возникает в силу принципов самостоятельности и диспозитивности участников гражданского оборота, а также в результате нормативного закрепления в множественных источниках разнообразных видов средств защиты и отдельных правил об их выборе субъектами права;

5) субъектами – они используются широким кругом субъектов-участников гражданских отношений (гражданами, юридическими лицами, публично-правовыми образованиями).

В совокупности всех этих признаков, взятых в единстве, обнаруживается специфика средств защиты гражданских прав как одного из видов правовых средств.

По нашему мнению, необходимо разрабатывать единый, унифицированный подход к рассмотрению средств защиты гражданских прав. Этот процесс должен быть основан на осмыслении достижений научной, правоприменительной, правотворческой деятельности. Прежде всего следует выработать главные, отправные категории понятийного аппарата, такие, как «правовые средства», «гражданско-правовые средства», «средства защиты гражданских прав», «функции средств защиты гражданских прав». От правильной и адекватной разработки основополагающих дефиниций теории правовых средств зависит эффективность достижения поставленных целей защитного механизма и в конечном счете эффективность и производительность всего права.

Библиографический список

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
2. Пугинский Б.И. Теория и практика договорного регулирования. М., 2008.
3. Сапун В.А. Теория правовых средств и механизм реализации права: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2002.
4. Правовая политика в сфере защиты гражданских прав // Российская правовая политика: курс лекций / Е.В. Вавилин, А.И. Демидов, А.В. Малько [и др.]; под ред. Н.И. Матузова, А.И. Малько. М., 2003.
5. Малько А.В. Основы теории правовых средств // Вестн. Волж. ун-та им. В.Н. Татищева. Сер.: Юриспруденция. Тольятти, 1998. Вып. 1.
6. Материалистическая диалектика: крат. очерк теории / П.Н. Федосеев, И.Т. Фролов [и др.]. М., 1985.
7. Алексеев С.С. Право: азбука – теория – философия: опыт комплексного исследования. М., 1998.
8. Андреев Ю.Н. Механизм гражданско-правовой защиты. М., 2010.
9. Ширмамедов А.К. Карательная функция права: проблемы теории и практики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2007.

A.S. Ryasina
The Role of the Law Enforcer
in the Context of the Evaluative
Categories Use

Specific features of applying legal norms containing evaluative categories are considered. The attention is drawn to the discretionary practices of the enforcement and interpretation of law.

Key words and word-combinations: evaluative categories, the discretion, law enforcement, interpretation, sense of justice, morals.

Рассматриваются специфические особенности применения правовых норм, содержащих оценочные категории. Акцентируется внимание на практиках усмотрительного характера применения права и толкования правовых норм.

Ключевые слова и словосочетания: оценочные категории, усмотрение, правоприменение, толкование, правосознание, мораль.

УДК 340.1:347.91/.95
 ББК 67.0+67.410.1

А.С. Рясина

РОЛЬ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЯ В КОНТЕКСТЕ УПОТРЕБЛЕНИЯ ОЦЕНОЧНЫХ КАТЕГОРИЙ

Эффективность законодательства во многом определяется способностью закона адекватно регулировать процессы, происходящие в обществе. Правовому регулированию присуще свойство формальной определенности, в связи с чем ясность и конкретность правовой нормы имеет большое практическое значение. Между тем для обеспечения гибкости правового регулирования законодатель вынужден прибегнуть к широкому использованию такого приема юридической техники, как включение в текст правовых норм, содержащих оценочные категории.

Широкое применение оценочных категорий в современном российском законодательстве вызывает различные, иногда совершенно противоположные отклики российских ученых. Критическое отношение к ним было заложено уже в дореволюционной российской юридической литературе. Свойства, признаки, детали правовых явлений, фиксируемых оценочными категориями, подробно не разъясняются законодателем, а оцениваются и конкретизируются субъектами, исходя из эталонов правосознания, практики, нравственности, обычаев. Данные категории имеют незамкнутую структуру [1, с. 19], их определения «разворачиваются», то есть наполняются конкретным содержанием уже в процессе реализации [2, с. 7].

Изменения, происходящие в социальной, политической и экономической сферах жизнедеятельности современного российского

социума, направлены на построение правового государства, основой которого являются приоритет прав и свобод человека, формирование гражданского общества, совершенствование демократических институтов власти, что в определенной степени повлияло на изменение отношения к месту и роли оценочных категорий в системе российского права.

Гражданское общество начинается с гражданина и его свободы, которая достигается путем установления в законодательстве запретов, носящих фундаментальный характер, и признания дозволенным, общественно невредным всего остального. Общедозволительный тип правового регулирования связан с законодательным закреплением гражданских свобод, с правом на выбор средств достижения цели. Он способствует проявлению самостоятельности граждан.

Для правоприменяющего субъекта свобода усмотрения возможна тогда, когда он в своей профессиональной деятельности оперирует (руководствуется) диспозитивными нормами, в том числе содержащими оценочные категории. Именно такие нормы предписывают тот или иной вариант поведения, но при этом предоставляют субъекту возможность в пределах законных средств урегулировать отношения по своему усмотрению. Диспозитивный метод характеризуется предоставлением субъекту автономии, свободы при выборе конкретного варианта поведения, возможности реализовывать свои интересы всеми не противоречащими закону способами. Оценочные категории задают определенную степень стабильности и регулятивной прочности, позволяют учитывать динамику изменения общественных отношений в будущем, новые потребности, открывают возможности для индивидуального регулирования возникающих отношений.

В условиях построения гражданского общества значительно расширился круг субъектов применения права за счет включения в него государственных корпораций, третейских судей, саморегулируемых организаций и прочего. В процессе перераспределения функций между государством и обществом государство стремится сохранить за собой прежде всего вопросы стратегического управления. Централизованное, императивное регулирование (метод субординации) осуществляется на властно-императивных началах. При его помощи регулируются отношения, где приоритетным является общесоциальный интерес. Метод децентрализованного (автономного) регулирования построен на относительно самостоятельном и свободном (но в рамках закона) регулировании равноправными субъектами своего поведения, на согласовании, координации их интересов, рассчитан на их конструктивное взаимодействие, предполагает поиск компромиссов, взаимовыгодных решений.

Важная роль в процессе децентрализации принадлежит институту саморегулирования. Процесс появления такого института носит естественный характер и диктуется необходимостью упорядочения регламентации взаимоотношений отдельных субъектов правоотношений, и прежде всего бизнеса и государства. Федеральный закон «О саморегулируемых организациях» [3] устанавливает, что такого рода организации могут успешно исполнять некоторые государственные функции. Например, в соответствии с Федеральным законом «О несостоятельности (банкротстве)» [4] саморегулируемая организация арбитражных управляю-

щих в качестве условий членства в ней наряду с требованиями, предусмотренными законом, вправе устанавливать иные требования к компетентности, добросовестности и независимости арбитражного управляющего (п. 4 ст. 20).

С поиском меры наиболее удачного соотношения аспектов централизации и децентрализации в управлении делами государства и общества связано перемещение в область локального регулирования действия отдельных правовых актов. Примером могут служить нормы гражданского законодательства, устанавливающие возможность, в частности, при отсутствии применимого законодательства исходить из требований добросовестности, разумности и справедливости. Отдельные черты децентрализованного подхода к регулированию процесса разрешения гражданских дел могут быть выявлены в законодательстве о третейском разбирательстве, например в Федеральном законе «О третейских судах в Российской Федерации» [5].

Оперирование оценочными категориями представляет определенную сложность в практике их реализации. Опасность их применения связана с неотвратимым последствием усиления позиции правоприменителя и возможности неоднозначного толкования соответствующих категорий. Следовательно, четкое представление об особенностях норм, содержащих оценочные категории, имеет важное значение для правоприменительной деятельности.

Первую особенность процесса применения указанных норм составляет его усмотрительный характер. Правоприменитель оценочной категории не просто прилагает готовые положения нормы к частному случаю, но должен на основании исследования предмета, явления сделать самостоятельный вывод о содержании оценочной категории применительно к конкретной ситуации.

Определение содержания исследуемой категории связано с оценкой. Оценки устанавливаются путем сопоставления свойств оцениваемого объекта с имеющимся у субъекта правоприменения образом и выражают его отношение к предмету, явлению в моральном и этическом плане, например: что следует понимать под словосочетанием, используемым законодателем в ст. 184 ГК РФ [5] «заботливость обычного предпринимателя»? Из самого Закона признаки данной категории не известны. Субъекту правоприменения предоставлено право решать, как трактовать данный термин. Отталкиваясь от имеющегося у него обобщенного представления о совокупности признаков, которые присущи заботливости обычного предпринимателя, правоприменитель рассматривает конкретное действие как совершенное с такими признаками.

Вторая особенность заключается в том, что в процессе применения оценочные категории получают личностную окраску субъекта правоприменения. Субъективный фактор играет весомую роль в формировании оценочного суждения. Правоприменяющий субъект вкладывает в оценочную категорию сформировавшийся под влиянием определенных факторов смысл, который соответствует его личностному представлению о предмете и явлениях. Имеют значение правовое и нравственное сознание, уровень профессиональной подготовки правоприменителя, общепринятая судебная практика.

Третья особенность состоит в том, что применение оценочных категорий носит ситуативный характер. Расшифровывая содержание оценочной катего-

рии, правоприменитель восполняет элементы модели оценочной категории и формулирует ее содержание применительно к конкретным обстоятельствам действительности.

Четвертая особенность заключается в том, что с процессом реализации норм с оценочными категориями в праве тесно связано индивидуальное регулирование. Норма права содержит общее правило поведения, абстрактную модель прав и обязанностей, их соотношения, но в реальной жизни норма применяется к конкретным случаям во всем богатстве и сложности индивидуальных особенностей данных участников и их отношений. Такое противоречие неизбежно, потому что общее не может отразить всего богатства конкретного, единичного [6, с. 16]. Норма права в общей форме отражает характерные черты отдельных видов отношений, так как законодатель не может урегулировать эти отношения таким образом, чтобы предусмотреть каждый возможный случай. Оценочные категории в процессе их применения, конкретизации позволяют осуществлять индивидуальную регламентацию общественных отношений.

Пятая особенность состоит в том, что реализация норм с оценочными категориями вызывает необходимость их толкования. Процедура толкования в самом общем виде означает разъяснение точного смысла закона, а собственно само толкование выступает как определенный познавательный процесс, заключающийся в придании определенного значения языковым выражениям законов и иных нормативных актов. Однако в процессе толкования нормы установить только лексическое значение оценочной категории недостаточно. Для обоснования вывода о том, что ситуация подпадает под действие соответствующего нормативного предписания, необходимо полно и всесторонне изучить сложившуюся ситуацию, в которой действовало лицо, мотивы его поведения и иные обстоятельства.

Процедура толкования нормы в ходе правоприменения, как и установление факта применимости оценочной категории в конкретном случае, заключается в переводе общей формулировки закона в более конкретную, которая в то же время должна согласовываться с содержанием нормы. Правоприменитель своим решением раскрывает суть правовой нормы в конкретном случае, закрепляя тем самым собственное видение ситуации.

По нашему мнению, особенность механизма правового регулирования с использованием правовых норм, содержащих оценочные категории, обусловлена тем, что содержание последней определяется эмпирическим путем. Допуская оценочные категории, законодатель предоставляет правоприменителям свободу интерпретации путем наполнения норм содержанием в зависимости от конкретных обстоятельств.

В среде профессиональных юристов, обладающих специальными знаниями в области права, часто отсутствует единое мнение по правопониманию сущности и содержания той или иной оценочной категории. При получении правовой помощи со стороны адвокатов, сотрудников правоохранительных органов, судей и юрисконсультов можно столкнуться с различными представлениями указанных субъектов правовой деятельности о содержании одной и той же оценочной категории. В результате у рядовых граждан может сложиться стой-

кое неверие в единство правовой системы России. Отсюда, как представляется, произрастает низкая правовая культура и правовой нигилизм.

Данные обстоятельства обуславливают необходимость специальной правовой подготовки и обеспечение определенного уровня правосознания правоприменителя. В силу этого следует более пристальное внимание уделить обучению личного состава правоохранительных органов, судейского корпуса, адвокатов и юристов.

Правосознание – это знание о праве, оценка действующего права и мысли. Оно – не только результат отражения объекта, но и средство воздействия на объект. Правосознание исполняет роль важнейшего критерия в правоприменении, поскольку ориентирует субъектов права в конкретных социально-правовых ситуациях. В процессе применения оценочных категорий правосознание обладает собственной регулятивной функцией. На него возлагается дополнительная задача – определить содержание оценочной категории относительно конкретной жизненной ситуации и соответственно волевою направленность поведения субъекта. Кроме того, при формировании усмотрения ярко проявляется аксиологическая функция правосознания. Определение содержания оценочной категории осуществляется правовым сознанием субъекта на основе ценностных ориентиров. Получив информацию об оценочной категории, содержащейся в правовой норме, субъект применения оценивает, сопоставляет его с собственными установками и ценностями.

Сегодня необходимо так скорректировать правовую систему, чтобы «содержащиеся в ней ценности были востребованы гражданским обществом, пересекались с нравственными приоритетами и получали обоснование друг в друге» [7, с. 53]. Существенным фактором, влияющим на развитие правового сознания граждан, служит система нравственного воспитания. Правоприменители должны отвечать не только профессиональным, но и нравственным критериям. В контексте изложенного подготовка не просто квалифицированных, но и высоконравственных юристов должна стать одним из приоритетов государственной политики в сфере образования. Это позволит им с высокой эффективностью реализовывать потенциал, заложенный оценочными категориями, имеющимися в действующем законодательстве.

Библиографический список

1. Безруков С.С. Оценочные понятия и термины в уголовно-процессуальном законодательстве России. Омск, 2003.
2. Вопленко Н.Н. Нормы права. Волгоград, 1997.
3. О саморегулируемых организациях: Федер. закон от 1 дек. 2007 г. № 315-ФЗ (в ред. от 3 дек. 2011 г.) // СЗ РФ. 2007. № 49. Ст. 6076; 2011. № 49 (ч. V). Ст. 7061.
4. О несостоятельности (банкротстве): Федер. закон от 26 окт. 2002 г. № 127-ФЗ (в ред. от 7 дек. 2011 г.) // СЗ РФ. 2002. № 43. Ст. 4190; 2011. № 50. Ст. 7357.
5. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая: Федер. закон от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ (в ред. от 6 дек. 2011 г.) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301; 2011. № 50. Ст. 7347.
6. Агамиров Н.И. Оценочные понятия в законодательстве // Проблемы совершенствования советского законодательства: сб. статей. М., 1989. Вып. 43.
7. Цыбулевская О.И. Взаимодействие права и морали в глобализирующемся мире // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2008. № 1. С. 52–58.

A.Z. Agababyan
Jurisdiction of Civil Cases
Arising from Labor Relations

The jurisdiction of certain categories of civil cases arising from labor relations is studied. The special attention is paid to contradictions in judicial practice of various courts.

Key words and word-combinations: civil process, jurisdiction, labor relations, judicial practice.

Исследуется подсудность отдельных категорий гражданских дел, возникающих из трудовых правоотношений. Особое внимание уделяется противоречиям судебной практики, исходящей из различных инстанций.

Ключевые слова и словосочетания: гражданский процесс, подсудность, трудовые правоотношения, судебная практика.

УДК 347.91/95+349.2
ББК 67.410.1+67.405.1

А.З. Агабабян

**ПОДСУДНОСТЬ
ГРАЖДАНСКИХ ДЕЛ,
ВОЗНИКАЮЩИХ
ИЗ ТРУДОВЫХ
ПРАВООТНОШЕНИЙ**

Конституцией РФ каждому гарантировано право на рассмотрение его дела в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом [1, ч. 1 ст. 47]. В соответствии с указанным конституционным положением вышестоящий суд не вправе принять к своему производству в качестве суда первой инстанции дело, подсудное нижестоящему суду [2, п. 8]. Но на практике встречаются случаи, когда суд неправильно применяет данные положения, в связи с чем представляется необходимым рассмотреть распространенные ошибки и нарушения правил подсудности, допускаемые судами при рассмотрении дел.

На наш взгляд, правильное и быстрое рассмотрение гражданских дел является предпосылкой достижения целей, указанных в ГПК РФ [3, ст. 2], и прежде всего формирования уважительного отношения к праву и суду, что невозможно себе представить без профессионального и безукоризненного выполнения судами поставленных перед ним задач по осуществлению правосудия. Очевидно, что неправильное толкование судами правил подсудности затягивает рассмотрение спора по существу, нарушает право каждого на справедливое разбирательство в разумный срок. Чаще всего такие случаи возникают при следующих обстоятельствах:

– при рассмотрении дел с участием юридического лица и его филиала и (или) представительства;

- по искам о восстановлении трудовых прав, связанные с возмещением убытков;
- при разрешении споров о возмещении вреда, причиненного жизни и здоровью застрахованного в связи с несчастным случаем на производстве и профессиональным заболеванием;
- при разрешении служебных споров.

ГПК РФ устанавливает общее правило подсудности дел искового производства: подсудность гражданского дела конкретному суду определяется местом жительства ответчика-гражданина и местом нахождения ответчика-организации [3, ст. 28].

Местом жительства гражданина признается место, где он постоянно или преимущественно проживает. Документальное подтверждение места проживания гражданина на практике означает обязательное наличие у него регистрации по месту жительства или пребывания.

Согласно ГК РФ место нахождения юридического лица определяется местом его государственной регистрации [4, п. 2 ст. 54]. В соответствии с Федеральным законом государственная регистрация юридического лица осуществляется по месту нахождения указанного учредителем постоянно действующего исполнительного органа [5, п. 2 ст. 8], в случае же отсутствия исполнительного органа – по месту нахождения иного органа или лица, имеющих право действовать от имени юридического лица без доверенности. Следует обратить внимание на то, что в ГПК РСФСР по общему правилу территориальной подсудности иск к юридическому лицу предъявлялся по месту нахождения его органа или имущества [6]. В современных условиях достаточно распространены ситуации, когда место регистрации юридического лица в последующем не совпадает с местом нахождения его органов и имущества, что затрудняет рассмотрение дел с его участием в качестве ответчика.

Согласно ГПК РФ [3, ч. 2 ст. 29] иск к организации, исходящий из деятельности ее филиала или представительства, может быть по желанию истца предъявлен также в суд по месту нахождения ее филиала или представительства. Закон не связывает возможность предъявления иска по месту нахождения филиала с тем, что сам филиал должен обладать правоспособностью юридического лица [7, с. 20]. Как филиал, так и представительство юридического лица не являются субъектами права, но если иск исходит из их деятельности, то, вероятнее всего, истцу удобнее обратиться по месту их нахождения.

Иски о восстановлении трудовых прав, связанные с возмещением убытков, причиненных гражданину незаконным осуждением, незаконным привлечением к уголовной ответственности, незаконным применением в качестве меры пресечения заключения под стражу, подписки о невыезде либо незаконным наложением административного наказания в виде ареста, могут предъявляться также в суд по месту жительства истца. Как справедливо отмечено авторами комментария к ГПК РФ, в ч. 6 ст. 29 ГПК РФ применяется термин «убытки» вместо «ущерб» по ч. 11 ст. 118 ГК РСФСР, что точнее определяет объем гражданско-правовой ответственности [8, с. 50].

ГПК РФ предусматривает, что иски, вытекающие из договоров, в которых

указано место их исполнения, могут быть предъявлены также в суд по месту исполнения такого договора [3, ч. 9 ст. 29]. Поскольку законодатель не конкретизировал вид договора, данное правило применимо и для трудовых договоров. «Место исполнения договора» может означать место выполнения трудовой функции, место исполнения обязанностей по трудовому договору.

Судебные органы неоднозначно толкуют и применяют правила подсудности. Приведем пример из судебной практики [9].

Гражданка И. обратилась с иском к ОАО «Российские железные дороги» о восстановлении на работе, взыскании заработной платы за время вынужденного прогула и компенсации морального вреда в Пролетарский районный суд г. Твери. Определением районного суда от 11 сентября 2008 г., оставленным без изменения определением судебной коллегии по гражданским делам Тверского областного суда от 9 октября 2008 г., исковое заявление И. было возвращено без рассмотрения в связи с неподсудностью данного дела Пролетарскому районному суду г. Твери. Истце разъяснено ее право обратиться с иском в соответствующий районный суд г. Москвы по месту нахождения ответчика.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ установила, что при рассмотрении этого дела судами были допущены существенные нарушения норм процессуального права.

Как видно из копии трудовой книжки истицы, она была принята на работу в локомотивное депо «Тверь» Московского отделения Октябрьской железной дороги – филиала ОАО «Российские железные дороги». В трудовом договоре определено место его исполнения: г. Тверь, ул. Железнодорожников. Трудовой договор с истицей был заключен в г. Твери, там же был вынесен приказ о его расторжении, то есть совершено конкретное действие, которое оспаривается. Поскольку место исполнения истицей трудовых обязанностей было указано в трудовом договоре и находилось в Пролетарском районе г. Твери по месту нахождения локомотивного депо «Тверь» Московского отделения Октябрьской железной дороги, истица имела право на предъявление иска о восстановлении на работе именно по месту исполнения ею обязанностей по трудовому договору.

Учитывая указанные обстоятельства, судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ отменила определения районного суда г. Твери и судебной коллегии по гражданским делам Тверского областного суда, а материал по иску И. к ОАО «Российские железные дороги» о восстановлении на работе был направлен в Пролетарский районный суд г. Твери для рассмотрения по существу. Коллеги, очевидно, исходила из того, что выбор между несколькими судами, которым подсудно дело, принадлежит истцу [3, ч. 10 ст. 29].

Дела по спорам о возмещении вреда, причиненного жизни и здоровью застрахованного в связи с несчастным случаем на производстве и профессиональным заболеванием, согласно ГПК РФ [3, п. 1 ч. 1 ст. 22] подведомственны судам общей юрисдикции. Указанные дела, в том числе о компенсации морального вреда, в соответствии с ГПК РФ [3, ст. 23, 24] подсудны районным судам. Иски по данной категории дел могут быть предъявлены пострадавшим как по общему правилу территориальной подсудности – по месту нахождения ответ-

чика (регионального отделения Фонда социального страхования РФ и (или) работодателя либо иного лица, ответственного за возмещение вреда), так и в суд по месту своего жительства или месту причинения вреда [3, ст. 28, 29].

Определенные сложности могут возникать на практике в связи с определением подсудности служебных споров. Согласно ГПК РФ [3, ст. 22] суды рассматривают и разрешают иски с участием граждан, организаций, органов государственной власти, органов местного самоуправления о защите нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов, по спорам, возникающим из гражданских, семейных, трудовых, земельных, экологических и иных правоотношений. Таким образом, по смыслу ст. 22 ГПК РФ служебные споры также подведомственны судам общей юрисдикции.

Следует согласиться с мнением авторов, что служебные споры возникают не из трудовых отношений, а из отношений, связанных с прохождением государственной службы. Действительно, Федеральный закон [10] не содержит каких-либо специальных указаний по этому вопросу, поэтому нет ясности в решении вопроса о подсудности соответствующей категории дел.

По справедливому мнению авторов, было бы целесообразно распространить указанные правила подсудности и на служебные споры.

В целях совершенствования механизма урегулирования служебных споров, на наш взгляд, необходимо изменить редакцию ст. 22 ГПК РФ, предусматривающей подведомственность гражданских дел судам. Так, после слова «трудовых» следует добавить слова «отношений, связанных с прохождением государственной службы». Такое дополнение, как нам представляется, устраним определенные сложности, которые могут возникать на практике в связи с определением подведомственности служебных споров.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации от 12 дек. 1993 г. // СЗ РФ. 2009. № 4. Ст. 445.
2. О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31 окт. 1995 г. № 8 (в ред. от 6 февр. 2007 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1996. № 1; 2007. № 3.
3. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 нояб. 2002 г. № 138-ФЗ (в ред. от 3 дек. 2011 г.) // СЗ РФ. 2002. № 46. Ст. 4532; 2010. № 50. Ст. 6611.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая от 30 нояб. 1994 г. (в ред. от 30 нояб. 2011 г.) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301; 2011. № 49 (ч. 1). Ст. 7041.
5. О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей: Федер. закон от 8 авг. 2001 г. № 129-ФЗ // СЗ РФ. 2001. № 33. Ст. 3431; 2008. № 30. Ст. 3616.
6. Гражданский процессуальный кодекс РСФСР от 11 июня 1964 г. (Утратил силу) // Свод законов РСФСР. 1964. Т. 8.
7. Некоторые вопросы судебной практики по гражданским делам: обзор судебной практики Верховного Суда РФ // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1998. № 10.
8. Вукот М.А. Комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный, научно-практический). М., 2003.
9. Определение Верховного Суда РФ от 5 марта 2009 г. № 35-В09-1 [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
10. О государственной гражданской службе Российской Федерации: Федер. закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ // СЗ РФ. 2004. № 31. Ст. 3215.

**S.A. Charkin
Theoretical Problems
of the Property Right to Land
Plots at the Present Stage
of Legal Reform**

The problem of correlation between the constitutional-legal and sectoral regulation of property relations is considered. New legal structures in the area of common property are examined. The problems of building a civilized real estate market in relation to the right to the state and municipal property are revealed.

Key words and word-combinations: the land plot, the property right, possession, use, disposal, proprietary relationship, private and public law.

Рассматривается проблема соотношения конституционно-правового и отраслевого регулирования отношений собственности. Исследуются новые правовые конструкции в сфере общей долевой собственности. Показаны проблемы построения цивилизованного рынка недвижимости применительно к праву государственной и муниципальной собственности.

Ключевые слова и словосочетания: земельный участок, право собственности, владение, пользование, распоряжение, вещные правоотношения, частное и публичное право.

УДК 347.243
ББК 67.407.1

С.А. Чаркин

**ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ
ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ
НА ЗЕМЕЛЬНЫЕ УЧАСТКИ
НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ
ПРАВОВОЙ РЕФОРМЫ**

Проблемы собственности традиционно были в центре внимания представителей различных общественных наук, включая и юридическую науку. В настоящее время после разработки и публичного обсуждения Концепции развития гражданского законодательства 2009 г. [1], а также программы широких социально-экономических преобразований, озвученных в январе – феврале 2012 г. В.В. Путиным, интерес к теоретическим и практическим аспектам теории земельной собственности несомненно возрос. В связи с этим представляется необходимым обратить внимание на ряд доктринальных вопросов, имеющих прямое отношение и к правоприменительной практике.

1. *Проблема различного понимания права собственности в конституционном, гражданском, земельном и иных отраслях права; необходимость поиска «общего знаменателя».* Как отмечал В.В. Старженецкий, «с точки зрения отдельных отраслей российского права (конституционного, гражданского) содержание и объем права собственности является различным. Если в конституционном праве понятие права собственности практически совпадает с аналогичным европейским, то в гражданском праве оно несколько уже. Таким образом, в российской правовой системе можно выделить несколько уровней правового регулирования права собственности, каждый из которых имеет

свои особенности» [2, с. 99]. Данную позицию разделяют и другие исследователи. Так, А.И. Василянская считает, что «конституционно-правовое понимание права на частную собственность шире его гражданско-правового понимания, поскольку включает в себя как субъективное абсолютное вещное право, относящееся к категории основных прав, так и одну из основ конституционного строя. Конституционное право на частную собственность наполняется конкретным содержанием благодаря гражданско-правовым нормам, конкретизирующим и детализирующим нормы конституционного права» [3, с. 10].

Представляется, что распространенное мнение о том, что конституционное понимание права собственности «шире» отраслевого, носит неоднозначный характер. Можно выделить ряд значимых аспектов взаимодействия норм конституционного и отраслевого законодательства о собственности.

А. Конституция России 1993 г. отличается от конституций Германии, Франции, Италии и ряда иных зарубежных стран тем, что в ней отсутствуют всякие упоминания о социальной функции собственности и вытекающих из этого обязанностях частных собственников. Такие нормы есть в отраслевом законодательстве – гражданском, земельном, градостроительном и т.д. Например, Земельный [4] и Градостроительный [5] кодексы РФ ограничивают права частного собственника по застройке принадлежащего ему участка интересами соседей и других жителей. Для этого органами местного самоуправления принимаются Правила землепользования и застройки; в соответствии с ними территория муниципального образования делится на территориальные зоны, для каждой из которых устанавливается градостроительный регламент, определяющий разрешенные параметры застройки всех участков конкретной территориальной зоны.

Б. Конституция России не упоминает юридических лиц в качестве субъектов права собственности. Единственное исключение сделано в ст. 36 Конституции, упоминающей «объединения» граждан как субъект права собственности на землю. В остальных случаях речь идет только о гражданах. Так, согласно ч. 2 ст. 35 Конституции «каждый вправе иметь имущество в собственности, владеть, пользоваться и распоряжаться им как единолично, так и совместно с другими лицами». Под «каждым» в Конституции понимается совокупность физических лиц, что ясно видно из ст. 20 («каждый имеет право на жизнь»), ст. 42 («каждый имеет право на благоприятную окружающую среду») и т.д. Таким образом, гражданское и земельное законодательство «шире» Конституции и дополняет субъектный состав правоотношений собственности.

В. В конституционных отношениях субъектом права государственной собственности выступает народ Российской Федерации (субъектом права муниципальной собственности – население муниципального образования), а в гражданско-правовых отношениях таким субъектом является Российская Федерация, ее субъекты, муниципальные образования в лице своих специально уполномоченных органов. Следовательно, в последнем случае конституционное понимание субъекта публичной собственности действительно является более широким, чем отраслевое.

Наличие данных «нестыковок» конституционного и отраслевого законода-

тельства не следует понимать как необходимость немедленного внесения изменений в Конституцию. В данном случае речь идет, с одной стороны, о необходимости дальнейшего развития научной доктрины и потребности в новых разъяснениях Конституционного Суда РФ, а с другой – о вполне естественном различии содержания общих и специальных норм права.

2. *Дискуссия об отрицании форм собственности и содержании «иных» форм собственности.* Данную дискуссию начал Е.А. Суханов, полагавший, что формы собственности представляют собой экономические, а не юридические категории. Их нельзя отождествлять с правом собственности или его разновидностями, выделяя и противопоставляя на этом основании, поскольку формы собственности как экономические отношения получают различные юридические формы выражения, не сводящиеся только к праву собственности [6, с. 22–26]. В том же духе высказывается и С.С. Алексеев, полагая, что существует две основные разновидности собственности: собственность как таковая (то есть частная собственность) и государственная собственность [7, с. 50].

Данная позиция встретила неожиданно резкую критику со стороны ряда ведущих российских ученых. Так, А.Я. Рыженков и А.Е. Черноморец отмечали, что «понятие “форма” имманентно присуще собственности, так же, как и право. Оно означает тот факт, что отношения присвоенности материальных благ в обществе, составляющие сердцевину понятия “собственность”, проявляются в многочисленных вариациях. Эти варианты классифицируются по определенным критериям на формы и виды» [8, с. 386–387].

Между тем, с практической стороны дела, данная дискуссия носит несколько схоластический характер. В самом деле, спорящие стороны не отрицают существования у любого собственника трех правомочий – владения, пользования и распоряжения, равно как и наличия различных субъектов права собственности (частных и публичных). Спор же по большому счету идет лишь о допустимости использования отечественной политэкономией установленных категорий, определяющих принадлежность (присвоенность) определенного имущества частным или публичным субъектам.

Учитывая историческую привязанность российской юридической науки к отдельным терминам еще советского происхождения, полагаем возможным их использование. На наш взгляд, для теории и практики намного более важным, чем признание или отрицание термина «форма собственности», выступает выявление субъектного состава собственников, а также содержания принадлежащих им правомочий. В этом смысле интересна дискуссия о существовании «иных форм собственности», упомянутых в Конституции России.

По мнению А.И. Мелихова, в содержание указанной категории включаются общая долевая и общая совместная собственность, собственность коренных и малочисленных народов, собственность иностранных государств на земельные участки в границах территории Российской Федерации [9, с. 16]. Есть точка зрения, что наряду с государственной, муниципальной и частной существует и общественная собственность [10, с. 11]. В.А. Тархов и В.А. Рыбаков считают, что «иные» формы собственности, упоминаемые в Конституции РФ, – это коллективная (корпоративная) и личная собственность [11, с. 83]. Другие

авторы предлагают установить «открытый перечень форм собственности на земельные участки», специально выделив среди них собственность религиозных организаций и собственность казачьих обществ [12, с. 9].

Представляется, что в данном случае речь идет не более чем о вариациях частной собственности отдельных категорий юридических лиц.

С позиций межотраслевого подхода наибольший интерес представляет выделение общей собственности на земельные участки, субъектами которой являются (в разных сочетаниях) органы государственной власти Российской Федерации и ее субъектов, органы местного самоуправления и частные лица.

3. *Новая теория общей долевой собственности на недвижимость.* В последние годы в российской и зарубежной правовой литературе все чаще обсуждается юридическая конструкция «таймшер», под которой понимается форма владения собственностью, когда один объект недвижимости (например, земельный участок с расположенным на нем отелем) сдается в аренду нескольким лицам. Эта схема, появившаяся в Европе в 1960-е годы, сегодня популярна на курортах Европы, США, в странах Карибского моря.

Существуют разные схемы таймшера. В одном случае владелец имеет право пользоваться апартаментами в течение одной недели раз в два года, в другом – на протяжении целого месяца каждый год. Но наиболее распространен вариант, когда владелец таймшера останавливается в апартаментах только на одну конкретную неделю в году и не может изменять дату.

У таймшера как формы собственности есть много общего с долевой собственностью, когда нескольким собственникам принадлежат доли в одном объекте недвижимости. Как и в таймшере, при долевой собственности имущество можно сдавать в аренду, передавать в безвозмездное пользование или по наследству. Однако между ними есть и ряд различий. Во-первых, долевая собственность гораздо дороже, поскольку система таймшера обычно позволяет проживать в доме одну неделю в году, а владелец долевой собственности имеет право пользования недвижимостью (включая земельные участки) в течение всего года. Во-вторых, владелец таймшера не получает права собственности на объект, а лишь приобретает возможность проводить определенное время на курорте. Кроме того, долевая собственность зачастую растет в цене, и свою долю можно выгодно продать, что затруднительно в случае с таймшером [13].

В европейских странах неоднозначен подход к определению юридической природы таймшера. Отметим, что во Франции и Португалии возможен вещный таймшер в виде общей долевой собственности. Как и в российском законодательстве, сособственник имеет преимущественное право покупки (ст. 1410 ГК Португалии), и при его нарушении любой из сособственников вправе требовать перевода прав покупателя на себя в течение шести месяцев со дня совершения сделки купли-продажи имущества третьему лицу [14]. Из этого следует, что в рамках таймшера происходит установление отношений собственности не в пространственном, а во временном смысле, когда одним и тем же недвижимым имуществом (земельным участком с расположенным на нем отелем) его сособственники пользуются в различные временные промежутки, не встречаясь друг с другом и являясь полноценными собственниками этого имущества, не обре-

менного соседями. Сегодня данная конструкция в российском праве имеет обязательственный характер, регулируется в добровольном порядке по соглашению сторон и требует надлежащего правового регулирования в гражданском законодательстве.

4. *Проблема построения цивилизованного рынка недвижимости применительно к праву государственной и муниципальной собственности.* В современной российской и зарубежной научной литературе опубликовано множество работ о социальной функции собственности (а именно частной собственности), необходимости формирования цивилизованного рынка недвижимости, под которым понимается соблюдение опять-таки частными собственниками установленных для них государством правил, и т.д. Нисколько не возражая против такой постановки вопроса, вместе с тем хочется обратить внимание на то, что Российское государство, признавая равенство всех форм собственности и устанавливая единые правила поведения для всех собственников, само не спешит их выполнять, что порождает ряд коллизий, существование которых невозможно в правовом государстве.

Речь в данном случае идет о существовании в российском праве правовой конструкции «неразграниченная государственная собственность на землю». В самом общем виде ее суть состоит в том, что, по общему правилу, органы местного самоуправления распоряжаются (но не владеют и не пользуются) земельными участками, которые не принадлежат на праве собственности ни им самим, ни каким-либо иным органам государственной власти. Между тем, исходя из норм Гражданского кодекса РФ [15], на объекты недвижимости (включая и земельные участки), которые являются абстрактными и не индивидуализированными на местности (посредством межевания и кадастрового учета), не может возникать никакого права собственности – ни частного, ни публичного.

В этом смысле нет оснований соглашаться с Д.Ф. Климовым, считающим, что земли, соответствующие критериям отнесения земельных участков к федеральной собственности, до проведения процедуры разграничения также являются объектом права федеральной собственности [16, с. 7]. Данный вывод не подкреплён нормами ГК и ЗК РФ об индивидуализации недвижимости.

Существует два вида неразграниченной государственной собственности:

А. Небольшие по площади земельные участки, которые технически можно индивидуализировать в рамках существующих технологий межевого дела: это как застроенные, так и незастроенные земельные участки в населенных пунктах (например, под многоквартирными домами), на землях сельскохозяйственного назначения и т.д. Представляется, что эти участки будут в самое ближайшее время сформированы, а их правообладатели начнут платить предусмотренные законом налоги и сборы. Соответственно, органы публичной власти сформируют такие участки под своими объектами недвижимости (школами, больницами и т.д.), а также вынесут незастроенные участки под строительство на торги.

Б. Земельные участки, находящиеся в публичной собственности, которые по техническим причинам затруднительно сформировать и поставить на кадастровый учет: это почти все земли лесного и водного фонда (занимающие сотни тысяч гектар), земли на Крайнем Севере, земли особо охраняемых территорий

и многие другие. Проблема заключается в том, что, например, любой заповедник, занимающий тысячи гектаров, не имеет границ и кадастрового паспорта на эту территорию. В результате управленческое решение о его создании не влечет, вопреки требованиям п. 6 ст. 2 Федерального закона «Об особо охраняемых природных территориях» [17], отнесение данной территории к федеральной собственности. И дело даже не в том, что у такой территории неопределенный гражданско-правовой статус – это проблема межотраслевая. Так, если нет четко установленных границ заповедника, в ряде случаев трудно привлечь к административной или уголовной ответственности нарушителя правового режима такой территории.

Аналогичные проблемы имеют и земельные участки, занятые объектами инженерной и транспортной инфраструктуры, поскольку финансирование из федерального бюджета в рамках специальных целевых программ – ремонта, например, местных автомобильных дорог – невозможно, если собственник этой дороги юридически не определен, а у самого объекта нет границ и кадастрового паспорта. Сегодня работы по формированию таких участков ведутся фрагментарно, в результате чего государство устанавливает в сфере земельной недвижимости двойные стандарты – для себя и для частных собственников.

Отсутствие надлежащим образом урегулированных отношений государственной собственности ставит под вопрос и законность оборота отдельных природных ресурсов. Например, большинство водных объектов потенциально должны находиться в федеральной собственности, однако право федеральной собственности на соответствующие земельные участки из состава земель водного фонда не зарегистрировано Росреестром. Следовательно, распоряжаясь такими земельными участками (например, выдавая разрешение на строительство сооружений – искусственных земельных участков – островов), государство выступает не как публичный собственник, а как орган управления. Между тем представляется, что государственное управление в данном случае должно сводиться не к распоряжению имуществом, а к осуществлению таких регулятивных функций, как мониторинг, учет, контроль и т.д.

Нельзя утверждать, что органы государственной власти не предпринимают никаких попыток решить эту проблему. Так, согласно п. 6 ст. 39 Федерального закона «О государственном кадастре недвижимости» [18], согласование местоположения границ проводится *без их установления на местности* в случае, если земельные участки, местоположение границ которых согласовывается, являются лесными участками, земельными участками в составе земель особо охраняемых природных территорий и объектов или в составе земель сельскохозяйственного назначения, предназначенных для осуществления традиционного природопользования коренными малочисленными народами Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации. Таким образом, закон допускает существование абстрактных земельных участков как объектов права публичной собственности.

На наш взгляд, существует два выхода из сложившейся ситуации. Прежде всего следует отказаться от универсальной конструкции права собственности на недвижимость, сложившейся в научной доктрине и законодательстве. В связи с

этим необходимо нормативно закрепить, что для частной собственности существуют одни стандарты, а для публичной – другие (как это и происходит на практике), но тогда ни о каких перспективах построения в России правового государства говорить не приходится. Кроме того, из федерального бюджета должны быть выделены огромные средства для приведения в соответствие управленческих решений о создании или функционировании таких объектов с их конечным результатом – закреплением соответствующих земельных участков в публичную собственность. С позиций необходимости построения в России цивилизованного рынка недвижимости выбор последнего варианта будет способом повышения эффективности действия права при регулировании отношений собственности на землю. Наличие же «двойных стандартов» размывает содержание категории «справедливость в праве» и затрудняет эффективное правоприменение.

5. *Дискуссия о юридической природе вещных правоотношений.* В последние годы в научной литературе высказывается мнение о том, что вещные правоотношения следует рассматривать в качестве относительных, определенных по составу и конкретизированных по содержанию правоотношений. Но кто в этом случае будет обязанной стороной? По мнению ряда авторов – государство, представляющее собой правопорядок (не казну как частноправовой феномен, а именно публичный правопорядок). Оно в лице своих органов обеспечивает закрепление, всеобщую защиту прав и интересов уполномоченного лица, гарантирует его права.

В этом смысле правоотношение собственности, иные вещные правоотношения – суть особая форма имущественно-правового диалога собственника с государством, в котором он от имени всех иных лиц определяет условия признания, обеспечения, защиты своих прав на вещь. Если рассматривать их сквозь призму традиционного деления права на частное и публичное, то следует признать публично-, а не частноправовыми, как принято считать, поскольку они основываются не на договоре, а на законе и в них реализуется общий интерес. Данное обстоятельство объясняет, почему никак не связанные с собственником правовыми обязательствами лица становятся обязанными перед ним и должны соблюдать его права. Объяснение кроется в том, что стороной этих отношений является государство как всеобщая правовая корпорация, выражающая публичный интерес [19, с. 48–49].

Другие специалисты полагают, что сущностью общественного отношения собственности является не связь собственника с каждым несобственником, выражающая признание или непризнание последним «хозяйственного господства» собственника над вещью, а связь собственника и общества, заключающаяся в признании власти собственника над материальным благом в целом [20, с. 10]. С такой позицией трудно согласиться. Главное возражение против этой концепции, на наш взгляд, заключается в том, что государство – это не абстрактная величина, не только политический символ, но и вполне конкретный субъект гражданских и земельных правоотношений, в которые оно вступает посредством уполномоченных органов. Следовательно, возникают вполне логичные вопросы: какой именно орган государственной власти РФ или субъекта РФ будет субъектом такого правоотношения? какие именно права и обязанности у него при этом возникнут? что

такое с точки зрения гражданского права «всеобщая правовая корпорация», каков ее правовой статус? Ответа у оппонентов на эти вопросы нет. Аналогичным образом трудно себе представить правоотношение между «собственником и обществом», поскольку «общество» в правовом смысле неперсонифицировано, а потому его права и обязанности в сфере недвижимости непонятны.

Итак, правоотношения собственности на земельные участки – это разновидность межотраслевых вещных имущественных правоотношений, характеризующаяся возможностью частного или публичного собственника владеть, пользоваться и распоряжаться земельным участком свободно, если это не нарушает права и законные интересы частных лиц либо публичные интересы (обеспечение охраны окружающей среды, безопасности и т.д.).

Библиографический список

1. Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации: одобрена решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 7 окт. 2009 г. // Вестн. ВАС РФ. 2009. № 11.
2. *Старженецкий В.В.* Россия и Совет Европы: право собственности. М., 2004.
3. *Василянская А.И.* Конституционное право на частную собственность в современной России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011.
4. Земельный кодекс Российской Федерации от 25 окт. 2001 г. № 136-ФЗ // СЗ РФ. 2001. № 44. Ст. 4147; 2011. № 51. Ст. 7448.
5. Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29 дек. 2004 г. № 190-ФЗ // СЗ РФ. 2005. № 1 (ч. 1). Ст. 16; 2011. № 50. Ст. 7343.
6. Гражданское право: учебник: в 4 т. / отв. ред. Е.А. Суханова. М., 2005. Т. 2.
7. *Алексеев С.С.* Право собственности. Проблемы теории. М., 2008.
8. *Рыженков А.Я., Черноморец А.Е.* Очерки теории права собственности (прошлое и настоящее). Волгоград, 2005.
9. *Мелихов А.И.* Право частной собственности на земельные участки: конституционно-правовой аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2007.
10. *Шитьков С.В.* Генезис и эволюция права собственности в истории российского права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009.
11. *Тархов В.А., Рыбаков В.А.* Собственность и право собственности. М., 2007.
12. *Будяков Е.О.* Совершенствование регламентации права собственности на земельные участки: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008.
13. URL: <http://www.irm.ru/articles/26899.html>
14. *Сирик Н.В.* Договор на передачу права пользования недвижимым имуществом на определенный период: перспективы правового регулирования в Российской Федерации. URL: <http://library.shu.ru/pdf/2008/01/01/sr08.pdf>
15. Гражданский кодекс Российской Федерации. М., 2012.
16. *Климов Д.Ф.* Правовой механизм реализации права государственной (федеральной) собственности на земли промышленности в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009.
17. Об особо охраняемых природных территориях: Федер. закон от 14 марта 1995 г. № 33-ФЗ // СЗ РФ. 1995. № 12. Ст. 1024; 2011. № 49 (ч. 1). Ст. 7043.
18. О государственном кадастре недвижимости: Федер. закон от 24 июля 2007 г. № 221-ФЗ (в ред. от 21 июля 2011 г.) // СЗ РФ. 2007. № 31. Ст. 4017; 2011. № 50. Ст. 7365.
19. *Архипов С.И.* Проблема права собственности // Правоведение. 2007. № 1.
20. *Размыслович С.* Содержание конституционно-правового регулирования режима государственной собственности // Право и жизнь. 2002. № 47.

N.I. Zakharova

Monitoring of Agricultural Land Soils: the Subject Matter, Targets, and Tasks

In the legal context the subject matter, kinds, and functions of the agricultural land soils monitoring are researched. The significance of the monitoring to preserve agricultural lands is revealed.

Key words and word-combinations: monitoring, agricultural lands, soils.

В правовом контексте исследуются сущность, виды и функции мониторинга почв земель сельскохозяйственного назначения. Показана значимость мониторинга для сохранения земель сельскохозяйственного назначения.

Ключевые слова и словосочетания: мониторинг, земли сельскохозяйственного назначения, почвы.

УДК 347.243(470):349.6

ББК 67.407.1(2Рос)+67.407

Н.И. Захарова

МОНИТОРИНГ ПОЧВ ЗЕМЕЛЬ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО НАЗНАЧЕНИЯ: СУЩНОСТЬ, ЦЕЛИ И ЗАДАЧИ

Для защиты публичных и частных прав на природные ресурсы государству и иным публичным образованиям необходимо принимать превентивные меры, направленные на предупреждение совершения экологических правонарушений, получение достоверной информации о состоянии окружающей среды и создающие условия для возмещения причиненного вреда. Однако, как показывает практика, природопользователи чаще всего оказываются в этом не заинтересованы.

В соответствии с экологическим законодательством обеспечение рационального природопользования и охраны окружающей среды осуществляется общественными формированиями и гражданами, юридическими лицами, государственными и муниципальными органами [1, с. 8]. Соответственно указанным субъектам задачи управления будут разные; содержание управления, осуществляемого в рамках того или иного вида субъектов, тоже будет различаться.

Наблюдение за состоянием окружающей среды (экологический мониторинг) – одна из многих функций управления.

Государственный экологический мониторинг (государственный мониторинг окружающей среды) включает в себя комплексные наблюдения за состоянием окружающей среды (в том числе компонентов природной среды, естественных экологических систем), за происходящими в них процессами и яв-

лениями, а также подразумевает оценку и прогноз изменений состояния окружающей среды [2, с. 218]. В соответствии с постановлением Правительства РФ государственный экологический мониторинг включает в себя мониторинг атмосферного воздуха, земель, лесов, водных объектов, объектов животного мира, континентального шельфа Российской Федерации, состояния недр, исключительной экономической зоны Российской Федерации, внутренних морских вод и территориального моря Российской Федерации [3].

Особого внимания, на наш взгляд, заслуживает оценка состояния земель, поскольку земля – важнейшая составляющая часть окружающей природной среды, которая выступает в качестве пространственного базиса для жизни и деятельности человека, а также для его производственной деятельности.

Мониторинг земель проводится на основании ст. 67 Земельного кодекса РФ [4]. Непосредственно порядок его осуществления определен в Положении об осуществлении государственного мониторинга земель, утвержденном постановлением Правительства РФ [5]. Государственный мониторинг земель подразумевает:

- постоянное наблюдение за использованием земель в соответствии с категориями и целевым назначением с целью своевременного выяснения состояния земли и ее оценки, прогнозирования ухудшений, изменений и выявления возможных способов предотвращения истощения и загрязнения земель, разработки рекомендаций для устранения уже наступивших;

- сбор и обработку полученных данных, подготовку на их основе прогнозов и рекомендаций, связанных с состоянием земель.

Требуемые мероприятия осуществляются территориальными органами и организациями Федерального агентства кадастра объектов недвижимости и других органов исполнительной власти (федеральных, региональных), участвующих в осуществлении мониторинга, а также органами местного самоуправления. Материалы, собранные в процессе мониторинга, систематизируются и передаются на хранение в Государственный фонд данных, а также являются основанием принятия уполномоченными исполнительными органами (органами земельного кадастра, землеустройства, контрольными органами) необходимых конкретных решений. Кроме того, эти данные используются для ежегодного доклада, представляемого в Правительство РФ, а также для информационного обеспечения деятельности органов государственной власти, органов местного самоуправления, юридических лиц и граждан.

Законодательство Российской Федерации выделяет семь категорий земель земельного фонда. Первое место среди них по праву отведено землям сельскохозяйственного назначения, что дополнительно подчеркивается принятием Концепции развития государственного мониторинга земель сельскохозяйственного назначения и земель, используемых или предоставленных для ведения сельского хозяйства в составе земель иных категорий, и формирования государственных информационных ресурсов об этих землях на период до 2020 года, утвержденной распоряжением Правительства РФ [6]. Ее принятие обусловлено особенностями наблюдения за указанной категорией земель и необходимостью учета ряда параметров – например, характеризующих плодородие почв, имеющих существенное значение для сельскохозяйственного производства [7, с. 224].

Одним из достоинств Концепции является то, что в ней установлены цели, задачи и направления работ по осуществлению государственного мониторинга земель сельскохозяйственного назначения и земель, используемых или предоставленных для ведения сельского хозяйства в составе земель иных категорий, данные которого являются основой формирования государственных информационных ресурсов о состоянии и использовании этих земель.

Составным компонентом земель сельскохозяйственного назначения выступает почва. При характеристике почв важнейшим свойством считается плодородие, показывающее ресурсную ценность почвы. При этом оно не является постоянной величиной, поскольку изменяется в процессе развития почвы и по отношению к различным сельскохозяйственным культурам [1, с. 298].

В целях осуществления характеризующих различные изменения почв земель сельскохозяйственного назначения комплексных изысканий, обследования и съемки проводится соответствующий мониторинг. Его сущность состоит в систематическом наблюдении за состоянием плодородия почв для своевременного выявления изменений, их оценки, прогноза, предупреждения и устранения последствий негативных процессов (например, деградации почв). В результате проведения мониторинга должна быть получена информация, позволяющая решать актуальные задачи определения оптимальных и критических уровней основных физических и химических показателей свойств почв. Своевременное выявление критических уровней контролируемых показателей позволит принять необходимые меры по регулированию неблагоприятных процессов.

Порядок ведения мониторинга почв достаточно детализирован. В частности, мониторинг почв земель сельскохозяйственного назначения проводится в соответствии с Федеральным законом «О государственном регулировании обеспечения плодородия земель сельскохозяйственного назначения» [8], приказом Министерства сельского хозяйства России «Об утверждении порядка государственного учета показателей состояния плодородия почв земель сельскохозяйственного назначения» [9], Методическими указаниями по проведению комплексного мониторинга плодородия почв земель сельскохозяйственных угодий, утвержденными Министерством сельского хозяйства РФ [10].

Несмотря на то, что мониторинг плодородия земель сельскохозяйственного назначения законодательно закреплён Федеральным законом «О государственном регулировании обеспечения плодородия земель сельскохозяйственного назначения», в большинстве случаев он проводится формально. В ходе его реализации не представляется возможным учесть современные изменения почвенного покрова и выявить критические уровни контролируемых показателей. Причина сложившегося положения кроется в том, что до сих пор не создана эффективная система мониторинга почв земель сельскохозяйственного назначения на основе ГИС-технологий.

Географические информационные системы (ГИС) – это современные информационные технологии для картографирования и анализа объектов реального мира. Источником информации для ГИС служит весь комплекс работ и исследований, который необходимо проводить в рамках мониторинга. Такая система должна стать необходимым инструментом организации данных мони-

торинга российских земель сельскохозяйственного назначения. Она позволила бы прогнозировать тенденции изменений во временном интервале показателей, характеризующих степень изменения плодородия почв, и в итоге принимать экстренные меры по регулированию и устранению неблагоприятных процессов.

Материалы проводимого в регионах России мониторинга состояния почв земель сельскохозяйственного назначения говорят о том, что состояние почвенного покрова в большей степени критическое. По мнению академика РАСХН А.Н. Каштанова, более 70 млн га сельскохозяйственных угодий имеют повышенную кислотность, 40 млн га засолены, 26 млн га – переувлажнены и заболочены, 7 млн га заросли кустарником и мелколесьем, 5 млн га загрязнены радионуклеидами, около 10 млн га подвержены опустыниванию. В настоящее время 56 млн га пашни имеет низкое содержание гумуса, 12 млн га – низкое содержание калия, 2 млн га земель нарушено в результате добычи полезных ископаемых и торфа, 67 тыс. га занято санкционированными и несанкционированными свалками, на 240 тыс. га размещены отходы, 16 тыс. га захламлено в населенных пунктах [11, с. 263]. При таком состоянии земель сельскохозяйственного назначения роль экологического мониторинга будет только возрастать.

Проблема ухудшения качества почв земель сельскохозяйственного назначения должна постоянно находиться в зоне особого внимания Правительства РФ. Так как в настоящее время в стране наблюдается качественное ухудшение земельно-ресурсного потенциала сельского хозяйства и снижение плодородия почв, необходимо существенно повысить ответственность за нерациональное использование земель сельскохозяйственного назначения.

Следует отметить, что российское законодательство не обязывает собственников земельных участков проводить систематический, сплошной мониторинг плодородия почв земель сельскохозяйственного назначения, который позволил бы своевременно выявлять критические уровни контролируемых показателей плодородия почв земель сельскохозяйственного назначения и по результатам мониторинга государственным органам исполнительной власти принимать экстренные меры по регулированию неблагоприятных процессов. Благодаря мониторингу могли быть существенно снижены деградация и нерациональное использование земель сельскохозяйственного назначения.

В связи с этим представляется необходимым закрепление в ст. 8 Федерального закона «О государственном регулировании обеспечения плодородия почв земель сельскохозяйственного назначения» указанной обязанности за собственниками. Кроме того, необходимо внести дополнения или изменения в Кодекс об административных правонарушениях по усилению мер ответственности за нарушения в области охраны почв земель сельскохозяйственного назначения, в частности существенно повысить размеры штрафов, взимаемых с субъектов предпринимательской деятельности за нарушение требований по охране земель. Кроме того, необходимо изменить практику возмещения ущерба, нанесенного земельным ресурсам: средства компенсации причиненного ущерба должны передаваться собственникам, с тем чтобы эти денежные средства расходовались целевым назначением на восстановление нарушенных земель.

Необходимо отметить, что предпринятая попытка законодательного за-

репления мониторинга почв земель сельскохозяйственного назначения не увенчалась успехом, хотя необходимость этого подтверждается практикой. Четко просматривается потребность в более тщательной разработке организации мониторинга почв земель сельскохозяйственного назначения как в теории, так и на практике.

Очевидно, что для кардинального решения рационального использования и охраны земельных ресурсов в целях экологических интересов и потребностей современного и будущего поколений требуется внесение изменений в законодательные акты в ближайшее время, поскольку данные изменения имеют определяющее значение для экологической и продовольственной безопасности России.

Библиографический список

1. *Жириков Ю.Г.* Земельное право России. М., 2007.
2. *Анисимов А.П., Рыженков А.Я., Черноморец А.Е.* Экологическое право России: учебник. М., 2010.
3. Об организации и осуществлении государственного мониторинга окружающей среды (государственного экологического мониторинга): постановление Правительства РФ от 31 марта 2003 г. № 177 // СЗ РФ. 2003. № 14. Ст. 1278.
4. Земельный кодекс Российской Федерации от 25 окт. 2001 г. № 136-ФЗ (в ред. от 12 дек. 2011 г., с изм. и доп., вступающими в силу 6 янв. 2012 г.) // СЗ РФ. 2001. № 44. Ст. 4147; 2011. № 51. Ст. 7448.
5. Положение об осуществлении государственного мониторинга земель: утв. постановлением Правительства РФ от 28 нояб. 2002 г. № 846. 2011. URL: <http://www.consultant.ru/search.html> (дата обращения: 20.11.2011).
6. Концепция развития государственного мониторинга земель сельскохозяйственного назначения и земель, используемых или предоставленных для ведения сельского хозяйства в составе земель иных категорий, и формирования государственных информационных ресурсов об этих землях на период до 2020 года: утв. распоряжением Правительства РФ от 30 июля 2010 г. № 1292-р. URL: <http://www.consultant.ru/search.html> (дата обращения: 20.11.2011).
7. Правовые акты: оценка последствий: науч.-практ. пособие / А.В. Кашанин, Ю.А. Тихомиров, С.В. Третьяков [и др.]; отв. ред. Ю.А. Тихомиров. М., 2011.
8. О государственном регулировании обеспечения плодородия земель сельскохозяйственного назначения: Федер. закон от 16 июля 1998 г. № 101-ФЗ (в ред. от 19 июля 2011 г.). М., 2011.
9. Об утверждении порядка государственного учета показателей состояния плодородия почв земель сельскохозяйственного назначения: приказ Министерства сельского хозяйства РФ от 4 мая 2010 г. № 150 // СЗ РФ. 2003. № 2. Ст. 167; 2009. № 1. Ст. 17, 21.
10. Методические указания по проведению комплексного мониторинга плодородия почв земель сельскохозяйственных угодий: утв. Министерством сельского хозяйства РФ от 24 сент. 2003 г. М., 2003.
11. *Кашистанов А.Н.* Концепция устойчивого развития земледелия в России в XX веке // Почвоведение. 2001. № 3.

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

O.V. Taratun
**The Development of Social
Justice Concepts in the Russian
Society: the Historical Context**

The historical and social-political context of social justice concepts development in Russia is presented. It is substantiated that in the frames of the philosophical and ontological approach justice is considered as the "supreme truth".

Key words and word-combinations: social justice, ideals of social justice.

Представлен исторический и общественно-политический контекст развития в России идей социальной справедливости. Обосновывается, что в рамках философско-онтологического подхода справедливость рассматривается как «высшая правда».

Ключевые слова и словосочетания: социальная справедливость, идеалы социальной справедливости.

УДК 316.32(470+571)
ББК 60.52(2Рос)

O.B. Taratun

РАЗВИТИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О СОЦИАЛЬНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ: ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ

Представления о справедливости являются важнейшим элементом морально-нравственного и социального развития личности, элементом политический, правовой и гражданской культуры. В то же время массовые интерпретации справедливости / несправедливости существенным образом воздействуют на динамику социальных отношений, приводят к трансформации общественно значимых процессов, меняют социальную и политическую картину мира.

В современной России проблема социальной справедливости стоит чрезвычайно остро. Массовое представление о том, какое общественное устройство является справедливым, объединяет социальные слои и во многом фундирует возникновение и конфигурацию политических институтов. Представления о социальной справедливости являются основой любой политической идеологии, они во многом определяют политические программы и риторику, методы

борьбы за симпатии электората, содержание политических процессов и состояние политических систем.

Социологические и политологические исследования сегодня показывают, что подавляющее большинство людей (68% по данным Фонда общественного мнения) считают современное социальное устройство российского общества несправедливым и даже гораздо менее справедливым, чем было в СССР [1]. Но несмотря на то, что людей объединяет общее отношение к современной российской действительности как к несправедливой, у различных социальных групп существует различное и часто весьма противоположное представление о социальной справедливости.

Рост политической активности населения, особенно молодежи в конце 2011 – начале 2012 г. (например, протестное движение, связанное с представлениями о «несправедливых» выборах в Государственную Думу, о «несправедливых выборах» Президента РФ, оппозиционные движения, требующие смены политической модели общества, националистические движения) в значительной мере актуализирует социологические и политологические исследования взглядов, мнений и интерпретаций социальной справедливости / несправедливости в различных социальных группах и общественных слоях, в том числе в региональном разрезе.

Изучение текущей ситуации во многом должно опираться на анализ процессов, которые влияли на общественное мнение в прошлом и приводили к формированию определенных социокультурных и поведенческих моделей, к определенному типу политической культуры и типологическим массовым интерпретациям социальной справедливости. Исследования представлений различных общественных групп о социальной справедливости в историческом контексте помогают понять культурологические и социальные причины многих современных политических идей и идеологий, причины дисфункциональности современных отечественных институтов, генезис внутренних социальных конфликтов и кризисов.

История общественно-политических идей в России неразрывно связана с историей российской государственности. Но представления о справедливости (о социальной справедливости, в частности) могут быть рассмотрены как глубинные, фундаментальные ценности, которые не претерпевают такого существенного изменения в ходе исторического развития социума, как государственные институты. Представления о том, что является справедливым, гораздо менее подвержены трансформации, чем политические институты.

Начало развития общественной и политической мысли, возникновение первых представлений о социальной справедливости и несправедливости исследователи связывают с возникновением Киевской Руси и принятием христианства. «Высшая справедливость» в духовно-богословской концепции Киевского митрополита Илариона («Слово о Законе и Благодати», XI в.) виделась во включенности Русской земли в общемировой процесс достижения победы божественного света над тьмой язычества, в движении всех православных людей к Судному дню, торжеству божественной справедливости [2]. В средние века православие послужило главной причиной распространения гумани-

стических идей и представлений о человеке как «образе и подобию Бога», было катализатором размышлений о справедливости как этически-нравственной и социальной категории.

В эпоху «просвещенного абсолютизма» (вторая половина XVIII в.) представления о социальной справедливости в России формировались под влиянием идей французского Просвещения. В этот период в России складываются два направления в развитии политической мысли: политико-правовая дворянская идеология и политико-правовые идеи зарождающегося просветительства и либерализма, направленные против крепостного права.

В первой половине XIX в. в России морально-ценностные модели социальной справедливости формировались под влиянием идей дворянского и буржуазного либерализма (Н.С. Мордвинов, М.М. Сперанский), революционной идеологии декабристов (Н. Муравьев, П. Пестель и другие), просветительства (А. Герцен, П. Чаадаев), революционного демократизма (А.И. Герцен, В.Г. Белинский, Н.Г. Чернышевский), консервативной идеологии (С.С. Уваров, К.П. Победоносцев). Либеральное политическое мышление и либеральные идеи в России не стали всеохватывающими. Они имели в целом незначительное влияние, что объяснялось слабостью начал индивидуализма в российской культуре и экономике, сохранением принципов общинности в хозяйственной жизни основной массы производителей.

Понятие «справедливость» в русской общественной мысли, как и в русской философии, было неразрывно связано с понятием «*правда*». Размышления о правде постоянно присутствуют в жизни не только русского философа, но и любого простого человека. «Всякий раз, как мне приходит в голову слово «*правда*», я не могу не восхищаться его поразительной внутренней красотой, — писал Н.К. Михайловский — Такого слова нет, кажется, ни в одном европейском языке. Кажется, только по-русски правда-истина и правда-справедливость называются одним и тем же словом и как бы сливаются в одно великое целое» [3, с. 74]. Правда выступает в данном случае как синкретичный социально-утопический народный идеал, в котором отражены и жажда блага для себя и всех людей, и вера в неземное, трансцендентное происхождение этого блага. В понятии «*правда*» могут не только сливаться понятия истины и справедливости, но и возникать онтологические представления о первоосновах бытия, всего сущего. Правда противопоставляется смерти, небытию, пустоте.

Социальная справедливость как понятие тесно связана с представлениями об общем благе, которое носит в российской культуре и общественно-политической мысли не индивидуалистический, а скорее соборно-коллективистский характер. Если в западном обществе носителями общего блага считаются все члены общества (все вместе и каждый в отдельности), то в России это, вероятнее, господствующие над индивидами институты — государственные или религиозные. Отдельный человек может достичь справедливости не иначе как со всем обществом; чувство справедливости тесно связано с соборным началом — индивидуальное благо несправедливо, оно не может ужиться со страданиями и бедами других людей [4].

Понятие социальной справедливости в массовой интерпретации выступает как связующее звено между правдой как идеальным нравственным состоянием и общественной жизнью. Отношение и к социальной справедливости, и к правде как высшей форме нравственности и основе всего сущего в российской культуре бескомпромиссное. Как одно солнце светит над всеми, так и одна правда – вселенская, высшая правда – освещает путь всем живущим на этой земле. И чтобы жизнь имела смысл, она должна быть служением этой высшей и абсолютной правде, а также поиску высшей, бескомпромиссной социальной справедливости.

Для русской общественно-политической мысли достаточно чуждо представление о справедливости в контексте правовых систем. Справедливость – это не часть права, а более высокая, чем Право и Закон, ценность. Такая интерпретация справедливости препятствует активным политическим действиям, направленным на политическое переустройство, на формирование социально-политических технологий преодоления несправедливости. Например, коммунистическая идеология препятствовала активным и самостоятельным политическим процессам, так как справедливость находилась в дискурсе *«достигнутого состояния»*; социальные процессы не становились объектом критического и вообще любого другого анализа. Социальная жизнь и отношения не только не обсуждались, но и фактически не осмысливались, не становились предметом рефлексии. Якобы достигнутая справедливость приводила к практически полной инволюции политических отношений. Политическая система превращалась в набор бюрократических механизмов удержания социальных связей в законсервированном состоянии.

Таким образом, сформировавшаяся в России исторически надличностная синкретическая трактовка социальной справедливости как «высшей правды» не предполагает рациональных действий, направленных на социальное переустройство общества. По мнению историков и культурологов, в России сформировался определенный социально-нравственный и культурный тип общественного устройства, который характеризуется соборностью, патернализмом, склонностью к коллективизму. Данный культурный тип – по Ю. Лотману он называется основанным на бинарных структурах – определяет массовые интерпретации социальной справедливости / несправедливости [5]. Доминирование в России социально-нравственных идеалов в виде дуальных оппозиций, инверсионно переходящих друг в друга полюсов, отмечает также А. Ахиезер [6, с. 95].

Бинарные культуры жестко иерархичны, безальтернативны, направлены на сохранение и стабилизацию существующего порядка. В них отсутствуют культура и модели поведения, направленные на диалог, поиск договоренностей, на горизонтальное партнерство.

Социальные отношения, возникающие в бинарной (оппозиционной) культурной матрице, характеризуются:

– во-первых, односторонностью. Нижестоящий в иерархии субъект рассчитывает на покровительство вышестоящего, но, вступая в отношения подчинения, он не ждет обязательной награды. В любом случае отсутствие та-

кой награды никак не рассматривается как основание для прекращения отношений;

– во-вторых, неэквивалентностью. Они исключают психологию и те или иные ценности обмена, а также не допускают условно-конвенционального характера;

– в третьих, отсутствием не только гражданско-договорных отношений, но и любого договорного начала. Патерналистские системы всегда безальтернативны и безусловны. Патернализм в России и сегодня представляется имманентной частью не только политики, но и культуры, он считается социально и этически *справедливым*, даже несмотря на то, что в отношениях проявляется *явная асимметрия*. Субъекты соглашаются с тем, что не может существовать принципиального равенства социальных позиций и равенства / партнерства в отношениях ради «высшей» справедливости, связанной с сохранением и упрочением незыблемого порядка. Стабильность и властно-политических, и государственных (надличностных) институтов символизирует такую «высшую» социальную справедливость, ради которой многое можно (и должно) стерпеть или принести в жертву.

Таким образом, существенная трансформация политических институтов и социальной структуры российского общества, отмечаемая в последние двадцать лет, не была следствием изменений в базовых социально-нравственных представлениях о справедливости. Анализ данной проблемы в историческом контексте показывает, что массовые интерпретации социальной справедливости основываются на определенной цивилизационной матрице, мало подверженной изменениям.

Понятие социальной справедливости в достаточно широких слоях общества распространяется в основном на надличностные институты. Высшей справедливостью считается укрепление государства, в частности его военной мощи, экономических институтов, властных структур. Политические и управленческие отношения во многом базируются на патернализме, стремлении к иерархичности и монологичности. Массовому распространению индивидуально-личностной трактовки социальной справедливости препятствуют низкая правовая и политическая культура, отсутствие традиций социального диалога, партнерства, умения достигать компромиссов, навыков критического анализа социальной и политической действительности.

Библиографический список

1. Фонд общественного мнения. URL: <http://fom.ru/obshchestvo/10263>
2. Герасимов П. Слово о законе и благодати митрополита Илариона Киевского. URL: <http://pravostok.ru/blog/slovo-o-zakone-i-blagodati-mitropolita-illariona-kievskogo/>
3. Лосский Н.О. История русской философии. М., 1991.
4. Лапаева В.В. Российская философия права в контексте западной философско-правовой традиции // Вопросы философии. 2010. № 5.
5. Лотман Ю.М. Несколько мыслей о типологии культур // Языки культуры и проблемы переводимости. М., 1987.
6. Ахиезер А.С. Архаизация в российском обществе как методологическая проблема // Общественные науки и современность. 2001. № 2.

О.А. Romanovskaya
The Idiosyncratic Context
of Ethnicity: Author's Pall

The author's reflexion of the group focused interview technique is presented. The attention is drawn to the account of a personal context of both interviewees and a moderator.

Key words and word-combinations: ethnic self-consciousness, ethno-cultural identity, idiosyncratic context.

Представлена авторская рефлексия техники проведения группового сфокусированного интервью. Акцентируется внимание на учете личностного контекста в общении как интервьюируемых, так и модератора.

Ключевые слова и словосочетания: этническое самосознание, этнокультурная идентичность, идиосинкратический контекст.

УДК 316.32:316.014
ББК 60.52+60.504/506

О.А. Романовская

ИДИОСИНКРАТИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ ЭТНИЧНОСТИ: АВТОРСКИЙ ОПЫТ ПОЛЕВОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Повседневный жизненный опыт людей позволяет утверждать: акторы создают вокруг себя не только материальный мир, но и мир человеческих взаимоотношений, вмещающий систему социального поведения, которая регулируется обычаями, традициями, нормами, характерными для определенных национальных и культурных сообществ. В этом контексте этничность становится одним из наиболее значимых факторов, определяющих социальное поведение. Особую актуальность она приобретает в России, в силу неоспоримости полиэтнического характера современного российского общества.

В процессе изучения социокультурной реальности, особенно динамичной для нашей страны, в исследовательской практике возник вопрос: как эта самая реальность воспринимается конкретными людьми, преломляется в их сознании, тем более когда объектом исследования становятся «этническое в нас»? Жесткая формализация в этом случае не дает хорошего результата. Появляется необходимость привлечения категорий, которыми пользуются сами деятели для упорядочения собственного повседневного жизненного опыта. Именно поэтому, по нашему мнению, стоит обратиться к методике проведения фокусированного группового интервью.

В профессиональном вербализированном контакте будет не много смысла, если интервью сведется к жесткому списку вопросов, задаваемых интервьюером. Поэтому важно

стремиться в полной мере использовать основное преимущество интервью перед анкетой – общение, помогающее интервьюируемому расшифровать и достичь смысл, содержащийся в ситуации.

Значимую роль играет сохранение атмосферы сотрудничества, которое поощряет интервьюируемого к рассмотрению собственного опыта до тех пор, пока не будет достигнута определенная степень ясности. Именно поэтому возникает проблема поддержания спонтанности сообщений, так как спонтанность не является отличительной особенностью фокусированного интервью, напротив, это одна из характеристик, которая роднит его с ненаправленным интервью вообще.

Ненаправленный подход к интервьюированию представляется наиболее плодотворным, поскольку он дает возможность интервьюируемому высказываться по важнейшим для него проблемам, а не по тем вопросам, которые кажутся самыми важными интервьюеру. Таким образом, в отличие от подхода, применяемого в опросах, этот метод в большей степени раскрывает то, что думает сам интервьюируемый, а не то, каково его мнение о том, что думает интервьюер. Кроме того, здесь есть возможность зафиксировать ответы в надлежащем контексте, а не загонять их в рамки, заранее придуманные интервьюером.

Уверены, что именно данный подход – ненаправленный – обычно ведет к тому, что интервьюируемые высказываются более членораздельно и выразительно, чем в направленном интервью. Например, членов студенческой группы, просмотревших художественный фильм «Мальчик в полосатой пижаме», мы спросили: «Вы ощутили гордость за нашу Родину, победившую фашистскую Германию, прекратив тем самым политику повсеместного убийства евреев?». Прямой вопрос такого типа сразу же нанес ущерб возможности определения того, как интервьюируемые восприняли фильм. В ответах, полученных на этот вопрос, отразилось искажение собственной интерпретации фильма, и мы «упустили» возможность выявить некоторые из этих предположений, которые исказили их собственную интерпретацию фильма и исключили возможность выявления реального представления зрителей о фильме. Фильм мог быть воспринят беспристрастно, просто как «интересная информация» (один из возможных вариантов), но единственный прямой вопрос привел ко многим искажениям.

Особо хочется отметить, что возникают ситуации, где вопросы начинают задавать интервьюируемые и полное уклонение модератора от ответов лишь разрушает атмосферу доверительности и взаимного интереса. Оно может расцениваться членами группы как неискренность, сокрытие, по неясным для группы причинам, собственного мнения интервьюера, которое хочется знать группе. И это очень тонкий момент общения. Наш опыт подсказывает: если Вам (интервьюеру) задают вопросы, то, прежде чем уйти от ответа, попытайтесь спрогнозировать следующую ситуацию: либо Вам по-прежнему будут доверять, оценив Вашу честность, либо Вы сами вызовете недоверие к себе, а значит, к исследованию. Более того, если Вы почувствовали эмоциональную блокировку интервьюируемого и, как проявление ее, услышали адресованный Вам вопрос, помните, что именно в причинах этой блокировки, как правило, скрывается очень важная для Вас информация.

Для достижения понимания определений ситуации и реакций на нее фокусированное интервью ставит целью обнаружить то, что каждый человек вкладывает в ситуацию. Личностный контекст реакций человека составляют его предшествующие установки и ценности и некоторые из его социальных ролей. Изменения личностного контекста ведут к изменениям в реакциях на ситуации одного типа одним и тем же человеком в разное время или разными людьми в одно и то же время. Это не противоречит тому, что может, тем не менее, возникать модальная реакция, характерная для лиц, имеющих существенные сходства личностного контекста. Чем более адекватны наши знания этих контекстов, тем вернее можно понять смысл, вкладываемый индивидуумом в оценку ситуации.

Стремление к получению глубинных ответов и сообщений о личностном контексте тесно связаны, но различимы. При стремлении к получению глубинных ответов интервьюер должен стараться выявить эмоциональное значение определенного опыта, при изучении личностного контекста – обнаружить характеристики интервьюируемого, которые послужили источником такого значения.

Полагаем, что одними и теми же методами можно получить информацию разных типов. Представляется интересным такой тип, как идиосинкратический контекст. Он касается очень личного опыта и связанных с ним установок, которые редко встречаются даже среди относительно гомогенной группы. Пример из нашей практики: этнический грузин говорит о документальном фильме «Адольф Гитлер: портрет тирана»: «...это напоминает мне о том, что я чувствовал, когда мой отец все-таки сумел выбраться из Гагры, когда там орудовали чеченцы и абхазы...». Идиосинкратический контекст формирует реакции на ситуацию, которые являются различными, если не уникальными, и помогает объяснить, как могут появляться реакции, совершенно неадекватные данному случаю.

Рассмотрим реакцию «бумеранга», пример которой взят из интервью со студентами, просмотревшими уже упомянутый документальный фильм, где в числе прочего идет речь об этапах Второй мировой войны. В фильме подчеркивалась сила, эффективность и военное превосходство Вермахта, но было показано доблестное сопротивление Красной армии и всего советского народа тому, что тогда казалось подавляющим преимуществом.

Модератор: Как вы считаете, представители всех народов СССР встали на защиту своей Родины, как показано здесь?

А.: Конечно нет! (Такой ответ выглядит неожиданно, имея в виду то, что в документальном фильме показано обратное. Но интервьюируемый тотчас же разъясняет свою реакцию.) Грузия, например, отправляя на фронт бойцов, проводила мобилизацию среди армян, живущих в Грузии. Мой отец, дед, прадед – тбилисские армяне, они мне рассказывали. Помните фильм «Отец солдата»? Этот киногерой – третий после Якова Джугашвили и старшего сержанта Кантарии грузин на фронте! (До сих пор интервьюируемый лишь выражает свою статусно обусловленную установку по отношению к грузинам, не связывая высказывание с фильмом. Вскоре, однако, оказывается, что он не просто не воспринял то, о чем рассказывалось в фильме, но видел в нем избирательно только то, что подтверждало его мнение.)

Приведем пример, включающий некоторые эффективные и неэффективные методы получения информации о личностном контексте.

Модератор: Вы все граждане Российской Федерации – исторической преемницы Советского Союза. Вы обратили внимание на информацию о готовности СССР к войне с Германией? (Здесь дается подсказка для возможной идентификации. Но вместо того чтобы использовать это как средство получения сообщений о личностном контексте, интервьюер всего лишь просит доказательств того, что интервьюируемые помнят те сцены, которые имеет в виду интервьюер. Это привело только к перечислению объективных моментов эпизода).

Модератор: Мне хочется узнать, когда Вы смотрели эти сцены, показывающие СССР накануне войны, о чем Вы думали? (Этот вопрос с успехом можно было бы задать вначале. Обычно можно с уверенностью предполагать, что интервьюируемые помнят те сцены, которые наиболее тесно касаются их прошлого или ожидаемого опыта. В общем случае предпочтительно сразу стремиться к получению интроспективных сообщений. После того как внимание сконцентрировано на объективной стороне ситуации, бывает трудно получить сообщения о личностном контексте. Вопрос, предложенный здесь, в большой степени неэффективен).

На наш взгляд, интервьюеру все-таки следует вводить свои подсказки, во-первых, по поводу предполагаемой идентификации в тех местах интервью, которые подсказаны предыдущим обсуждением. Как мы убедились, часто наблюдается значительное сопротивление тому, чтобы сообщать о глубоком личностном контексте. Это сопротивление только усиливается, когда интервьюер делает очевидным свое намерение, резко меняя тему и указывая напрямик, что это именно та личная информация, которую он хочет получить. Во-вторых, можно посоветовать интервьюеру ограничиться намеком на предполагаемую идентификацию, а не заявлять о ней специально. Если идентификация возникла, этой подсказки будет достаточно для появления сообщения, если она не возникла, подсказка обычно не вызовет псевдоидентификации. Более того, у людей не будет повода считать, что им «не удалась» роль интервьюируемых, поскольку они не смогли предоставить требуемую информацию. Наконец, в вопросах следует стремиться к получению интроспективных сообщений о личностных характеристиках или опыте, лежащих в основе идентификации, а не к доказательству того, что нужные элементы стимульной ситуации сохранились в памяти.

Очевидно, переход следует осуществлять вопросом: «Вы, конечно, помните кадры, показывающие СССР перед началом войны с Германией? О чем думали Вы, потомки тех, кто пережил войну, смотря эти кадры?» Этот вопрос фокусируется на элементах ситуации, которые могли бы привести к идентификации, и одновременно вызывает на сообщение о реакции на нее.

По нашему убеждению, задачей интервьюера является обеспечение условий, в которых этот процесс может выйти на поверхность и быть выражен словами. Переход с уровня проектирования на уровень личностного контекста не должен, конечно, быть резким и насильственным. Если со стороны интервьюируемого нет значительного сопротивления, интервьюер может достичь своей цели ненавязчивым, но постоянным следованием в этом направлении. На первой

стадии проективные утверждения могут быть введены или модератором, или самим интервьюируемым.

Исследователь, чтобы не допустить ощущения дискомфорта или нанесения прямого морального вреда интервьюируемым и сохранить структуру сфокусированного интервью, должен помнить, что в подобных практиках интерес представляют вопросы, которые связаны или могут быть связаны со стимульной ситуацией. Наличие интереса к выявлению личностного контекста не может оправдывать длительные отступления. Стало быть, интервьюер должен не только тщательно готовиться к подобного рода интервью, но и во избежание этических осложнений постоянно совершенствовать профессиональную чувствительность.

D.A. Yegorenkov
Practices and Prospects
of the Partnership between
All-Russia Political Party
“United Russia”
and the Government in Public
Health Services Sphere
in the Saratov Region Territory

The partnership between all-Russia political party “United Russia” and the government in public health services sphere is shown. Prospects of their cooperation are formulated.

Key words and word-combinations: public health policy, top-priority national project, social projects of the political party “United Russia”, quality of life.

Показано партнерское взаимодействие Всероссийской политической партии «Единая Россия» и государственной власти в сфере здравоохранения. Формулируются перспективы их сотрудничества.

Ключевые слова и словосочетания: здравоохранительная политика, приоритетный национальный проект, социальные проекты политической партии «Единая Россия», качество жизни.

УДК 351(470.44)
ББК 67.401.02(235.54)

Д.А. Егоренков

**ПРАКТИКА
И ПЕРСПЕКТИВЫ
ПАРТНЕРСКОГО
ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
ВСЕРОССИЙСКОЙ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ
«ЕДИНАЯ РОССИЯ»
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ
ВЛАСТИ
В СФЕРЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ
НА ТЕРРИТОРИИ
САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ**

После прошедших в Российской Федерации в 2011–2012 гг. парламентских и президентских выборов вновь становится актуальной проблема трендов дальнейшего политического и социально-экономического развития нашей страны. В связи с этим особую важность приобретает проблема сохранения или изменения принципов управленческой деятельности в социальной сфере.

В научной среде принято считать, что кри-

терием эффективности функционирования отраслей социальной сферы или общего благополучия человека и социума является «качество жизни». Данный показатель основан на статистических данных уровня жизни и социальной защищенности жителей страны, состояния образования и здоровья, культурного развития населения и охраны окружающей среды, а также состояния преступности. В 1999 г. в Российской Федерации даже был создан Межнациональный центр исследования качества жизни [1].

Политические проблемы в исследованиях качества жизни в основном состоят в следующем: поиск новых подходов к управленческой деятельности в социальной сфере; совершенствование нормативной базы и трансформация модели социальной политики; стимулирование роста профессионализма и компетентности представителей бюрократии; обеспечение социально приемлемого баланса предоставления бесплатных и платных государственных услуг; распределение социальной ответственности между государством, рынком и общественным сектором; повышение легитимности проводимой социальной политики. В связи с этим особого исследовательского внимания, на наш взгляд, заслуживает внимания вопрос влияния политико-управленческих механизмов здравоохранительной политики Российского государства на состояние и динамику общественного здоровья. Отдельный интерес представляет изучение условий модернизации управленческой деятельности, повышения эффективности и результативности государственного управления сферой здравоохранения.

Сегодня первостепенной задачей модернизации политического управления становится развитие взаимодействия государства, политических партий, институтов гражданского общества в процессе определения общей стратегии достижения важных социальных целей. Конкретным примером установления важной социальной цели является повышение доступности и качества медицинских услуг для граждан Российской Федерации, а общей стратегией в ее достижении становится партнерское взаимодействие органов государственной власти и политической партии «Единая Россия». Оно непосредственно выражается в параллельной реализации приоритетного национального проекта «Современное здравоохранение» и партийных социальных проектов, направленных на развитие отечественного здравоохранения.

В настоящее время взаимодействие государственных и партийных структур допускает партийное политическое сопровождение и контроль «Единой Россией» осуществления национального проекта «Современное здравоохранение» и государственной программы модернизации отечественного здравоохранения в российских регионах. Вот почему предметом нашего исследования выступают практика и перспективы партнерского взаимодействия политической партии «Единая Россия» и государственной власти в реализации здравоохранительной политики на территории Саратовской области.

Повышение качества жизни граждан Российской Федерации являлось ключевым вопросом государственной политики на протяжении 2000-х годов. Для поступательного и эффективного решения этой сложной проблемы весь первый четырехлетний срок президента В.В. Путина (2000–2004) прошел под знаком укрепления российской государственности, способствующей долгосрочным тен-

денциям роста. В начале второго четырехлетнего срока В.В. Путина (2004–2008) его администрация определила центральную задачу деятельности – разработать конкретные проекты по повышению благосостояния народа Российской Федерации. Уже в сентябре 2005 г. Президент РФ В.В. Путин, выступая перед членами Правительства РФ, федеральными парламентариями и руководителями субъектов Федерации, впервые заявил о введении в действие с 1 января 2006 г. на территории Российской Федерации трех национальных проектов в здравоохранении, образовании, жилищном строительстве. Впоследствии приоритетной задачей также было определено экономическое развитие и повышение инвестиционной привлекательности отечественного агропромышленного комплекса.

В Послании Президента РФ Федеральному Собранию РФ от 2006 г. демографическая проблема определена как самая острая для российского общества и государства. В своем выступлении перед российскими парламентариями В.В. Путин отметил следующее: «Проблемы экономического и социального развития тесно связаны с простым вопросом: для кого мы все это делаем? В среднем число жителей нашей страны становится меньше ежегодно на 700 тысяч человек. Для решения этой проблемы необходимо следующее. Первое – снижение смертности. Второе – эффективная миграционная политика. И третье – повышение рождаемости» [2]. Важным моментом стало определение реальных путей решения существующей проблемы: для выхода из сложной демографической ситуации провозглашалось необходимым достичь повышения качества жизни граждан путем реализации национальных проектов.

По мнению экспертов, президентское Послание 2006 г. стало самым «сильным» из всех предыдущих [3, с. 54]. На наш взгляд, было совершенно оправданно придание политическим приоритетам государственной власти социально ориентированного характера. Во-первых, именно эти сферы определяют качество жизни людей и социальное самочувствие общества. Во-вторых, решение именно этих вопросов прямо влияет на демографическую ситуацию в стране и создает необходимые стартовые условия для развития так называемого человеческого капитала.

Первоочередные шаги государственной власти в сфере здравоохранения в 2005–2006 гг. были связаны с выстраиванием управленческой вертикали и разработкой нормативно-правовой базы публичной медицины. Следует подчеркнуть, что решение первой задачи предполагало создание единой системы скоординированного взаимодействия органов государственной власти и муниципалитетов в управлении качеством оказания медицинских услуг.

В настоящее время на федеральном уровне реализацией здравоохранительной политики занимаются Министерство здравоохранения и социального развития РФ и Комиссия при Президенте РФ по реализации приоритетных национальных проектов и демографической политике (до 20 сентября 2010 г. – Совет при Президенте РФ по реализации приоритетных национальных проектов и демографической политике). На региональном уровне в Саратове данным направлением ведают министерство здравоохранения Саратовской области и совет по реализации приоритетных национальных проектов и демографической политике при Правительстве Саратовской области.

В целом к 2012 г. в Российской Федерации была разработана современная

нормативно-правовая база, регулирующая отношения в сфере здравоохранения. Основой нормативно-правовой базы здравоохранительной политики в Российской Федерации являются Конституция РФ, ежегодно обновляемая Программа государственных гарантий оказания гражданам Российской Федерации бесплатной медицинской помощи, Федеральные законы «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации» [4] и «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [5]. В Саратове дополнительно действуют территориальная Программа государственных гарантий оказания бесплатной медицинской помощи в Саратовской области гражданам Российской Федерации, Территориальная программа обязательного медицинского страхования, Программа модернизации здравоохранения Саратовской области на 2011–2012 г., а также областные и ведомственные целевые программы, реализуемые в сфере здравоохранения.

Фундаментальным для всей системы здравоохранения Российской Федерации является Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации». Будучи принятым в 2011 г., он заменил действовавший аналогичный Закон СССР от 1970 г., а также Основы законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан от 1993 г. Необходимость принятия нового закона о здравоохранении Президент РФ Д.А. Медведев аргументировал следующим: «Изменилась ситуация в стране, изменились условия работы в экономике, условия социальной защиты, и в целом меняется подход к оказанию медицинской помощи – внедряются передовые медицинские технологии и развивается частная медицина» [6]. Концептуальной основой Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» является принцип приоритета профилактических мероприятий и переход от системы здравоохранения, направленной преимущественно на лечение заболеваний, к системе охраны здоровья граждан, основанной на приоритете здорового образа жизни и профилактике заболеваний. Данный документ обозначил преемственность здравоохранительной политики, реализующейся с 2006 г. в рамках национального проекта «Современное здравоохранение» с его акцентом на профилактическую медицину.

Вследствие реализации на территории Саратовской области двух инициатив федерального руководства – национального проекта «Современное здравоохранение» и Программы модернизации здравоохранения – произошли положительные изменения в государственном финансировании сферы здравоохранения, а также в доступности и качестве региональной медицины.

Согласно официальной информации министерства здравоохранения Саратовской области основные направления национального проекта «Современное здравоохранение» – развитие первичной медико-санитарной помощи и обеспечение населения высокотехнологичной медицинской помощью – реализованы. По Программе модернизации здравоохранения все целевые индикаторы эффективности в 2011 г. (их около 300) были выполнены. Региональная медико-демографическая ситуация и общественное здоровье характеризуются несколькими основными показателями: рождаемость, смертность, естественный прирост, средняя продолжительность жизни. По состоянию на 2010 г., рождаемость в регионе увеличилась на 34,8% по отношению к 2000 г. Несмотря на

устойчивый рост рождаемости, в Саратовской области продолжалось сокращение численности населения по причине превышения смертности над рождаемостью в 1,4 раза. Однако положительной следует признать тенденцию к снижению смертности на 14,5% в течение 2003–2009 гг. и рост средней продолжительности жизни с 68,4 до 70,1% в течение 2008–2011 гг. [7].

С 2005 по 2011 г. на территории Саратовской области было введено в строй несколько медицинских центров, оснащенных высокотехнологичным оборудованием: кардиохирургический центр, онкологический центр, диализный центр, областной перинатальный центр. Кроме того, за этот период были реконструированы Воскресенская и Пугачевская ЦРБ, родильный дом и городская больница в г. Балакове [8]. Эти обстоятельства способствовали тому, что за последние три года (2009–2011) обеспеченность жителей области высокотехнологичными видами медицинской помощи увеличилась более чем на 20%. В 2011 г. такую помощь получили более 7 тысяч жителей Саратовской области [9], и это почти в два раза выше, чем в среднем по Российской Федерации. В то же время региональной исполнительной властью признается, что в региональном здравоохранении остаются проблемы, зависящие исключительно от самого региона: дефицит Программы государственных гарантий оказания бесплатной медицинской помощи в Саратовской области гражданам Российской Федерации, низкий рост заработной платы медицинских работников, неэффективное управление муниципалитетов и главных врачей рядом медицинских учреждений, отставание сельского здравоохранения, медленное осуществление информатизации здравоохранения.

Несмотря на то, что проблемы в региональной системе здравоохранения остаются, следует отметить, что по оценке федерального Министерства экономического развития, в минувшем году повысился показатель эффективности регионального государственного управления сферой здравоохранения: Саратовская область по итогам 2011 г. поднялась с 20 на 7 место среди субъектов РФ [10]. На наш взгляд, это в немалой степени объясняется федеральным финансовым обеспечением национального проекта «Современное здравоохранение» и Программы модернизации здравоохранения, благодаря чему консолидированный бюджет саратовского регионального здравоохранения увеличился в течение 2005–2011 гг. с 5,116 до 13, 123 млрд рублей [11].

Однако представляется бессмысленным заниматься модернизацией здравоохранения и попытками улучшения общественного здоровья, не обеспечивая модернизацию принципов управленческой деятельности в социальной сфере.

Одним из условий модернизации политики выступает не только совершенствование властных отношений на уровнях государственного и муниципального управления, но и развитие взаимодействия государства с политическими партиями и общественными объединениями. Так, последовательным сторонником реализации национального проекта «Современное здравоохранение» стало руководство политической партии «Единая Россия», а лидер партии В.В. Путин сегодня является вновь избранным Президентом РФ и председателем Комиссии при Президенте РФ по реализации приоритетных национальных проектов и демографической политике.

На исходе второго года реализации национального проекта «Современное

здравоохранение» в предвыборной программе политической партии «Единая Россия», принятой на VIII съезде партии в октябре 2007 г. и получившей название «План Путина – достойное будущее великой страны», одним из главных тезисов было провозглашено улучшение качества жизни человека и социума в России. В качестве приоритетов в сфере охраны здоровья населения названы конкретные направления работы: защита материнства и детства, обеспечение нового качества медицинского обслуживания на основе внедрения передовых технологий в отечественное здравоохранение, всеобщая диспансеризация населения, снижение смертности за счет повышения транспортной безопасности и профилактики социально опасных заболеваний, создание условий для массового занятия физической культурой и спортом [12]. Два года спустя, на XI съезде политической партии «Единая Россия» в ноябре 2009 г., принят партийный программный документ под названием «Россия: сохраним и приумножим!», в котором была сформулирована важнейшая цель партийной стратегии – увеличение средней продолжительности жизни россиян до 75 лет к 2020 г. [13].

В связи с этим обращают на себя внимание особенности реализации в течение 2006–2011 гг. на территории Саратовской области трех социальных проектов политической партии «Единая Россия» – «Строительство физкультурно-оздоровительных комплексов», «Россия: мы должны жить долго» и «Качество жизни (здоровье)». Проекты имеют общие методики реализации декларируемых в них целей: повышение роли первичного звена здравоохранения в профилактике заболеваний и формировании здорового образа жизни у населения; антикоррупционная экспертиза расходования средств, направленных на модернизацию системы здравоохранения; выявление нецелевого расходования средств и привлечение виновных к ответственности; привлечение средств массовой информации к мероприятиям модернизации системы здравоохранения.

За последние шесть лет региональное отделение политической партии «Единая Россия» в Саратове реализовало ряд проектов на данном поприще. В частности, открыт новый ледовый дворец «Кристаллик» в Саратове; введены в эксплуатацию современные физкультурно-оздоровительные комплексы в Кировском, Октябрьском и Ленинском районах Саратова, в Саратовской государственной юридической академии и Саратовском государственном аграрном университете им. Н.И. Вавилова. В Саратовском государственном медицинском университете им. В.И. Разумовского, а также в городах Аткарске, Балакове, Вольске, Ершове, Пугачеве, Ртищеве, рабочем поселке Базарный Карабулак, поселке Лысые Горы, селе Новоалексеевка Алгайского района возводятся физкультурно-оздоровительные комплексы. Региональное отделение партии способствовало финансированию строительства станции скорой медицинской помощи в г. Саратове, реконструкции хирургического корпуса городской больницы № 1 в г. Балаково, открытию оснащенного современным оборудованием стоматологического отделения ЦРБ в г. Хвалынске.

Таким образом, саратовское региональное отделение политической партии «Единая Россия» реализует крайне важные социальные проекты, которые помогают жителям области получать более качественные медицинские услуги, дают возможность заниматься спортом. Примечательно, что одним из наиболее активных и

эффективных руководителей саратовского регионального отделения политической партии «Единая Россия» многие годы являлся ректор Саратовского государственного медицинского университета им. В.И. Разумовского П.В. Глыбочко.

Одним из важнейших политических результатов проводимой социальной политики стало повышение легитимности действующей политической власти в глазах населения. Прошедшие в Российской Федерации в 2011–2012 гг. парламентские и президентские выборы выявили существенную поддержку населения Саратовской области проводимого Правительством РФ социально-экономического курса, а также общественных инициатив политической партии «Единая Россия». Так, в декабре 2011 г. на выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания РФ политическая партия «Единая Россия» получила поддержку 64,89% избирателей Саратовской области [14], а в марте 2012 г. на выборах Президента РФ лидер политической партии «Единая Россия» и Председатель Правительства В.В. Путин заручился поддержкой 70,64% жителей области [15]. На наш взгляд, это свидетельствует как о признании предвыборных приоритетов данных политических субъектов, так и о положительных результатах социально-экономического развития Российской Федерации и Саратовской области в последние годы.

Анализ практики взаимодействия политической партии «Единая Россия» и государственной власти в сфере здравоохранения на территории Саратовской области показывает, что в данное социальное партнерство и механизмы политико-управленческой деятельности имеют не только положительные результаты, но и обладают большими резервами по согласованному осуществлению социальных реформ. Полагаем, что государственная власть и далее, в соответствии с современными приоритетами, будет концентрировать свои организационные и финансовые ресурсы в направлении повышения доступности и качества регионального здравоохранения. В свою очередь, социальные проекты политической партии «Единая Россия», вероятно, послужат базисом для будущих общественных инициатив данной партии в области улучшения качества жизни и здоровья жителей субъектов РФ.

Библиографический список

1. Шевченко Ю.Л. Концепция исследования качества жизни в здравоохранении России // Медицинская газ. 2003. 14 июля.
2. Путин В.В. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации от 10 мая 2006 г. URL: <http://archive.kremlin.ru/text/appears/2006/05/105546.shtml>
3. Киселев К.В. «Демократическое» Послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ: проблема интерпретации // Политическая наука и политические процессы в Российской Федерации и Новых Независимых Государствах. Екатеринбург, 2006.
4. Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации: Федер. закон от 29 нояб. 2010 г. № 326-ФЗ // Рос. газ. 2010. 3 дек.
5. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: Федер. закон от 21 нояб. 2011 г. № 323-ФЗ // Рос. газ. 2011. 23 нояб.
6. Родин И. Президент нашел компромисс // Независ. газ. 2011. 4 авг.
7. URL: <http://www.pfo.ru/?id=31612>
8. Твердохлеб Л. Самая лучшая политика – это хорошее здравоохранение! URL: http://minzdrav.saratov.gov.ru/news/index.php?ELEMENT_ID=20473
9. Губернатор Павел Ипатов принял участие в заседании коллегии Министерства здравоохранения РФ.

ранения Саратовской области. URL: http://minzdrav.saratov.gov.ru/news/index.php?ELEMENT_ID=20403

10. *Твердохлеб Л.* С врачами мы говорим на одном языке // Саратов. обл. газ. 2012. 2 февр.

11. *Богатырев Д.* Леди Аспирин // Время. 2012. 5 марта.

12. Предвыборная Программа Всероссийской политической партии «Единая Россия» «План Путина – достойное будущее великой страны». URL: <http://www.edinros.ru/rubr.shtml?110099>

13. Программный документ партии «Единая Россия» «Россия: сохраним и приумножим!» URL: <http://old.er.ru/er/text.shtml?10/9535,110030>

14. Итоги голосования на выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации 4 дек. 2011 г. URL: http://www.cikrf.ru/banners/duma_2011/itogi/index.html

15. Итоги голосования на выборах Президента Российской Федерации 4 марта 2012 г. URL: http://www.cikrf.ru/banners/prezident_2012/itogi/index.html

N.E. Timerbulatova
Social-Economic Determinants
of the Process of Student Life
Strategies Formation
and Implementation

Issues of the study of youth life strategies are considered. The social factors and conditions that determine life choices are shown. The key areas for the implementation of youth policy on the formation of professional and motivational attitudes of students at the regional level in the context of human capital development are highlighted.

Key words and word-combinations: human capital, life strategies, professional and motivational attitudes, youth policy.

Рассматриваются вопросы исследования жизненных стратегий молодежи. Показаны социальные факторы и условия, детерминирующие жизненный выбор. Выделены ключевые направления реализации молодежной политики по формированию профессионально-мотивационных аттитюдов студенчества на региональном уровне в контексте развития человеческого капитала.

Ключевые слова и словосочетания: человеческий капитал, жизненные стратегии, профессионально-мотивационные аттитюды, молодежная политика.

УДК 316.34/.35
 ББК 60.54

Н.Э. Тимербулатова

**СОЦИАЛЬНО-
 ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
 ДЕТЕРМИНАНТЫ ПРОЦЕССА
 ФОРМИРОВАНИЯ
 И РЕАЛИЗАЦИИ
 ЖИЗНЕННЫХ СТРАТЕГИЙ
 СТУДЕНЧЕСТВА**

Социально-экономические преобразования российского общества вызвали качественные изменения в структуре его ценностных ориентаций. В условиях трансформирующегося общества и непосредственной смены системы общественных отношений, когда базовые социальные институты перепредмечивают свои взаимодействия, часто сопровождаемые содержательным и структурным изменением основных функций, неизбежно актуализируется проблема социальной адаптации личности к новым условиям ее жизнедеятельности [1, с. 37].

В сфере труда и занятости переход к рын-

ку привел к возникновению принципиально новой ситуации в профессионально-трудовых отношениях. В частности, существенно изменились ценности, установки и специфика профессионально-трудовой мотивации российской студенческой молодежи. С одной стороны, состояние экономики расширило границы приложения ее сил и способностей в профессионально-трудовой сфере, а с другой – ценностная значимость труда по получаемой специальности для молодых людей зачастую оказывается невысока.

Акцентирование внимания социологов на проблемах формирования жизненных стратегий молодежи связано как с возросшим многообразием социальных каналов, способов вхождения молодежи во взрослое общество, так и с растущим разнообразием форм профессионального образования, с развитием специфического молодежного рынка труда и способов трудоустройства молодежи [2, с. 88]. В условиях свободы выбора в образовательной сфере, увеличения конкуренции в системе образования, коммерциализации образовательной деятельности параллельно сосуществуют разнонаправленные тенденции. С одной стороны, растет предложение и увеличиваются возможности получения высшего образования, с другой – реалиями свободного рынка труда является достаточно ограниченное предложение вакансий для специалистов с высшим профессиональным образованием наряду с высокими требованиями к опыту и стажу профессиональной деятельности. Как следствие, увеличивается разочарование молодежи в социально-экономической востребованности выбираемых ими профессий, выпускники переходят в отрасли, не связанные с жизненно важными интересами страны, а у многих молодых людей складывается устойчивое мнение о невозможности государства обеспечить им социально-экономическую поддержку [3, с. 82–83].

Само по себе наличие высшего образования не является предпосылкой для успешной самореализации молодых людей в региональном пространстве. Во многом это обусловлено тем, что в установках работодателей четко фиксируется ориентация на наличия у претендентов опыта профессиональной деятельности [4, с. 3–5]. Такое положение детерминирует серьезные изменения в моделях достижения жизненных перспектив студентов. В настоящее время можно выделить уже сложившуюся тенденцию переноса предпринимаемых студенческой молодежью усилий с получения знаний на возможности трудоустройства во время учебы. Получение диплома студенчеством рассматривается лишь как формальность, в связи с тем что он уже не гарантирует доступ к социально успешным позициям.

Результаты социологических исследований фиксируют существенные изменения как в представлениях молодежи о возможностях достижения успеха в жизни, так и факторах, его определяющих [5]. Все это актуализирует потребности концептуального осмысления условий и факторов выбора жизненных стратегий студенческой молодежью, исследование вектора изменения профессионально-мотивационных аттитюдов студенчества, которые для нас выступают основной исследовательской проблемой.

В исследовании факторов формирования жизненных стратегий особое внимание следует уделить аксиологическому подходу, поскольку социальные изме-

нения, происходящие на макро-, мезо- и микроуровнях, радикально изменяют социальный контекст формирования стратегий молодежи, трансформируют ее ценностные ориентации и приоритеты. Научное осмысление происходящих изменений в жизненных стратегиях позволяет выстроить эффективную политику в сфере занятости и профориентации молодежи, открывает дополнительные возможности по разработке стратегии развития человеческого капитала.

Понятие «жизненные стратегии» может рассматриваться как динамическая система рационализированных представлений личности о своей будущей жизни, размещенных в социальном пространстве и времени. Жизненные стратегии представляют собой способ сознательного планирования и конструирования личностью собственной жизни, ориентирующих и направляющих ее повседневное поведение. Они отражают ценностно-ориентационный выбор индивида, определяемый оценкой условий социальной среды, связаны с личностным управлением жизнедеятельностными ресурсами в течение достаточно длительного времени.

В контексте рационально осуществленного выбора личностные стратегии определяются с учетом актуально складывающихся обстоятельств, имеющихся как средовых, так и персональных ресурсов. Индивидуальные жизненные стратегии характеризуются сложной структурой, важными элементами которой выступают образовательный, трудовой компонент, миграционные установки, накопление социально-коммуникационного капитала. Жизненные стратегии студенческой молодежи формируются в условиях нарастающей неопределенности социокультурной среды, носят преимущественно ситуативный характер. Снижается роль институционализированных структур, и выбор преимущественно определяется не под влиянием социальных институтов, а на основе ситуационных факторов, значимых для каждой конкретной личности в отдельности.

В условиях социальной неопределенности процесс формирования и реализации жизненных стратегий представляет собой пространство риска, в котором действуют разнообразные факторы. К примеру, глобализация предоставляет индивиду высокую степень свободы выбора, но обостряет ситуацию неопределенности, тем самым усложняя процесс социальной адаптации молодежи в региональном социуме. В итоге в социокультурном поле региона нарастает стилевое разнообразие стратегий, меняя в целом привычную социокультурную среду.

В условиях сочетания глобализации и регионализации усиливается региональная дифференциация. Отличаясь своеобразием природных условий, сложившейся специализацией производства, уровнем развития производительных сил, производственной инфраструктуры, регион в то же время характеризуется спецификой социальной структуры и инфраструктуры, а также образа жизни населения. Территориальная дифференциация природных условий составляет естественную основу общественного (территориального) разделения труда, исторически закрепленного, находящего продолжение в своеобразии социальных условий жизни и в социальном облике населения. Пространственные трансформации российского общества как множества социально-территориальных сообществ в социологическом плане рассматриваются через призму ценностных ориентаций и установок населения.

Регион представляет собой открытую развивающуюся социальную систему, имеющую географические и административно-территориальные параметры, социально-культурное пространство, особенности образа жизни, идентичности, условий социализации, менталитета и ценностных ориентаций. В этом контексте статусная позиция студенческой молодежи достигается в процессе адаптации и интеграции в конкретном социально-территориальном сообществе, что обусловлено социальной средой, зависящей от социально-экономических, демографических, этнических особенностей, менталитета и степени урбанизированности регионального социума.

Региональная специфика опосредует стилевое разнообразие стратегий в конкретном социокультурном поле. В этих условиях стиль жизни приобретает новое сущностное содержание как потенциал нового социально-культурного ресурса в контексте развития человеческого капитала, активно применяемого студенческой молодежью при конструировании своих жизненных стратегий. Особенности социокультурного поля определяют противоречия формирования жизненных стратегий – экзогенные (связанные с ценностным выбором в ограниченном социокультурном поле) и эндогенные (связанные с рассогласованностью различных видов стратегий в личностной структуре жизненных стратегий).

Противоречия в структуре смысложизненных ориентаций предопределяют характер взаимодействия с окружающим социальным миром и могут приводить к существенным негативным сдвигам и последствиям. Так, сильное давление на личность со стороны окружающей действительности способно разрушить индивидуальные смысложизненные ориентации, способствовать их подмене «искусственными» социальными эталонами. В этих условиях личность, как правило, выбирает адаптивную стратегию, следствием чего может стать, в частности, и профессиональная стагнация.

Сформированные высокие индивидуальные смысложизненные ориентации профессионального и личностного развития являются ведущим фактором развития человеческого капитала. Процесс формирования индивидуальных смысложизненных ориентаций неразрывно связан со способностью к глубокой рефлексии, с устойчивой сложной структурой мотивации и самоконтроля, что, в свою очередь, обуславливает успешное противостояние неизбежному давлению со стороны окружающей действительности, в том числе в сфере профессиональных отношений [6, с. 5–9].

Профессиональная деятельность образует основную форму активности субъекта. Социальные отношения, возникающие в процессе профессиональной деятельности человека, опосредуют динамику смысложизненных ориентаций через новые связи, стимулируют развитие личности. Личностные смыслы, функционирующие на ценностно-смысловом уровне, предопределяют, в свою очередь, отношение человека к профессиональной деятельности как неотъемлемой части его жизни и связаны с его статусной позицией в обществе.

Идеал является определяющим фактором, оказывающим влияние на выбор и осуществление профессиональной деятельности, выбор сферы приложения собственных сил. Призвание человека представляет собой одно из важнейших экзистенциальных переживаний, отражающих реалистичность предпринятых

усилий в контексте сознательного выбора, а также склонности, знания, способность принимать решения и действовать на основе сознательно принятого намерения (т.е. мотивационной установки) в горизонте времени.

Ориентация на определенные профессии у молодых людей складывается под влиянием средств массовой информации, тиражирующих образцы «настоящих взрослых». Формированию профессиональной ориентации молодежи способствует также стремление к самовыражению и самоутверждению. Для выявления условий и факторов, определяющих жизненные стратегии студенческой молодежи, обнаружения региональной специфики формирования профессионально-мотивационных аттитудов было проведено авторское социологическое исследование. В качестве ключевых идентификационных критериев, определяющих тип жизненной стратегии, были выделены: степень субъектности в системе социальных отношений, уровень адаптированности внешнему изменяющемуся социальному контексту, устойчивость диспозиции личности. В исследовании тенденций изменения профессионально-мотивационных аттитудов важным приставлялся эмпирический анализ на когнитивном, эмоциональном и поведенческом уровнях. Опрос проводился 2009–2010 гг. среди студентов саратовских вузов, было опрошено 512 человек.

Результаты исследования свидетельствуют о том, что для значительной части молодежи мотивацией трудовой деятельности является удовлетворение насущных жизненных потребностей, в частности материальная независимость, потребность в самоуважении и престиже. Работа как способ получения материальной независимости, как стремление заработать деньги стабильно остается на первом месте. Вместе с тем повысилась роль следующих мотивов: получить опыт работы для дальнейшего трудоустройства (с 28 до 46%), как можно раньше начать профессиональную карьеру (с 18 до 27%), поскольку сейчас это основное требование работодателей. Студенты предпочитают сразу устраиваться на такую работу или в ту сферу деятельности, в рамках которой они планируют дальнейшую карьеру и профессиональный рост. Таким образом, намечается тенденция смены отношения к работе в студенческой среде – от средства заработка к способу повышения конкурентоспособности.

Каждое общество вырабатывает своеобразное видение будущего и механизмы социального управления. Соответственно, продуцируется специфический подход к студенческой молодежи, к тем социальным ролям, которые ей необходимо освоить. Наиболее эффективным является тонко сориентированное, так называемое «резонансное» регулирующее, корректирующее общественное воздействие на студенческую молодежь [7].

Государственная молодежная политика в регионе должна строиться на основе программно-целевого подхода, направленного на развитие человеческого капитала регионального сообщества. Комплексные программы должны основываться не только на концептуальном осмыслении образа жизни студенческой молодежи с позиции мультипарадигмальности, но и обеспечивать тесную связь на методологическом, специально-теоретическом и эмпирическом уровнях. Важной представляется направленность на внедрение профессионально-мотивационных образовательных технологий, развитие системы

информационно-коммуникативного управления и информационного сопровождения реализации целевых программ молодежной политики.

Библиографический список

1. Бегенхолд Д. Социальное неравенство и социология стиля жизни: Материальные и культурные аспекты социальной стратификации // Реферативный журнал. Сер. 11. 2002. № 3. С. 37–40.
2. Осадчая Г.И. Стиль жизни молодых горожан: трансформация и региональная дифференциация // Социологические исследования. 2002. № 10. С. 88–94.
3. Константинова Е.Б. Методические основы изучения жизненных стратегий молодежи // Качество жизни в социокультурном контексте России и Запада: методология, опыт эмпирического исследования. Екатеринбург, 2006. Ч. 1.
4. Большой В.Б. Высшее образование в системе жизненных стратегий молодежи: автореф. дис. ... канд. социол. наук. Краснодар, 2007.
5. Рывкина Р.В. Образ жизни населения России: социальные последствия реформ // Социологические исследования. 1999. № 6. С. 43–48.
6. Руткевич М.Н. Социология образования и молодежи. М., 2002.
7. Ручкин Б.А. Молодежь и становление новой России // Социологические исследования. 1998. № 5. С. 56–63.

V.M. Smirnova
**Formation of the Auto-
Psychological Competence
of Graduate Students**

The problem of graduates' auto-psychological competence formation is stated. Stages of experimental work on the implementation of auto-psychological competency model for agricultural academy students are described.

Key words and word-combinations: auto-psychological competence, a model of students' auto-psychological competence formation.

Ставится проблема формирования аутопсихологической компетентности выпускников высшей школы. Дается описание этапов экспериментальной работы по внедрению модели формирования аутопсихологической компетентности у студентов сельскохозяйственной академии.

Ключевые слова и словосочетания: аутопсихологическая компетентность, модель формирования аутопсихологической компетентности студентов.

УДК 378:159.9:370

ББК 74.58+88.40

В.М. Смирнова

ФОРМИРОВАНИЕ АУТОПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ СТУДЕНТОВ В СИСТЕМЕ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ

Социальный запрос на высокий профессионализм и компетентность выпускников высших учебных заведений выразился в предъявляемой системе требований к личности специалиста. От него требуется продуктивно относиться к своим собственным ресурсам и возможностям, уметь их объективно оценивать и эффективно использовать с целью достижения успеха в профессиональной деятельности, реализовывать способности к саморазвитию, проявлять гибкость и уме-

ние адаптироваться к изменяющимся условиям, быть готовым находить творческие решения профессиональных задач [1].

В связи с этим современная парадигма высшего профессионального образования ориентирует на активизацию личностного потенциала путем формирования у студентов аутопсихологической компетентности. Под ней понимаются собственные психические ресурсы, которые могут изменять внутреннее состояние личности. Эти ресурсы и их способность к изменению позволяют человеку саморазвиваться и творчески самореализовываться.

Аутопсихологическая компетентность включает в себя систему знаний о себе, а также умений и навыков, позволяющих использовать собственные психические ресурсы, создавать благоприятную для деятельности ситуацию путем изменения своего внутреннего состояния [2]. Ряд ученых считают, что аутопсихологическая компетентность позволяет личности перестраиваться при возникновении непредвиденных обстоятельств, проявлять волю при достижении значимых результатов. В результате этого формируется готовность и способность решать профессиональные задачи как в стандартных, так и в экстремальных условиях. Таким образом, личность может выходить за пределы нормативной деятельности, осуществляя инновационные процессы, процессы творчества [3, с. 3].

Однако в традиционной системе вузовского обучения доминирует знаниевый подход, индикатором которого является в первую очередь объем профессиональной информации, полученной выпускником. На современном этапе явно недооценивается компетентностный подход в подготовке будущего специалиста, подчеркивающий значимость наличия компетентности в профессиональной деятельности вообще и уровень сформированности его аутопсихологической компетентности в частности [4]. Таким образом, в имеющихся условиях актуализируется проблема разработки и внедрения педагогических моделей формирования у студентов высших учебных заведений аутопсихологической компетентности, которые предусматривали бы совершенствование потенциальных возможностей обучаемых на уровне профессиональной и личной значимости. Особо важно это для выпускников, будущая профессия которых связана со взаимодействием с людьми, с социумом, с решением профессиональных задач в процессе общения [5].

В порядке эксперимента и в целях апробации результатов диссертационного исследования в период с 2006 по 2012 г. нами была разработана и внедрена в учебный процесс модель формирования у студентов вуза аутопсихологической компетентности. Она представляет собой структурно-функциональную конструкцию, отображающую организацию образовательного процесса по формированию у студента:

- профессионально-мотивационной установки на будущую деятельность;
- профессионально-личностной Я-концепции;
- опоры на знание своих особенностей, способностей, качеств;
- осознанности себя, своей жизни, стремления к самоуправляемому профессиональному саморазвитию, творческой самореализации;
- умений профессиональной адаптации, самопомощи, самокоррекции.

Итогом такой организации должен стать профессионально компетентный

выпускник, обладающий оптимальным уровнем сформированности аутопсихологической компетентности.

Целью экспериментальной части проведенного исследования была проверка эффективности предложенной нами педагогической модели. В эксперименте принимали участие 145 студентов и 46 преподавателей ФГОУ ВПО «Волгоградская государственная сельскохозяйственная академия». Экспериментальную группу составили студенты первого курса в количестве 72 человек. В контрольную группу вошли также студенты первого курса, их количество составило 73 человека. Таким образом, численность контрольной и экспериментальной групп на начало эксперимента была приблизительно одинаковой.

Поставленная цель реализовывалась благодаря проведению констатирующего, формирующего и заключительного этапов эксперимента.

Констатирующий этап осуществлялся в период с 2006 по 2007 г. Вначале исследовались индивидуальные психологические качества и особенности студентов, характер их взаимодействия друг с другом и преподавателями вуза. Одна из задач состояла в том, чтобы акцентировать внимание студентов на эмоционально-ценностном отношении к учебной и профессиональной деятельности, показать им значимость самосознания и важность принятия решения заняться формированием аутопсихологической компетентности. Одновременно проводилась работа с преподавателями вуза в рамках организации педагогической поддержки участников эксперимента, осуществлении индивидуального сопровождения непосредственной практической деятельности студентов по реализации, самоконтролю и самооценке поставленных задач, связанных с работой над собой.

На констатирующем этапе также проводилась диагностика первоначального уровня сформированности аутопсихологической компетентности студентов экспериментальной (Э) и контрольной (К) групп. Выявление исходного уровня показало, что (Э) и (К) группы находятся в пределах первого низкого уровня.

В ходе проведения диагностики выяснились достаточно интересные факты. Так, можно обратить внимание на то, что большинство первокурсников (64%) ориентированы на внешнюю оценку, то есть им было важнее не понять суть явления, а угадать то, что хочет услышать преподаватель вуза. Это обстоятельство помогло укрепиться в мысли, что в (Э) и (К) группах испытуемых уровень саморазвития пока достаточно низкий, поскольку постоянное желание получить внешнее одобрение тормозит собственную активность, делает человека неавтономным, зависимым от группы или значимых других, то есть замедляет собственное личностное саморазвитие. Дальнейшие диагностические срезы показали, что 52% (Э) и 53% (К) групп студентов характеризуются поглощенностью проблемами других людей при невнимании к своим собственным. Очевидно, что в такой ситуации трудно ожидать эффективности в решении личностных проблем, ведущей к жизненной успешности.

Исследование уровня волевой саморегуляции студентов показало, что он тоже низок: 44% (Э) и 45% (К) групп студентов не доводят начатое дело до конца, если оно требует больших волевых усилий, а ведь именно от развития волевой саморегуляции во многом зависит успешность как будущей профессиональной, так и других сфер жизнедеятельности студентов.

Анализ результатов исследования рефлексии студентов позволяет сделать вывод о достаточно широком разбросе показателей. Однако у 50% (Э) и (К) групп первокурсников рефлексия находится на низком уровне, то есть их самооценка неадекватна. Преобладание завышенной самооценки, скорее всего, является следствием действия механизмов психологической защиты. Безусловно, тенденция к завышению может способствовать актуализации личностного потенциала, но при условии мотивации достижения и компетентности в деятельности. Несколько выше показатели развития коммуникативных умений, что вызвано личностной значимостью этого вида деятельности для человека. В целом же различия незначительны.

Итоги констатирующего этапа показали, с одной стороны, неудовлетворительное состояние сформированности аутопсихологической компетентности, но с другой – наличие определенного потенциала ее формирования и развития у студентов.

Формирующий этап эксперимента осуществлялся с 2008 по 2010 г. В нем участвовали студенты второго, а затем третьего курсов. Апробация педагогической модели перешла в теоретическую и практическую плоскость. На данном этапе были сформулированы целевые установки, определяющие задачи экспериментальной работы; разработаны групповые и индивидуальные программы включения в процесс формирования аутопсихологической компетентности второкурсников, предусматривающие систему поэтапно усложняющихся психологических заданий и упражнений; отобран комплекс диагностических методик, позволяющих с высокой степенью достоверности судить об уровне формирования аутопсихологической компетентности студентов.

Для каждого второкурсника (Э) группы в рамках авторской модели подбирались, разрабатывались и адаптировались различные варианты заданий, тренировочных упражнений, ситуаций, расположенных в логике поэтапного усложнения. Они были направлены на изучение студентами себя, своего характера, темперамента, мышления, эмоциональных реакций, рефлексивного процесса. Задания и упражнения призваны способствовать отражению подлинных представлений субъекта о себе, о своем пути профессионального развития. Кроме того, большое место в рамках предложенных студентам заданий отводилось развитию умений планирования; выработке программы формирования аутопсихологической компетентности, умений осуществлять рефлексивную деятельность. Это в целом позволило студентам ощутить профессиональную определенность, осознать свою профессию в единстве профессиональных, жизненных целей, повседневных поступков и их значений, которые позволяют действовать последовательно.

На формирующем этапе использовались интерактивные формы и эвристические методы обучения, обеспечившие стимулирование интереса и мотивации студентов к процессу формирования аутопсихологической компетентности за счет средств информирования о Я-концепции, процессах самости и средствах развития приемов личностной рефлексии, о требованиях, предъявляемых к выпускнику высшей школы. Достигалось это благодаря созданию специально смоделированных проблемно-творческих ситуаций, требующих диалога студента с

собой, с однокурсниками, с преподавателями и актуализирующих имеющийся у студента внутренний психологический потенциал. Особое внимание обращалось на организацию ситуаций успеха, стимулирующих мотивацию и ориентацию студентов на формирование аутопсихологической компетентности.

Проведенный сравнительный анализ результатов формирующего этапа показал значительное опережение (Э) группы по всем измеряемым параметрам, что подтвердило гипотезу об эффективности и продуктивности разработанной педагогической модели. Так, студенты (Э) группы перешли с низкого первого сразу на третий уровень сформированности аутопсихологической компетентности, тогда как студенты (К) группы остались в пределах исходного первого уровня.

Заключительный этап эксперимента осуществлялся в период с 2010 по 2012 г. и охватывал студентов третьего, четвертого и пятого курсов. Стратегия данного этапа включала: отслеживание и анализ динамики сформированности у выпускников (К) и (Э) групп аутопсихологической компетентности; определение путем сопоставления полученных результатов степени эффективности внедряемой авторской модели; внесение окончательных корректив в механизм реализации педагогической модели; обобщение итогов опытно-экспериментальной работы; подготовку и внедрение в практику научно-методических рекомендаций.

Результаты заключительного этапа эксперимента свидетельствовали о нарастающей положительной динамике сформированности аутопсихологической компетентности у студентов именно (Э) группы. Они упрочили свои позиции на уровне выше среднего, а некоторые пятикурсники перешли на высокий уровень, тогда как отдельные студенты (К) группы перешли лишь на второй средний уровень, а многие выпускники из (К) группы так и остались на первом низком уровне сформированности аутопсихологической компетентности. Полученные количественные и качественные результаты подтвердили эффективность разработанной педагогической модели.

Анализируя итоги проведенного исследования, можно сделать ряд обоснованных выводов.

Во-первых, современному выпускнику высшей школы уже недостаточно иметь лишь необходимую базу профессиональных знаний, умений, навыков. В складывающихся условиях имеют большое значение такие личностные характеристики, как ответственность за свои поступки, способность рассчитывать на свои силы, желание достичь успеха в учебной, а затем и в профессиональной деятельности. Все это невозможно без формирования аутопсихологической компетентности.

Во-вторых, аутопсихологическая компетентность не формируется стихийно, а требует необходимых условий своего формирования, что возможно с помощью внедрения специальных моделей и расширения практики их реализации.

В-третьих, основными признаками высокого уровня сформированности аутопсихологической компетентности является проявление выпускником высшей школы познавательной, творческой и социальной активности, а также таких личностных качеств, как самостоятельность, инициативность, работоспособность, терпение, настойчивость, смелость, самообладание. Сформированная на высоком уровне аутопсихологическая компетентность предполагает активную позицию личности, развитие всех процессов «самости».

Таким образом, формирование аутопсихологической компетентности обучающихся не просто задает принципиально новые стратегии в педагогике, нацеленные на построение образовательного процесса, но и предоставляет большие возможности для реализации процессов саморазвития и творческой самореализации выпускника.

Библиографический список

1. Зимняя И.А. Ключевые компетенции – новая парадигма результатов образования // Высшее образование сегодня. 2003. № 5. С. 34–39.
2. Степанова Л.А. Сущностные характеристики аутопсихологической компетентности личности. М., 2000.
3. Егорова Т.Е. Формирование аутопсихологической компетентности в условиях групповой интенсивной подготовки: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1997.
4. Гусева А.С., Лешин В.В. Развитие аутопсихологических способностей личности: методы и технологии: учеб. пособие. М., 2000.
5. Шиманская Т.Л. Аутопсихологическая компетентность как условие саморазвития личности // Психолого-педагогические проблемы в целостном образовательном процессе: сб. науч. статей / под ред. Л.Н. Антиловой, В.Л. Малашенковой. Омск, 2006. С. 133–140.

Е.А. Grishina
The Structure of Student
Reflexive Activity in the Process
of Foreign Communicative
Culture Formation

The article highlights the problem of reflexive mechanisms in foreign communicative activity. The main stages of reflexive mechanisms formation are considered and the author's definition of the notion is given.

Key words and word-combinations: reflexive mechanisms, reflexive mechanisms deployment stages, foreign communicative activity.

Раскрывается проблема рефлексивных механизмов в иноязычной коммуникативной деятельности. Рассматриваются основные этапы становления рефлексивных механизмов, формулируется авторское определение этому понятию.

Ключевые слова и словосочетания: рефлексивные механизмы, этапы разворачивания рефлексивных механизмов, иноязычная коммуникативная деятельность.

УДК 378
ББК 74.58

Е.А. Гришина

СТРУКТУРА РЕФЛЕКСИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТУДЕНТОВ В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ ИНОЯЗЫЧНОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ КУЛЬТУРЫ

Иноязычная коммуникация – это не только общение людей, но и основанное на негласных коммуникативных законах взаимодействие разных мировоззренческих позиций, представлений о мире, культурных традиций. Важно, чтобы это взаимодействие проходило в форме диалога и ориентировалось на понимание субъектами друг друга, основу чего составляют язык и стиль общения участников.

Иноязычная коммуникативная культура является одним из важных аспектов базовой культуры личности, а изучение любого иностранного языка выступает мощным средством постижения культуры соответствующей страны. Иноязычная коммуникативная культура представляет собой совокупность знаний, умений, навыков в области средств общения и законов межличностного взаимодействия представителей различных культур, способствующих взаимопониманию и эффективному решению задач общения. Она развивает способности слушать и услышать, понять и признать мысль собеседника, оценить и сопоставить культурные ценности чужой культуры со своими, принять или отвергнуть их.

Вместе с тем пока еще не разработан оптимальный подход к развитию иноязычной коммуникативной культуры личности. Более того, несмотря на широкое использование понятий «коммуникативная культура», «иноязычная коммуникативная культура», «культура поведения», «культура мышления», нет единства в их понимании и далеко не всегда эти и подобные им понятия раскрываются достаточно полно.

С нашей точки зрения, иноязычная коммуникативная культура представляет собой сложную разновидность иноязычной речевой деятельности, суть которой заключается в такой организации студентом своего речевого поведения, которая способствовала бы созданию продуктивных форм иноязычного взаимодействия. Важно отметить, что процессы рефлексии имеют большое значение в анализе всех составляющих иноязычного общения, а предполагаемая модель общения включает не только участников, выступающих в различных ролях, ситуацию общения, но и текст как продукт диалогического общения.

Благодаря свойству рефлексивности индивид осознает, что наделен таким уникальным качеством, как способность сознать. В процессе культурной рефлексии, как полагают ученые, «обучающийся сможет прийти к осознанию себя в качестве культурно-исторического субъекта, субъекта диалога культур с многогрупповой принадлежностью» [1, с. 9].

Являясь многоаспектным явлением (в процессе жизнедеятельности личности рефлексия выступает, по меньшей мере, в четырех аспектах: кооперативном, коммуникативном, личностном и интеллектуальном), рефлексивность включается практически во все уровни осознаваемой психической активности и во многом определяет адаптацию личности к окружающей среде. Она представляет собой продукт, форму существования, необходимое условие и один из его основных механизмов сознания, проявляясь в нем в виде механизмов и форм произвольного контроля над процессами обработки информации, ее функционирования и критического анализа. Поступающая информация подвергается сравнению с моделью будущего, далее вырабатывается план действий, осуществляется управление своим поведением, направленным на решение задачи.

Рефлексия способствует переосмыслению человеком его связей и отношений с социально-предметным миром. «Акцент при этом делается на общении с другими людьми, обеспечивающем в этом случае более высокую форму объективной детерминации процессов активного овладения принятыми в обществе

нормами и средствами различных деятельностей» [2, с. 40]. Она выражается и в полноте построения новых образов себя, проявляющейся в саморегулировании собственных поступков, и в богатстве знаний о мире с их последующей реализацией в виде соответствующих действий.

В настоящее время разработка проблемы рефлексии ведется в трех направлениях:

- 1) исследование теоретического мышления (в философии, методологии науки и т.д.);
- 2) исследование самосознания личности (проблемы воспитания и самовоспитания);
- 3) исследование процессов коммуникации (понимание и координация действий участников общения).

Для нас наиболее значимо последнее направление, так как общение, и в том числе межкультурное, является эффективным, если оно основывается на эффективной рефлексии.

Именно рефлексия дает возможность осмыслить свои успехи и неудачи в общении, помогает пересмотреть стереотипы своего поведения, выяснить причины возникновения и условия их актуализации. Она выступает в качестве механизма развития и регуляции человеческой деятельности; в свою очередь, деятельность является предметом рефлексии. Следовательно, рефлексия рассматривается в качестве действия, направляемого представлением о результате, который в конечном счете должен быть достигнут; действия, служащего для корректировки настоящей деятельности, а также предназначенного для планирования перспективной деятельности. Рефлексия – это действие, направленное на выяснение оснований собственного способа осуществления активности.

Соотнесение категорий «рефлексия» и «деятельность» заставляет по-новому взглянуть на природу рефлексии и уровень организации этого явления по сравнению с другими психическими процессами и свойствами. Деятельностный подход к изучаемому явлению позволяет рассматривать рефлексию при познании своего внутреннего мира и при познании внешнего мира, в том числе и внутреннего мира других людей, как единую психологическую реальность – рефлексивное действие.

Речевое общение – это деятельность обучающегося в процессе освоения иноязычной коммуникативной культуры, которая может протекать как во внешней (практической) плоскости, так и во внутренней (мыследеятельностной, то есть рефлексивной) плоскости. С одной стороны, практическая деятельность лежит как бы «на поверхности» и представляет собой определенную совокупность и последовательность видимых действий. С другой стороны, «деятельность нашего интеллекта протекает внутри человеческого сознания, за пределами внешней плоскости и скрыта от непосредственного наблюдения» [3, с. 78]; ее невозможно увидеть «невооруженным» глазом, услышать, «попробовать» на вкус. Тем не менее человек постоянно сталкивается с результатами рефлексивной деятельности, так как их можно обнаружить и увидеть посредством реализации через практическую деятельность. Такая связь рефлексивной и практической деятельности позволяет «материализовать» результаты рефлексивной деятельности.

Материалом для исследования рефлексивной деятельности в процессе формирования иноязычной коммуникативной культуры и саморазвития личности служит живая речь, вербальное рассуждение при выполнении творческих задач, в котором в языковой форме процессуально, а не только результативно проявляется рефлексия.

Речь как особого рода символическая языковая действительность служит носителем не только общественного опыта, но также опыта каждого индивидуального человеческого «я». В этом своем качестве она выступает как один из наиболее выразительных способов не только социокультурной самореализации личности, но и сознания и проявления ее психосоматических состояний, данных в переживании. Соответственно, в вербальной форме человек может не только выражать уже сложившиеся интеллектуальные и личностные содержания своего «я», но и осуществлять их переосмысление, рефлексия, выступающую в виде одного из механизмов самоорганизации и саморазвития.

С одной стороны, при анализе дискурсивного мышления становится необходимым учет психологических форм проявления присущих речи лингвистических характеристик и закономерностей. Выявление особенностей их функционирования в процессе решения вслух творческих задач позволяет разработать критерии для определения устойчивых лексико-грамматических конструкций содержательных и смысловых высказываний, присущих вербальному рассуждению в условиях проблемно-конфликтных ситуаций. С другой стороны, необходимость учета социально-деятельностной обусловленности дискурсивного мышления привела к разработке методических средств его анализа через построение процедур логико-семантического и социально-нормативного определения тех интеллектуальных и личностных содержаний, актуализация и развитие которых объективно возможны для субъекта, оказавшегося в проблемно-конфликтной ситуации.

Решение задач, в том числе в речевой ситуации, – это прежде всего процесс интеллектуальной рефлексивной деятельности, а затем уже практической. Начинается он в сфере человеческого сознания, а завершается в практической плоскости. Из этого следуют важные дидактические условия раскрытия структуры рефлексивной деятельности. Во-первых, учебное задание (задача) является своего рода «дверцей» в рефлексивную область. Во-вторых, учебное задание (задача) обеспечивает возможность перехода в рефлексивную плоскость при условии принятия его учащимися для последующего выполнения (решения). В-третьих, учебное задание включает в себя деятельность по его выполнению в рефлексивной плоскости, а следовательно, отражает ее структуру. И, в-четвертых, раскрытие структуры рефлексивной деятельности может быть осуществлено путем раскрытия структуры процесса решения учебной задачи с учетом логики ее «перевода» из внешней во внутреннюю плоскость.

На основании изложенного рассмотрим структуру рефлексивной деятельности студентов в процессе формирования иноязычной коммуникативной культуры. Наиболее полно такая структура проявляется через решение творческой задачи в проблемно-конфликтной речевой ситуации.

Выполняя задание, студент производит с ним ряд последовательных рефлексивных действий, в совокупности составляющих деятельность.

1. Самоанализ – это совокупность действий, характеризующих интеллектуальную деятельность по сравнению предлагаемого в форме задания нового содержания и содержания, имеющегося у ученика в личном рефлексивном опыте (в наличии). Базовое знание здесь выступает основанием для освоения нового. Только преобразуя определенным образом задание, можно в конечном итоге извлечь из него новое содержание и таким образом присвоить его. Самоанализ осуществляется на нескольких этапах. «Рефлексивное освидетельствование» включает в себя первоначальное ознакомление с текстом задания (устным или письменным), фиксацию сознанием обучающихся всех несущих для него смысл информационных компонентов. «Рефлексивное классифицирование» выделенных информационных единиц, разделение их на две группы предполагает, что в первую группу помещаются все единицы, которые несут на себе определенную известную информацию и в совокупности называются термином «условие», а во вторую группу входят единицы, характеризующие указание на объект, требующий поиска. «Рефлексивная идентификация» заключается в соотношении выделенных структурных компонентов задания с собственным рефлексивным опытом. «Рефлексивная субъективация» полностью переводит учебное задание в субъектную плоскость. Здесь содержание задания, имеющееся у ученика в личном рефлексивном опыте, фиксируется в виде утверждений – «знаю», «умею», «владею».

Таким образом, структура учебного задания для исполнителя преобразуется и принимает вид «данное – искомое». На этом самоанализ заканчивается и начинается самооценка.

2. Самооценка – это совокупность действий по установлению «ситуации разрыва», на основе которой формулируется противоречие между личным уровнем знаний, умений и навыков исполнителя и требуемым их уровнем для выполнения учебного задания. Самооценка начинается с установления исполнителем типа соотношения между «данным» и «искомым». Эта несложная процедура быстро приводит к результату: «тип соотношения – несоответствие».

3. Самопроектирование – это деятельность по разработке обучающимся проекта разрешения имеющегося противоречия между «данным» и «искомым». Самопроектирование как компонент структуры рефлексивной деятельности состоит из нескольких этапов – более мелких процедур, его структурных составляющих. Сначала осуществляется «рефлексивная перекодировка», означающая перевод противоречивой структуры «данное – искомое» в задачную структуру. В этом случае задача понимается не как элемент процесса обучения, а как внутренняя установка исполнителя, нацеленная на решение учебной задачи. Далее на фоне внутренней мотивации исполнителя осуществляется «рефлексивная актуализация» структурных единиц задачи. С позиции «цели» она предусматривает, во-первых, конкретизацию и детализацию цели, движение ее в сторону развертывания в содержание и в соответствующую готовность исполнителя; во-вторых, смещение ее с поиска ответа на вопрос задачи на способ решения задачи, в результате реализации которого этот ответ будет получен.

«Рефлексивное конструирование» непосредственно направлено на разработку способа решения задачи. Здесь прежде всего на основании выделения структурно-логических связей между условиями устанавливается иерархия внутри и между ними.

4. После самопроектирования осуществляется самореализация. Она состоит из нескольких этапов. Отметим, что самореализация происходит в двух плоскостях – внутренней (рефлексивной) и внешней (практической). Протекание самореализации во внутренней плоскости можно охарактеризовать как рефлексивную активизацию, а во внешней плоскости – как презентацию. Происходящая «рефлексивная активизация» является реализацией способа решения задачи в виде выполнения в рефлексивной плоскости последовательности процедур, его составляющих. Здесь в логике развертывания способа решения задачи выделяется каждая процедура; производятся ее проговаривание «про себя», внутренний просмотр и выполнение в рефлексивной плоскости. Вместе с этим осуществляется перевод процедуры решения задачи во внешнюю, практическую плоскость.

5. Далее необходимо провести «самоконтроль», включающий в себя ряд процедур. Сначала осуществляется подстановка ответа задачи в структуру ее решения, в реализованный способ решения, и в таком виде происходит воспроизведение способа решения. В параллельно-последовательном режиме и в логике «внешнее – внутреннее» далее проходит рефлексивная проверка хода и результатов решения. Если решение произведено верно, то структура решения задачи в конечном итоге преобразуется в верное высказывание, что свидетельствует о правильности способа решения и полученного результата решения задачи. Если же при решении структура задачи не преобразуется в верное высказывание, то в рефлексивной плоскости срабатывает еще одна процедура – рефлексивная корректировка, выполняющая контрольно-регулирующую функцию, способствующую поиску ошибки при решении задачи, ее устранению и приведению задачи к структуре истинного высказывания.

В результате верного решения задачи ее цель оказывается достигнутой, а личностный образовательный продукт присваивается исполнителем и пополняет личностный рефлексивный опыт, включается в его контекст и соединяется с предыдущим опытом.

Таким образом, рефлексивная деятельность в процессе решения проблемной задачи в речевой ситуации обязательно оборачивается личностной рефлексией, оказывающей формирующее влияние на субъект, участвующий в иноязычном общении. В его рефлексивной плоскости происходит процесс порождения новообразований и самоформирование личности.

Библиографический список

1. Сысоев П.В. Языковое поликультурное образование: что это такое? // Иностр. языки в школе. 2006. № 4.
2. Карпов А.В. Психология рефлексивных механизмов деятельности. М., 2004.
3. Уман А.И., Федорова М.А. Структура рефлексивной деятельности учащихся в процессе учения // Инновации в образовании. 2009. № 1.

K.S. Kuznetsova
The Analysis of the Essence
of Pedagogical Support
in a Series of Paired Concepts
of Humanistic Pedagogy

The place of the pedagogical support in a series of similar categories of pedagogical assistance, help, protection, influence, interaction, provision, and collaboration is considered. Author's definition of the key concept "pedagogical support" is presented.

Key words and word-combinations: pedagogical support, assistance, help, protection, influence, interaction, provision, collaboration.

Рассматривается место педагогического сопровождения в ряду близких категорий – педагогической поддержки, помощи, защиты, воздействия, взаимодействия, обеспечения, содействия. Дается авторское определение ключевого понятия «педагогическое сопровождение».

Ключевые слова и словосочетания: педагогическое сопровождение, поддержка, помощь, защита, воздействие, взаимодействие, обеспечение, содействие.

УДК 371.4
 ББК 74.200

К.С. Кузнецова

АНАЛИЗ СУЩНОСТИ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ В РЯДУ СОПРЯЖЕННЫХ ПОНЯТИЙ ГУМАНИСТИЧЕСКОЙ ПЕДАГОГИКИ

Концепция педагогического сопровождения как одного из направлений оказания помощи учащимся начала разрабатываться в России с середины 1990-х годов, когда наблюдался всплеск внимания к проблеме гуманизации образования, центрированной на развитии личности ребенка.

Интегрированное понимание педагогического сопровождения предполагает, что речь идет о деятельности, направленной на решение индивидуальных проблем ребенка, сохранение и укрепление его здоровья, защиту прав и интересов, а также на успешное продвижение в обучении и жизненное самоопределение. Сопровождение основано на внутренней свободе, творчестве, демократизме и гуманизме взаимоотношений взрослого и ребенка. Эти принципы требуется реализовывать и в процессе образования, и в семейном воспитании детей.

В научной педагогической литературе наряду с сопровождением было выделено несколько близких по смыслу концепций, ответвившихся от общей гуманистической парадигмы. К ним относятся: педагогическая поддержка, педагогическая помощь, педагогическое содействие, педагогическая защита. Кроме того, были разработаны принципы педагогического обеспечения, анализировались явления педагогического воздействия и взаимодействия. На наш взгляд, названные под-

ходы близки концепту педагогического сопровождения, сопряжены с ним, хотя и имеют отличия.

Рассмотрим, какое место занимает педагогическое сопровождение в ряду сопряженных понятий современной педагогики.

Педагогическая поддержка представляет собой процесс совместного с ребенком определения его собственных интересов, целей и путей преодоления препятствий (проблем), мешающих ему сохранить свое человеческое достоинство и самостоятельно достичь желаемых результатов в обучении, самовоспитании, общении, образе жизни [1]. Поддержка предусматривает особую деятельность педагога, возможную только при наличии у него гуманистической позиции и полного доверия ребенку. Вторым обязательным условием выступает достаточная самоорганизация ребенка, без нее попытки педагога организовать ситуацию педагогической поддержки часто оказываются неудачными или мнимыми в реальной образовательной практике.

В реализации педагогической поддержки имеются два основных процесса: социализация и индивидуализация. Социализация способствует усвоению ребенком принятых в обществе ценностей, норм, способов поведения и деятельности (формирование в растущем человеке социально-типичного), а индивидуализация – становлению его индивидуальности (развитие индивидуально-неповторимого в конкретном человеке). Предполагается, что личность развивается наиболее успешно лишь в сочетании двух этих сущностно различных процессов.

Педагогическая поддержка особенно необходима тогда, когда требуется прийти на помощь ребенку в критических ситуациях. Она предполагает защиту его от неблагоприятных социальных воздействий или психологического стресса, создание условий для самостоятельного противостояния негативным влияниям.

Педагогическое сопровождение отличается от поддержки *увеличением способности детей самостоятельно разрешать свои учебные и личностные проблемы, а также уменьшением степени вмешательства взрослого в процесс индивидуального образования учащегося*. Педагогическая поддержка, наряду с сопровождением, в своей основе противоположна педагогике воздействия, опирающейся на наказание, принуждение, нетерпимость к недостаткам и ошибкам, внушение, публичную проработку, вызов родителей, манипулирование мнением друзей ребенка, требование беспрекословного повиновения. Результатом последней является отчуждение детей, замыкание их в своих проблемах, возникновение барьера.

Педагогическая помощь, в отличие от поддержки, детализирована и предоставляется по направлениям: помощь детям с отклонениями в физическом и психическом развитии, помощь в решении социальных проблем детей и подростков, помощь отдельным категориям учащихся [2]. В концепции индивидуальной педагогической помощи большое внимание уделяется процессу социализации, то есть адаптации индивида в социуме, усвоению им определенной системы ценностей, обретению собственного социального опыта и активного саморазвития личности [3].

Под индивидуальной помощью понимается процесс содействия человеку в решении проблем, а также создание специальных ситуаций, при которых осу-

ществляется его позитивное самораскрытие, повышение статуса, самоуважения и самопринятия. Подобная помощь направлена на приобретение ребенком знаний, установок и умений, необходимых для удовлетворения позитивных потребностей и интересов, как собственных, так и других людей. Педагог стремится помочь в осознании, а в некоторых случаях и в изменении ребенком своих ценностей и установок, в развитии его самосознания, в самоопределении, самореализации, коррекции самооценок, в совершенствовании понимания и восприимчивости по отношению к себе и другим, а также к индивидуальным, групповым и социальным проблемам. Индивидуальная помощь подразумевает развитие у ребенка чувства причастности к семье, группе, социуму, стимулирует выработку стратегий адаптации и обособления в социуме.

В отличие от педагогического сопровождения *помощь применяется в том случае, если ребенок в целом может справиться с проблемной ситуацией, но встречается с некоторым затруднением*. Практическая помощь со стороны педагога – это демонстрация способов и приемов разрешения ситуаций. В отличие от помощи *сопровождение предусматривает комплекс мер пролонгированного присутствия в жизни школьников, а не разовых ситуаций помощи в затруднительных ситуациях* [4].

Педагогическое взаимодействие выражается во взаимной деятельности учащихся и педагогов, направленной на совместное выполнение каждым из них своих функций. В таком контексте участники образовательного процесса становятся партнерами.

Педагогическое взаимодействие осуществляется через непосредственные контакты: в общении, совместном решении учебных задач, а также во взаимном содействии друг другу. Роль педагога заключается в создании условий, при которых ребенок может удовлетворить свои душевные, духовные и образовательные потребности. Взаимодействие предполагает отказ от руководства образованием учащихся и приближение к сопровождению данного процесса [5].

Идея педагогического взаимодействия возникла как противопоставление концепции воздействия. Последнее связано с достижением позитивных изменений средствами спланированного влияния, запрограммированных шагов, движения в заданном направлении, преодоления барьеров. *Концепция педагогического сопровождения прежде всего предполагает педагогическое взаимодействие*.

Явление педагогического содействия объединяет понятия «помощь» и «взаимодействие». Педагогическое содействие следует трактовать как особый вид взаимодействия обучающего и обучаемого, которое направлено на формирование творческих способностей детей, оказание помощи в их самовыражении, а также обеспечивает необходимые условия для самостоятельного создания учащимся нового, оригинального продукта. Учитель в данном процессе выступает в роли наставника, подвижника, помощника [5]. Содействие – это целая система необходимой, адресной и целесообразной помощи школьникам в осуществлении значимой для них деятельности. *Данное явление центрировано непосредственно на получении результата, продукта самореализации ребенка, оно сильнее конкретизировано в отличие от понятия педагогического сопровождения, являющегося более широким и обобщенным*.

Термин «педагогическое обеспечение» – один из самых современных. Под педагогическим обеспечением понимается совокупность факторов и условий, которые создаются с помощью специальных педагогических форм, методов, процедур и приемов (технологий) [6]. Суть обеспечения заключается не в целенаправленном воздействии на отдельную личность или класс (группу, коллектив), а в оказании влияния на ситуации, ценности, деятельность, общение и отношения, которые осваиваются учеником и учителем в процессе выбора, исследования и преобразования [7].

На наш взгляд, педагогическое обеспечение – категория иного порядка по сравнению с сопровождением. Педагогическое сопровождение характеризует личные отношения субъектов образовательного процесса, их направленность на решение проблемы или контроль ситуации. Обеспечение же – *это регулирование ситуации, опосредующей взаимодействие педагога и учащихся педагогическими средствами и технологиями.*

Еще одно понятие, возникшее в русле гуманистической педагогики, – «педагогическая защита». Защита используется в том случае, когда в результате чьих-то действий учащийся становится жертвой обстоятельств, находится в ситуации, при которой его активность блокирована извне или заранее кем-то оценивается как неудачная [8]. Следовательно, защита – это разовые, возникающие по необходимости действия, предотвращающие дальнейшее развитие проблем школьника, выправляющие ситуацию. Основным отличием защиты от упомянутых подходов, в частности от педагогического сопровождения, является то, что она *требуется в обстоятельствах неуспешности учащегося, когда отсутствует деятельность, целенаправленно помогающая ему преодолеть возникший барьер.*

Приведенные рассуждения показывают, что педагогическое сопровождение имеет много точек пересечения с другими категориями гуманистической педагогики. Так же как поддержка, сопровождение – длительный процесс, ориентированный на целостное развитие личности школьника. Так же как взаимодействие, сопровождение предусматривает гуманистическую межличностную основу общения педагогов и учащихся. Вместе с обеспечением сопровождение использует педагогические средства для создания контекста обучения и семейного воспитания.

Сопровождение предусматривает прежде всего создание условий, благоприятно влияющих на развитие школьника. Оно является совокупностью мер длительного содействия развитию, ненавязчиво и акцентирует самостоятельность детей. Благодаря контексту, образованному участием школы, семьи, учреждений дополнительного образования, в процессе педагогического сопровождения дети по необходимости могут получить и помощь, и защиту, и поддержку. На наш взгляд, сопровождение – наиболее емкая категория из близких по значению к ней.

На основе проведенного анализа предлагаем следующее определение ключевого понятия «педагогическое сопровождение». Педагогическое сопровождение – это совокупность мер, направленных на создание позитивного контекста актуального и перспективного развития ребенка. Оно заключается в содействии педагогов процессу приобретения ребенком знаний, умений или навыков, развитию желаемых качеств.

С учетом изложенных рассуждений можно сделать вывод, что сущность педагогического сопровождения, а также рассмотренных категорий гуманисти-

ческой педагогики заключается прежде всего в создании необходимых условий и возможностей для развития детей, атмосферы физической и психологической безопасности учащихся, обеспечения их интересов и успешного индивидуально-личностного развития.

Библиографический список

1. Газман О.С. Педагогическая поддержка детей в образовании как инновационная проблема // Новые ценности образования: десять концепций и эссе. 1995. № 3.
2. Сенченко Н.А. Социально-педагогическая помощь старшеклассникам – представителям юношеских субкультур. URL: <http://altruism.ru/sengine.cgi/5/28/12>
3. Мудрик А.В. Социальная педагогика: учеб. для студ. пед. вузов / под ред. В.А. Сластенина. М., 2000.
4. Александрова Е.А. Виды педагогической поддержки и сопровождения индивидуального образования. URL: http://www.isiksp.ru/library/aleksandrova_ea/aleks-000001.html
5. Сериков Г.Н. Образование и развитие человека. М., 2002.
6. Игнатова В.В. Педагогические факторы духовно-творческого становления личности в образовательном процессе. Красноярск, 2000.
7. Филиппова Н.М. Педагогическое обеспечение общественной самоорганизации учащейся молодежи: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Кострома, 2007.
8. Михайлова Н.Н., Юсфин С.М. Педагогика поддержки: учеб.-метод. пособие. М., 2001.

D.I. Prisyazhnyuk
The Role of Medical Associations
in the Process of Collective
Mobilization of the Medical
Community

The problems of formation and development of medical associations are analyzed, and the dynamics of their functions and forms of interaction with the medical community and the government is studied. The role of medical associations in protecting the interests of the medical community is shown.

Key words and word-combinations:
medical association, medical profession, professional self-regulation.

Анализируются проблемы становления и развития врачебных сообществ, исследуется динамика их функций и форм взаимодействия с медицинским сообществом и государством. Показана роль медицинских ассоциаций в защите интересов врачебного сообщества.

Ключевые слова и словосочетания: медицинская ассоциация, профессия врача, профессиональная саморегуляция.

УДК 316.3;316.35
ББК 60.5

Д.И. Присяжнюк

РОЛЬ МЕДИЦИНСКИХ АССОЦИАЦИЙ В ПРОЦЕССЕ КОЛЛЕКТИВНОЙ МОБИЛИЗАЦИИ ВРАЧЕБНОГО СООБЩЕСТВА

Высокая степень доверия к профессионалам со стороны общественности является необходимым условием для поддержания профессиональной автономии. В такой ситуации государство оказывает поддержку и обеспечивает профессию необходимыми ресурсами для реализации общественно значимых целей. Медицинские ассоциации принимают уча-

стие в выборе векторов развития здравоохранения, при этом они отражают интересы не только своей профессиональной группы, но и общества в целом [1, с. 17]. Это становится возможным в ситуации, когда профессия, обладая монополией на специализированное знание, обретает профессиональную автономию – независимость от внешних форм контроля.

В социальном государстве медицинские ассоциации стремятся оправдать и легитимировать самостоятельный контроль над системой здравоохранения в терминах более эффективного мониторинга деятельности врачебного сообщества по причинам того, что медицинская практика чрезвычайно специфична и сложно поддается стандартизации. Государственный контроль над здравоохранением, выраженный во внешнем мониторинге системы, нередко оказывается неэффективным и приводит к усилению коррумпированности медицинской практики.

Медицинским ассоциациям многих европейских стран (Германия, Великобритания) до недавнего времени удавалось убедить государство и общественность в успехе реализации профессионального контроля над медицинской практикой [2, с. 472–479]. В условиях новых реформ, усиления мониторинга медицинской деятельности со стороны государства и рынка, европейские врачебные объединения продолжают оставаться реальной силой, способной включаться в борьбу за отстаивание корпоративных интересов и обеспечивать профессиональную группу необходимыми ресурсами [3, с. 403–404]. Европейские медицинские ассоциации сохраняют за собой право осуществлять саморегуляцию медицинской деятельности. Они самостоятельно реализуют практику социального закрытия профессии – контроля на вход в профессиональную группу посредством своего участия в процедурах лицензирования, сертификации и повышения квалификации врачей. Европейские объединения врачей не только контролируют, но и поддерживают позитивный имидж и авторитет профессии, что позволяет им сохранять статус-кво и высокую степень независимости от государственных и рыночных агентов [4].

Применительно к российской действительности ключевой вопрос исследования может быть сформулирован, на наш взгляд, следующим образом: готовы ли отечественные медицинские ассоциации выступить в качестве агента саморегуляции профессиональной деятельности? Для ответа на него требуется оценка деятельности российских медицинских ассоциаций, их роли в защите интересов врачебного сообщества.

Акцент поставлен нами на анализе развития врачебных сообществ, их функций и форм взаимодействия с медицинским сообществом и государством. Анализ степени консолидации медицинского сообщества и роли медицинских ассоциаций в данном процессе на макроуровне осуществляется на основе массового опроса врачей «Престиж профессии врача в российском обществе» (НИУ ВШЭ, 2011, N=120). Выявление микроуровневых стратегий коллективной мобилизации медицинского сообщества производится по данным, полученным в ходе глубинных интервью с врачами муниципальных поликлиник (2008–2011 гг., 40 интервью, г. Саратов) и представителями медицинских ассоциаций (2012 г., 6 интервью, г. Саратов и Москва).

Деятельность российских медицинских ассоциаций в настоящее время регламентируется рядом нормативных актов. Основы законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан [5] в ч. 2 ст. 62 формулируют основные полномочия медицинских ассоциаций, связанные с участием в разработке норм этики, стандартов оказания медицинской помощи, тарифов на медицинские услуги. Орган, с которым им приходится сотрудничать в этой сфере, – это аппарат государственной власти в сфере охраны здоровья (ст. 5). На практике совещательные функции медицинских ассоциаций являются ограниченными. Так, Национальная медицинская палата в течение 2011 г. безрезультатно обращалась к государству с предложением изменить тарифы ОМС.

На основании приказа «О порядке допуска к осуществлению профессиональной (медицинской и фармацевтической) деятельности» [6] медицинские ассоциации могли самостоятельно организовывать курсы повышения квалификации: «Комиссии создаются при профессиональных медицинских и фармацевтических ассоциациях. В состав комиссии входят ведущие специалисты здравоохранения и медицинской науки ... учреждения или профессиональной медицинской или фармацевтической ассоциации». Изменения в нормативные акты были внесены в 2011 г. с выходом приказа Министерства здравоохранения и социального развития РФ о порядке получения квалификационных категорий медицинскими и фармацевтическими работниками [7], который включает чиновников в комиссии по оценке квалификации врачей. Однако на практике курсы повышения квалификации проходят без непосредственного участия работников органов управления здравоохранения.

Данные глубинных интервью свидетельствуют, что врачи поликлиник понимают клятву Гиппократова в качестве источника этических норм. Однако она не является официальным документом и содержит абстрактные предписания, затрудняющие решение этических дилемм в повседневной медицинской практике. Первый профессиональный этический кодекс в Российской Федерации был утвержден 4-й конференцией Ассоциации врачей в ноябре 1994 г. [8]. В настоящее время у отечественных медицинских работников не существует единого этического кодекса, и каждая медицинская ассоциация формулирует свой свод норм, согласно которому персонал обязуется организовывать врачебную практику: *«А у нас нет единого кодекса этики. У каждой организации, ассоциации он свой. А единого нет»* (муж., 65 лет., Москва, 2012, председатель Кокрановского движения врачей доказательной медицины).

В современной России отсутствует официальная статистика, свидетельствующая о количестве профессиональных медицинских объединений. В связи с этим нами проанализирована деятельность наиболее статусных врачебных обществ, характеризующихся высокой степенью публичной активности.

Приведем типологию врачебных ассоциаций, построенную на основании целей их создания и выполняемых функций.

1. *Медицинские профсоюзы, отстаивающие социально-экономические интересы работников системы здравоохранения (например, профсоюз работников здравоохранения).*

В отличие от немецких профсоюзов, обладающих широкими возможностями защищать интересы медиков [9, с. 99], профсоюзы в России имеют ограниченные способности отслеживать и поддерживать запросы со стороны медицинского сообщества. Защита интересов профессионалов усложняется ориентацией таких организаций на защиту всех работников системы здравоохранения, а не только практикующих врачей. С другой стороны, в отчет о деятельности профсоюза попадают свидетельства о защите экономических интересов только профессионалов-медиков, среднего медицинского персонала или студентов. Из годовых отчетов, подготовленных профсоюзом, остается непонятно, каким образом проводится работа с другими группами работников немедицинских специализаций и проводится ли она вообще.

2. Медицинские общества (например, Общество аллергологов и клинических иммунологов, Общество эндокринологов), созданные для обсуждения актуальных вопросов конкретных специальностей.

Это наиболее часто организуемая форма медицинских ассоциаций с широкой сетью специализаций и региональных представительств. Руководящие должности в данного типа медицинских объединениях заняты ведущими специалистами, обычно заведующими соответствующих кафедр. Врачи вступают в медицинские общества через установившиеся социальные сети: *«Фактически все те врачи, которые у нас учились, которые получали специализацию по аллергологии и иммунологии – они к нам регулярно приходят»* (жен., 65 лет, Саратов, 2012, председатель Общества клинической аллергологии и иммунологии). Функции таких обществ заключаются в помощи профессионалам в практической деятельности и решении сугубо медицинских задач – обсуждение диагностики сложных случаев и выбор лечения. Медицинские общества данного типа широко распространены в Германии; они называются «кружками качества», а не медицинскими ассоциациями и представляют собой инициированные «снизу» объединения врачей [10, с. 408]. Российские профессиональные объединения врачей по специальностям получают недостаточно широкое распространение в медицинском сообществе: об их существовании известно 45,9% респондентам-врачам (НИУ ВШЭ, 2011).

3. Медицинские ассоциации, отстаивающие необходимость активного участия медицинского сообщества в определении главных целей, направлений и стратегии реформирования национальной системы здравоохранения.

В рамках этого направления ассоциации призваны консолидировать медицинское сообщество, создать условия для саморегуляции медицинской профессии и повышения ее престижа в обществе. Достижение этих целей обеспечивается при помощи диалога с государством. Сегодня в России существует три медицинские ассоциации (Российская медицинская ассоциация, Российское медицинское общество, Национальная медицинская палата), которые объявляют это как основную цель своей работы. В настоящее время такая деятельность не имеет широкого общественного резонанса: *«Я считаю, что это прогрессивная политика, несомненно, идея хороша. Но только пока мало что получается сделать в этом направлении»* (муж., 65 лет., Москва, 2012, председатель Кокрановского движения врачей доказательной медицины). Профессиональ-

ные объединения врачей, выступающие за внедрение практики саморегуляции, слабо известны российским врачам. Только 12,3% респондентов-врачей слышали о существовании одного из крупнейших объединений – Пироговском движении (НИУ ВШЭ, 2011).

Медицинские профсоюзы и врачебные общества по специальностям значительно более известны по сравнению с медицинскими ассоциациями, деятельность которых направлена на внедрение саморегуляции врачебной деятельности. Это напрямую связано с особыми запросами врачей к профессиональным объединениям, направленными на улучшение материального положения (25,4%) и возможность профессионального роста (26,2%). Значимость потребностей по усилению саморегулирования профессиональной деятельностью значительно ниже (10,7%) у современных врачей (НИУ ВШЭ, 2011).

Представители медицинских ассоциаций говорят о других медицинских объединениях в терминах взаимодействия: *«Мы очень активно работаем вместе с ассоциацией ... и иногда проводим и совместные заседания»* (жен., 65 лет, Саратов, 2012, председатель Общества клинической аллергологии и иммунологии). Однако такое взаимодействие возникает на уровне председателей ассоциаций, а рядовые члены обществ реже включаются в данную практику. Суть партнерства между медицинскими ассоциациями заключается в практической помощи в процессе лечения, а не в защите корпоративных интересов медиков.

Конкуренция прослеживается, когда переносится фокус внимания с конкуренции во взглядах на конкуренцию за ресурсы. Суть в том, что три крупнейшие медицинские ассоциации (Российская медицинская ассоциация, Российское медицинское общество, Национальная медицинская палата), преследующие схожие цели по утверждению саморегуляции медицинской деятельности, не объединяются в единую метаассоциацию, несмотря на то, что это облегчило бы достижение корпоративных целей. Создание единой ассоциации невыгодно руководителям сформировавшихся медицинских объединений, которые рискуют потерять самостоятельный контроль над получением и распределением ресурсов.

Российское медицинское сообщество не сформулировало единого мнения относительно саморегуляции профессиональной деятельности. Рядовые врачи скептически относятся к самой идее, что медицинское сообщество способно инициировать изменения и влиять на ход реформ в системе здравоохранения, что отмечается 37,7% респондентов-врачей (НИУ ВШЭ, 2011).

В ходе исследования нами были выделены идеологии по вопросу внедрения практики саморегуляции.

Согласно первой из них данная практика рассматривается как неотъемлемый элемент дальнейшего реформирования здравоохранения, а медицинское сообщество готово взять на себя функции по саморегуляции своей деятельности.

Вторая идеология поддерживает саму идею о саморегуляции, но с опасением относится к результатам реализации этой практики в настоящий момент.

Третья идеология выступает за ограничение границ саморегуляции созданием комиссий по защите медицинского сообщества и внедрением практики страхования врачей от ошибок.

Четвертая идеология, родившаяся из дискурс-анализа публикаций в российских СМИ, отказывается от самой идеи саморегуляции и поддерживает сохранение государственного контроля над системой здравоохранения.

Степень консолидированности медицинского сообщества и субъективное ощущение единства различаются на макро- и микроуровнях. По данным опроса 2011 г. в регионах России, врачи чаще воспринимают коллег как членов единого профессионального сообщества на уровне одного учреждения (82,8%), чем на уровне города (68%) и на уровне страны (41,8%). Во многом это связано со слабостью контактов врачей за пределами медицинского учреждения. Создание медицинских сетей возможно благодаря деятельности врачебных ассоциаций, которые должны повышать степень консолидации своих членов, но на практике данная стратегия реализуется слабо.

Неовеберовская парадигма социологии профессий дает возможность посмотреть на медицинское сообщество, как на активных консолидированных акторов, которые взаимодействуют с государством и обществом, отстаивая свои профессиональные интересы. Так, в европейских государствах профессиональные медицинские ассоциации выступают институтом, который с высокой степенью независимости от государства и рынка обеспечивает допуск в профессию при помощи инструментов лицензирования, сертификации и оценки квалификации врачей; осуществляет поддержку страхования деятельности медиков и защиту их профессиональных интересов.

Медицинские профсоюзы в настоящее время уделяют особое внимание решению социально-экономических проблем профессиональной группы. Появляются первые ассоциации, которые пытаются открыто взаимодействовать с государством по вопросам включения профессионального сообщества врачей в процессы обсуждения векторов реформирования системы здравоохранения и получения полномочий для саморегуляции медицинской деятельности, но в настоящее время их интересы не поддерживаются государственными структурами.

В отличие от зарубежных, российские медицинские ассоциации сегодня представляют собой объединения профессионалов, которые пытаются решить разные задачи, слабо взаимодействуя между собой. Медицинское сообщество не имеет единого этического кодекса и неоднозначно относится к самой идее саморегуляции. Отсутствие единства внутри профессионального сообщества свидетельствует о слабом потенциале медицинских ассоциаций воспроизведения практики саморегуляции врачебной деятельности.

Библиографический список

1. Мерсиянова И.В., Чешкова А.Ф., Краснопольская И.И. Самоорганизация и проблемы формирования профессиональных сообществ в России / Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М., 2011.
2. Noordegraaf M. Remaking Professionals? How Associations and Professional Education Connect Professionalism and Organizations // *Current Sociology*. 2011. Vol. 59, № 4. P. 465–488.
3. Kirkpatrick I. Introduction: Professions and Organizations – a Conceptual Framework // *Sociology*. 2011. Vol. 59, № 4. P. 389–405.

4. *Сакс М., Олсон Дж.* Социология профессий: государство, медицина и рынок в Великобритании. URL: www.eecsoman.edu.ru/db/msg/30074.html
5. Основы законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан от 22 июля 1993 г. № 5487-1 // Ведомости съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. 1993. № 33. Ст. 1318.
6. Об утверждении Положения «О порядке допуска к осуществлению профессиональной (медицинской и фармацевтической) деятельности»: приказ Министерства здравоохранения и медицинской промышленности Российской Федерации от 19 дек. 1994 г. № 286. М., 1994.
7. О порядке получения квалификационных категорий медицинскими и фармацевтическими работниками: приложение к приказу Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации от 25 июля 2011 г. № 808 [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
8. Врачебный кодекс этики: [официальный сайт Российской медицинской ассоциации]. URL: <http://www.rmass.ru/publ/info/kodex>
9. *Busse R., Riesberg A.* Healthcare systems in transitions – Germany. European Observatory on Health Systems and Policies. Copenhagen, 2004. Vol. 6, № 9.
10. *Халий И.А.* Профессиональная самоорганизация в виртуальном пространстве: работники скорой медицинской помощи в поисках солидарности // Россия реформирующаяся: ежегодник / отв. ред. М.К. Горшков. М., 2008. Вып. 7.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ РОССИИ

Yu.K. Usynin, L.S. Yakovlev
The Experience of Stolypin's
Reform in the Conceptualization
of the Modern Agrarian Policy

The system of the state agrarian policy objectives is presented in direct relation to the social structure of rural population. The problem of finding some ways to integrate the population in the implementation of reforms is stated.

Key words and word-combinations: management of social development, modernization, social activity, civil society.

Система целей государственной аграрной политики представлена в непосредственной связи с социальной структурой сельского населения. Ставится проблема путей интегрирования населения в реализацию реформ.

Ключевые слова и словосочетания: управление социальным развитием, модернизация, социальная активность, гражданское общество.

УДК 316.334.2:338.24
ББК 60.561.2+65.050

Ю.К. Усынин, Л.С. Яковлев

ОПЫТ СТОЛЫПИНСКОЙ РЕФОРМЫ В КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ АГРАРНОЙ ПОЛИТИКИ

Концептуализация эффективной аграрной политики – важная задача для любой страны. Для России она обусловлена сложностью реализации логики перехода от индустриального общества к последующей стадии развития, когда устоявшиеся в индустриальную эпоху схемы взаимодействия секторов экономики пересматриваются существенным образом.

Со второй половины XIX столетия и вплоть до 70–80-х годов XX в. общепринятыми были представления о зависимости аграрного сектора от промышленного, его организационно-технической отсталости, безусловной необходимости индустриализации сельского хозяйства. Сегодня, в условиях кастомизации и маркетинговой ориентации индустриального производства, эти установки становятся сомнительными. Теперь, как считается, полагаться на автоматическое действие эффектов масштаба, универсализации, унификации

нельзя, и сельское хозяйство должно интегрироваться в новую, сетевую экономику, с необходимостью воспринимая постиндустриальные схемы социальных и экономических отношений.

В России, помимо общих для всех развитых стран закономерностей, приходится принимать во внимание проблемы, связанные с национальной спецификой социально-экономического развития. В частности, сельское хозяйство страны пережило масштабный социалистический эксперимент, в ходе которого в существенной мере были оборваны традиционные связи, разрушены механизмы формирования мотивации трудовой активности. Отказ от советского наследия также был осуществлен отнюдь не в оптимальных формах, и на ранее возникшие проблемы наложился новые, связанные с ценовыми диспропорциями, технологическим отставанием, дефицитом инвестиций.

Вопрос о том, в какой мере правомерно использовать опыт аграрных столыпинских преобразований столетней давности в современных условиях, отнюдь не предполагает однозначного ответа. Разумеется, механически перенести в сегодняшний день схемы, разработанные П.А. Столыпиным, невозможно и бессмысленно. Еще меньше смысла в поиске аналогий, как это иногда имеет место при попытках «использовать опыт истории». На самом деле в истории никогда и ничто не повторяется, да и не следует недооценивать прогресс научного знания в областях теории менеджмента, социологии, политологии. Но, как в своем выступлении 1918 г. в Мюнхенском университете замечал М. Вебер, [1, с. 707–735], если в отношении инструментальных ценностей принципиальной ошибкой было бы игнорировать современное научное знание, в ситуации выбора ценностей терминальных наука ничем помочь не может. В связи с этим важным оказывается обращение к опыту практической политики – разумеется, опять-таки не ради бездумного повторения, а чтобы соотнести, как для нашего случая, текущую ситуацию с положением в конце первого десятилетия XX в., выявить логику подходов к решению тогдашних проблем и попытаться проверить эффективность той системы ценностей, которой руководствовался П.А. Столыпин, в современной ситуации.

Прежде всего необходимо определить круг проблем, в отношении которых намеченный нами подход будет реализован.

В качестве ключевых, от решения которых зависит модель аграрной политики в целом, полагаем правильным выделить вопросы, связанные с государственным регулированием процессов становления новой модели субъектности в агроэкономике: складывание структуры современного агробизнеса, формы государственной поддержки села, механизмы инновационного развития. Частным, но в высшей степени показательным является вопрос о возможных эффектах для аграрного сектора последствий вхождения России в ВТО.

Рациональная структура агробизнеса, если следовать за текущими практиками, демонстрирует очевидную тенденцию к выживанию, в первую очередь крупных хозяйств. Попытки поддержки фермерского движения в виде ряда государственных или даже международных проектов не привели к возникновению действительно массового мелкого и среднего товаропроизводителя на селе. Если подходить к этой ситуации с позиций, которыми руководствуются многие

практики, полагающие, что клуб «Агро-300» определяет сегодня ситуацию в сельском хозяйстве России, то следует заключить, что агрохолдинги должны поглотить мелкие хозяйства, используя их трудовые ресурсы в качестве наемных рабочих. «Прагматически» мыслящая власть в этой схеме должна агрохолдинги поддерживать, поскольку они наиболее успешно могут обеспечить страну продовольствием и сырьем.

Об опасностях, связанных с таким пониманием ситуации, писал еще в середине прошлого десятилетия В. Узун [2]. Применительно к этому и стоит вспомнить П.А. Столыпина. Для него целью аграрной реформы был не только рост объемов производства, но и оптимизация социальной структуры сельского населения.

Конечно, за минувшее столетие значимость этого показателя в целом существенно изменилась. Своего максимального показателя численность сельского населения в границах современной России достигла в 1926 г. (76 млн чел.), с тех пор оно постоянно уменьшалось в результате миграционной, а с начала 1990-х годов и естественной убыли, составив в начале XXI в. 38,8 млн человек [3]. Тем не менее, хотя в настоящее время жители села составляют и не большинство населения, как во времена П.А. Столыпина, но все же довольно значительную его часть. К тому же, как и столетие назад, социальная структура села определяет логику развития его производственного потенциала. Возможно, с точки зрения сиюминутных интересов в современной России и было бы выгодно создание латифундий с превращением крестьян в пеонов типа парагвайских гуарани середины XIX в., обосновываемое тем, что, отученные социализмом от предприимчивости, они не способны строить собственные хозяйства. Но с такой структурой вряд ли можно ожидать адаптации к новым технологиям, интеграции отечественного села в цивилизованный рынок.

Осуществляя реформу 1911 г., П.А. Столыпин тоже многим рисковал и жертвовал: переселенческая политика, в частности, естественно предполагала временное снижение объемов производства уже в силу того, что люди должны были обустраиваться на новом месте. Стоило ли платить эту цену, с учетом того, какое значение в дальнейшем не раз сыграл сибирский хлеб в судьбе России, – вопрос с однозначным ответом: безусловно, стоило.

Сложившаяся социальная стратификация современного российского общества не позволяет включить население в софинансирование социальных реформ в области здравоохранения, образования, ЖКХ, без чего будущее реформ остается весьма проблематичным. Вряд ли оправданно рассчитывать на определенный рост рынка потребления, при нынешних объемах которого невозможен быстрый рост экономики, соответственно проблематична и задача удвоения ВВП в ранее обозначенные сроки. Чрезвычайно оптимистично ожидать в ближайшем будущем изменение структуры формирования доходной части бюджетов различного уровня (в смысле увеличения доли участия населения) и появления устойчивых институтов гражданского общества.

Изложенное относится к ситуации по стране в целом, но для села – в наибольшей степени.

Значительная часть сельского населения современной России выживает за

счет интеграции в социальные сети взаимоподдержки. Незначительные по абсолютному размеру пенсии оказываются для ряда семей основным источником наличности. Высокий уровень скрытой безработицы. Данные о существенном вкладе, вносимом подсобными хозяйствами в общий объем производства картофеля, овощей, следует трезво оценивать. В условиях неизбежного, вследствие смены форм собственности, спада производства и реорганизации рынков приусадебные участки в 1990-е годы обеспечивали выживание крестьянства. Часть получаемой на них продукции выводилась на рынок в силу того, что это оказывалось единственным способом получения необходимых наличных денег. Но было бы наивно полагать такую модель сколь-нибудь перспективной.

Очевидно, что доля численности сельского населения в России по-прежнему слишком велика для развитой страны, претендующей на то, чтобы сделать высокие технологии основой хозяйственной деятельности. Ее рациональное уменьшение, сопряженное с ростом размеров земельных участков, представляется необходимым условием интенсификации производства и оптимизации социальной структуры. Тесно связаны с этим и вопросы государственной поддержки села, регулирования рынка, стимулирования технического прогресса. До начала прошлого десятилетия в данной области доминировали представления, унаследованные от советской эпохи. Деревня сначала, в эпоху сталинизма, была ограблена и поставлена на грань выживания, а начиная со второй половины 1950-х годов власть развертывала все более масштабные программы поддержки села, не приносившие, однако, заметного эффекта. Несмотря на значительные капиталовложения в социальную инфраструктуру, снижалось качество человеческого капитала. Продолжался отток наиболее инициативной молодежи в город.

На таком фоне использование подходов, сформулированных в пространстве разработки и реализации Столыпинских реформ, означает переориентацию с бесперспективных попыток субсидирования повышения качества жизни на селе на поддержку экономической самостоятельности. Крестьянство должно получить возможность реально интегрироваться в рынок, а не жить в расчете исключительно на государственную помощь. При этом государству необходимо через налоговую политику содействовать снижению рентабельности транзакционных секторов, прежде всего в финансовой сфере. За счет этого у участников рынка появится больше заинтересованности инвестировать в инновационные сектора [4, с. 37–39]. Внедрение инноваций в области сельского хозяйства должно рассматриваться не как самоцель, а в качестве инструментальной ценности.

Востребованность инновации определяется ее потенциальным эффектом, согласуемостью с действующими схемами организации производства или наличием внутреннего потенциала их изменения, субъективной готовностью сельхозпроизводителей внедрить данное новшество. Разумеется, государство может и должно проявлять внимание к поддерживающей среде, обеспечиваемой инфраструктурой научной, внедренческой деятельности и адресном стимулировании. Но этим никак не исчерпывается его роль. Более того, эти шаги могут оказаться эффективными лишь при условии успешной реализации мер по поддержке вхождения сельхозпроизводителей различных форм собственности в рынок. Именно в соответствии с такой логикой развивалась аграрная реформа 1911 г.

Наиболее очевидно проявляет себя конструируемая нами логика применительно к проблеме интеграции России в ВТО.

Вступление России в ВТО, конечно, должно приниматься в расчет при определении задач и механизмов аграрной политики, но не следует придавать ему чрезмерное значение. В отличие от МВФ и ряда других организаций, ВТО сориентирована строго на узкий круг задач, которые, собственно, предполагаются ее названием. Даже вопросы условий конкуренции, трудового законодательства, несмотря на предпринимавшиеся некоторыми членами ВТО попытки поставить их на обсуждение, в повестку дня не включались. Стоит иметь в виду еще одно обстоятельство. ВТО – организация, крайне аморфная уже в силу своего широкого охвата членством. По сути, не быть членом ВТО нетипично, в таком положении находятся часть стран Северной и Восточной Африки, Северная Корея. Вступление в организацию стран бывшего социалистического лагеря особых проблем не вызвало.

Очевидно, что в подобной организации не может быть жестких стандартов экономической политики. Стандарты эти сводятся к трем основным принципам, они таковы: равные права (члены ВТО обязаны предоставлять всем другим членам режим наибольшего благоприятствования в торговле, преференции, предоставленные одному из членов ВТО, автоматически распространяются и на всех остальных членов организации); взаимность (все уступки в ослаблении двусторонних торговых ограничений должны быть взаимными); прозрачность (члены ВТО должны полностью публиковать свои торговые правила и иметь органы, отвечающие за предоставление информации другим членам ВТО) [5]. К сожалению, последняя позиция выступает в качестве индикатора коррупционности, а сомнения в отношении первых двух определяются наличием у влиятельных российских бизнес-группировок позиций на мировых рынках, зафиксированных как раз соглашениями, предполагающими предоставление неких эксклюзивных прав. Однако крайне спорным представляется утверждение, что интересы этих группировок тождественны интересам российского общества в целом.

В полемике вокруг вступления в ВТО допускается заведомо ложный логический ход, в соответствии с которым все сводится к подсчету прямых выигрышей и потерь, исходя из существующих торговых балансов [6]. Ложность этих аргументов очевидна.

Назвать российскую экономику здоровой и оптимально сбалансированной можно только закрывая глаза на очевидные факты и игнорируя видные всем тенденции. Вступление в ВТО для России имеет значение прежде всего именно с точки зрения своих отдаленных последствий, поскольку повлечет за собой ускорение реструктуризации, ликвидацию, наконец, убыточных предприятий, оздоровление отношений бизнеса и власти (в силу вынужденного движения к прозрачности этих отношений). Та экономика, какая у нас сейчас есть безусловно проигрывает, но смысл и заключается в том, чтобы изменить ее модель.

Что касается собственно сельского хозяйства, непосредственное влияние вступления России в ВТО на него, в отличие от таких отраслей, как электроника, будет минимальным. Допустимый размер ежегодных государственных субси-

дий превышает их существующий уровень почти втрое. Таможенные пошлины на потребительские товары, массово производящиеся в России, снижать не предполагается вовсе. Конечно, если принимать всерьез призывы некоторых «агров» вообще закрыть границы для иностранных продовольственных товаров, то ситуация может рассматриваться как катастрофическая, но она и сейчас абсолютно такая же. Вступление в ВТО не приведет к мгновенному демпингу продовольствия за счет ввоза «генномодифицированных суррогатов», к тому же Россия импортирует продовольствие не с 1991 г., а с середины 1960-х годов. В то же время, например, от снижения пошлин на технологическое и научное оборудование аграрный сектор выиграет (опять-таки если стремится к созданию и внедрению инноваций).

Более или менее отдаленные последствия вступления России в ВТО требуют отдельного осмысления. В частности, важно понять, не создается ли угроза стремительной деградации отечественных технологий и замены их зарубежными? Конечно, могут найтись «патриоты», полагающие, что надо пользоваться только национальными научными разработками. Подобная позиция, на наш взгляд, не заслуживает серьезного внимания. Стоит отметить, что даже сталинский СССР, руководство которого в недостатке патриотизма никто не обвиняет, интенсивно занимался импортом технологий. Если же ставить вопрос профессионально, то необходимо подчеркнуть следующее: всякая попытка обособления в современной науке означает гарантированное выпадение из процесса развития. Современной науке жизненно необходима создаваемая ею информационная среда. Если в каком-то отдельном государстве будут пытаться создавать эту среду независимо от общемировой, то эффект окажется плачевным. Игнорировать все это могут лишь те, кто думает не об интересах страны, а о своих конкретных выгодах, связанных с получением государственных субсидий для себя персонально.

Крайне важным является вопрос о ценах на энергоносители. С одной стороны, вывод внутренних цен на мировой уровень «здесь и сейчас» нанес бы по сельскому хозяйству России мощный удар (хотя и не настолько опасный, как в отношении, например, отечественной алюминиевой промышленности). Но с другой стороны, сегодня наш аграрный сектор находится также отнюдь не в тепличных условиях и одни перекосы компенсируются другими. Если же предполагать, что все останется, как было, только цены повысятся, то итог проектируется негативный. Но говорить надо о положении аграрного сектора в новой структуре экономики. Действительно, некоторые отрасли промышленности должны перестать давать ненормально высокую прибыль, и в нормальной экономике инвесторы должны оттуда уйти. Если создать в аграрном секторе приемлемые условия, эти инвестиции могли бы быть переведены туда.

Непосредственно связано с предыдущим соображением и следующее, касающееся динамики цен на продукцию сельского хозяйства в целом. В настоящее время она определяется главным образом интересами крупных игроков на российском рынке и регулирующей деятельностью государства. Вступление в ВТО не мгновенно, но в относительно короткий период приведет к пересмотру такого положения дел. Цены будут приходить в соответствие с общемировыми. При этом естественной окажется ликвидация нерентабельных

предприятий, которую следовало осуществить еще десятилетие назад, а также структурная перестройка, направленная на оптимизацию производства продукции по климатическим зонам. Как опосредованное следствие, неизбежен некоторый рост цен на землю.

В целом все прогнозируемые изменения для инновационного развития, безусловно, благоприятны. С рынка уйдут те, кто инновациями не занимался в силу убыточности своего хозяйства в целом. Аграрный сектор России пройдет стадию оздоровления, сделает важные и неизбежные шаги к оптимизации управления.

Библиографический список

1. Вебер М. Наука как призвание и профессия // Избранные произведения. М., 1990.
2. Узун В. Кто сегодня кормит Россию // Российская Бизнес-газета. 2005. 8 нояб.
3. Население и общество: информ. бюл. 2003. № 77.
4. Сухарев О.С. Вопросы методологии институционального анализа: нормативные оценки и теория // Журнал институциональных исследований. 2010. Т. 2, № 3.
5. Hoekman B. The WTO: Functions and Basic Principles. URL: <http://www.terry.uga.edu/~cornelas/Econ4040/WTO-basics.pdf>
6. Рубченко М., Кокишаров А. Задержались на пороге // Эксперт. 2006. № 41 (535).

E.S. Avdeeva
Manufacture Modernization
and Integration as Basic
Directions of the Domestic
Enterprises Strategic
Development

Basic problems and tendencies of domestic glass industry development are described. Enterprises development strategies are analyzed and the processes of their mergers and absorptions are considered.

Key words and word combinations: glass industry, development strategy, the strategy of integrated growth, mergers, absorptions.

Описываются основные проблемы и тенденции развития отечественной стекольной промышленности. Анализируются стратегии развития предприятий, рассматриваются процессы их слияний и поглощений.

Ключевые слова и словосочетания: стекольная промышленность, стратегия развития, стратегия интегрированного роста, слияния, поглощения.

УДК 658
ББК 65.291

Е.С. Авдеева

МОДЕРНИЗАЦИЯ И ИНТЕГРАЦИЯ ПРОИЗВОДСТВА КАК ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СТРАТЕГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ

Основной проблемой отечественных предприятий многие экономисты считают отсутствие четкой, структурированной стратегии развития, которая бы определяла перспективы их существования.

Согласно методике, основанной на анализе особенностей формирования жизненного

цикла российских компаний [1, с. 25–34], выделяются две группы предприятий в современной России. К первой группе относятся компании, созданные в 1990-х годах «с нуля» и при взаимодействии с иностранными инвесторами, ко второй – типичные «постсоветские» предприятия.

Предприятия первой группы характеризуются низким или средним уровнем формализации, небольшими размерами. Их строение характеризуется в основном функциональной организационной структурой, хотя часть их имеют дивизиональную и матричную. Абсолютное большинство компаний данного кластера используют стратегии географической экспансии, диверсификации, частых обновлений продукта, но редко прибегают к стратегии следования за конкурентом.

Предприятия второй группы отличаются высоким уровнем формализации, сложностью иерархии и необходимыми для принятия оптимальных управленческих решений взаимосвязей внутри организации. Большинство крупных постсоветских предприятий имеют стратегии развития, хотя и составляются те с помощью устаревших методик. Существующие еще с советских времен, но теперь уже в иных экономических условиях отделы планирования традиционно занимаются как тактическим, так и стратегическим планированием деятельности предприятий, но сегодня они лишь в малой степени учитывают особенности внешнего и внутреннего рынка. Это происходит именно из-за чрезмерной формализации многих процессов, не позволяющих отойти от установленных процедур и действий, а также работы «по инерции» по причине высокого среднего возраста работников соответствующих подразделений.

Проведенная нами оценка систем управления региональными постсоветскими предприятиями выявила, что большинство из них имеют общие проблемы, ставящие под сомнение возможность их дальнейшего функционирования. К таковым относятся следующие:

- 1) низкий уровень заинтересованности, а также ответственности руководителей предприятия перед собственниками за последствия принимаемых решений, сохранность и эффективное использование имущества предприятия, а также финансово-хозяйственные результаты деятельности;
- 2) неоптимальность структуры управления и взаимодействия между службами, дублирование выполнения функций управления различными отделами, недостаточность информации для принятия верных управленческих решений;
- 3) неразвитость системы стратегического управления предприятием и ориентация на краткосрочные результаты в ущерб среднесрочным и долгосрочным, отсутствие у менеджеров достаточных знаний и опыта в области стратегического управления предприятием.

Многие российские предприятия ставят перед собой задачу модернизации производства, обоснованно считая это залогом успешного бизнеса. Наиболее «продвинутые» из них пытаются использовать стратегию развития инноваций, чему способствует и общегосударственная политика, ориентированная на восстановление научно-технического и конструкторского потенциала отраслей пу-

тем модернизации оборудования, повышения качества продукции и квалификации кадрового состава.

Развитие инноваций – одна из самых сложных стратегий. Она предполагает развитие компании за счет инвестиций в конструкторские идеи, направленные на разработку конкурентоспособных товаров на мировом уровне. Однако перед предприятиями развитых стран в сравнении с российскими проблема модернизации производства не стоит так остро: их стратегической задачей является увеличение доли рынка путем агрессивного проникновения на незанятые или мало изученные его сегменты.

Проникая на слабо развитый рынок, «сильные» предприятия, как правило, используют стратегию интеграционного роста, то есть слияния и поглощения более мелких рыночных игроков. В данном случае используются эффект масштаба и потенциал конкурентных преимуществ в области допустимых издержек производства и устанавливаемой цены товара. Достаточные производственные мощности позволяют расширить ассортимент выпускаемой продукции и снизить уровень конкуренции в отрасли; эффективная производственная система в дальнейшем распространяется на дочерние компании [2, с. 135]. Стратегия интеграционного роста предполагает расширение организации при добавлении новых структур, а условием ее реализации выступает эффективная финансовая деятельность компании в целях привлечения ресурсов, необходимых для поглощения конкурентов.

Обычно подобные «интегрированные» образования существуют, если у организации есть сильный бизнес; она не может использовать стратегию концентрированного роста, однако в то же время интегрированный рост не противоречит ее долгосрочным целям. Организация осуществляет интегрированный рост путем как приобретения дополнительной собственности, так и внутреннего расширения. При этом в обоих случаях ее положение внутри отрасли меняется [3].

Использование отечественными предприятиями стратегии инновационного развития часто приводит к тому, что предприятия дестабилизируют свое финансовое положение и оказываются в кризисной ситуации. Возрастающая, как следствие, вероятность насильственного или естественного банкротства в свою очередь уменьшает стоимость предприятия, и зарубежные гиганты используют возможность его приобретения по низкой цене.

Очевидно, что в российских условиях догоняющего развития нет смысла использовать стратегию инновационного роста, однако и стратегия интеграционного расширения и роста не подходит для отечественных предприятий. Именно поэтому, на наш взгляд, в настоящее время применительно к российским предприятиям необходимо выделить еще один вид стратегии – интеграционная стратегия инновационного роста. В случае ее реализации предприятия, объединяющиеся как путем слияния, так и поглощения, имеют своей целью в первую очередь развитие и модернизацию производства, что и будет являться залогом стратегической стабильности компании. Предприятие сможет не только противостоять зарубежным производителям, создавая свои холдинговые структуры, но и создать стратегический задел успешного бизнеса

через модернизацию производства путем формирования инновационного потока проектов. Эффективность такого потока невозможно обеспечить на отдельно взятом предприятии из-за недостатка ресурсов, в первую очередь финансовых. Инновационный поток имеет на входе бизнес-идеи, требования рынка, а его выходом является совокупность нематериальных объектов собственности. Он включает в себя отдельные инновационные проекты с разными циклами жизни, причем каждый последующий проект начинается при достижении предыдущим максимальной точки доходности [4, с. 22].

Рассмотрим данные теоретические положения на практическом примере – деятельности крупнейших предприятий – производителей листового стекла в Российской Федерации.

Российские стекольные предприятия испытывают серьезные трудности финансового характера, в основе чего лежит недостаточная конкурентоспособность их продукции. В результате они стали терять рынки сбыта, и с 2000 г. ситуация на рынке стекла сильно изменилась. Помимо усиления конкуренции между отечественными производителями, состоялся активный выход на российский рынок крупнейших мировых стекольных компаний. Обозначенную тенденцию иллюстрируют статистические данные: в I полугодии 2010 г. импорт листового стекла увеличился на 17,5% по сравнению с аналогичным периодом прошлого года и составил 6,7 млн кв. м, тогда как экспорт вырос только на 8% [5].

Импорт некоторых видов стекла с 2000 г. вырос на 50% и более, однако виды импортируемого стекла отличаются технической сложностью и отсутствием конкурентных аналогов на российском рынке. Необходимо отметить, что стекло, импортировавшееся в 2010 г., отличается своими конструктивными особенностями: в основном это антирефлективное, армированное, матовое, термостойкое, узорчатое стекло, которое не производится на территории России или производится в незначительных объемах.

Основными импортерами листового стекла в Россию стали Китай и Белоруссия, на чью долю приходится почти 80% всего импорта. Практически все листовое стекло из Китая реализуется на востоке Российской Федерации, где российские производители представлены незначительно, но постепенно китайская продукция проникает и на европейскую часть России, что обусловлено как низкими ценовыми параметрами выпускаемой продукции при хорошем качестве, так и широкой ассортиментной линейкой продукции. Кроме того, если раньше покупатели из Казахстана и стран СНГ приобретали в основном российское стекло марки МЗ-М4 (более низкого качества, нежели у иностранных конкурентов), то теперь его доля составляет не более 20% всего объема рынка.

Многие отечественные предприятия – производители стекла пытались противостоять зарубежной экспансии, но пришедшие на российский рынок гиганты стекольной промышленности не оставляли возможности противостоять им как по ценовым, так и по неценовым факторам.

При формировании стратегических приоритетов отечественные предприятия ориентировались на стратегию инноваций, цель которой – восстановление

научно-технического и конструкторского потенциала отрасли путем модернизации оборудования, повышения качества продукции и квалификации кадрового состава. Это одна из самых сложных стратегий. Она предполагает развитие компании за счет инвестиций в конструкторские идеи, направленные на разработку конкурентоспособных товаров на мировом уровне. Такая деятельность может осуществляться и в партнерстве с иностранными компаниями, например на основе приобретения зарубежных активов и заимствования их технологий в основное производство. Однако подобная стратегия не дает быстрых результатов, а при наличии на рынке конкурентов, технически более совершенных, она практически неэффективна.

В связи с этим потребовалось скорректировать стратегию развития отдельных предприятий и отрасли в целом. Основой изменения пути развития послужили решения 1-го Всероссийского съезда работников стекольной промышленности, который состоялся 26 ноября 2003 г. в Москве. Инициатором проведения съезда выступил Национальный объединенный совет «СтеклоСоюз», а решение о его проведении было принято из-за накопившихся критических проблем, касающихся безопасности отрасли и определения условий для ее долгосрочного и устойчивого развития. В целях эффективного развития стекольной промышленности по итогам Съезда был принят ряд значимых решений.

Во-первых, определены желательные направления и содержание интеграционных процессов внутри отрасли. Поощрялась внутриотраслевая кооперация при выполнении научно-технических, конструкторских и опытных работ, имеющих общепромышленное значение; предлагались новые формы и способы влияния «СтеклоСоюза» на гармоничное развитие отрасли.

Во-вторых, ставилась задача повышения конкурентоспособности предприятий на внутреннем и внешних рынках. Акцентировалась необходимость приведения системы финансового обеспечения отраслевой науки в соответствие с новыми экономическими условиями, совершенствования системы и повышения качественного уровня общественного контроля за развитием отрасли.

В-третьих, уделялось внимание формированию кадрового резерва отрасли. Подчеркивались потребности в оптимизации системы комплектования, подготовки и переподготовки кадров, в совершенствовании системы социального обеспечения специалистов отрасли, повышении их социального статуса.

Кроме того, определялись основные направления работы «СтеклоСоюза» [6]. В частности, ставилась задача интеграции разработчиков и производителей стекольной продукции в рамках промышленных структур, что логически вело к формированию горизонтальных и вертикальных объединений, то есть предприятий нового типа, конкурентоспособных в новых глобальных экономических условиях. Важным представлялось формирование цепочки взаимосвязей «наука – образование – бизнес», что обеспечило бы формирование технологических платформ, позволяющих разрабатывать и внедрять передовые технологии.

Российские предприятия должны были за достаточно короткое время

построить оптимальную и эффективную управленческую модель, отвечающую самым современным мировым стандартам и учитывающую специфику деятельности стекольного производства. Это можно было сделать только путем реорганизации существующих предприятий и их интеграции, так как в ужесточающейся конкурентной борьбе выжить могли только крупные корпорации. При этом существовало два варианта решения стоящей в масштабах отрасли задачи: создание холдинга внутрироссийских производителей или слияние / поглощение отечественных производителей иностранными гигантами.

В итоге на первое место, потеснив стратегию развития инноваций, вышла стратегия интегрированного роста, реализуемая через консолидацию роста предприятий. В ее рамках предусматривается поглощение мелких рыночных игроков более крупными. Такая стратегия позволяет добиться эффекта масштаба и соответственно получить конкурентное преимущество, в основном в сфере издержек и цены товара. Кроме этого, достаточные производственные мощности позволяют расширить ассортимент выпускаемой продукции и снизить уровень конкуренции в отрасли [2, с. 238]. К тому же практика современного хозяйствования показывает высокую эффективность функционирования различных альянсов, которые более восприимчивы к инновационной компоненте, так как бремя затрат делится между партнерами.

ОАО «Саратовстройстекло» в качестве желаемого варианта своего развития выбрало горизонтальную интеграцию с российскими предприятиями. Уже в 2004 г. была создана группа компаний «Объединенные стекольные заводы Саратова». В конечном счете удалось решить ряд стратегических задач: выделить производственные мощности в самостоятельные юридические лица, сократить производственные издержки, повысить конкурентоспособность продукции за счет промышленного аутсорсинга.

Одновременно с реформированием корпоративного устройства на саратовских предприятиях продолжалась серьезная модернизация всех линий листового стекла, позволяющая выпускать стекло наивысшего качества и самого разнообразного ассортимента, необходимого рынку. Показательно, что уже в конце 2003 г. завод в беспрецедентно короткие сроки осуществил уникальную реконструкцию линии листового стекла ЛТФ-1, значительно увеличив объемы производства и улучшив качество выпускаемой конечной продукции. В феврале 2007 г. совместно с итальянской фирмой «Bottero» был завершен проект по монтажу оборудования для выпуска крупногабаритного стекла формата «Jumbo» (6000 мм на 3210 мм). В 2008 г., учитывая перспективы и тенденции роста российской и мировой экономики, а также фактор ужесточения конкуренции на рынке стекла, ОАО «Саратовстройстекло» приступило к реализации самого масштабного за всю свою историю проекта – строительству новой высокорентабельной линии по выпуску листового стекла производительностью 700 тонн в сутки. Этот проект должен был решить основную задачу программы производственной реструктуризации – вывод из эксплуатации двух из трех действующих флоат-линий, выработавших свой ресурс производственных мощностей. В начале 2009 г. успешно был осуществлен пуск ЛТФ-5, а ЛТФ-2 и ЛТФ-4 были закрыты [7].

«Горизонтальное» объединение стекольных заводов позволило избежать большинства проблем, возникающих при проведении слияния / поглощения с зарубежными предприятиями. В частности, был предотвращен отток квалифицированных рабочих, неуверенных в сохранении рабочих мест и недовольных уровнем дохода. Кроме того, ликвидирована угроза сокращения управляющего персонала, обычно осуществляемая при централизации и устранении дублирующих функций. Следует отметить, что при сокращении топ-менеджеров предприятие обычно лишается части клиентов, управленческих и даже производственных «ноу-хау».

Состоявшееся объединение позволило избежать повышения затрат и, как следствие, уменьшения прибыли на предприятиях. Менеджеры избежали погружения только лишь в решение оперативных задач управления (в том числе, связанных с обеспечением коммерческой доходности), не переставая согласовывать их со стратегическими приоритетами и планами.

Однако многие российские предприятия по производству стекла были поглощены крупнейшими иностранными гигантами. Так, ОАО «Борский стекольный завод» («БСЗ») – одно из крупнейших российских предприятий, специализирующихся на выпуске полированного стекла, – фактически перешел в руки иностранных компаний. Основным акционером предприятия стала бельгийская компания Glaverbel (более 85% акций), 7,4% акций «БСЗ» принадлежит австрийской компании Menarai Holding.

Таким образом, интеграционные процессы в мировом хозяйстве можно наблюдать не только на макроуровне – уровне отдельных государств, но и на микроуровне – конкретных предприятий. В целом же интеграционная составляющая экономического развития представляет собой закономерное явление, обусловленное увеличением инновационной составляющей конкретных процессов и технологий в современной промышленности.

Библиографический список

1. Широкова Г. Модели жизненных циклов российских компаний: результаты эмпирического исследования // Проблемы теории и практики управления. 2006. № 11. С. 25–34.
2. Портер М.Э. Конкуренция / пер. с англ. М., 2000.
3. Крюков А.Ф. Маркетинговые стратегии роста. URL: http://www.iteam.ru/publications/marketing/section_28/article_2852/
4. Давыденко А.С. Концепция инновационных волн как основа инновационной стратегии корпораций высокотехнологичных отраслей промышленности // Менеджмент в России и за рубежом. 2006. № 6. С. 20–27.
5. Рынок стекла: импорт листового тонкого стекла за 2011 год / Информационно-аналитическая компания «ВладВнешСервис». URL: http://vvs-info.ru/novosti%20rinka/steklo.php?ELEMENT_ID=2326
6. Программа Национального объединенного совета предприятий стекольной промышленности «СтеклоСоюз» развития стекольной промышленности России на 2011–2020 годы. URL: <http://www.steklosouz.ru/static/steklosouz/program.html>
7. Официальный сайт ОАО «Саратовстройстекло» / История. URL: <http://www.saratovstroysteklo.ru/history.html>

V.T. Denisov, M.N. Ilyicheva
**Assessment of Production
Management Efficiency
at the Aircraft Components
Manufacturing Enterprises**

Methodical provisions of production management efficiency assessment at the operating manufacturing enterprises of aircraft components are explained. Recommendations on the use of available reserves to increase of effectiveness of this kind of activity are made.

Key words and word-combinations: efficiency, aircraft components, management, assessment, system.

Изложены методические положения оценки управления эффективностью производства на действующих предприятиях – производителях авиакомпонентов. Даны рекомендации по использованию имеющихся резервов повышения эффективности данного рода деятельности.

Ключевые слова и словосочетания: эффективность, авиакомпоненты, управление, оценка, система.

УДК 338.45:621(470+571)
ББК 65.305.4(2Рос)

В.Т. Денисов, М.Н. Ильичева

ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ УПРАВЛЕНИЯ ПРОИЗВОДСТВОМ НА ПРЕДПРИЯТИИ – ПРОИЗВОДИТЕЛЕ АВИАКОМПОНЕНТОВ

В настоящее время актуальной задачей для Российской Федерации является отказ от сырьевой направленности экономики. Стране следует развивать отрасли, которые могут быть локомотивом стабильного и эффективного развития, обеспечивать качественный экономический рост. К числу таких отраслей, несомненно, относится авиапромышленный комплекс.

Отечественное авиастроение известно большими достижениями. В 1960–1980-х годах поставки советских летательных аппаратов на экспорт составляли практически треть совокупных объемов, реализуемых на международном рынке. Сейчас Россия уступила свои позиции конкурентам, что особенно характерно для гражданского самолетостроения. Очевидны проблемы в производстве и реализации боевой авиационной техники. Так, с 1993 и вплоть до 2006 г. в России не производились, а только ремонтировались боевые самолеты и вертолеты [1; 2].

Для наращивания выпуска летательных аппаратов гражданского и военного назначения требуется всемерно увеличить объемы производства авиакомпонентов, что, в свою очередь, обуславливает необходимость совершенствования системы управления деятельностью предприятий – производителей авиакомпонентов.

Эффективность систем управления предприятием зависит от множества факторов, в

силу чего трудно выбрать какой-то один критерий оценки этой эффективности. Существующие методики, при всем их многообразии, на наш взгляд, не позволяют в полной мере оценить эффективность системы управления предприятием, особенно в условиях нестабильного кризисного периода. Так, анализ динамики затрат на производство готовой продукции, на выполнение работ в стоимостном выражении представляется, с нашей точки зрения, не очень подходящим средством, поскольку на структуру затрат влияет много макроэкономических факторов, наличие которых приводит к искажениям в выводах. Кроме того, при сравнительном анализе работы различных предприятий трудно избежать влияния факторов, обусловленных спецификой деятельности конкретного предприятия. В связи с этим целесообразно использовать разработанные нами ранее и модифицированные методические положения оценки эффективности деятельности предприятий и их структурных подразделений [3, с. 76–84].

Для действенного анализа эффективности управления и обеспечения на этой основе конкурентоустойчивости развития предприятия требуется оценить произошедшие изменения. Исследование динамики затрат живого труда позволяет точно определить влияние многих факторов на эффективность производства. Последняя во многом зависит от производительности труда, которая, в свою очередь, связана с величиной трудозатрат обратно пропорциональной зависимостью.

В целях более точного определения степени влияния различных внутренних факторов на изменение эффективности производства предлагается произвести анализ структуры затрат труда на выпуск товарной продукции. За базу, характеризующую объем выпуска этой продукции, предлагается взять затраты труда основных производственных рабочих. В зависимости от целей исследования выделяются затраты живого труда той или иной группы работников предприятия. В рассматриваемом случае предлагаем сделать акцент на динамику трудозатрат работников управляемой подсистемы.

Использование абсолютных показателей, как уже указывалось, в таком анализе бессмысленно, поэтому используются относительные величины, то есть вводится система коэффициентов, с помощью которых осуществляется анализ (таблица). Для сравнительного анализа строится система индексов, определяющих отклонение определенного показателя от тренда выпуска готовой продукции.

**Распределение затрат живого труда
по категориям работающих на предприятии**

К-т	Показатели	Ед. измерения	Годы	Измерение, %
К ₁	Затраты живого труда ремонтных рабочих на 1 час труда ОПР (основные производственные рабочие)	ч/час		
К ₂	Затраты живого труда инструментальщиков на 1 час ОПР	ч/час		
К ₃	Затраты живого труда транспортных рабочих на 1 час труда ОПР	ч/час		
К ₄	Затраты живого труда контролеров на 1 час труда ОПР	ч/час		

Окончание таблицы

К-т	Показатели	Ед. измерения	Годы	Измерение, %
К ₅	Затраты живого труда прочих вспомогательных рабочих на 1 час труда ОПР	ч/час		
К ₆	Затраты живого труда всех категорий вспомогательных рабочих на 1 час труда ОПР	ч/час		
К ₇	Затраты живого труда управленческого персонала цехов на 1 час труда ОПР	ч/час		
К ₈	Затраты живого труда управленческого персонала заводоуправления на 1 час ОПР	ч/час		
К ₉	Затраты живого труда всего управленческого персонала на 1 час труда ОПР	ч/час		
К ₁₀	Затраты живого труда вспомогательного и управленческого персонала на 1 час труда ОПР	ч/час		
К ₁₁	Затраты живого труда управляющей системы на 1 час труда управляемой системы	ч/час		
К ₁₂	Доля затрат труда основных рабочих в общих трудозатратах	%		
К ₁₃	Доля затрат труда ремонтных рабочих в общих трудозатратах	%		
К ₁₄	Доля затрат труда инструментальщиков в общих трудозатратах	%		
К ₁₅	Доля затрат труда транспортных рабочих в общих трудозатратах	%		
К ₁₆	Доля затрат труда контролеров в общих трудозатратах	%		
К ₁₇	Доля затрат труда прочих вспомогательных рабочих в общих трудозатратах	%		
К ₁₈	Доля затрат труда всех категорий вспомогательных рабочих в общих трудозатратах	%		
К ₁₉	Доля затрат труда управленческого персонала цехов в общих трудозатратах	%		
К ₂₀	Доля затрат труда управленческого персонала заводоуправления в общих трудозатратах	%		
К ₂₁	Доля затрат труда всего управленческого персонала в общих трудозатратах	%		
К ₂₂	Доля затрат труда вспомогательного и управленческого персонала в общих трудозатратах	%		

П р и м е ч а н и е: при необходимости можно ввести коэффициенты, характеризующие затраты живого труда отдельных категорий вспомогательных рабочих ремонтных служб (станочники, слесари, электрики, такелажники – K_1^1 ; K_1^2 ; K_1^3 ; K_1^4 ; прочие – K_1^5) и инструментальных подразделений (станочники, слесари, электрики; прочие – K_2^1 ; K_2^2 ; K_2^3 ; K_2^4). Кроме того, можно вводить затраты живого труда персонала ОГМ (K_7^1) и ОИХ (K_7^2), входящих в подсистему управления этими вспомогательными службами.

На основе рекомендованных методических положений выполнено исследование динамики затрат живого труда всех категорий производственного персонала предприятий – производителей авиакомпонентов в Саратовской области. Полученные данные подтвердили действенность сформулированных положений и позволили точно оценить влияние интересующих факторов на изменение эффективности производства продукции.

Каждый индекс соответствует относительному изменению (росту или падению) трудозатрат конкретной категории работающих на один нормо-час трудозатрат основных производственных рабочих или, соответственно, доли затрат живого труда конкретной категории работающих в совокупных трудозатратах по выпуску готовой продукции. Все индексы можно рассчитать по формуле:

$$I_y = \frac{K_{yi}}{K_{yb}}$$

где: I_y – значение у-го индекса за исследуемый год; K_{yi} – значение коэффициента в исследуемом году; K_{yb} – значение коэффициента в базовом году; у – порядковый номер индекса и коэффициента в соответствии со значениями, приведенными в таблице.

Значение коэффициента K_y в базовом году является постоянным для данного коэффициента. Базовый год определяется в зависимости от цели исследования самим исследователем. Например, базовым может являться первый год исследования при расчете всех индексов или за базовый может быть принят год, предшествующий периоду, за который рассчитывается искомый индекс. Более того, допускается не задавать базовый год, но сразу задавать значение базового коэффициента K_y (например, исходя из основных расчетных показателей бизнес-плана), стоящего в знаменателе формулы, в соответствии с которым и будут рассчитываться искомые индексы.

Расчетные данные рекомендуется разместить в таблицах, на основе которых можно построить диаграммы и графики, наглядно отображающие динамику структурных изменений трудозатрат по выпуску товарной продукции. По результатам проведенного исследования руководство предприятия может установить причины произошедших структурных изменений, сделать соответствующие выводы и разработать план управленческих мероприятий по оптимизации имеющейся структуры трудозатрат.

Отличительной чертой предлагаемой методики являются ее универсальность, системность, комплексность и дискретность.

Универсальность методики заключается в возможности ее применения при построении систем коэффициентов и индексов для совершенно различных си-

стем и подсистем предприятия ввиду наличия в них соизмеримых затрат труда. Именно по такому принципу проводится анализ структуры затрат труда конкретного работника, известный как фотография рабочего дня. Универсальность методики подтверждается и возможностью осуществления анализа структуры затрат при изменении критерия времени на стоимостной критерий, а также проведения анализа структуры затрат уже не во временном, а в стоимостном выражении.

Комплексность методики отражается в возможности и необходимости учета всего комплекса затрат труда вне зависимости от его природы и места осуществления. Кроме того, методика позволяет осуществить комплексный, всесторонний анализ трудозатрат ввиду их сопоставимости как в любой из подсистем предприятия, так и во всей хозяйственной деятельности предприятия.

Системность методики выражается в наличии системообразующих связей в трудозатратах различных подсистем и невозможности комплексного анализа без учета системных факторов.

Дискретность методики заключается в возможности анализа трудозатрат как в системе в целом, так и в каждой подсистеме в отдельности без потерь в качестве получаемых результатов. Например, возможно проводить анализ трудозатрат по всему выпуску готовой продукции, по технологическим операциям, по единице выпускаемой продукции с учетом номенклатуры.

Управление трудозатратами может стать приоритетным направлением развития комплексной системы управления предприятием, базой для анализа эффективности функционирования всех его систем и подсистем и выявления и использования резервов эффективного развития не только системы управления, но и всего предприятия в целом. Предлагаемая методика позволяет также осуществить сравнительный анализ эффективности функционирования соответствующих систем предприятия для группы предприятий.

В предложенных нами методических положениях мы обоснованно остановились на том, что эффективность применяемой системы управления может быть определена в зависимости от динамики затрат живого труда на ее функционирование и соответствующих изменений в рентабельности производства.

Исследования показали, что в течение анализируемого периода в ООО «СЭПО-ЗЭМ» работы велись относительно стабильно. Об этом свидетельствуют объем производства и динамика трудоемкости выпускаемой продукции за 2006–2010 гг. Так, затраты живого труда основных производственных рабочих на конец анализируемого периода по сравнению с его началом снизились на 23,48%. Снижение затрат живого труда данной категории рабочих скорее всего обусловлено некоторым снижением объемов заказов по некоторым позициям выпускаемой продукции с учетом особенностей тех или иных изделий и соответствующей коррекции трудоемкости их изготовления. Подтверждением может служить то, что в кризисном 2009 г. объем выпуска по сравнению с базовым годом снизился на 34,2%, а уже в 2010 г., после преодоления кризисных явлений, он увеличился на 16% по сравнению с минувшим годом. Этому в немалой степени способствовало и техническое перевооружение производства.

На «СЭПО-ЗЭМ», в отличие от других предприятий региона, сложилась

достаточно хорошая структура затрат живого труда рабочих, что свидетельствует о вполне высоком уровне организации труда. Правда, последнее можно оценить положительно с достаточно высокой степенью условности, поскольку в затратах живого труда рабочих при снижении удельного веса трудозатрат основных рабочих с 50,72 до 46,09% в анализируемом периоде удельный вес затрат труда всех категорий вспомогательных рабочих, занятых обслуживанием основного производства, возрос с 49,28 до 53,91%. Однако в основном это относится к профессиям вспомогательных рабочих. Так, удельный вес затрат живого труда рабочих-инструментальщиков за анализируемый период возрос с 5,76 до 6,3%, рабочих-ремонтников – с 6,2 до 6,28%, рабочих, занятых транспортным обслуживанием производства, – с 3,2 до 3,72%, контролеров – с 5,13 до 5,49%, прочих рабочих – с 28,97 до 32,11%. Это свидетельствует о том, что наблюдаемое техническое перевооружение основного производства практически не находит распространения во вспомогательном производстве, в результате чего здесь наличествует в достаточно большом объеме ручной труд.

Следует отметить особо высокий удельный вес затрат живого труда *прочих* вспомогательных рабочих. Подробная расшифровка данной категории вспомогательных рабочих отсутствует, что сильно затрудняет исследования затрат труда всех составляющих данную категорию рабочих и не позволяет сделать анализ результативности их труда. Между тем затраты их труда составляют значительную величину, что само по себе уже должно являться объектом пристального внимания и анализа результативности затрат живого труда. По результатам выполненного анализа можно установить, что затраты живого труда этих рабочих значительно превышают затраты труда вместе взятых инструментальщиков, ремонтников, контролеров, транспортных рабочих. Об этом убедительно свидетельствуют данные об удельном весе трудозатрат прочих рабочих, который на конец анализируемого периода составил 32,11%, в то время как удельный вес трудозатрат других вспомогательных рабочих, вместе взятых (инструментальщиков, ремонтников, такелажников, контролеров, рабочих, занятых на транспортных операциях), составляют 21,79%. Это подтверждает назревшую необходимость выполнения глубокого анализа затрат живого труда в отдельности по каждой профессии всех категорий вспомогательных рабочих и определения путей их рационального использования.

По данным результатов анализа за исследуемый период, существенно возросли затраты живого труда вспомогательных рабочих на один час трудозатрат основных производственных рабочих с 0,97 до 1,17 часа, то есть на 20,6%, и это касается всего состава вспомогательных рабочих предприятия. Так, затраты живого труда рабочих-инструментальщиков на один час трудозатрат основных производственных рабочих возросли на 27,3%, рабочих-ремонтников – на 18,6%, рабочих на транспортных операциях – на 33,3%, контролеров – на 20,0%, прочих рабочих – на 27,3%. Но в целом в ООО «СЭПО-ЗЭМ» организация труда и его техническое перевооружение удовлетворяют предъявленным требованиям. Подтверждением высокого уровня организации труда рабочих на предприятии может служить показатель удельного веса затрат живого труда основных производственных рабочих в совокупных затратах живого труда всех категорий рабочих на выпуске готовой продукции, который снизился с 50,72 до 46,09%.

Это довольно существенный уровень, который требует соответственного обеспечения снижения затрат живого труда всех категорий вспомогательных рабочих. К данному заключению приходим потому, что на ремонтное, инструментальное, транспортное и прочее обслуживание, а также осуществление контрольных операций все еще затрачивается значительное количество живого труда рабочих, нередко высокой квалификации, способных обеспечить бесперебойный труд рабочих основного производства. Достичь этого позволяет соответствующий уровень организации деятельности управляющей системы.

В ООО «СЭПО-ЗЭМ» обеспечен стабильный уровень занятости персонала, его квалификационная подготовка, ориентация на своевременное пополнение портфеля заказов, что достигается в том числе за счет варьирования номенклатурой выпускаемой продукции, ее диверсификации и приспособления имеющихся производственных мощностей и персонала (с учетом его профессионального и квалификационного уровня) к выпуску изделий авиационной и иной техники, пользующейся спросом.

В целом анализ показал, что имеются определенные резервы дальнейшего развития управляющей системы.

Затраты высокоинтеллектуального живого труда персонала управления оказывают значительное влияние на изменение расходов на один час затрат живого труда основных производственных рабочих. В исследуемом периоде было обеспечено снижение этих затрат на 4,86%; из них затраты живого труда персонала управления в цехах сократились на 7,45%, а затраты живого труда персонала заводоуправления – на 3,64%. Это свидетельствует о том, что на предприятии достаточно внимания уделяется оценке и поиску путей повышения результативности труда управленческого персонала. В результате достигнутые положительные результаты в деле экономии затрат живого труда всех категорий вспомогательных рабочих и организации труда управленческого персонала на предприятии позволили обеспечить снижение затрат труда этих категорий работников на 6,95%. Указанные результаты могли быть еще выше, однако ожидаемого снижения совокупных затрат труда этих категорий персонала предприятия на один час затрат живого труда основных производственных рабочих не произошло. Даже наоборот – они возросли на 21,8%. Это можно объяснить только одним обстоятельством: темпы роста технического перевооружения вспомогательного производства и подсистем управления, использования здесь новых технологий и организации существенно уступают данной деятельности в основном производстве.

Производимая на предприятии политика экономии имеет существенные недостатки, не дает положительных результатов. Удельный вес затрат живого труда персонала управления предприятием на выпуск продукции возрос с 18,58% в 2006 г. до 20,5% в 2010 г., чему способствовало увеличение удельного веса затрат живого труда персонала управления в цехах на 0,43% при возрастании трудозатрат персонала заводоуправления с 12,6% в 2006 г. до 14,08% в 2010 г. Это обстоятельство требует особого анализа для выявления причин столь существенного возрастания данных затрат.

Результаты углубленного анализа затрат живого труда персонала в подсистеме управления предприятием показали, что наблюдаемое увеличение удельного веса данных затрат свойственно как управлению цехами, так и заводоуправле-

нию. Так, удельный вес затрат живого труда плановиков, технологов, нормировщиков в цехах возрос на 0,28%, что, безусловно, негативно отразилось на результативности затрат труда управленческого персонала цехов предприятия. Подобная картина наблюдалась и в структурах заводоуправления. Например, удельный вес затрат живого труда персонала возрос по подразделениям: дирекция – на 0,12%; отдел главного конструктора – на 0,25%; отдел главного технолога – на 0,34%; отдел главного металлурга – на 0,14%; отдел качества – на 0,1%; производственный отдел – на 0,27%.

Конечно, просто высвобождать высококвалифицированный персонал и увольнять работников в действующих на сегодняшний день условиях не представляется возможным исходя не только из политических условий, но и из-за возможных негативных социально-экономических последствий. В связи с этим возникает проблема поиска новых заказов, новых рынков сбыта, включая международный, увеличения объемов выпуска продукции. Только на этой основе можно обеспечить развитие тенденции снижения затрат живого труда персонала управления на изготовление каждой единицы продукции.

В результате выполненного анализа структуры затрат живого труда на предприятии можно сделать ряд выводов:

1) тенденции изменения структуры трудозатрат характеризуются снижением не только затрат труда основных производственных рабочих на выпуск продукции, но и доли условно-постоянных затрат в общем объеме затрат;

2) необходимо систематически вести разработки и применять целевые комплексы мер по оптимизации структуры затрат живого труда, что не может не отразиться на эффективности управления предприятием;

3) в качестве недостатков в работе управляющей системы следует отметить довольно высокий уровень и малые темпы снижения затрат живого труда всех категорий рабочих;

4) недостаточные темпы снижения затрат живого труда управленческого персонала сдерживают его результативность и эффективность функционирования системы управления предприятием;

5) построенные индексы характеризуют эластичность групп затрат живого труда по отношению к объему изготавливаемой продукции; теоретически степень эластичности затрат живого труда зависит от тесноты связи между трудозатратами группы и объемом выпуска продукции, и практика работы предприятия за анализируемый период подтверждает это.

Несомненно, оценка эффективности управления производством является приоритетным направлением совершенствования системы управления предприятием, базой для анализа эффективности функционирования всех его подсистем и выявления и реализации резервов конкурентоспособности предприятия в целом.

Библиографический список

1. *Мацарский И.* Россия доделает Т-50 от бедности // Известия. 2012. 21 марта.
2. *Тельманов Д.* Разбившийся вертолет искали пешком // Известия. 2012. 15 марта.
3. *Денисов В.Т., Савкина М.В., Денисов Д.Д.* Механизм управления внешнеэкономическим потенциалом самолетостроительных предприятий. Саратов, 2011.

A.V. Andreev
The Development
of the Enterprise
Competitiveness Conception
(by the Example of Food
Industry Enterprises)

The process of forming the enterprise competitiveness is studied. The special attention is paid to the analysis of competitive advantages allowing an enterprise to occupy advantageous strategic position in the competition.

Key words and word-combinations: enterprise, the internal potential, competitive factors, competitive advantages, strategic position.

Исследуется процесс формирования конкурентоспособности предприятия. Особое внимание уделяется анализу конкурентных преимуществ, позволяющих предприятию занять выгодную стратегическую позицию в конкурентной борьбе.

Ключевые слова и словосочетания: предприятие, внутренний потенциал, факторы конкурентоспособности, конкурентные преимущества, стратегическая позиция.

УДК 658:338.45:664
 ББК 65.291+65.305.7

А.В. Андреев

РАЗВИТИЕ КОНЦЕПЦИИ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ ПРЕДПРИЯТИЯ (НА ПРИМЕРЕ ПРЕДПРИЯТИЙ ПИЩЕВОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ)

Исследование проблемы обеспечения конкурентоспособности предприятий базовых отраслей национальной экономики актуально не только в теоретическом, но и в практическом отношении. Для ее решения необходимо сформировать целостную концепцию конкурентоспособности предприятия, применимую к предприятиям (производственно-сбытовым системам) различных отраслей национальной экономики.

Значительное количество переменных, влияющих на конкурентоспособность предприятия, затрудняет возможность дать ее исчерпывающее определение как экономической категории. Так, конкурентоспособность предприятия может быть интерпретирована как «...способность эффективно производить имеющие рыночную ценность товары и услуги для достижения высокого уровня доходов и отдачи на капитал» [1, с. 80] или же как «...способность достигать и поддерживать выгодную позицию в условиях меняющегося... окружения» [2, с. 7].

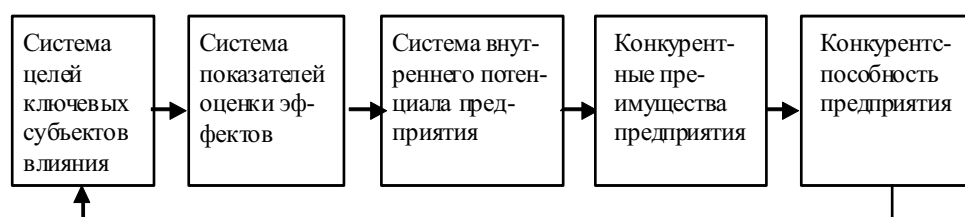
«Выгодность позиции» в данном случае связана с интересами и достижением поставленных целей группами (лицами, организациями), контролирующими деятельность предприятия. Полагаем, что в контексте конкурентоспособности предприятия корректнее говорить о группе не столько контролирующей

щей, сколько влияющей на деятельность предприятия. В такой группе оказываются не только собственники (владельцы) и менеджмент предприятия, поставщики финансовых ресурсов, но и потребители производимой продукции. Подчеркнем, что интересы и цели участников такой группы порой противоречат друг другу, но обязательно проявляются в интегрированной системе целей. Руководство предприятия должно поддерживать некое диалектическое единство, в противном случае конкурентоспособность предприятия может быть существенно ослаблена.

В узком понимании конкурентоспособность предприятия сводится к конкурентоспособности продукции и обеспечивается через занятие определенной товарной ниши. Но конкурентоспособность продукции является лишь составной частью конкурентоспособности предприятия. Более широкая трактовка предполагает учитывать не только конкурентоспособность продукции, но и эффективность производства [3, с. 173]. Поскольку эффективность производства является оценочной категорией, в изложенной трактовке ускользают факторы, приводящие предприятие в состояние конкурентоспособности.

Существует точка зрения, согласно которой конкурентоспособность предприятия представляет собой некий последовательный процесс: «Конкурентоспособность продукции определяет конкурентоспособность предприятия; конкурентоспособность предприятия определяет уровень экономического положения предприятия; а уровень экономического положения предприятия определяет уровень и направленность инновационного развития, которое в свою очередь определяет конкурентоспособность продукции» [2, с. 161]. Однако, на наш взгляд, в данной позиции неверно указана причинно-следственная связь (фактора и результата конкурентоспособности), поскольку конкурентоспособность продукции и конкурентоспособность предприятия являются результатом воздействия факторов конкурентоспособности.

По нашему мнению, необходимыми условиями в исследовании экономического содержания категории конкурентоспособность предприятия являются: во-первых, представление о конкурентоспособности предприятия как о последовательно разворачивающемся процессе, а во-вторых – выявление четкой причинно-следственной связи факторов и результатов, приводящих предприятие в состояние конкурентоспособности. Методологически корректно представить конкурентоспособность предприятия в виде процесса, в котором система целей, отражающая интересы ключевых «субъектов влияния», определяет показатели оценки эффектов, формирующий внутренний потенциал предприятия, конкурентные преимущества предприятия, обеспечивающие конкурентоспособность предприятия (рисунок).

Процесс формирования конкурентоспособности предприятия

В состав системы внутреннего потенциала предприятия войдут: ресурсный потенциал, производственный потенциал, потенциал трудовых ресурсов, потенциал системы управления и финансовый потенциал. Система внутреннего потенциала предприятия и ее элементы представляют собой факторы конкурентоспособности, выступающие внутренними источниками самодетерминации конкурентных преимуществ. Конкурентные преимущества при данном подходе выступают в качестве непосредственных существенных свойств системы внутреннего потенциала предприятия [4, с. 27].

Таким образом, конкурентоспособность предприятия – это способность приводить внутренний потенциал предприятия, формируя и развивая конкурентные преимущества в соответствии с условиями изменяющегося окружения (микро- и макросреды). Предложенное определение в большей мере соответствует предприятиям, являющимся производственно-сбытовыми системами, которые относятся к базовым секторам национальной экономики и находятся в жестком конкурентном окружении.

Одним из важнейших факторов конкурентоспособности, обеспечивающим высокий уровень доходов и эффективность производства, является производственный потенциал. Однако применительно к предприятию конкретной отрасли экономики в качестве базового фактора конкурентоспособности корректнее говорить о системе внутреннего потенциала. С нашей точки зрения, по функциональному признаку в систему внутреннего потенциала предприятия необходимо включать: потенциал системы управления, определяемый способностью сформировать оптимальное количество и соотношение факторов производства; потенциал трудовых ресурсов, определяемый количеством, структурой, квалификацией и производительностью персонала; финансовый потенциал, определяемый объемом и структурой финансовых ресурсов предприятия.

В отношении включения факторов производства (конкурентоспособности), формирующих состав и структуру внутреннего потенциала предприятия, исторически сложились два подхода.

Первый развивался в русле классической школы экономической мысли и предполагал помимо трудовых ресурсов в качестве факторов производства учитывать все материальные условия, необходимые для совершения процесса производства. В рамках классической школы сложилась «жесткая» методология, определяющая правомерность включения соответствующего ресурса в состав производственного потенциала. Поэтому, придерживаясь традиции классической школы экономической мысли, в системе внутреннего потенциала предприятия следует выделить статичный элемент – ресурсный потенциал. Применительно к предприятиям пищевой промышленности к нему относятся все средства производства, созданные на стадиях, предшествующих промышленной переработке. Размер и качество ресурсного потенциала предприятий пищевой промышленности будут зависеть от наличия устойчивых экономических и организационно-технологических связей с родственными и поддерживающими отраслями, прежде всего с сельским хозяйством, взаимодействие с которым создает предпосылки для образования кластерной структуры. Сельхозтоваропро-

изводители реализуют принцип передачи конкурентных преимуществ предприятиям пищевой промышленности по межотраслевой цепочке создания ценности, а пищевая промышленность выступает в роли «задвиги-регулятора», с помощью которой регулируется не только поток продовольствия, поступающий на потребительский рынок, но и процессы сжатия и расширения ресурсного потенциала сельского хозяйства.

Второй подход характерен для представителей неоклассической школы экономической мысли, относящих к факторам производства интегрированную комбинацию субъективных и объективных компонентов, а также материальные и нематериальные условия производственно-хозяйственной деятельности [5, с. 208; 6, с. 1010]. Данный подход более применим к понятию производственного потенциала как динамической социотехнической подсистемы в составе системы внутреннего потенциала предприятия. Например, организацию как фактор производства невозможно рассматривать обособленно, так как на уровне конкретного предприятия это будет его производственная структура (форма организации производственного процесса, тип производства). В свою очередь она определяет технологию производства продукции, объем информационных потоков, размеры производственных мощностей. Но коль скоро элементы ресурсного потенциала вовлекаются в производственный процесс и взаимодействуют в нем, то они приобретают форму объекта управления, то есть подлежат управленческим воздействиям сообразно с природой каждого фактора. В таком случае речь идет об организации как функции менеджмента и факторе управления. Все элементы ресурсного потенциала, ставшие в процессе производства объектом управления, превращаются в глубоко интегрированные средства процесса труда, а информация и технологии (в широком смысле) позволяют еще больше улучшать организацию факторов производства. Глубокая интеграция факторов производства в производственный процесс позволяет перейти от статичной ресурсной структуры к динамичной и комбинированной ресурсно-функциональной структуре производственного потенциала, включающей не только факторы ресурсного обеспечения, но и организационно-технические и технико-технологические факторы.

По нашему мнению, второй подход в большей мере отвечает представлению о факторах производства как факторах конкурентоспособности, то есть выполняющих двойственную роль: с одной стороны, элементов внутреннего потенциала предприятия, с другой – источников формирования и развития конкурентных преимуществ. Подтверждение этому находим у М. Портера, напрямую связывающего факторы конкурентоспособности с факторами производства, подразделяя их в зависимости от степени доступности на основные и общие, развитые и специализированные [7, с. 181, 182].

Основные и общие факторы более доступны, так как объективно они либо существуют в силу природно-климатических условий или месторасположения, либо могут использоваться в широком спектре отраслей. Они формируют исторически сложившуюся производственную специализацию региона (облик родственных и поддерживающих отраслей). Как правило, ведущим звеном в реги-

ональной производственной специализации выступают поставщики избыточного количества этих факторов в межотраслевой цепочке создания ценности. Конкурентное преимущество, предоставляемое этими факторами (факторная конкурентоспособность), неустойчиво и непродолжительно (экстенсивного типа), поскольку ограничено рамками ценовой конкуренции. Конкурентная позиция предприятий пищевой промышленности, созданная благодаря низким факторным затратам, весьма уязвима, так как процесс глобализации позволит конкурентам получить доступ к этим факторам путем размещения на территории региона своих предприятий или через участие в уставном капитале поставщика (производителя).

Развитые и специализированные факторы, хотя и формируются на базе основных и общих, гораздо менее доступны. Их внутреннее содержание определяется преобладанием вложений в человеческий капитал и технологии (например, в межотраслевой цепочке создания ценности эти факторы охватывают достижения в области семеноводства, селекционно-племенной работы, биотехнологий, патентной защиты, товарные марки, ноу-хау, программные продукты). Представляя собой более сложные формы соединения человеческого капитала и технологий, они дают возможность получить устойчивое и долгосрочное конкурентное преимущество не только в ценовой, но и неценовой области конкуренции. Возникновение этих факторов, по нашему мнению, связано с переходом предприятий пищевой промышленности на более высокую стадию инвестиционной конкурентоспособности [4, с. 62].

Таким образом, в ресурсно-функциональную структуру внутреннего потенциала предприятий пищевой промышленности, в зависимости от степени доступности, следует включить: основные и общие факторы, на создание которых общество уже произвело определенные затраты труда, представляющие материально-техническую и сырьевую базу пищевой промышленности, уже сформированную организационную структуру производства, наличные трудовые ресурсы; развитые и специализированные факторы, на совершенствование которых общество затрачивает дополнительные усилия и жертвы, являющиеся результатом качественного роста добавленной стоимости и улучшений в организации производства, труда, управления и качества трудовых ресурсов.

Понятие системы внутреннего потенциала предприятия как фактора конкурентоспособности с точки зрения методологии позволит решить две задачи. Во-первых, увязать конкурентоспособность конкретного предприятия с конкурентоспособностью отрасли и комплекса, к которому оно относится на национальном и международном уровне. Внутренний потенциал предприятия усиливает внутренний потенциал конкурентоспособности отрасли, комплекса и национальной экономики, формируя ее конкурентоспособность на международном уровне. Внутренний потенциал национальной экономики вообще определяет возможности выпуска продукции, предназначенной в равной степени как для внутреннего потребления (если она способна конкурировать на внутреннем рынке наравне с импортной продукцией), так и для экспорта за рубеж (если она конкурентоспособна на внешнем рынке). Таким

образом, внутренний потенциал национальной экономики определяет уровень и изменение потенциала импортозамещения и экспортного потенциала, то есть возможность производства продукции, конкурентоспособной на внутреннем и внешнем рынках.

Во-вторых, внутренний потенциал предприятия детерминирует конкурентные преимущества, формирующие конкурентоспособность предприятия в системе интересов и целей основных субъектов влияния. При этом необходимо четко различать понятия «конкурентные преимущества» и «факторы конкурентоспособности». Фактор – это прежде всего источник создания конкурентного преимущества, а конкурентные преимущества – это необходимые, существенные свойства внутреннего потенциала предприятия, а следовательно, относящиеся к результату. Таким образом, конкурентные преимущества – это отличительные результаты воспроизводственного процесса, позволяющие предприятию занять выгодную позицию в конкурентной борьбе.

Как уже отмечалось, фундаментальные (объективные) конкурентные преимущества обеспечивают конкурентоспособность предприятия [4, с. 67]. Помимо них следует выделить вспомогательные (субъективные, дополняющие) конкурентные преимущества, усиливающие результат действия фундаментальных (гибкие скидки, элементы фирменного стиля, качество обслуживания потребителей, информационная открытость производителя). Благодаря фундаментальным и дополняющим конкурентным преимуществам предприятие, с одной стороны, увеличивает или, по крайней мере, сохраняет свою долю не только на внутреннем национальном рынке, но и на внешнем рынке, удовлетворяя запросы потребителей, а с другой – формирует доходы от продажи продукции и финансовый результат, отражающий интересы менеджмента предприятия, собственников (владельцев) и поставщиков заемного капитала. Фундаментальные и дополняющие конкурентные преимущества реализуются в процессе ценовой и неценовой конкуренции. Ценовая конкуренция является результатом реализации конкурентного преимущества в относительно низких затратах на производство и продажу продукции и в относительно низкой цене. Неценовая конкуренция является результатом реализации не только конкурентного преимущества в лучшем (уникальном) качестве продукции, но и конкурентного преимущества в количестве (разнообразии и насыщенности) предлагаемой продукции.

Дифференциация в наборе конкурентных преимуществ или в их комбинации позволяет предприятию занять уникальную (выгодную) стратегическую позицию, отыскивая лучшие, чем у конкурентов, способы использования внутреннего потенциала.

Реализация конкурентного преимущества в «количестве продукта» позволяет предприятиям пищевой промышленности занять ориентированную на широту производимой номенклатуры стратегическую позицию, предлагая разнообразный и насыщенный ассортимент продуктов питания. Формирование этого конкурентного преимущества связано с более производительным, чем у конкурентов, использованием внутреннего потенциала предприятия, причем граница производительности будет определяться степенью доступности тех элементов

ресурсного потенциала, которые уже имеются в смежных отраслях и могут потребляться предприятиями пищевой промышленности. Например, для предприятий мясной и молочной промышленности это имеющееся в наличии организованное (выведенное, воспроизведенное с определенной продуктивностью) поголовье животных.

Конкурентное преимущество в «количестве продукта» поставит перед системой управления предприятий задачу: обеспечение выработки максимально большего количества продукции требуемого ассортимента из доступного количества элементов ресурсного потенциала.

Поскольку производство пищевой продукции материалоемкое (доля материальных затрат в структуре себестоимости занимает около 70%), то важнейшим критически минимальным элементом ресурсного потенциала является сырье, поступающее на переработку и определяющее предельные объемы производства. В связи с этим уровень развития интеграционных процессов (образования кластерных структур) участников цепочки создания ценности способен регулировать процессы сжатия или расширения ресурсного потенциала предприятий пищевой промышленности и возможность занятия ими выгодной стратегической позиции, основанной на широком товарном ассортименте.

Не менее важным критически минимальным элементом, определяющим уровень производительности, выступают технико-технологические факторы (развитые и специализированные факторы).

Эффективному использованию технико-технологических факторов пищевых предприятий России препятствуют: высокая изношенность основных фондов, превысившая в 2010 г. 40%; низкий уровень выбытия физически изношенных и морально устаревших основных фондов (1%); недостаточный уровень обновления основных фондов (12,8%) [8]. Уже к концу 2008 г. в некоторых подотраслях пищевой промышленности возникла проблема исчерпания «запасов» производственных мощностей в условиях растущего спроса населения и развития смежных отраслей сельского хозяйства [9, с. 41]. В тех подотраслях пищевой промышленности, где происходило активное обновление технико-технологической базы, загрузка производственных мощностей не снижалась и в условиях кризиса. В 2010 г. уровень загрузки производственных мощностей предприятий составил: в производстве сыров 64%, кондитерских изделий – 62%, колбасных изделий – 64%, мяса птицы – 80% [8].

Полагаем, что резервом занятия выгодной стратегической позиции, ориентированной на широту производимой номенклатуры, является тот факт, что отечественным пищевым предприятиям удалось дифференцировать продукцию в сравнении с иностранными конкурентами, «разрушив» предубеждение в ее некачественности и непрестижности. Опросы, проводимые Институтом экономики переходного периода в 2008 г., показывают сопоставимость по уровню качества отечественной и импортной пищевой продукции: такого мнения придерживались 74% предприятий (в 2007 г. 87%) [10, с. 41]. Следовательно, причина не в том, что продукция пищевых предприятий неконкурентоспособна, а в острой нехватке технологий, оборудования и сырья (ресурса развитых и

специализированных факторов), необходимых для расширения ассортимента и занятия широкой конкурентной позиции.

Реализация конкурентного преимущества в «качестве продукта» позволяет предприятиям пищевой промышленности занять стратегическую позицию, «ориентированную на потребности». Они могут предлагать новую и / или улучшенную продукцию для различных социальных и возрастных групп потребителей, чувствительных к определенным потребительским свойствам и / или цене (например, диетическая продукция с пониженным содержанием жиров и углеводов, продукция для детей, продукция с лечебно-профилактическими свойствами). Формирование этого конкурентного преимущества предполагает выведение на рынок новых и / или улучшенных продуктов разнообразного и специализированного ассортимента, основанного на использовании потенциала развитых и специализированных факторов. В этом случае внутренний потенциал предприятий пищевой промышленности должен обеспечить высокую степень глубины переработки сырья за счет лучшей комбинации технико-технологических (с акцентом на биотехнологии и информационно-коммуникационные технологии) и организационных факторов (организация производства, труда и управления).

Занятие широкой конкурентной позиции, созданной за счет разработки особых (уникальных) потребительских свойств продукции, неразрывно связано с переходом предприятий пищевой промышленности к стадии инновационной конкурентоспособности. Переход потребует максимального раскрытия потенциала развитых и специализированных факторов. Однако не все к этому готовы. Так, в 2010 г. только 9,5% предприятий пищевой промышленности России внедряли технологические инновации, затрачивая на них не более 0,5% оборота продукции. Не лучшим образом дело обстоит с производством новой и улучшенной продукции в составе специализированного ассортимента – на ее долю приходится 4,8% от оборота продукции [8]. В итоге предприятия пищевой промышленности пока далеки от возможности занятия широкой конкурентной позиции по продукции с особыми (уникальными) потребительскими свойствами.

Таким образом, исследование различных взглядов на проблему экономической сущности конкурентоспособности предприятия позволяет прийти к следующим выводам.

Конкурентоспособность предприятия представляет собой сложный процесс взаимосвязи целей, отражающих интересы ключевых «субъектов влияния», показателей оценки эффектов, факторов конкурентоспособности (системы внутреннего потенциала предприятия) и результатов (конкурентных преимуществ), приводящих предприятие в состояние конкурентоспособности. Как сложное экономическое явление, конкурентоспособность предприятия выступает формой проявления внутреннего потенциала предприятия, реализуясь в сфере обращения в виде конкуренции товаров и в сфере производства в виде конкуренции внутренних потенциалов, но представляя собой единый процесс. Данный подход дает возможность рассматривать систему внутреннего потенциала и ее элементы-потенциалы в качестве факторов кон-

курентоспособности, формирующих и развивающих результаты воспроизводственного процесса – конкурентные преимущества.

Внутренний потенциал предприятия детерминирует фундаментальные (объективные) и вспомогательные (субъективные, дополняющие) конкурентные преимущества, обеспечивающие конкурентоспособность предприятия. Значит, процесс повышения конкурентоспособности предприятия следует рассматривать в виде непрерывного формирования и развития конкурентных преимуществ – существенных, внутренне необходимых, устойчивых свойств внутреннего потенциала предприятия.

Группировка конкурентных преимуществ в зависимости от стадии воспроизводственного процесса на фундаментальные и вспомогательные позволяет четко определить область конкурентоспособности продукции и предприятия. Область конкурентоспособности продукции охватывает ограниченный набор конкурентных преимуществ (цена и качество продукции) в сравнении с конкурентоспособностью предприятия, складывающейся с учетом полного набора конкурентных преимуществ. Дифференциация в наборе конкурентных преимуществ или их комбинации позволяют предприятию занять уникальную (выгодную) стратегическую позицию, отыскивая лучшие, чем у конкурентов, способы использования внутреннего потенциала.

Основная проблема повышения конкурентоспособности предприятий, относящихся к базовым отраслям экономики, заключается в узости занимаемой ими конкурентной позиции. Узкая конкурентная позиция делает их весьма уязвимыми в ценовых конкурентных преимуществах (относительные затраты на производство и продажу продукции и цена) и неценовых конкурентных преимуществах (качество и количество продукции).

Предложенные теоретико-методологические подходы к концепции конкурентоспособности предприятия, на наш взгляд, применимы как в целом, так и конкретно в отношении предприятий одной из ключевых отраслей национальной экономики – пищевой промышленности.

Библиографический список

1. Конкурентоспособность России в глобальной экономике / Ю.В. Куренков [и др.]. М., 2003.
2. Гурков И.Б. Инновационное развитие и конкурентоспособность: очерки развития российских предприятий. М., 2003.
3. Круглов М.И. Стратегическое управление компанией: учебник для вузов. М., 1998.
4. Андреев А.В. Конкурентоспособность предприятий пищевой промышленности Саратовской области в системе совершенствования экономического потенциала. Саратов, 2001.
5. Маршалл А. Принципы экономической науки. М., 1993. Т. 1.
6. Самуэльсон П.Э., Нордхаус В.Д. Экономика / пер. с англ. 18-е изд. М., 2007.
7. Портер М. Конкуренция / пер. с англ. М., 2000.
8. Россия в цифрах, 2011: крат. стат. сб. / Росстат. М., 2011. URL: www.gks.ru
9. Андреев А.В. Эффективность и результативность пищевой промышленности России // Вестник Саратовского госагроуниверситета им. Н.И. Вавилова. 2010. № 9. С. 39–44.
10. Кризисная экономика современной России: тенденции и перспективы / А. Абрамов, Е. Алевалова, Е. Астафьева [и др.]; под ред. Е.Т. Гайдара. М., 2010.

E.A. Kryakvina
Stable Social-Economic
Development Potential
of a Region: Traditions
and Innovations

The problem of providing stability of social-economic development of a region is stated. Proposals on innovational provision of regional economy are formulated.

Key words and word-combinations: region, social-economic development, economic innovations.

Ставится проблема обеспечения устойчивости социально-экономического развития региона. Формулируются предложения по инновационному обеспечению региональной экономики.

Ключевые слова и словосочетания: регион, социально-экономическое развитие, экономические инновации.

УДК 332.1
ББК 65.049

Е.А. Кряквина

ПОТЕНЦИАЛ УСТОЙЧИВОГО СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА: ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ

В условиях усиления инновационной направленности социально-экономического развития России особую актуальность приобретают проблемы обеспечения устойчивой динамики инновационных процессов на региональном уровне. Качество жизни граждан и уровень социально-экономического развития территорий коррелируют с инновационным потенциалом, поэтому в региональных стратегиях акцент смещается на содействие росту инновационной активности регионального социума.

Тематика развития инновационного потенциала региона как сложной открытой диссипативной социально-экономической системы еще недостаточно исследована [1, с. 5–8]. До сих пор не решен ряд научных задач, связанных с концептуальным осмыслением процессов управления инновациями на региональном уровне, влияния социокультурных параметров на устойчивое развитие, уровня готовности регионального социума к изменениям. Сложность разработки мероприятий по обеспечению инновационного развития территории обусловлена разной трактовкой как самих категорий «инновация», «инновационный потенциал», так и неоднозначностью подходов к обоснованию методологии исследования инновационных процессов [2].

Анализ существующих теоретико-методологических подходов к исследованию инно-

вационного потенциала позволяет выделить основные объяснительные модели, раскрывающие сущность данного явления. Первая модель связана с пониманием отдельных аспектов инновационного потенциала (научного, интеллектуального, творческого, научно-технического). Вторая модель характеризуется полным отождествлением инновационного потенциала с пониманием ресурсов, необходимых для осуществления инновационной деятельности. Третья – акцентирует внимание на рассмотрении инновационного потенциала как совокупности возможностей, обеспечивающих восприятие и реализацию инноваций. В рамках четвертой модели инновационный потенциал определяется как наличие ресурсов и возможностей для их использования, как мера способности и готовности субъекта осуществлять инновационную деятельность.

Показатели инновационного потенциала используются в интегрированных оценках социально-экономического развития как органами власти, так и внешними институтами (рейтинговыми агентствами, различными международными и некоммерческими организациями). Отдельные показатели инновационного потенциала находят отражение в рейтинге конкурентоспособности региона (формируется Всемирным экономическим форумом), рейтингах кредитоспособности (предоставляется «АК&М» и «Экспертом РА») и инвестиционной привлекательности (публикуется «Экспертом РА») региона, а также в рейтинге субъектов по индексу развития человеческого потенциала (рассчитывается по методике ООН).

Инновационный потенциал региона развивается в результате взаимодействия объективных и субъективных факторов, которые тесно взаимосвязаны. В тот или иной момент они определяют состояние инновационных процессов, тенденции изменения. Существующая система управления инновационными процессами, основанная исключительно на статистическом анализе, не адекватна и снижает возможности для принятия эффективных управленческих решений. Инновационный потенциал регионального развития неразрывно связан с нереализованными возможностями человеческого капитала, инновационной культурой и сформированностью инфраструктуры. Принятие инновационного вектора социально-экономического развития требует не столько оптимизации ресурсов, сколько системной трансформации, изменения социокультурных моделей экономического поведения. Существующая система управления инновационными процессами, основанная исключительно на статистическом анализе, не адекватна и снижает возможности для принятия эффективных управленческих решений. Поэтому представляется необходимой разработка региональной стратегии социально-экономического развития на основе комплексной оценки инновационного потенциала.

Рассмотрение инновационного потенциала региона в качестве самостоятельного объекта исследования требует интегрированного подхода и предполагает его рассмотрение во взаимосвязи с социальными и социокультурными процессами. На наш взгляд, параметры оценки потенциала должны быть дополнены показателями готовности региона к социально-экономическим инновациям. В качестве таковых могут выступить степень социально-психологической готовности населения, властных структур, степень полноты правовой и нормативной

базы, уровень инфраструктуры, необходимой для осуществления тех или иных преобразований в различных сферах жизнедеятельности, а также уровень научно-методической готовности для внедрения инноваций.

При характеристике инновационных процессов на региональном уровне важным представляется привлечение конкретно-социологического материала, иллюстрирующего состояние и динамику социально-экономических процессов, оценку эффективности инновационной политики, социальные установки субъектов инновационной деятельности, степень ориентированности культуры на инновационное развитие в регионе. С этой целью нами проводился социологический опрос представителей малого и среднего бизнеса на тему «Социально-экономические процессы в регионе: возможности инновационного развития» (опрошено 54 человека – руководителей организаций, менеджеров), а также опрос населения «Роль предпринимательства в развитии инновационного потенциала на региональном уровне» (опрошено 517 человек). Исследования состоялись в 2010–2011 гг. в Саратове и Саратовской области.

Полученные в ходе исследования результаты свидетельствуют, что реализуемая в настоящее время модель инновационной политики недостаточно эффективна. В социальных оценках состояния региональной экономики по-прежнему доминирует неоптимистичный взгляд.

Улучшение инновационной среды региона преимущественно связано со снижением бюрократических барьеров, развитием системы социального партнерства. Важным представляется тот факт, что среди факторов, определяющих эффективность инновационной деятельности, особое внимание уделяется взаимодействию с властными структурами. По мнению предпринимателей, препятствуют внедрению инноваций не только последствия экономического кризиса, сложности финансирования, но и факторы, связанные с дисфункциями государственного управления, и в первую очередь теневые отношения, коррупционные транзакции. Данные результаты корреспондируют с оценкой факторов, влияющих на развитие предпринимательской деятельности. Так, 42,17% респондентов отметили сложности финансирования, 33,73% выделили коррупцию чиновников, 18,07% опрошенных в качестве основной причины выделили нехватку квалифицированных кадров, 6,02% – слабую защиту интеллектуальной собственности. Именно сфера взаимодействия с властными структурами оценивается представителями бизнеса как более проблемная и конфликтная.

Содержательный анализ проблем, возникающих в процессе инновационной деятельности, показал, что к наиболее значимым относятся те, решение которых непосредственно зависит от деятельности государственных органов, в их числе: нормативно-юридическое обеспечение инновационной деятельности, механизмы финансирования и кредитования, функционирование системы государственной поддержки, уровень инфраструктуры.

Полученные результаты подтверждаются и данными исследования ассоциации «Деловая Россия». Представители бизнеса практически единодушно дают низкую оценку нынешней инвестиционной привлекательности России (83%), а среди приоритетных задач выделяются повышение операционной эффективности и снижение издержек (46%). В качестве основного приоритета государ-

ственной экономической политики в ближайшие годы бизнесмены назвали противодействие коррупции (54%) [3, с. 39]. В числе приоритетов второго уровня: развитие инфраструктуры, повышение эффективности госаппарата, развитие предпринимательства, малого и среднего бизнеса.

Активизация инновационного потенциала регионального развития обеспечивается формированием эффективной модели инновационной системы региона как совокупности субъектов инновационной деятельности, инновационной инфраструктуры и управляющей подсистемы, обеспечивающей аналитическую, информационную и консультационную поддержку субъектов инновационной деятельности [2]. Комплексный подход к управлению инновационным развитием региона неразрывно связан с качеством организации информационно-коммуникативного взаимодействия всех участников инновационных процессов региона, что побуждает на основе построения и анализа четкой когнитивной модели региональной инновационной среды осуществить интеграцию разрозненных информационных ресурсов в интересах повышения эффективности реализации инновационных проектов и программ [4].

Анализ показывает зависимость устойчивости социально-экономического развития от уровня инновационной культуры субъектов управления. Результаты исследования свидетельствуют, что в глазах населения существующие формы взаимодействия между бизнесом и властью расцениваются как способ решения вопросов в обход формальных правил, как выстраивание связей без учета интересов населения, то есть как одна из разновидностей коррупционных транзакций. Только 7% опрошенных считают, что отношения между бизнесом и властью складываются сегодня в интересах регионального социума; около 23% уверены, что эти отношения не приносят пользы, но и не наносят вреда; 33% опрошенных утверждают, что эти отношения противоречат интересам территориального сообщества. Подавляющее большинство респондентов убеждены в том, что ни органы власти, ни представители бизнеса при взаимодействии друг с другом не учитывают мнение общества.

Не менее тревожным фактом в контексте рассматриваемой проблематики является пессимистичное настроение в отношении качества инноваций и получаемых результатов. Реализация инновационной стратегии в рамках общей стратегии социально-экономического развития региона заключается в скоординированной работе субъектов инновационной деятельности, для чего в первую очередь необходимо формирование эффективного коммуникативного дискурса между ними.

Эффективность механизмов управления процессом реализации инновационной стратегии напрямую связана с комплексной оценкой и мониторингом инновационного потенциала, которые при необходимости позволяют своевременно корректировать приоритетные направления социально-экономического развития субъекта РФ [5, с. 3–6]. Среди важнейших принципов, предопределяющих результативность инновационного процесса, выделяются целенаправленность, качество перспективного планирования, характер принятия решений, четкость структурно-функционального распределения функций между субъектами инновационной деятельности.

Важным представляется формирование проактивной модели развития инновационного потенциала, направленной на создание стимулирующих условий, как внутренних, так и внешних рамочных. К внутренним, на наш взгляд, можно отнести институционализированную систему инновационного управления, характеристики субъектов инновационной деятельности, уровень их инновационной активности, особенности культуры и моделей поведения, организационно-функциональную структуру, информационно-коммуникативное пространство, систему обратных связей. Внешними условиями являются социальный капитал, формы и методы стимулирования нового знания, инфраструктура, методы государственного регулирования. Определяющую роль в формировании проактивной модели играет создание соответствующего климата, не только благоприятного для продуцирования новых идей, но и направленного на расширение возможностей их реализации.

Разрыв между имеющимся научным потенциалом и востребованностью инноваций – серьезная проблема социально-экономического развития региона. В частности, в Саратовской области научный потенциал не трансформируется в инновационный: область занимает третье место в Российской Федерации по числу защит докторских диссертаций, вместе с тем существенно отстает по показателям социально-экономического развития, по численности персонала организаций, имеющих профильным видом деятельности научные исследования и разработки.

Динамичная и неопределенная инновационная среда, характеризующаяся быстрой качественными изменениями, продуцирует новые задачи управления инновационными процессами, решение которых невозможно в рамках традиционных управленческих моделей. В связи с этим возрастает значимость применения «мягких» механизмов управленческого воздействия взамен укрепившихся в административной среде методов жесткого вмешательства в инновационный процесс. С нашей точки зрения, ключевым аспектом развития инновационного потенциала является инновационная культура, связанная с утверждением новых ценностных ориентаций и норм в системе социально-экономического взаимодействия. Эффективный коммуникативный дискурс как элемент инновационной культуры не только способствует кристаллизации идей, снижает уровень сопротивления, способствует повышению инновационной активности, но и во многом предопределяет качество инновационного пространства региона.

Библиографический список

1. Акимов А.А., Гамидов Г.С., Колосов В.Г. Системологические основы инноватики. СПб., 2002.
2. Амосенок Э.П., Бажанов В.А. Интегральная оценка инновационного потенциала регионов России // Регион: экономика и социология. 2006. № 2. С. 134–135.
3. Аналитический вестник № 7 (450) Аналитического управления Аппарата Совета Федерации. URL: www.council.gov.ru.
4. Унтура Г.А. Проблемы создания инновационной среды региона в рыночных условиях // Регион: экономика и социология. 2002. № 4. С. 5–29.
5. Уланова Ж.Ю. Развитие инновационной инфраструктуры как фактора экономического роста: автореф. дис. ... канд. экон. наук. СПб. 2006.

V.V. Vakhovsky, V.V. Grigoriev
**Conceptual Approaches to Labor
Resources Improvement
at the Regional Level
(by the Example
of Ulyanovsk Region)**

Conceptual approaches to labor resources development at the regional labor market are presented. The recommendations for labor resources and regional HR-policy improvement are offered.

Key words and word-combinations: regional labor market, labor resources development, development conception.

Представлены концептуальные подходы к развитию трудовых ресурсов на региональном рынке труда. Даются рекомендации по развитию трудовых ресурсов и совершенствованию региональной кадровой политики.

Ключевые слова и словосочетания: региональный рынок труда, трудовые ресурсы, концепция развития.

УДК 331(470.44)
ББК 65.24(235.54)

В.В. Ваховский, В.В. Григорьев

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ К РАЗВИТИЮ ТРУДОВЫХ РЕСУРСОВ НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ (НА ПРИМЕРЕ УЛЬЯНОВСКОЙ ОБЛАСТИ)

Важнейшая миссия органов государственной власти заключается в создании необходимых административных, экономических, правовых и информационных условий для обеспечения устойчивого развития общества. На современном этапе особую актуальность приобретают следующие приоритеты и ориентиры: повышение качества жизни населения; расширение возможностей для свободного развития личности; достижение оптимального баланса интересов разных групп населения; создание благоприятных условий для ведения бизнеса, разработки и внедрения инноваций в национальную экономику, в том числе на региональном уровне.

Необходимость сделать регион привлекательным для инвестиций и обеспечить воспроизводство и рост его инновационного потенциала ставит задачу формирования адекватной современным технологиям кадровой инфраструктуры. Концептуальные подходы к проблеме обеспечения предприятий кадрами на уровне региона следует рассматривать как систему базовых принципов, основополагающих стратегических подходов, совокупность которых позволяет региональным исполнительным органам государственной власти эффективно участвовать в развитии трудовых ресурсов. Решение обозначенной проблемы невозможно без необходимого согласования действий между различными вет-

виями власти региона, органами местного самоуправления, хозяйствующими субъектами, институтами гражданского общества.

Разработка концепции и стратегии управления трудовым потенциалом региона, регулирования рынка труда должна опираться на современную методологию экономики труда [1, с. 19]. Применительно к Ульяновской области соответствующие концептуальные подходы призваны обеспечить реализацию модели инновационного социально ориентированного развития региона.

В целом концептуальные подходы к развитию трудовых ресурсов обязаны учитывать долговременные системные вызовы, отражающие как общие внешние тенденции, так и внутренние барьеры социально-экономического состояния территории. Первым вызовом является усиление глобальной конкуренции, охватывающей рынки товаров, капиталов, технологий, рабочей силы, а также системы управления, поддержки инноваций, развития человеческого потенциала. Вторым – новая волна технологических изменений, резко усиливающаяся роль инноваций в социально-экономическом развитии и обеспечивающая многие традиционные факторы роста. Третий вызов выражается в возрастании роли человеческого капитала как основного фактора экономического развития – уровень конкурентоспособности современной инновационной экономики определяется качеством профессиональных кадров, в том числе уровнем их социализации. Наконец, четвертый вызов заключается в исчерпании источников экспортно-сырьевого развития, базирующихся на форсированном наращивании топливно-сырьевой составляющей в стоимости производственных факторов.

Несмотря на принимаемые региональной властью меры по формированию единой политики в области кадрового обеспечения, отсутствие современной концепции развития трудовых ресурсов, учитывающей нестабильность внешней среды, возникающие возможности и угрозы, не позволяет осуществлять эффективное управление и формирование кадрового потенциала для ускоренного социально-экономического развития Ульяновской области. Представляется, что исследование состояния трудового потенциала региона на основе показателей структуры трудовых ресурсов, непосредственно связанных с их динамикой на региональном рынке труда [2, с. 53], позволяет выявить ряд принципиально важных особенностей, таких, как характер конкуренции на рынке труда, движение рабочей силы, структура спроса и предложения, профессионально-квалификационный уровень работников.

На фоне общего снижения профессионально-квалификационного уровня работников в Ульяновской области отмечается нехватка высококвалифицированных специалистов. Таким образом, создается описанная в экономической литературе ситуация наличия свободных рабочих мест при дефиците людей с нужной квалификацией [3, с. 14]. На предприятиях наблюдается рост числа вакансий рабочих основных и вспомогательных профессий, что обуславливает возможности роста промышленного производства преимущественно экстенсивным путем. Не соответствует современным требованиям рыночной экономики квалификация ряда специалистов и управленческого персонала предприятий и учреждений. Для малого бизнеса одной из острых проблем остается низкий уровень профессиональной подготовки предпринимателей. И начинаю-

шие, и работающие представители малого бизнеса нуждаются в поддержке, в организации обучения на основе специальных программ бизнес-образования, созданных с учетом специфики малого бизнеса, нацеленного на инновации.

Дисбаланс в структуре спроса и предложения на региональном рынке труда связан прежде всего с малоэффективной политикой промышленных предприятий в области подготовки кадров, а также со спецификой демографической ситуации – сокращением рабочей силы в трудоспособном возрасте. Вопросы разработки современной кадровой политики, укрепление служб персонала профессиональными кадрами, формирование стратегии кадровой политики, управления человеческими ресурсами при всей актуальности не являются значимыми для руководства большинства малых и средних промышленных предприятий. Углублению диспропорций на региональном рынке труда способствует относительно низкий уровень оплаты труда специалистов в ряде отраслей производства, бюджетном секторе, в научно-исследовательской сфере.

В целом наблюдается устойчивый дисбаланс обеспеченности отдельных территорий области в квалифицированных специалистах. Структура потребности в кадрах значительно смещена в пользу городских рынков труда, предъявляющих спрос на более квалифицированную рабочую силу. Наибольшую потребность в обеспечении квалифицированными кадрами испытывают организации двух отраслей экономики – промышленности и сельского хозяйства, где требуются как специалисты, так и рабочие.

Безусловно, все это осложняет процессы модернизации региональной экономики. Результаты исследования зафиксировали несоответствие структур спроса и предложения рабочей силы. Проведенный с учетом стратегических ориентиров долгосрочного регионального социально-экономического развития SWOT-анализ позволил выявить тенденции, которые в ближайшей перспективе будут оказывать воздействие на рынок труда Ульяновской области.

Недостаточный спрос на рабочую силу при ее дефиците на локальных рынках труда из-за несоответствия профессионально-квалификационной структуры спроса и предложения вызовет рост напряженности на рынке труда в сельской местности. При этом вследствие дифференциации экономического развития сохранятся различия уровня занятости и уровня безработицы в отдельных территориях области. Тенденции старения и сокращения кадрового состава высококвалифицированных рабочих, а также сокращения объемов подготовки рабочих по отдельным профессиям в системе начального профессионального образования, внутрифирменной подготовки в организациях останутся актуальными. Ситуация усугубляется тем, что имеющаяся в Ульяновской области система обучения и развития персонала сориентирована в основном на получение им первичной квалификации, практически отсутствуют программы, связанные с подготовкой работников высших квалификаций.

Недостаточная сбалансированность рынков труда и образовательных услуг не позволяет повысить уровень конкурентоспособности отдельных категорий граждан (в том числе молодежи, не имеющей практического опыта работы, женщин, инвалидов). Показательно, что социальный портрет безработного в Ульяновской области представлен молодежью, закончившей учебные заведения

и не получившей возможности устроиться на работу, а также женщинами в возрасте 40–50 лет, не сумевшими адаптироваться к изменившимся экономическим условиям [4, с. 64].

Результаты исследований выявили основные принципы, определяющие развитие региональных трудовых ресурсов. Принцип «целостности» предполагает, что трудовые ресурсы рассматриваются как неотъемлемая органичная часть социально-экономической жизнедеятельности и устойчивого развития региона. Принцип «кластеризации (селективности)» нацеливает на развитие трудовых ресурсов путем формирования и интенсивного развития кластеров – региональных полюсов роста. Принцип «равноправного партнерства» требует, чтобы система развития и использования трудовых ресурсов строилась на базе всестороннего и активного сотрудничества и взаимодействия органов государственной власти и предпринимательского сообщества в лице независимых саморегулируемых организаций предпринимателей. Принцип «активной экспансии» означает поддержку и развитие трудовых ресурсов отраслей экономики и кластеров, осуществляющих активное проникновение (диверсификацию) в другие российские регионы. Принцип «адаптивности» предусматривает возможность оперативной самоадаптации кадровой региональной политики к изменяющимся внешним и внутренним условиям, позволяющий снизить неопределенность будущего.

Разработка данных принципов позволила на концептуальном уровне определить приоритетные направления регионального развития трудовых ресурсов. К ним относятся:

- создание условий для обеспечения необходимой численности, демографической и квалификационной структур региональных трудовых ресурсов и повышения трудоспособности населения в соответствии с потребностями ускоренного социально-экономического развития;
- повышение производительности труда работников и эффективности использования имеющихся трудовых ресурсов;
- оптимизация структуры профессиональной подготовки кадров для обеспечения региональной экономики кадрами необходимой квалификации и снижения уровня структурного дисбаланса спроса и предложения по специальностям различной квалификации;
- совершенствование инфраструктуры и механизмов функционирования регионального рынка труда;
- интеллектуализация общественного труда, целенаправленное формирование трудовых ресурсов творческого плана.

Реализация обозначенных приоритетных направлений региональной политики по развитию трудовых ресурсов приобретает особую значимость в связи с тем, что современный региональный рынок труда должен максимально формироваться под влиянием широкого спроса на рабочую силу новаторского типа и одновременно массового выхода на рынок труда кадров, хорошо подготовленных к труду в условиях интенсивных научно-технических перемен и способных к активной инновационной деятельности. Одним из ключевых аспектов рыночных преобразований становится политика интеллектуализации общественного труда, связанная с целенаправленным формированием трудовых ресурсов творческого характера и ориентированная на активную политику занятости [5, с. 94].

Особенного внимания, на наш взгляд, заслуживает совершенствование инфраструктуры и механизмов функционирования рынка труда.

Современная региональная инфраструктура развития трудовых ресурсов включают в себя такие базовые элементы, как рынок трудового посредничества, внутриотраслевое регулирование трудовых отношений и миграционных процессов, структуры профессионального и дополнительного образования. Следовательно, требуются организации, совокупно обслуживающие функционирование всей структуры рынка труда, например занимающиеся изучением конъюнктуры, выработкой единой политики и разработкой программ.

Функции инфраструктуры развития трудовых ресурсов проявляются на различных стадиях. Например, при обмене рабочей силы они реализуются в создании условий для согласования интересов работников и работодателей по поводу условий купли-продажи рабочей силы, в стимулировании спроса на рабочую силу со стороны работодателей при повышении качества рабочей силы. На стадии использования рабочей силы они выражаются в создании условий для согласования интересов между работниками и работодателями по поводу цены рабочей силы и ее использования, в стимулировании работодателей к совершенствованию системы рабочих мест.

Совершенствование региональной инфраструктуры развития трудовых ресурсов во многом будет зависеть от формирования инновационной структуры управления, использующей принципы проектного менеджмента, который позволяет разрабатывать мобильные инновационные решения.

Дальнейшее развитие трудовых ресурсов требует, в свою очередь, совершенствование региональной кадровой политики. Это предполагает наличие реальных практических мер, базирующихся на научно разработанных концептуальных подходах.

В организационном плане в Ульяновской области необходимо создать управленческий орган, осуществляющий функции анализа, прогнозирования, проектирования, программирования, а в первую очередь координации деятельности всех структур, реализующих вопросы кадровой политики.

Особого внимания к себе требует система обучения, подготовки, переподготовки, повышения квалификации работников. Важно обеспечить на региональном уровне формирование кадрового потенциала для системы начального и среднего профессионального образования. Не обойтись без создания отраслевых ресурсных центров по подготовке, переподготовке и повышению квалификации персонала для высокотехнологичных, инновационных и бюджетообразующих отраслей экономики Ульяновской области, в том числе нацеленных на подготовку квалифицированных молодых специалистов. Остро актуальной для региона является разработка и внедрение системы государственного заказа образовательным учреждениям на подготовку специалистов с учетом быстроменяющейся ситуации на рынке труда. В соответствии с научно обоснованным планом территориальной организации общественного производства в рамках бюджетного финансирования необходимо предусмотреть осуществление региональной целевой программы развития трудовых ресурсов на долгосрочную перспективу.

Не менее значимо для Ульяновской области создание соответствующей системы информационного обеспечения как совокупности упорядоченных масси-

вов информации технологий и процедур сбора, обработки, накопления, актуализации, анализа и выдачи данных, используемых в управлении трудовыми ресурсами (например, единой информационной базы спроса и предложения на рынке труда). Отдельное внимание следует уделить мониторингу состояния трудовых ресурсов. Он необходим для получения реальной картины в пространственном, временном и качественном (квалификация человеческого капитала) аспектах для оперативных действий и принятия стратегических управленческих решений [6, с. 14].

Реализация основных положений рассмотренных концептуальных подходов к развитию трудовых ресурсов позволяет обеспечить координацию деятельности государственных, муниципальных органов управления и иных организаций, свести до минимума напряженность на региональном рынке труда, а также сформировать управленческий потенциал, соответствующий современным требованиям и задачам инновационного социально-экономического развития региона.

Библиографический список

1. *Остапенко Ю.М.* Экономика труда: учеб. пособие. 2-е изд. М., 2009. (Высшее образование).
2. Рынок труда / под ред. В.С. Буланова и Н.А. Волгина. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2007.
3. *Май В.А.* Экономическая политика 2010 года: в поисках инноваций // Вопросы экономики. 2011. № 2. С. 4–22.
4. *Ваховский В.В.* Политика занятости на региональном рынке труда. Саратов, 2007.
5. *Ваховский В.В.* Политика занятости: цели, задачи, принципы // Вестн. Костром. гос. ун-та им. Н.А. Некрасова. 2006. № 12 (4).
6. *Бабынина Л.С., Колесникова О.А., Похвоцев В.А.* Региональные проблемы занятости, уровня и качества жизни населения. М., 2007.

V.E. Cherkasov, E.V. Vakhovsky
Nonstandard Forms
of Employment in Conditions
of Postindustrial Economy

Nonstandard forms of employment typical of modern economy are studied. Changes at the Russian labor market are predicted.

Key words and word-combinations: labor market, employment, postindustrial economy, the sphere of production, the sphere of services.

Исследуются нестандартные формы занятости, характерные для современной экономики. Прогнозируются изменения на российском рынке труда.

Ключевые слова и словосочетания: рынок труда, трудовая занятость, постиндустриальная экономика, сфера производства, сфера услуг.

УДК 331.5
ББК 65.240

В.Е. Черкасов, Е.В. Ваховский

НЕСТАНДАРТНЫЕ ФОРМЫ ЗАНЯТОСТИ В УСЛОВИЯХ ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ

Появление и усиление роли нестандартной занятости во многих отраслях мировой экономики стало возможным ввиду технологического прогресса, связанного прежде всего с развитием постиндустриальных общественных отношений. Для более глубоко-

го понимания многоаспектности нестандартной занятости и раскрытия ее сущности целесообразно прибегнуть к историческому методу научного исследования.

На современном этапе стандартность в вопросах занятости является синонимом «хорошей работы». Данное понимание сформировано логикой социально-экономических процессов, происходивших в Европе в конце XIX в., в первую очередь процесса индустриализации. Именно тогда было положено начало закреплению прав и свобод трудящихся.

Развитие массового промышленного производства, усиление разделения труда, которое стало результатом широкого применения конвейерных технологий, оказались для промышленности вызовами, требующими новой формы организации труда и занятости. В результате набирали силу профессиональные союзы, представлявшие интересы работников. Анализируя историческую значимость независимых организаций профессиональных союзов, можно с уверенностью утверждать, что во многом концепция стандартной занятости была сформирована благодаря их непосредственному участию.

Целесообразно выделить пять существенных признаков «хорошей работы», которые в своей конъюнкционной совокупности образуют понятие «стандартная занятость»:

- работа у одного работодателя;
- рабочее место в помещении и с орудиями труда, принадлежащими работодателю;
- бессрочный трудовой договор;
- стандартная рабочая нагрузка в течение определенного периода времени;
- защита государственным трудовым законодательством и профсоюзами, наличие таких преимуществ как пенсии и медицинской страховки.

В чистом виде стандартная занятость появилась в капиталистических странах после Второй мировой войны. В соответствии с общественным мнением того времени, в идеале, по окончании своего образования большинство людей должны были устроиться на работу с полным рабочим днем к одному работодателю на все время до достижения пенсионного возраста – 65 лет [1, с. 15].

Стандартная занятость – явление, характерное только для определенного периода, оно в большой степени связано с глубинными процессами индустриализации и в современных условиях поддерживается не социально-экономическими процессами, а нормативно-правовым регулированием государства и лоббированием интересов во властной среде профессиональными союзами.

Стандартность занятости формировала и развивала действующие в индустриальных странах процедуры коллективных договоров и социального партнерства, трудовое законодательство и систему социальной защиты рабочего класса. Союзы рабочих противопоставлялись владельцам средств производства [2, с. 7]. Все это в конечном счете вынуждало работодателей осуществлять распределение капитала с учетом интересов трудящихся. Впрочем, в период экономических рецессий проявлялись черты «нестандартности» занятости населения, что характеризовалось увеличением доли работающих на предприятиях неполное время.

В статье, посвященной нестандартным формам занятости, Арне Л. Каллеберг глубинной причиной появления нестандартности в организации занятости на-

селения и смещения трудовых отношений от коллективных договоров и жесткой государственной регламентации занятости называет глобальные экономические изменения, связанные с нефтяным кризисом [3]. С мнением ученого сложно не согласиться, ведь именно в середине 1970-х годов происходит усиление конкуренции и роста неуверенности среди компаний, увеличивается давление на сотрудников со стороны владельцев средств производства, в свою очередь, профсоюзным организациям приходится считаться с этим социально-экономическими процессами и сдавать позиции, достигнутые в начале XX в. Кроме того, слабый экономический рост привел к высокому уровню безработицы, особенно в Европе. Ее экономика была не способна к генерации достаточного количества рабочих мест для обеспечения полного рабочего времени по найму для всех категорий работников.

Как следствие, появилось большое количество рабочих мест, предполагающих отношения занятости, отличные от «стандартных». В результате структурных изменений в экономике развитых стран снижалась доля традиционной крупной промышленности, предъявлявшей основной спрос на стандартную занятость. Возрос сектор услуг, нуждающийся в работниках, которые могли бы функционировать в условиях гибкого временного режима с большей или меньшей продолжительностью рабочего дня, чем предусмотрено законодательством. Возросло также требование работодателей к мобильности рабочих ресурсов, которые в случае необходимости могли бы легко перемещаться на другие рабочие места, что привело к усилению роли срочного трудового договора. Требования к рабочим со стороны малых предприятий, роль которых в современной экономике постоянно растет, имеют аналогичный характер.

Переход к постиндустриальному обществу, связанный с ним технологический прогресс и прежде всего бурное развитие информационных технологий обеспечили технико-экономические предпосылки для развития небольших гибких производств, специализации и аутсорсинга. Вследствие этого возрос спрос на работников, способных и готовых работать в часто меняющихся и нестандартных условиях. Данные процессы были подкреплены появлением современных средств связи и мобильных компьютеров, имеющих высокоскоростной доступ в Интернет, что позволяет выполнять многие виды работ на территориальном удалении от организации-работодателя или заказчика.

Сокращение численности и роли «стандартных» работников в экономике способствовало «размыванию» социальной базы профсоюзов. Ослабление последних, в свою очередь, политически облегчало работодателю дальнейшую ликвидацию «дорогих» (социально защищенных и обеспеченных разнообразными льготами) стандартных рабочих мест или перевод их в разряд более «дешевых» нестандартных. Данная тенденция подтверждается недавними действиями профсоюзов в европейских странах, где осенью 2010 г. были организованы массовые акции протеста против резкого поворота экономической политики в Европе в сторону нестандартных форм занятости. Можно проследить недовольство профессиональных союзов действиями работодателей, направленными на установление краткосрочных контрактов, и их поддержкой путем невмешательства со стороны органов государственной власти [4].

Определенный вклад в процесс «дестандартизации» занятости населения внесли демографические изменения, произошедшие в структуре рабочей силы развитых стран. Они прежде всего были связаны с выходом на рынок труда замужних женщин (так называемых *marriedwomenworkers*) и пожилых граждан (*olderworkers*), а кроме того, с возрастающей потребностью работодателя в кадрах, владеющих навыками работы с ЭВМ, что увеличивает приток на рынок труда студентов. Как следствие, конкуренция в среде предложения на рынке труда значительно возросла, что привело к увеличению трудового ресурса и созданию тем самым значительного спроса на рынке рабочих мест с сокращенным рабочим временем.

Главной особенностью появления нового типа кадрового ресурса явилось его отношение к труду как к неосновному виду деятельности (соответственно это не требовало законодательных гарантий занятости и дополнительных благ занятым).

В современной социальной экономике можно выделить различные формы нестандартной занятости.

1. Непостоянная (временная) занятость (англ. *temporary employment*). Непостоянно занятыми принято называть работников, заключивших трудовые контракты на определенный срок. К данной категории также относятся работники, заключившие гражданско-правовые договоры, предметом которых является исполнение определенного объема работ, а также работники, имеющие сезонную, разовую или случайную работу.

2. Неполная занятость (англ. *part-time employment*). Имеются в виду работники, у которых обычная продолжительность рабочего времени меньше нормальной величины (как правило, 30–35 рабочих часов в неделю) и/или имеющие трудовые договоры на неполное рабочее время. В Соединенных Штатах, к примеру, неполный рабочий день работы означает менее 35 часов в неделю. В среднем около 16% от общего числа рабочей силы Европейского Союза относятся к категории *part-time employment* [3, с. 5].

3. Недозанятость (англ. *underemployment*). К этой группе «нестандартно» занятых работников относятся лица, временно отсутствующие на своем рабочем месте или занятые трудовой деятельностью меньше обычного времени по не зависящим от них обстоятельствам. Обстоятельствами, препятствующими полной занятости работников, считаются: отпуска по инициативе работодателей, вынужденные переводы на сокращенный график работы, отсутствие клиентов или заказов.

4. Сверхзанятость (англ. *overtime employment*). К данной категории относятся работники, продолжительность рабочего времени которых больше определенной величины (как правило, свыше 40 рабочих часов в неделю).

5. Самостоятельная занятость (англ. *self-employment*). Данная группа включает в себя работодателей, членов производственных кооперативов и самозанятых (англ. *own-account workers*).

6. Неформальная занятость (англ. *informal employment*). К данной категории относятся индивидуальные предприниматели, занятые по найму у физических лиц без заключения трудового договора.

7. Занятость в домашних хозяйствах (household employment). Речь идет о лицах, производящих товары или услуги в домашних условиях для продажи на рынке. Исходя из рекомендаций МОТ, к данной категории не следует относить лиц, производящих продукты только для собственного потребления, так как они принадлежат к экономически неактивному населению.

Доминирующее место в нестандартной занятости в развитых странах занимает непостоянная и неполная занятость. Подобные формы занятости давно применяются в больницах по отношению к медсестрам [3, с. 6].

Нестандартные формы занятости имеют свойство сочетаться друг с другом. Создание на производстве одной из форм нестандартной занятости создает предпосылки для появления другой. К примеру, занятые в неформальном секторе, во-первых, не имеют постоянного контракта, во-вторых, работают не по найму, а в-третьих, трудятся неполный рабочий день. Возможна также ситуация, когда один и тот же работник может совмещать стандартные и нестандартные формы занятости. В частности, работник, осуществляющий свою трудовую деятельность на основании бессрочного трудового договора, может быть привлечен к неформальной деятельности.

Нестандартная занятость может рассматриваться с юридической и фактической точек зрения. Де-юре она предполагает отклонение формальных условий трудового договора от принятых норм трудового законодательства. Де-факто нестандартная занятость предполагает непосредственное изучение условий занятости. При этом международные социально-экономические тенденции подводят законодателей разных стран к необходимости вносить поправки в ранее принятые нормативно-правовые акты с учетом возрастающей роли нестандартной занятости в экономике. Однако в данном случае не следует забывать о том, что вносимые изменения могут нарушить существующий баланс интересов трудящихся и работодателей.

Таким образом, существует объективная потребность в формировании более гибкой политики занятости, которая должна учитывать интересы всех участников производства, для чего необходимо четко разграничить преимущества и недостатки нестандартной занятости, отраженные в теории, для их дальнейшего практического применения в нормотворчестве.

В западной литературе экономисты делают акцент на вопросах гибкости занятости. Для работодателя гибкость означает увеличение возможностей снижать издержки производства на труд, вследствие чего повышается способность сохранять имеющиеся рабочие места и создавать новые. В то же время либерализация законодательства в сфере защиты занятости повышает долю работников с малым опытом работы в определенной сфере, а также уменьшает инвестиционную привлекательность человеческого капитала и трудовую мотивированность работников, следствием чего является снижение качества выпускаемой продукции.

Нестандартная занятость позволяет обеспечить более высокий уровень занятости, тем самым снижая риск безработицы и повышая шансы трудоустройства и для занятых, и для незанятых, что безусловно соответствует интересам трудящихся. Кроме того, рабочие места в данном случае обеспечивают более эффективную возможность для безработных вернуться в сферу занятости.

Однако не следует забывать, что для работника нестандартная занятость прежде всего связана с отсутствием социальной защиты. К объективным недостаткам нестандартной занятости для работников можно отнести и низкую оплату труда, отсутствие контроля за безопасностью рабочего места и в большинстве случаев – отсутствие перспектив карьерного роста.

Взаимодействие органов законодательной власти, профессиональных союзов, работников и работодателей должно строиться на основе соблюдения взаимных интересов работников и работодателей – главных участников производственного процесса. Игнорирование законодателем объективных социально-экономических процессов, усиливающих роль нестандартной занятости, приводит к возрастанию уклонения работодателей от государственного контроля. Вместе с тем излишнее «развязывание рук» работодателям может значительно затронуть права работников.

Примером отставания законодательства от социально-экономических процессов является Трудовой кодекс Российской Федерации [5].

С точки зрения регулирования форм занятости на ранних стадиях формирования рыночной экономики российское трудовое законодательство существенно ограничивало работодателям возможность выхода за рамки стандартного трудового договора. Оно установило применение преимущественно бессрочного трудового договора с фиксированной продолжительностью рабочей недели. Кроме того, трудовое законодательство обложило работодателя обязательными льготами и гарантиями, действующими в отношении работников. Все это свидетельствует о нормотворчестве, несущем в себе черты «социалистического наследия».

Многочисленные изменения и поправки в трудовое законодательство, вносившиеся на протяжении 1990-х годов, были в большинстве своем бессистемными и приводили к противоречиям. При этом существовала объективная социально-экономическая потребность работодателей в повышении гибкости трудовых отношений. В результате распространялись практики массовых «обходов» работодателями действующего трудового законодательства, реализуемые при явном попустительстве органов государственной власти. Создать условия для эффективного функционирования рынка труда в новой рыночной среде был призван Трудовой кодекс РФ, заменивший прежний КЗоТ [6], а также множество используемых подзаконных актов.

Анализ показывает, что современное российское законодательство по-прежнему накладывает жесткие ограничения на использование многих нестандартных форм трудовых отношений.

Выбор конкретной конфигурации правил в некотором роде представляет собой политический компромисс между абсолютной гибкостью рынка труда и защищенностью наемных работников, выражающейся в формализации трудовых отношений. Однако изменение политического баланса в сторону работников приводит к увеличению издержек, которые вынуждены нести работодатели при адаптации к колебаниям на рынке. С другой стороны, либерализация возможностей работодателей ведет к уменьшению инвестиций в человеческий капитал и ослаблению прогнозируемости рынка труда.

Оценки современного российского законодательства свидетельствуют о том,

что российский рынок труда является чрезвычайно зарегулированным. Сохраняется повышенный уровень защиты занятости, который значительно снижает спрос на рабочую силу и усиливает масштабы и продолжительность безработицы. Кроме того, сокращаются темпы создания новых рабочих мест, углубляется сегментация рынка труда и ухудшается положение наиболее социально уязвимых групп населения. От жесткой законодательной защиты занятости более всего страдают женщины, молодежь и работники низкой квалификации.

Институциональная суть российской модели заключается в тесном переплетении крайне жестких правил, зафиксированных в трудовом законодательстве, и массовой практики неисполнения норм права, обязательных к применению в области занятости. Все это приводит к деформализации трудовых отношений. Буквальное исполнение норм права, установленных государством, могло бы полностью парализовать работу работодателей и привести к существенному росту безработицы.

Определенные негативные последствия несет в себе и широкая либерализация трудового законодательства, приводящая к увеличению гибкости рынка труда. Неформальная занятость, закрепленная либеральными диспозициями нормативно-правовых актов, присуща прежде всего группе англосаксонских стран (США, Великобритании, Канаде, Австралии, Новой Зеландии), где действует либеральное законодательство, но законы выполняются неукоснительно.

С учетом колебаний волн рыночной экономики гибкое правовое регулирование, дающее хорошие результаты в период экономического подъема, подводит работодателя к безнаказанному ущемлению интересов рабочих в период рецессии. В некоторой степени усиление деформализации трудовых отношений является «подушкой безопасности» для работодателей, позволяющей им преодолевать периоды экономических спадов. Однако в такие периоды баланс интересов работодателей и рабочих, безусловно, складывается не в пользу последних. Результатом таких процессов является сокращение привлекательности работника как объекта капиталовложений.

Несмотря на имеющиеся недостатки, именно либерализация занятости во многом определяет возможности рынка труда по успешной адаптации его к непрерывным изменениям в экономической и социальной средах.

Диверсификация занятости показала себя как успешный инструмент, применяемый в развитых странах и позволяющий снизить издержки работодателей в условиях экономических спадов экономики, тем самым помогая им сохранить рабочие места. Усиление же формализации трудовых отношений подводит работодателей к необходимости обходить нормы права, которые снижают их возможности управления кадровыми потоками и адаптации к вызовам экономики. В свою очередь, это приводит к ослаблению реального контроля трудовых отношений со стороны государства и усилению коррупционности данной сферы социально-экономических отношений.

Библиографический список

1. *Fudge J., Owens R. Precarious Work, Women and the New Economy: The Challenge to Legal Norms* // Onati International Series in Law and Society. Oxford, 2006.

2. Webb S., Webb B. History of Trade Unionism. L., 1920. Ch. I. URL: <http://www.archive.org/details/cu31924017134523>
3. Kalleberg A.L. Nonstandard employment relations: Part-time, Temporary and Contract Work. URL: <http://www.annualreviews.org>
4. Janssen R. Precarious work makes for a precarious recovery. URL: <http://column.global-labour-university.org/2010/09/precarious-work-makes-for-precarious.html>
5. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 дек. 2001 г. № 197-ФЗ (в ред. от 23 апр. 2012 г.) // Рос. газ. 2001. 31 дек.
6. Кодекс законов о труде Российской Федерации: утв. ВС РСФСР 9 дек. 1971 г. // Ведомости ВС РСФСР. 1971. № 50. Ст. 1007.

N.A. Rossoshanskaya
Specificity of Catering Industry
that Affects the Calculation
of the Catering Services Cost

The current specificity of catering industry is shown. Different approaches to the calculation of services cost are analyzed.

Key words and word-combinations: catering, products cost, peculiarities of production.

Показана актуальная специфика отрасли общественного питания. Анализируются различные подходы к калькуляции стоимости услуг.

Ключевые слова и словосочетания: общественное питание, себестоимость продукции, особенности производства.

УДК 657.0/5:338.45
ББК 65.052.2+65.305.7

Н.А. Россошанская

СПЕЦИФИКА ОТРАСЛИ
ОБЩЕСТВЕННОГО
ПИТАНИЯ,
ВЛИЯЮЩАЯ
НА КАЛЬКУЛЯЦИЮ
СЕБЕСТОИМОСТИ УСЛУГ

В условиях динамичного роста отрасли общественного питания, обусловленного изменением технологий переработки продуктов, развитием коммуникаций и средств доставки продукции и сырья, интенсификацией многих производственных процессов большое значение имеет практика организации информационно-аналитического обеспечения управления затратами, основанная на поддержании их оптимального уровня.

В настоящее время во всем мире предприятия общественного питания принадлежат государственному или частному сектору. Отечественный государственный сектор общественного питания включает в себя учреждения питания для детей, дошкольников, школьников, военнослужащих, лиц, находящихся в заключении, людей пожилого возраста и лиц, находящихся на лечении в боль-

нице, а также столовые для работников, занятых на службе в государственном секторе. Частный же сектор в равной мере может включать в себя многие из указанных предприятий, а также рестораны, кафе, бары.

Следует отметить, что в настоящее время большинство предприятий общественного питания различных форм собственности и различной принадлежности к государственному сектору разрабатывают свои правила установления цен на услуги, руководствуясь критериями спроса и предложения. Это не позволяет выработать единую методику установления тарифов на продукцию отрасли общественного питания.

Система установления цен сложна и сопряжена с особенностями ведения деятельности субъектами отрасли общественного питания:

- повышенные затраты на обеспечение высокого уровня материально-технического оснащения, соблюдение санитарных условий, подготовку и повышение уровня квалификации персонала, а также на совершенствование культуры обслуживания;

- неоднородное развитие и диспропорции в размещении и получении доходов предприятий общественного питания на территории городов (большинство их, как правило, сконцентрировано в центральной части города);

- увеличение затрат на формирование системы обеспечения социального общественного питания по месту учебы и работы потребителей, согласно которой требуется установление нормативов обеспеченности посадочными местами и площадями, учитывая инфраструктурное, социально-экономическое, демографическое развитие населенного пункта и имеющиеся потребности людей.

В таких условиях субъекты отрасли общественного питания должны обеспечить расширение географических границ реализации продукции, в том числе и путем заказа по телефону, на Интернет-сайте. Часто требуется перепрофилировать действующие, но «отстающие» по канонам рынка предприятия общественного питания. Актуальным в современных условиях является становление новых субъектов в индустрии общественного питания путем и обеспечение снижения правовых, организационных, административных, экономических, экологических и прочих барьеров для входа на рынок услуг. В значительной мере решению обозначенных задач будет способствовать единая концепция ценообразования в условиях конкурентной среды в отрасли общественного питания с целью формирования общего подхода к установлению стоимости услуг общественного питания [1, с. 24].

Следует отметить, что в настоящее время отмечается тенденция создания ресторанных мультикомплексов. Это связано с концепцией укрупнения бизнеса предприятий общественного питания, стремлением снизить затраты на аренду, маркетинг и рекламу.

Еще одним из перспективных направлений развития отрасли общественного питания является создание кафе в торговых центрах и установление симбиоза ресторанов с гостиницами или кинотеатрами, что позволяет экономить на аренде площадей общего пользования и техническом оснащении, привлекать дополнительных посетителей и в целом уменьшать себестоимость услуг.

По мнению экспертов, сегмент крупных сетевых кафе fast-food сформиро-

вался, но сегодня не реализован колоссальный потенциал спроса на легкое и здоровое питание. По этой причине на современном этапе совершенствования отрасли общественного питания следует развивать сети здорового питания, в рамках которых возможны следующие типы заведений: этнический (подсегмент азиатских, итальянских и мексиканских ресторанов), кафе-пекарня (подсегмент заведений с широким выбором свежей выпечки собственного производства), сэндвич- и салат-бар. Кроме того, достаточно перспективным, востребованным и новым направлением для российского рынка общественного питания является и кейтеринг, в рамках услуг которого осуществляется доставка готовых блюд потребителям.

Все это требует пересмотра существующего методического обеспечения бухгалтерского учета в отрасли общественного питания. В связи с этим для решения сложившейся проблемы в настоящее время многими регионами разрабатываются концепции развития торговли и общественного питания или же концепции развития потребительского рынка.

Планируемые и в дальнейшем преобразования нормативно-законодательной базы отрасли общественного питания потребуют создания информационных потоков формирования затрат с целью дальнейшего прогнозирования цен на услуги общественного питания. Это связано с тем, что действующая нормативно-законодательная база не сопряжена в полной мере со спецификой отрасли пищевой промышленности на современном этапе развития рыночных отношений и порядком процесса калькулирования услуг общественного питания.

Одной из основных особенностей отрасли общественного питания, влияющей на порядок формирования информации о себестоимости услуг общественного питания, является одновременное осуществление производственной и торговой деятельности. Эта специфическая особенность отрасли приводит к трудностям, связанным с ведением учета, вне зависимости от размеров и типов предприятия общественного питания: сложность калькулирования себестоимости готовой продукции традиционными для производственной сферы методами (сырье + заработная плата + страховые взносы на заработную плату + амортизация + ... и т.д.), зависимой от широкой, постоянно изменяющейся номенклатуры выпускаемой продукции (блюд и напитков), и параллельное ведение двух видов учета – производственного и торгового.

В рамках первой проблемы необходимо отметить, что формирование цен на услуги общественного питания осуществляется на основании нормативов, установленных Сборниками рецептур. В свою очередь, они содержат необходимые данные для расчета себестоимости: расход сырья, необходимого для изготовления блюда, и его себестоимость; нормы выхода готовых изделий с указанием массы отдельных составляющих (приводится общий вес готового блюда в граммах). Подобный расчет осуществляется в калькуляционной карточке (унифицированная форма № ОП-1) [2]. Однако в организациях общественного питания имеется достаточно широкая номенклатура производимой кулинарной продукции и кондитерских изделий, в связи с чем данный способ расчета себестоимости достаточно трудоемок. Кроме того, постоянно изменяющиеся покупные цены на сырье (продукты питания) приводят к необходимости расчета новых

продажных цен, поскольку по правилам ведения бухгалтерского учета на предприятиях общественного питания исчисленная в калькуляционной карточке продажная цена действует до изменения компонентов в сырьевом наборе и цен на сырье и продукты.

В решении данной проблемы, как показали исследования, многие современные организации общественного питания заимствовали западную модель бухгалтерского учета. Согласно ей продажная цена формируется уровнем покупательского спроса, и в этом случае не существует необходимости калькуляционных расчетов и формирования калькуляционных карт. Однако, на наш взгляд, отказ от калькулирования себестоимости единицы кулинарной продукции и кондитерского изделия не позволит рассчитать уровень рентабельности выпускаемой продукции, создаст определенные трудности в выборе ассортимента выпускаемых блюд, а также не позволит выявить резервы снижения стоимости сырья (продуктов питания).

При калькулировании себестоимости единицы кулинарных блюд и кондитерских изделий следует учитывать, что утвержденные Сборники рецептур имеют некоторые недостатки. Поскольку данные нормативы долгое время не пересматривались, в них отсутствуют блюда, изготавливаемые на современном этапе развития отрасли общественного питания. Кроме того, рецептуры таких блюд, как салаты, супы, гарниры, соусы, сладкие блюда, большинство напитков и блюд, не требующих по представленным рекомендациям индивидуального приготовления и оформления, приведены в Сборниках в расчете на 1 кг или 1 л.

С целью решения данных противоречий предлагаем альтернативный способ документального оформления нормативов кулинарных блюд и кондитерских изделий с помощью технико-технологических карт. При этом рекомендуется отражать в технико-технологических картах такую информацию, как расход сырья (продуктов питания) в количественном выражении, выход полуфабрикатов и выход готовых блюд; при списании же стоимости сырья (продуктов питания) в цеха холодных, горячих, охлажденных блюд и кондитерских изделий применять средневзвешенные цены на сырье (продукты питания). Это, на наш взгляд, позволит избежать ошибок в калькулировании себестоимости услуг предприятий общественного питания при наличии их огромного ассортимента и сформировать информационное поле о прямых затратах [3] по стоимости сырья (продуктов питания), что необходимо для калькулирования.

На основе данных, имеющихся в технико-технологических картах, составляются бухгалтерские записи и рассчитывается себестоимость кулинарных блюд и кондитерских изделий. Однако на предприятиях общественного питания достаточно многообразный перечень номенклатуры, и составление ежедневный калькуляционных расчетов является весьма трудоемким процессом. В связи с этим предлагается при производстве кулинарных блюд и кондитерских изделий в течение месяца учитывать их нормативную себестоимость.

Применение методов нормативного учета затрат на производстве позволяет создать систему по планированию, нормированию, отпуску сырья (продуктов питания) в цеха холодных, охлажденных, горячих блюд и кондитерских

изделий; по составлению внутренней отчетности, калькулированию себестоимости продукции и осуществлению экономического анализа и контроля на основе норм затрат.

Другой проблемой отрасли общественного питания являются специфические особенности ценообразования. Так, в настоящее время продажные цены на услуги общественного питания формируются с учетом затрат на производство и организацию потребления кулинарной продукции и торговой наценки. Они должны возместить производственные затраты и затраты по обслуживанию потребителей. Организации общественного питания не ограничены в размере наценки, поэтому продажную цену на готовую продукцию они устанавливают самостоятельно, исходя из конкретных условий деятельности. Прежде всего размер наценки зависит от типа и профиля предприятия питания (ресторан, столовая, бар, кафе), что влияет на ассортимент реализуемой продукции, ее разнообразие и сложность изготовления. Кроме того, учитываются и другие факторы: материально-техническое оснащение предприятия, методы и качество обслуживания, перечень предоставляемых услуг, наличие конкурентов, покупательской способности предполагаемого потребителя данной продукции и т.д.

Таким образом, предприятия общественного питания одновременно осуществляют производство, реализацию и организацию потребления продукции собственного производства, а также реализуют продукцию, готовую непосредственно к потреблению без какой-либо дополнительной обработки (фрукты, алкогольные напитки, табачные изделия и др.). При этом совокупные затраты таких предприятий представляют собой сумму издержек производства и обращения. Как показали исследования, большинство предприятий общественного питания, в отличие от других отраслей, не включают в затраты производства стоимость сырья, используемого для изготовления продукции, а учитывают только собственные затраты, связанные с производством продукции (заработная плата работников производства, затраты на транспортировку и хранение сырья и полуфабрикатов, расходы на топливо и электроэнергию, амортизацию основных производственных фондов и др.). Продажные же цены на сырье (продукты питания) в уже готовых кулинарных блюдах и кондитерских изделиях формируются с учетом затрат на их приобретение и торговой наценки. Тем не менее подобный учет приводит к искажению себестоимости единицы кулинарных блюд и кондитерских изделий и невозможности их калькулирования, поскольку основная доля затрат на производство услуг общественного питания приходится на закупку сырья (продуктов питания).

С нашей точки зрения, в целях решения данной проблемы рекомендуется организовать раздельный учет издержек производства и обращения. При этом в затраты производства следует включать расходы, непосредственно связанные с изготовлением продукции, и определять себестоимость единицы кулинарного блюда и кондитерского изделия на основе фактических затрат. Продажные цены необходимо устанавливать на основе фактической себестоимости кулинарных блюд и кондитерских изделий и надбавки с учетом факторов спроса и предложения. В издержки обращения рекомендуется включать толь-

ко те расходы, которые связаны с организацией потребления услуг общественного питания.

Подобные рекомендации, на наш взгляд, позволят решить проблему определения достоверной стоимости услуг общественного питания, что особенно важно для принятия оптимальных управленческих решений в области установления цен на кулинарную продукцию, кондитерские изделия и товары.

Таким образом, выделение специфичных особенностей отрасли общественного питания позволило определить для различных типов предприятий общественного питания (ресторан, кафе, бар, столовая) принципы формирования единого информационного поля как основы потока учетно-аналитической информации о затратах субъектов отрасли общественного питания для установления экономически оправданной и конкурентоспособной стоимости услуг общественного питания.

Библиографический список

1. Николаева Г.А., Сергеева Т.С. Бухгалтерский учет в общественном питании. М., 2011.
2. О бухгалтерском учете: Федер. закон от 21 нояб. 1996 г. № 129-ФЗ (в ред. от 28 нояб. 2011 г.) // Рос. газ. 1996. 28 нояб.; 2011. 7 дек.
3. Положение по бухгалтерскому учету «Расходы организации» (ПБУ 10/99): утв. приказом Министерства финансов РФ от 6 мая 1999 г. № 33н (в ред. от 8 нояб. 2010 г.). [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «Гарант».

ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРА СОЦИУМА: ПОДХОДЫ, КОНЦЕПЦИИ, МНЕНИЯ

T.V. Yeremina
Conceptual Bases of Reflection
Types Change: Methodological
Aspect

The types of reflection corresponding to the levels of depth of knowledge and its types and forms are researched. It is substantiated that with the help of reflection the exit beyond the existing system of knowledge and the generation of new knowledge take place.

Key words and word-combinations: reflection, cognition, knowledge, self-knowledge, self-reflection.

Исследуются типы и формы рефлексии, которые соответствуют уровням глубины самого знания, его типам и формам. Доказывается, что при помощи рефлексии происходит выход за пределы существующей системы знания и порождается новое знание.

Ключевые слова и словосочетания: рефлексия, познание, знание, самопознание, саморефлексия.

УДК 165
ББК 87.21

Т.В. Ерёмкина

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ СМЕНЫ ТИПОВ РЕФЛЕКСИИ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Проблема рефлексии привлекает внимание специалистов, работающих в различных областях, становится предметом междисциплинарных исследований. Однако различные аспекты проблемы рефлексии интегрируются в философии. Традиционно философия обладает прерогативой общенаучной рефлексии, поскольку философские проблемы и представления реализуются на всех уровнях методологических исследований и во всех отраслях науки. Актуальность исследования рефлексии как принципа философского мышления заключается в необходимости формирования общей методологической сферы, позволяющей соотносить философские, научно-теоретические и практические представления о проблеме рефлексии. Помимо этого, она обусловлена потребностью изучения самосознания и возможностью интеллектуальной свободы личности.

Проблема рефлексии имеет давнюю историко-философскую традицию, ее постановка

восходит к истокам европейской философской мысли. Со сменой эпох представления о рефлексии преломлялись, она стала воплощаться как в осознании пройденного пути мышления, так и в отражении действительности [1, с. 398]. Латинский термин «рефлексия» первоначально растолковывался как «обращение назад», «вспоминание» и лишь потом приобрел специфический оттенок «переосмысления» как надстройки над уже однажды познанным. Семантическая трансформация термина позволила рефлексии как определенной практике отгородиться от других способов познания, поскольку в таком значении она отличается своеобразной «произвольностью».

Впервые предметом обсуждения рефлексия становится уже в античной философии. Сократ понимал под рефлексией задачи самопознания, Платон и Аристотель полагали, что мышление и рефлексия являются атрибутами божественного разума, через которые проявляется единство мыслимого и мысли [2, с. 23]. В философии Средневековья представление о рефлексии кардинально меняется – она становится способом самовыражения миротворящей активности Бога и его «умной энергии» через Логос.

Со времен Р. Декарта рефлексии придается статус основного методологического принципа философии, что предполагает возможность более предметного рассмотрения сознания с переходом к самосознанию посредством саморефлексии [3, с. 239]. Рефлексия как источник познания связывается и с именем Д. Локка, который полагал, что рефлексия – это прежде всего внутренний опыт субъекта, имеющий чувственный, психологический, эмпирический характер [4, с. 565].

По мнению Г. Лейбница, под рефлексией понимается интеллектуальный процесс, где наибольшая значимость отводится всеобщему знанию и всеобщим истинам [5, с. 478]. И. Кант в своей философии использовал рассматриваемое понятие с целью разъяснения специфики работы сознания и его интегрирующей функции между двумя сферами – чувственной и умопостигаемой. Он отмечал, что рефлексия – это прежде всего то, что связывает явление и опыт [6, с. 491]. Согласно Г. Гегелю в философии существуют три типа рефлексии: полагающая, внешняя и определяющая [7, с. 452]. Им дано определение существующих видов рефлексии, а также определено, что все три рефлексии триедины и разделение их недопустимо.

Наука XX в. показала, что оптимальность научного познания тесно связывается с использованием рефлексии как метода. Внутренние процессы развития науки участвуют в перестраивании организации научной деятельности и, наряду с личностной формой рефлексии, формируют надличностные, институционально закрепленные формы самосознания науки. Разграничение рефлексии философской и психологической происходит на уровне целей, мыслительных средств, методов и языка.

С нашей точки зрения, философский и обыденный типы человеческого опыта различаются по своей природе, природе того, что они знают и как они это знают. Рефлексивные формы интерпретации человеком себя и своего опыта изначально берут начало в дорефлексивном опыте сознания, однако это не отменяет вопрос о собственной конститутивности самой рефлексии.

В отличие от конститутивности повседневного опыта и его рефлексии, кон-

ститутивность собственно философской рефлексии и ее статус конститутивности неоднозначны [8]. Причины этого заключаются в сложных отношениях между философией и жизнью. Философия, с одной стороны, есть то, что может выполняться в жизни, но с другой – «выполняться в жизни» не значит совпадать с ней и повторять ее. Последствия невыполнения жизнью законов философского мышления о ней очевидны, в то же время это невыполнение не способно опровергнуть эти законы, отменить их собственную внутреннюю значимость и истинность.

По своим целям рефлексивные процессы имеют четкую направленность, которая заключается в переосмыслении принятых эталонов деятельности. Усиление механизмов рефлексии и саморефлексии составляет определяющую черту развития современной науки.

В качестве «низшего» уровня самопознания науки можно считать внутритеоретическую рефлексия, которая выражается в попытке организовать и систематизировать знание, ограничиваясь смыслом конкретной теории [9]. Считается, что внутритеоретическая рефлексия не приводит к существенной перестройке теории и радикальному изменению ее оснований, а лишь способствует приобретению ею статуса внутридисциплинарной рефлексии. Это позволяет преобразовать ее в метадисциплину или парную рефлексия. С другой стороны, метатеоретические исследования являются первой формой, в которой рефлексия приобретает статус самостоятельного уровня исследования. Этот процесс объективировал функции познания, которые заключались не в изучении «своего этажа» познания, а в организации перехода, «подъема на следующий этаж», объединении старых объектов и присоединении других принадлежащих новому уровню [10, с. 344].

Современное научное познание не только предполагает переходы одной формы рефлексии в другую предметную область, но и обогащает сам тип рефлексии. Внутритеоретический тип рефлексивности фактически совпадает с процедурой внутренней теоретизации. На метатеоретической ступени происходит расщепление знания на объектное и метатеоретическое, но на уровне философско-методологической рефлексии возникает переключение познавательной деятельности на себя и анализируются собственные основания научного познания в контексте, отличном от заданного самой деятельностью. Тем самым философско-методологическая рефлексия отчуждает себя и путем самоотнесения осмысливает взаимопроникновения субъективного в объективное, а также пределы их совпадения.

Философия может выступать как общенаучное средство познания и как инструмент метатеоретического исследования. Такая особенность высших уровней рефлексии открывает перспективы погружения в предмет познавательного интереса. Следовательно, в каждом случае философско-методологическая рефлексия возникает в ответ на запрос со стороны конкретно-научного знания.

Философская рефлексия включает исследование условий, границ, закономерностей осуществления научного познания, теоретическое обоснование его методологии, обобщение научного познавательного опыта, осуществляемое на «практическом» уровне научной деятельности. Благодаря этому философское мировоззрение служит последним обоснованием знания, определяющим отношения субъекта к действительности, что дает возможность для определения границ в цепочке обо-

снований. Принято считать, что знание только тогда полностью обосновано, когда опирается на понятия, выступающие от имени объективной реальности. Основанием для философского знания служит идея идентичности бытия и мышления.

Философию всегда интересовали проблемы науки, ее методология, вопросы обоснования и формирования научного метода, она занимает важное место в совокупности методологического знания. В свою очередь, из всей совокупности методологического знания, входящего в научный метод, главенствующую роль играют общетеоретические философские положения, которые, во-первых, логически упорядочивая практически-эмпирическое знание, образуют целостную систему методологической рефлексии, а во-вторых, организуют, упорядочивают не только знание, входящее в метод, но и совокупность познавательных действий. Следовательно, общетеоретическое философское знание, входящее в метод, рефлектирует не только относительно норм, приемов, законов и свойств научного исследования, но и теоретически их обосновывает. Кроме того, философия определяет их выбор, предпочтение одних перед другими, взаимную связь соответствующих целям исследования познавательных шагов, действий и упорядочивает последовательность их применения. Это значит, что рефлектирующее знание метода должно строго контролировать весь путь научного исследования таким образом, чтобы метод мог выступать философски обоснованной программой познания.

Помимо рассмотренных, существуют и другие формы рефлексии в науке: кооперативная [10], коммуникативная [11], интеллектуальная [9], личностная [1] рефлексии, которые соответствуют объективной рефлексии научного знания и субъективной рефлексии самосознания науки [12].

Поскольку наука является искусственно заданной деятельностью, то ученый обязан знать интеллектуальные правила этой деятельности, соблюдать их и в связи с этим, ограничивать собственные мысли. В то же время знание и понимание сути этих ограничений становится основанием научного творчества. Знание и познание возможных условий деятельности порождают ситуацию возможности коррекции и изменений действующих правил, что, собственно, и придает динамизм в движении науки. Иными словами, согласно афоризму Аристотеля, пределы научной деятельности находятся в нашей голове [13].

Развитие науки невозможно без методологической рефлексии, во всяком случае практически все современные исследования в области истории и логики науки – это качественно значимые утверждения скачков в научном познании. Они были связаны именно с этой специфической интеллектуальной деятельностью (К. Поппер, Т. Кун, М. Поланьи). Таким образом, анализ концептуальных оснований смены уровней, типов и форм рефлексии в научном познании показывает, что они соответствуют уровням глубины самого знания, его типам и формам, а посредством рефлексии достигается не только собственно знание, но и знания о способах познания мира. При помощи рефлексии происходит выход за пределы существующей системы знания и создаются условия для порождения нового знания.

Библиографический список

1. *Россохин А.В.* Рефлексия и внутренний диалог в измененных состояниях сознания. М., 2010.

2. Антипов Г.А., Донских О.А. Проблема периодизации историко-философского процесса с позиций представления о рефлексии // Проблемы рефлексии: сб. ст. / отв. ред. И.С. Ладенко. Новосибирск, 1987.
3. Донских О.А., Кочергин А.Н. Античная философия: Мифология в зеркале рефлексии. М., 1993.
4. Локк Дж. О пыточеловеческом разумении // Соч.: в. 3 т. / пер. с англ. М., 1985. Т. 1.
5. Лейбниц Г.В. Новые опыты о человеческом разумении автора системы предусмотренной гармонии // Соч.: в. 4 т. М., 1883. Т. 2.
6. Кант И. Критика чистого разума // Соч.: М., 1964. Т. 3.
7. Гегель Г.В.Ф. Учение о сущности. М., 1902.
8. Огурцов А.П. Альтернативные модели анализа сознания: рефлексия и понимание // Проблемы рефлексии: современные комплексные исследования. Новосибирск, 1987.
9. Степанов С.Ю., Семенов И.Н. Проблема формирования типов рефлексии в решении творческих задач // Вопросы психологии. 1982. № 1.
10. Бодаев А.А. Восприятие человека человеком. Л., 1965.
11. Брушлинский А.В. Мышление как процесс и проблема деятельности // Вопросы психологии. 1982. № 2.
12. Бажанов В.А. Рефлексия в современном науковедении // Рефлексивные процессы и управление. 2002. Т. 2, № 2.
13. Аристотель. Политика // Соч.: в 4 т. М., 1983. Т. 4.

D.I. Filatov
Certainty of the Ways
of Human Activity

The principles of solving problems arising in the course of human activity are studied. Such key concepts for the general methodology as "problem", "dead end", and "the way" are considered.

Key words and word-combinations: methodology, technology, organization of activity.

Представлены принципы преодоления проблем, возникающих в ходе человеческой деятельности. Рассматриваются такие ключевые для общей методологии понятия, как «проблема», «тупик» и «путь».

Ключевые слова и словосочетания: методология, технология, организация деятельности.

УДК 1:316
 ББК 60.025

Д.И. Филатов

ОПРЕДЕЛЕННОСТЬ
ПУТЕЙ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Всякая человеческая деятельность организуется в формированиях, обладающих тремя измерениями определенности. Ее пути обусловлены в отношении имеющих подступов, исходных и выходных пунктов, а следовательно, всякая деятельность связана с исходными материалами, переживает основные моменты трансформации этих материалов и обеспечивает окончательные их формы на выходе. Подобные мыслительные схемы находим в философских рассуждениях Г. Гегеля («возвышение мышления над чувственным, выход мышления за пределы конечного

к бесконечному, прыжок в сверхчувственное» [1, с. 170]) и М. Хайдеггера («исходная позиция анализа, равно как подход к феномену и прохождение сквозь господствующее сокрытие требуют собственного методического обеспечения» [2, с. 36]).

Методология начинается там и тогда, где и когда определенность относительно упоминаемых элементов утрачивается и потеря определенности относительно любого из измерений делает ситуацию проблемной.

В реальности проблемы есть всегда, в частности если та или иная система деятельности функционирует нормально и бесперебойно: горизонты для оптимизации и улучшения открыты всегда. Однако даже если эти проблемы выявляются, то отнюдь не обязательно следует, что соответствующая коррекция будет внесена в способ организации той или иной системы деятельности. Проблемы могут «провисать» в течение неограниченного количества времени – как самые тяжелые и значимые, так и наименее заметные. Они оформляются вместо одного из трех измерений определенности пути.

Пусть «возникает проблемная ситуация или, иначе, “ситуация разрыва”» [3, с. 563.]. Предположим, что некий «индивид производит деятельность, заданную его целями (или задачами), средствами и знаниями, и предположим, что по тем или иным причинам она ему не удастся» [4, с. 489]. В подавляющей массе случаев прерывание движения компенсируется обращением к наличным нормам: «люди в своих делах почти всегда идут по проторенной уже дороге» [5, с. 36], напрямую заимствуя «рецепты» из имеющейся системы культуры.

Как правило, проблемный характер носят подступы пути человеческой деятельности. Наравне с порогами, они поддаются методологическому анализу лишь в связи со специальными средствами этого анализа. Ошибки, кроме того, могут содержаться и в исходном пункте, где материалы с подступов приводятся в синтетическое взаимодействие. В таком случае проявляются специфические ошибки исходного синтеза. Разумеется, проблемы могут содержаться и в выходном пункте, где этот синтез завершается, и материалы передаются на входы в иную систему деятельности. Например, решение простого арифметического уравнения может столкнуться с отсутствием данных на подступах и порогах – отсутствием некоторых значений, на исходном пункте проявиться в самом решении, в синтезе этих значений, а далее, на выходном пункте, выразиться в неправильной формулировке выходных значений, неверном их взаимном определении.

Проблема поддается решению лишь до тех пор, пока она выявлена и строго определена в своих границах. Ее можно не чувствовать, не замечать или не видеть. В этих случаях следует говорить о провалах, оформляющихся вместо исходных пунктов и тем самым блокирующих (предотвращающих) дальнейшее движение. Основания же для решения проблем возникают лишь в случае проведения специального методологического анализа, выявляющего сбои и нарушения в функционировании той или иной системы деятельности или какой-либо из ее частей. Так, «первое основание появляется, когда в системе практической деятельности обнаруживаются и проявляются некоторые затруднения и противоречия и на базе этого ставятся проблемы», а «обнаруживаются они

только в том случае, если кто-то анализирует эту практику и раскрывает в ней противоречия» [6, с. 187].

Даже если проблема выявлена и строго локализована, ядро той или иной системы деятельности все равно будет оставаться не исходом, а тупиком, поскольку горизонты дальнейшего действия будут скрыты и неясны. Открытость горизонтов, достигающаяся методологическим анализом проблемы, превращает ситуацию в обрыв, где картина дальнейших действий дана панорамой. Исходным пунктом ситуацию сделает прокладка непрерывных путей от подступов и порогов до выходов и подходов. Так, «если оставаться в рамках чисто предметного мышления, то это затруднение непреодолимо» [7, с. 205], и преодоление разрыва или тупикового пункта (deadlock) не осуществляется, что консервирует движение в локализованных границах закрепленного предмета. В связи с этим возникает необходимость выйти за «рамки чисто предметного представления и включать в работу весь арсенал методологических средств» [7, с. 205], выводящих на «тернистые и неисповедимые» пути и «непроторенные тропы».

Всякое движение на «торных тропах» исчерпывает все свои возможности, актуализируя тем самым собственно методологические поиски, возникающие исключительно в проблемных ситуациях (т.е. в «ситуациях разрыва» в терминологии Щедровицкого), где нормированная социально апробированными схемами деятельность всегда оказывается исчерпанным, инерционным и механизированным тормозящим механизмом. Построение пути к выходу во внешний масштаб есть исходная задача методологических поисков всякого исследования, поэтому «первый шаг в нашей критике привычных понятий и привычных реакций есть шаг за пределы того круга, в котором мы вращаемся» [8, с. 80], за пределы тех привычных троп, по которым мы ходим.

Размышления приводят к пониманию наличия целой иерархии типов проблемных ситуаций. Верхнюю позицию занимают провалы, в которых движение даже не замечает наличия той или иной проблемы. Далее следует тупик, в котором движение не видит лишь возможности выйти за пределы проблемы. И наконец – обрыв, в котором движение еще не получило возможности выхода. Каждый из этих специфических типов, кроме того, обладает рядом дополнительных характеристик. Так, провал характеризуется наличием неформализуемых и неструктурируемых сложностей, решение которых открыто лишь в связи со специально-методологическим анализом. В таких типах, как провал, обычно нет строго дискретного объекта, воздействуя на который исследователь получает возможность изменить текущий контекст деятельности и выйти за пределы проблемной ситуации. Названные нами проблемные типы соотнесены между собой по предельному в методологии критерию структурируемых затруднений. Если провал оказывается на самой вершине проблемной иерархии, то обрыв уже поддается структурированию в терминах конечных целей и задач.

В проблемных ситуациях метод не может собрать и синтезировать свои составляющие в единое целое, в связи с чем он вынужден разворачиваться на первоначально неспецифическом для себя материале, идя в обход проблемы и пытаясь залатать лакуны непрерывности своего пути. Возможность построения

таких обходных путей открывается за счет развертывания процедуры анализа начальных, исходных условий.

Иллюстрацией служит ситуация, когда «некто при сомнительной погоде и к тому же еще совершенно один покидает хижину, чтобы совершить восхождение на вершину. Вскоре он начинает блуждать во внезапно опустившемся тумане...» [9, с. 240–241], где горизонты дальнейшего движения скрыты. «Восходящий на эту вершину не только сталкивается с трудностями на своем пути, он может даже не знать, достиг он вершины или нет, так как в густой пелене облаков ему трудно отличить главную вершину от второстепенных... ему часто легко понять, что он не достиг ее... когда, например, натолкнувшись на отвесную стену, он вынужден повернуть назад» [10, с. 377–378]. В данном случае анализ начальных условий требует построения пути выхода на панорамный пункт, открывающий более широкий горизонт и более ясную перспективу дальнейшего движения в каком-либо направлении, поскольку начальные условия выводятся на свет лишь при таком смещении. «Итак, оказывается, для того чтобы ответить на четко поставленный вопрос... я должен сместиться и начать обсуждение совершенно другого вопроса, а именно, что значит вообще отвечать на такой вопрос и что для этого нужно делать. И это смещение оказывается не уходом от проблемы, а единственным путем к ее решению» [11, с. 207–208].

Всякий исход ставит продвижение в уже всегда определенные условия, и именно поэтому корректность отбора исходного (начального или отправного) пункта оказывается наиболее критичным фактором, определяющим дальнейшее развертывание того или иного метода. Действительно, корректно избранное начало практически всегда определяет твердость продвижения на всех последующих участках, тогда как некорректность выбора исходного пункта зачастую обуславливает возникновение «ситуации разрыва», ведущей к прерыванию оригинального продвижения. Таким образом, исходный пункт является ядром и сердцем любого и всякого метода, поскольку именно на него отображаются характеристики всего метода в целом, его структуры и составляющих. Выявление этих последних осуществляется особой процедурой – построением пути в начало или же специальной панорамы в этом начале.

Именно в методологии важны порядок и последовательность трансляции элементов с текущей интенции сознания на его фон, а также блокировка и торможение тривиальных компонент: различные методы захватывают различные материалы с *поля рассмотрения* и по-разному распределяют их различными способами. При этом значительно, что шаги движения в поле рассмотрения сами дискретны и развертываются в конечном числе синтезов, а материал, отправляющийся на синтез, уже всегда завязан в непрерывных содержаниях. Методологический смысл понятий «рассмотрение» и «поле рассмотрения» тем самым получает критическое прояснение. Становится очевидным, что предметом методологии является динамика содержаний, движущихся в этом в «поле рассмотрения» (включая когнитивные, метальные, психические, мнемонические и иные процессы), и в первую очередь, разумеется, динамика возможных прорывов, выходов, продвижений.

Исследование закономерностей динамик различных схем, движущихся в

полях рассмотрения, показывает, что прорывы, выходы и продвижения за исходные горизонты осуществляются при удовлетворении ряду условий, в частности:

- при высоких отправных характеристиках материала, исходно введенного в горизонт поля рассмотрения, что определяет направление дальнейшего синтеза, протекающего в нем;

- при соблюдении порядка введения единиц в поле рассмотрения, которое является многосвязной структурой;

- при учете динамики подключения и перемещения элементов между уровнями поля рассмотрения (поле носит многоуровневый характер; оно имеет внешний (освещение, шумы) и внутренний (психический и эмоциональный фон, ассоциации, когнитивные связи, фоновые рефлексивные процессы, глубокий когнитивный синтез) миры); при этом высота уровня, к которому подключается элемент, определяет его силу в последующем разворачивании пути;

- при соблюдении темпа подключения единиц – важно не зайти слишком далеко с прямой точечной концентрацией, опосредованно организуя процесс в направлении открытости большему числу ветвей и альтернатив, обеспечивая тем самым умеренно поверхностное и умеренно углубленное движение.

В зависимости от характера материала и в первую очередь от характера организующего этот материал метода осуществляется втягивание из текущего поля рассмотрения тех или иных единиц на следующий шаг, где движение может приобрести принципиально любые черты. При этом тривиализация, игнорирование некоторых данных из поля рассмотрения, вбираемых методом в дальнейшее разворачивание, есть процесс необходимый, ибо тривиальность, данная «ближайшим образом», безысходна. Так, механический метод втягивает в дальнейшее движение одни единицы, свойства и параметры, системный же – подавляющее большинство иных. То, что игнорируется одним методом (например, внутренняя структура объекта и среда, принимающаяся в качестве «безвоздушной»), другим методом принимается исходным и отправным.

Таким образом, анализ трех измерений метода и всякого отрезка пути человеческой деятельности позволяет пролить свет на характер возникающих в этих границах проблем и, как следствие, на характер той или иной проблемной инновации, требуемой в границах проблемной ситуации.

Библиографический список

1. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. М., 1975. Т. 1.
2. Хайдеггер М. Бытие и время. СПб., 2002.
3. Щедровицкий Г.П. О методе исследования мышления. М., 2006.
4. Щедровицкий Г.П. Избранные труды. М., 1995.
5. Макиавелли Н. Государь. Минск, 2005.
6. ОДИ-1. Организационно-деятельностные игры. М., 2006.
7. Щедровицкий Г.П. Знак и деятельность: в 3 кн. М., 2006. Кн. II.
8. Фейерабенд П.К. Против метода: очерк анархистской теории познания. М., 2007.
9. Хайдеггер М. Что зовется мышлением? М., 2007.
10. Поппер К.Р. Предположения и опровержения: Рост научного знания. М., 2008.
11. Щедровицкий Г.П. Знак и деятельность: в 3 кн. М., 2005. Кн. I.

A.A. Alebastrova
**Antonymical Concepts
of "Alien" – "Other"
in the Phenomenological
Project by E.Husserl**

The phenomena "Alien" – "Other" are studied by means of retrospective analysis in the context of philosophical thought history development. Husserl's way to "Other" through the transcendental Ego and the exposition of the problem of "Alien's" experience in the phenomenological project is analyzed.

Key words and word-combinations: "Alien", "Other", phenomenology, Edmund Husserl.

Посредством ретроспективного анализа в контексте развития истории философской мысли рассматриваются феномены «Чужой» – «Другой». Анализируется путь Э. Гуссерля к «Другому» через трансцендентальное Его и экспозицию проблемы опыта «Чужого» в феноменологическом проекте.

Ключевые слова и словосочетания: «Другой», «Чужой», феноменология, Э.Гуссерль.

УДК 165.62(430):929Гуссерль
ББК 87.21(4Гем)

А.А. Алебастрова

**АНТОНИМИЧЕСКИЕ
КОНЦЕПТЫ
«ЧУЖОЙ» – «ДРУГОЙ»
В ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКОМ
ПРОЕКТЕ Э. ГУССЕРЛЯ**

В философском измерении категория «Другого» относится к понятиям, определившим суть современной «философии коммуникаций». На протяжении XX столетия «Другой» раскрывается в своей множественности смыслов в феноменологии, экзистенциализме, герменевтике. К уникальной множественности «Другого» обращались в своих философских исканиях не только Э. Гуссерль, но и М. Хайдеггер, Ж.-П. Сартр, М. Бубер, Э. Левинас, Ж. Делез, Ж. Лакан, Ю. Хабермас. Они полагали, что предназначение философа состоит не в стремлении переустроить или изменить мир, а в том, чтобы лишь заново открыть «жизненный мир», в котором есть «Я» и есть «Другой».

Переживая сложный процесс интеграции в информационное пространство, человек воспринимает мир как территорию, расположенную между ним и «Другим». При этом «Другой» становится единственно необходимым условием этого нового миросуществования. «Другой» помогает человеку осознать свое «Я», обрести себя и понять истинный смысл окружающего мира. В то же время феномен «Другого» возникает из потребности человека не только в осознании своей самоидентичности, но и в стремлении постичь личность «Другого», его отличие от постигающего субъекта.

Изначально определив место феномена «Другого» как модной темы XX столетия,

выброшенной постмодернистской волной на авансцену философской рефлексии, можно подойти к возможности посредством феноменологии «постижения» универсального горизонта, внутри которого «Собственное» расширяется до «Чужого» или же «Собственное» сплавляется с «Чужим». В связи с этим представляется весьма уместным обратиться к анализу постановки проблемы «Другого» через призму феноменологического проекта Э. Гуссерля. Важным моментом для раскрытия проблемы, на наш взгляд, является феноменологическое осознания смысла «Другого» через привлечение опыта «Чужого» или «опыта самого себя» посредством построения антонимического концепта «Чужой» – «Другой».

Формулируя в V Картезианских Медитациях принципы «подлинной философии», без колебаний отводя ей роль «архонта всего человечества», фундамента всех существующих наук, Э. Гуссерль определил свою задачу в конституировании общей философии, осуществляемой посредством «Другого», одновременно обосновывая понятие «Другое Его», смысл которого ему виделся в постижении опыта «Чужого» [1].

Определяя «объективный мир» в качестве «рабочего средства» в первичном конструировании «Другого», Э. Гуссерль находил в нем загадку, требовавшую своего разрешения. Почему в существующем мире «Я» и «Другой» способны понять друг друга? Как «Я» и «Другой» воспринимают мир? Что делает их разными при кажущейся внешней одинаковости?

Рассматривая «Другое Его», Э. Гуссерль в сопоставлении опыта «Чужого» и сферы «Я сам», ставшей ключевым моментом его феноменологического проекта, обращается к наследию Р. Декарта, мыслящего себя «с живого, конкретного «Я». Он вступает в диалог с Р. Декартом, упрекая последнего в непозволительном «прыжке» к «мыслящему субъекту» и отказе от детального раскрытия понятия «трансцендентального субъекта». В противоположность Р. Декарту, Э. Гуссерль выстраивает сферу трансцендентального бытия в «мое Его», в котором философ как раз и обнаруживает «Чужую» интенциональность, позволяющую ему редуцировать «трансцендентальный опыт» в сферу «опыта Чужого».

Выполняя в разные исторические эпохи полярные (от консолидации до разобщения) функции, «Чужой» как древнейший архетип определял фундаментальные категории, необходимые для характеристики враждебного мира. Вместе с тем «Чужой» выступает как феномен, воплотивший в себя страхи отдельного человека, воспринимавшего мир как Великий Хаос.

Изначально оппозиция «Чужой – Свой» имела космогонический характер. Будучи частью сакральных космогонических ритуалов, «Чужой» олицетворял Великую Тьму, которой должно было противостоять племя, заключенное в границах своей родовой территории. Со временем легко преодолевая границы эпох, этот ритуал закрепляется в культурных слоях в концептах «Чужой» – «Враг» или «Чужой» – «Чужестранец». Обращение к опыту «Чужого» становится особенно необходимым человечеству в XX в. для проведения границы между «своими» и «иными» в масштабных братоубийственных войн, едва не приведших к гибели существующего мира.

В античном мире феномен «Чужого» формировал образ не способного ре-

шать самостоятельно свою судьбу раба или же ограниченного в гражданских правах чужеземца. Этого эллинам было достаточно, чтобы, объединив раба и чужеземца, превратить их в отщепенцев, лишенных макрокосма и вынужденных владеть жалкое существование.

Не переступая границы античного мировоззрения, Платон, рассуждая о красоте юноши в «Диалоге Протагора», определял его «Чужим» или «Чужеземцем» [2]. Однако в этом «Чужом», по его мнению, возможно, уже скрывается «Другой» – тот, кто может быть прекрасен своей мудростью. Можно предположить, что «Другой» рассматривается Платоном уже в качестве психофизического объекта. Продолжая развивать тему «Чужого» в «Тимее», Платон вводит персонаж чужеземца – египетского жреца и позволяет эллинам его глазами познать себя через образ ребенка [3].

Таким образом, опыт «Чужого» для Платона выступает как источник мудрости и знаний. «Я» и «Другой» у него одинаково воспринимают мир, в котором существуют и который их окружает.

В эру христианства концепт «Чужой» – «Враг» закрепляется в текстах Священного Писания, при этом понимание «Чужого» в Ветхом и Новом Завете рассматривается по-разному. В Ветхом Завете «Чужой» сливается с образом «Врага» как напоминание евреям о важности сохранения своей богоизбранности. «Чужой» в ветхозаветных текстах – это наделенный материальной сущностью «Другой народ» – «Враг», которого следует ненавидеть, предавать смерти, завоевывая его земли как наивысшую ценность мира. В Новом Завете «Чужой» сохраняется как «Враг», но в проповеди Иисуса Христа (в противоположность Ветхому Завету) «Другого» – «Врага» следует не убивать, а любить. Однако в этой зародившейся в глубинах христианского учения попытке восприятия феномена «Чужого как Другого» «Другой» оказался не способен занять место «Чужого». «Чужой», заключая в себе неопределенность и неизвестность, воспринимался человечеством как знак грядущих перемен, а не раскрывшийся опыт «Чужого» не позволял сделать доступным опыт «Другого». Тем не менее в таком прочтении «Чужой» – «Другой» можно увидеть ростки феноменологии: лишь «Другой» мог дать человечеству «путеводную трансцендентальную нить» в экспликации понимания опыта «Чужого».

В средневековом обществе «Чужой» принимает концепт «Чужой» – «Враг-язычник». Авторы христианских хроник исходят из конфессионального признака и «Чужим» обозначают мусульманина. Мир ислама для европейцев был зеркалом, в котором они пытались найти подтверждение христианским ценностям, но, не находя в исламской культуре инаковости, европейцы умышленно искажали ее, наделяя отрицательными чертами. В этом отрицании чужого опыта появляется противопоставление «Мы» и «Они» или «Мы наоборот». В феноменологии Э. Гуссерля это будет определено как «собственное – чужое».

В границах средневековой культуры «Другой» еще не мог появиться в силу отрицания признания за «Другим» права на существование в одном и том же мире с моим «Я». Признание опыта «Другого» с позиции трансцендентальной теории предполагает наличие трансцендентальной теории объективного мира. Лишь в Новое время, приобретая инаковость, «Чужой» получает возможность

стать «Другим», а «коперниканская революция» наделила «Другого» правом на существование [4, с. 135].

Эволюцию «Чужого» в Новое время можно определить словами мудреца Соломона: «Сердце знает горе души своей, и в радость его не вмешивается «Чужой»» [5]. Невмешательство «Чужого» во внутренний мир человека становится характерным в Век Разума, или Век Просвещения, в котором «Чужой» трансформируется в «Другого» по духу человека, разделяющего общие взгляды. Восприятие «Другого» в Новое время блестяще сформулировал И. Кант в «Основных положениях метафизики нравов»: «Поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своем лице и в лице всякого Другого так же, как к цели, и никогда не относился бы к нему только как к средству» [6, с. 68].

В феноменологическом проекте Э. Гуссерля понимание концептов «Чужой» – «Другой» не носит однозначного характера. «Чужой» и «Другой» образуют феномен парности, поскольку присутствуют в одном едином созерцании. Обращаясь к феномену «Другой», Э. Гуссерль первоначально вводит его как понятие «Чужая персона». Раскрывая особенности национального самосознания в работе «Кризис европейского человечества и философия», философ констатирует кризис европейского общества и использует «Другого» как образ, «посредством которого воспринимает европейцев туземное население Индии» [7, с. 37].

Прежде чем перейти к пониманию «Другого» как равного себе и к intersubъективному сообществу, Э. Гуссерль отграничивает сферу, свойственную лично каждому человеку, от всего «Чужого». У Э. Гуссерля «Другой» становится доступен лишь посредством «опыта Чужого».

«Чужое» для Э. Гуссерля есть то, что человеку дано в опыте как первично неосуществимое. Результатом данной аналогии является установление сфер «собственного опыта» и «чужого опыта». При этом сфера «собственного опыта» рассматривается Э. Гуссерлем как психофизическая структура, в то время как «чужой опыт» определяется им как доступность «изначального недоступного». Данная позиция позволяет провести аналогию между трансцендирующим опытом «моего» прошлого в моем «настоящем» и опытом «Чужого» в интенциональной сфере «моего собственного».

Размышляя об интенциональном переживании в «Логических исследованиях», Э. Гуссерль выделяет три понятия термина «сознание». Первое понятие определяется им как «переплетение психических переживаний в единстве потока переживаний», второе выводится как «внутреннее обнаружение собственных психических переживаний», а третье – как «общее обозначение любых психических актов, или интенциональных переживаний» [8, с. 323].

Для Э. Гуссерля первый тип сознания позволяет различить эмпирический и феноменологический способы существования. На примере фразы «Я пережил войны 1866–1870 гг.» он показывает, что пережитое может быть комплексом внешних событий и тогда акты переживаний – это восприятие, оценки, воспоминания. Однако то же первое понятие сознания допускает трактовку пережитого как трансформацию самого единства сознания, как «составных частей в феноменологически едином потоке сознания эмпирического «Я», тогда как между пережитым и самим переживанием нет никакого различия» [8, с. 328].

Следовательно, в этом смысле человек, переживший ужасы войны, становится «Другим» человеком — он изменяется, и изменяется его суть в различном соотношении частей его личности.

Исследуя опосредованную интенциональность опыта «Другого», Э. Гуссерль предлагает сделать шаг к конструированию объективного мира, ведущего к «Другому его». Поскольку в этом движении могут возникать немалые трудности, он связывает их с трансцендентальным прояснением опыта «Другого» в том смысле, в котором «Другой» еще не осмыслен как «Человек». Тогда опыт становится изначальным способом познания, в котором человеку будет дан некий другой человек, живая воплощенность которого не может помешать признать ни само другое «Я», ни сами его переживания, его проявления, ни что-либо из того, что принадлежит его собственной сущности, не становясь при этом изначальной данностью. Э. Гуссерль объясняет, что если бы собственная сущность «Другого» стала бы моментом моей собственной сущности, то она бы отождествлялась со мной самим.

Оставляя опыт «Чужого» за границами «еще-не-понятого-нечто», в V Картезианских Медитациях Э. Гуссерль с позиции метафизических результатов подходит к признанию опыта «Другого». Он усматривает в характере сущего «Другого» особый вид доступности изначально недоступного: человечество, приобретая всеобщий мир, получает множество окружающих миров единственного субъективного мира. Со временем исследование опыта «Чужого» сформировало модель, при помощи которой «истолковываются» высокие формы интерсубъективных обществ, внутри которых существует мир «собственной» культуры и мир «чужой культуры».

Э. Гуссерль обозначил в своем феноменологическом проекте позиции «Чужой» — «Другой», но, к сожалению, не сумел, как и уличенный им в отказе от детального исследования понятия «транснациональный субъект» Р. Декарт, вывести «Другого» из сферы «чистого разума» в сферу «практического разума», утвердив тем самым факт существования «Другого». Философ прервал работу над завершением задуманного им грандиозного феноменологического проекта в тот момент, когда феномен «Другого» стал официальной философской темой. Это позволило выдвинуть в адрес немецкого философа еще одно серьезное обвинение в «неуспешности» задуманного им философского проекта. Новое прочтение «Другого» с позиции герменевтики, выделившейся из феноменологии, позволило рассматривать феномен с практической стороны. «Другой» начинает рассматриваться исходя из смысла «Я», в то время как в феноменологическом проекте «Другой» виделся Э. Гуссерлю как «Другое Я».

В конце XX в. «Другой», покидая сферу чувств, заявляет о себе через деятельность, язык и поведение. Концепт «Другого» отразил новый, меняющийся мир, в котором, вытесняя «Чужого», «Другой — это тот, вопреки которому я не должен поступать» [9].

Таким образом, наличие самого первого опыта обращения Э. Гуссерля к пониманию «Другого» позволяет понять смысловую конструкцию феномена, выступающего как интенциональная модификация объективированного «Я», как первопорядок мира, а в феноменологическом проекте — как модификация

«Самости», которая с подачи Э. Гуссерля начинает характеризоваться как «Моя» в силу возникающей контрастной парности антонимических концептов «Чужой» – «Другой». Обратившись к феномену «Чужого» посредством ретроспективного анализа, можно, переходя от позиции к позиции, получить уникальную возможность достичь исходной точки, в которой «Чужой» неожиданно превращается в новую фигуру – «Другого».

Библиографический список

1. Гуссерль Э. Картезианские медитации / пер. с нем. В.И. Молчанова. М., 2010. 229 с.
2. Платон. Протагор // Собр. соч.: в 4 т. М., 1990. Т. 1.
3. Платон. Тимей // Собр. соч.: в 4 т. М., 1994. Т. 3.
4. Дьяков А.В. О морфологии Другого в философской компаративистике // Хора. 2009. № 7.
5. Библия. Ветхий Завет. Книга Притчей Соломоновых (Прит. 14:10).
6. Кант И. Основоположения метафизики нравов // Собр. соч.: в 8 т. М., 1994. Т. 4.
7. Гуссерль Э. Кризис европейского человечества и философия // Вопросы философии. 1986. № 3.
8. Гуссерль Э. Логические исследования / пер. с нем. В.И. Молчанова // Собр. соч.: в 3 т. М., 2001. Т. II.
9. Рикер П. Кант и Гуссерль / пер. с фр. В.А. Суровцева // Интенциональность и текстуальность: Философская мысль Франции XX века: сб. Томск, 1998. С. 162–193.

РЕЦЕНЗИИ. ХРОНИКА НАУЧНЫХ СОБЫТИЙ

O.Yu. Abakumov
On the Jubilee Arrangements
Devoted to P. A. Stolypin

УДК 94(470+571)
ББК 63.3(г)

О.Ю. Абакумов

О ЮБИЛЕЙНЫХ МЕРОПРИЯТИЯХ, ПОСВЯЩЕННЫХ П.А. СТОЛЫПИНУ

В соответствии с Указом Президента РФ о праздновании 150-летия со дня рождения Петра Аркадьевича Столыпина, в 2012 г. в Поволжском институте управления имени П.А. Столыпина проведена серия юбилейных торжеств, посвященных российскому реформатору.

Мероприятия были ориентированы в первую очередь на студенческую аудиторию. Организаторы понимали, что студенты вуза, носящего имя П.А. Столыпина, должны хорошо знать и помнить основные вехи биографии выдающегося государственного деятеля, иметь ясное представление о направлении и результатах инициированных им реформ. Студенты имели прекрасную возможность сопоставить знания, полученные в рамках изучения курса истории, с суждениями популярных публицистов и политиков, тиражируемые в печати, провести новые параллели, актуальные для сегодняшнего дня, попытаться расшифровать конструируемые культурные коды и репрезентативные идеологические послылы деятелей искусства.

Сверх учебной программы студенты прослушали лекции «П.А. Столыпин – саратовский губернатор», «Жизнь и деятельность П.А. Столыпина в Саратове», «Саратовский период жизни и деятельности П.А. Столыпина», прочитанные учеными института и сотрудниками муниципального учреждения культуры «Культурный центр им. П.А. Столыпина». Занятия проходили не только в аудиториях, но и на улицах города. Во время экскурсий можно было увидеть артефакты «столыпинского» Саратова: старый корпус университета, дом губернатора, здание Мариинской женской гимназии и другие. Студенты старших курсов приняли участие в «круглых столах»: «П.А. Столыпин глазами молодежи», «Образ П.А. Столыпина в исторической науке», «Деятельность П.А. Столыпина в Саратовской губернии», «Кооперация: прошлое настоящее, будущее», «П.А. Столыпин – великий реформатор или провинциальный политик?».

Отличительной особенностью данных мероприятий стала форма их проведения: они строились по принципу дискуссионных площадок, в которых принимали участие и ученые института, и студенты. Например, дискуссию «Может ли П.А. Столыпин стать символом модернизации России?» провели студенты специальности «Организация работы с молодежью» Т. Баклушина и А. Жекенова, а экспертами выступили: доктор политических наук Э.В. Чекарев, доктор социологических наук Ю.И. Тарский и кандидат исторических наук С.Л. Мерзляков. На переговорной площадке «Столыпинские реформы в современном политическом пространстве России» модераторами дискуссии выступили: кандидат исторических наук, доцент С.Л. Мерзляков, заведующий кафедрой политических наук доктор политических наук, профессор Т.Н. Митрохина, доктор исторических наук, профессор А.В. Посадский. На заседании «круглого стола» «Представления П.А. Столыпина об устройстве государства: правовой аспект» (организатор – заведующий кафедрой конституционного и международного права доктор юридических наук Д.С. Велиева) в дискуссиях о реформировании судебной власти и избирательной системы, о взаимодействии законодательной и исполнительной властей, о правовом статусе личности в России прошлого и нынешнего веков на равных участвовали студенты старших курсов, преподаватели нашего института, а также саратовских университетов – технического и социально-экономического.

Большой интерес вызвало обсуждение исторических параллелей и предпосылок интереса политиков к личности П.А. Столыпина в современной России.

В дни юбилея руководство института приняло участие в мероприятиях, связанных с присвоением имени Столыпина средним школам Саратовской и Пензенской областей. Торжественные церемонии открытия мемориальных досок и бюстов П.А. Столыпина прошли в МОУ «Средняя общеобразовательная школа № 3» г. Ртищева, МОУ «СОШ № 9» г. Балашова, МОУ «СОШ № 21» г. Саратова, МОУ «СОШ № 14» г. Пугачева, МБОУ «СОШ № 33» г. Энгельса, средних общеобразовательных школах сел Столыпино Саратовской области и Неверкино Пензенской области. В мероприятиях участвовали руководители районных администраций, преподаватели института, учителя и учащиеся школ.

29–30 марта 2012 г. в институте работал Международный научно-практический форум студентов, магистрантов и аспирантов «Нам нужна Великая Россия», посвященный 150-летию со дня рождения П.А. Столыпина. На открытии с приветственным словом к участникам обратился директор Поволжского института управления им. П.А. Столыпина доктор исторических наук, профессор Дмитрий Федорович Аяцков, акцентировавший внимание на роли личности великого реформатора в истории России, значении его реформ и уроках столыпинских преобразований. Среди выступивших на конференции была студентка второго курса Ксения Ильина, чей доклад «Зарубежные СМИ о П.А. Столыпине» (научный руководитель – В.С. Уфаева) был отмечен дипломом победителя в номинации «П.А. Столыпин в исследованиях зарубежных авторов» Международного конкурса творческих работ среди учащихся и студентов образовательных учреждений «Великий человек – великие идеи». К. Ильина представляла Поволжский институт управления им. П.А. Столыпина на международной научно-практической конференции «Столыпинские чтения. Пути модернизации России: от Столыпина к современности», состоявшейся в Москве.

Сказать свое слово в науке, попытаться сформулировать новый подход к пониманию, казалось бы, известных фактов позволяют уже привычная для будущих управленцев аналитическая работа с документами, исследованиями, мониторинг тематических сайтов Интернета. Осмысленная информация воплощается в добротные творческие работы.

Конкурсы научных работ пользуются большой популярностью у студентов Поволжского института управления им. П.А. Столыпина. Ежегодно проходит внутривузовский конкурс, а затем лучшие работы рекомендуются к участию в общероссийском или региональных смотрах. В 2011 г. студенты института приняли участие в международном конкурсе «П.А. Столыпин: образование, наука, культура (история и современность)», организованном нашим институтом и Международной благотворительной организацией «Демократический фундамент», а также в конкурсе студенческих научных работ «Российские реформаторы: история и современность». Кроме того, они оказали существенное содействие в организации конкурса научных и творческих работ «Столыпин глазами школьников». Откликнулись на юбилей и любители поэзии: в институте прошел конкурс творческих работ молодых поэтов «Что для меня Столыпин значит?».

В последнее время большое внимание уделяется визуализации и репрезентации образа П.А. Столыпина. Сотрудниками библиотеки института были организованы выставки литературы: «Уроки реформ П.А. Столыпина», «Высшее благо – быть русским гражданином...», «Последний витязь. Памяти П.А. Столыпина»; проведена переговорная площадка «Жизнь Петра Аркадьевича Столыпина на страницах книг», а также подготовлена литературно-музыкальная композиция по письмам и воспоминаниям современников. В читальном зале библиотеки для школьников и абитуриентов состоялась презентация электронного сборника документов и материалов, посвященного жизни и деятельности П.А. Столыпина, «Крестный путь реформатора».

В марте 2012 г. в институте работала тематическая выставка живописи, посвященная 150-летию со дня рождения П.А. Столыпина. В экспозиции были представлены работы художников-любителей: В.А. Дьяконова, З.А. Мунаевой, Н.Г. Мармилова, Л.А. Малышевой, В.М. Зимы и других.

С большим интересом студенты участвовали в обсуждении фильмов, посвященных П.А. Столыпину («Петр Столыпин. Выстрел в антракте» Л. Млечина; «Жизнь и смерть Петра Аркадьевича Столыпина» В.В. Хотулева). В.В. Хотулев не только предоставил свой фильм для премьерного показа в институте, но и выступил перед студентами и преподавателями. Предметом пристального внимания стал и демонстрировавшийся на телеканале «Россия» фильм Никиты Михалкова «Петр Столыпин. Выстрел в Россию. XX век». Известный режиссер, член Попечительского совета института заканчивал работу над этим проектом в Саратове и посетил наш институт.

В дни юбилея на площади имени П.А. Столыпина состоялась церемония возложения цветов к монументу российского реформатора. В мероприятии приняли участие спикер Саратовской областной Думы М.В. Алешина и депутаты регионального законодательного органа, заместитель председателя Правительства Саратовской области А.В. Россошанский и члены Правительства Саратовской области, директор Поволжского института управления им. П.А. Столыпина Д.Ф. Аяцков, преподаватели и студенты вуза.

Д.Ф. Аяцков принял участие в международной научно-практической конференции «Столыпинские чтения. Пути модернизации России: от Столыпина к современности», проходившей в Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. Участвуя в дискуссии на тему «Сохранение единого духовного и культурного пространства», Д.Ф. Аяцков заострил внимание на идее национального единства, связав ее с десятилетним юбилеем памятника Столыпину в Саратове. На монументе с четырех сторон от центральной фигуры реформатора размещены священник, пахарь, воин и кузнец, символизирующие опору государства и обеспечивающие его единство.

В день юбилея П.А. Столыпина в Поволжском институте управления состоялось еще одно, довольно необычное мероприятие – сеанс радиосвязи, посвященный 150-летию со дня рождения Петра Аркадьевича. Его провели Саратовское региональное отделение Союза радиолюбителей России и дирекция института. Инициативной группой радиолюбителей был получен юбилейный позывной R150SPA. Сеанс проводился в телефонном, телеграфном и цифровом видах связи на трех языках – русском, английском и немецком. Одним из операторов был студент Поволжского института управления им. П.А. Столыпина С. Гузенко. В ходе работы юбилейной радиостанции R150SPA за несколько часов операторы провели более 3200 сеансов радиосвязи с радиолюбителями Российской Федерации и многочисленными зарубежными коллегами Восточной и Западной Европы, Азии и Северной Америки. Юбилейный позывной зафиксировали представители пяти континентов, узнавшие о том, что в России чтут память реформатора, патриота и гражданина – Петра Аркадьевича Столыпина.

A.V. Posadsky
Book Review: P.A. Stolypin:
Traditions of Reforming Russia:
Collected Scientific Works. –
Saratov: Stolypin Volga Region
Institute, 2012. – 292 p.

УДК 354(470+571)
ББК 66.3(0),123(2Рос)

А.В. Посадский

**РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ:
П.А. Столыпин: традиции
реформирования России:
сб. науч. трудов. – Саратов:
Поволжский институт
им. П.А. Столыпина, 2012. –
292 с.**

Приятно готовить отклик на свежее издание. В данном случае речь идет о внушительном сборнике, вышедшем по итогам проходившей 14–15 сентября 2011 г. в стенах Поволжского института имени П.А. Столыпина международной научной конференции «П.А. Столыпин: традиции реформирования России».

Конференция получилась очень представительной, как по ее участникам, так и по раскрываемой тематике. На конференции прозвучало около ста докладов, материалов же в итоговом сборнике – вдвое меньше. Это говорит о состоявшемся отборе, что пошло только на пользу изданию – в нем нет малосодержательных или «ученических» материалов.

Писать о П.А. Столыпине и по поводу Столыпина становится все сложнее. Действительно, два с половиной десятилетия назад его имя по-новому засверкало в свете перестроечного интереса к истории. Оказалось, что страшилка из учебника – «палач», «вешатель», «несостоявшийся спаситель самодержавия» – не более чем злая карикатура на по-настоящему крупного государственного деятеля. В публичном пространстве появились фотографии представительного сановника, чья персона оказалась в центре повышенного внимания. За П.А. Столыпина

ным вспомнилась фигура С.Ю. Витте (совсем иного плана был государственный деятель, но тоже незаурядный и интересный), затем посыпались привычно уничижительные оценки государя Николая Александровича... Так имя Столыпина оказалось у истоков нового периода отечественной историографии. История стала наполняться людьми, постепенно из нее исчезала обезличенность, от которой много теряла историография последних советских десятилетий.

С тех пор ситуация очень изменилась. П.А. Столыпин прочно занял одно из важнейших мест в истории российского XX века. О личности и созданной им эпохе написан большой массив научных работ, в том числе биографического плана. Столыпин активно присутствует в публицистике, художественной литературе, кинематографе, мемориальном пространстве. Данное обстоятельство делает ответственным и трудным любой новый приступ к теме, особенно если речь идет о жанре научного исследования.

Тем более можно порадоваться, что новая книга не стала холостым юбилейным выстрелом. Перед читателем добротный научный сборник с выражено полидисциплинарным подходом к исследованию проблематики столыпинских преобразований.

Состав авторов отражает все ступени владения профессией – от студентов до докторов наук по разным специальностям (историки, экономисты, социологи, юристы, военные). Уже это обстоятельство обеспечивает разносторонность и богатство содержания рецензируемого издания. Примечательно и то, что работы студентов и аспирантов не выглядят «детским разделом». Они выдержаны в академическом ключе и написаны на интересные и содержательные темы. Большинство авторов – преподаватели ведущих саратовских вузов, гости конференции из Москвы, Самары, Сыктывкара, Твери.

Среди опубликованных работ есть непосредственно относящиеся к жизни и делам П.А. Столыпина, но есть труды и о его эпохе как таковой.

В сборнике обнаруживается немало работ, в том числе междисциплинарного характера, напрямую с личностью Петра Аркадьевича не связанных, но при этом они не выглядят случайными, посторонними. Такой эффект достигается за счет двух обстоятельств. Одно из них носит научно-организационный характер и обеспечивается грамотным построением тематических блоков. Другое же обстоятельство сопряжено с самой тематикой прошедшей конференции и изданного по ее итогам сборника. Личность П.А. Столыпина окрасила собой короткую, но много в себя вместившую эпоху. Столыпин пытался решить задачи, которые актуальны и сегодня, пусть в новых изводах. Поэтому и проблемы реформирования сельского хозяйства, и пути развития кооперации, и проблематика толерантности, и вопросы межэтнического взаимодействия, а также иные темы, актуальные в начале XXI в., вполне органичны в сборнике, который, казалось бы, содержательно обращен в историческое прошлое.

Открывают сборник тексты, прозвучавшие на конференции в качестве пленарных докладов. Они посвящены прежде всего личности П.А. Столыпина как реформатора в тех контекстах, которые сформировались за минувшие сто лет.

Материалы первой секции «П.А. Столыпин: реформы и уроки преобразований» содержательно сконцентрированы в основном на деятельности самого П.А. Столыпина. При этом многих авторов научный поиск выводит на весьма широкие параллели и интересные обобщения, которые касаются природы реформаторства, судеб реформаторов в истории, соотношения необходимого и возможного в преобразовательной деятельности.

Много лет столыпинской проблематикой занимается американская исследовательница М.Ш. Конрой. Она предложила несколько очень емких тезисов по историографии столыпинианы, демонстрируя, в частности, масштаб расхождения в оценках деятельности реформатора. Конрой показывает, как научный интерес отыскивает совершенно свежие сюжеты там, где, казалось бы, «все изучено». Таков, например, вопрос об отношении Петра Аркадьевича к аптечному делу – хотя и не политический, однако напрямую касавшийся миллионов человек и потому весьма важный.

Большой очерк известного самарского исследователя П.С. Кабытова раскрывает хозяйственную деятельность Петра Столыпина. Столыпин-хозяин – опять-таки довольно редкий сюжет в тематической историографии. Любопытно, что приемы ведения хозяйства в имениях, расположенных в разных губерниях, в общем коррелировали с уровнем развития в них аграрной культуры. Это еще один штрих к большой теме аграрных преобразований начала прошлого века. Помещиком Столыпин был деятельным, болеющим за дело, не стеснявшимся своего хозяйственного интереса.

Материал Е.Н. Ардабацкого посвящен университетской жизни в бурные годы Первой русской революции и административным мерам правительства. Тема не только интересная, но и заставляющая размышлять об исторических параллелях. Действительно, образованная молодежь общественно активна, и регулирование ее жизни всегда представляло собой деликатный вопрос.

В следующем разделе рецензируемого сборника – «Модернизационные проекты российских реформаторов: правовые и экономические вопросы» – помещены статьи, в которых частично рассматривается время Столыпина, частично анализируются преобразовательные планы более поздних периодов и их реализация.

Столыпинская тематика – традиционное поле деятельности историков. Между тем многие аспекты тогдашней реформаторской деятельности остро нуждаются во взгляде экономиста и юриста. Данный ракурс обращения к теме как раз и находим в статьях второго раздела. К примеру, нетривиальна тема материала Э.Г. Липатова, который рассматривает реформы начала XX столетия как источник угрозы стабильности правового уклада тогдашнего российского социума. В самом деле, сочетание «реформы – стабильность» – это всегда некий парадоксальный континуум. Размышления на эту тему продуктивны и могут развиваться в различных исследовательских горизонтах.

Третий раздел назван «Модернизация государственного управления и местного самоуправления: исторический опыт». В нем обращает на себя внимание блок материалов по архивному делу и управлению документацией. Содержание раздела свидетельствует, что научные успехи в этой узкоспециальной и прежде

сравнительно слабо востребованной сфере знаний налицо. Статьи П.П. Фролкина и А.В. Дьяконова представляют собой региональные исследования; оба автора нашли новые сюжеты для научной разработки.

Наконец, заключительный и самый представительный по количеству авторов раздел обращен к аграрной проблематике. Он озаглавлен так: «Аграрная реформа П.А. Столыпина и модернизация сельского хозяйства на современном этапе». Показательно, что по меньшей мере четыре статьи напрямую связывают время и потенциал столыпинских преобразований в аграрном секторе с проблемами и задачами дня сегодняшнего. Это обстоятельство весомо свидетельствует в пользу актуальности политического и хозяйственного опыта столетней давности. Особо отметим высокую значимость развития аграрной науки в целом и крестьяноведения посредством тесного сотрудничества ученых-агроведов с историками. Четвертый раздел демонстрирует в этом отношении воодушевляющий пример.

В конце сборника помещена резолюция, принятая конференцией, с хорошо структурированными предложениями различным адресатам, что представляется целесообразным. Кстати, один из пунктов – о подготовке и издании сборника трудов конференции – выполнен успешно и в заявленный срок.

Обращает на себя внимание полиграфическое исполнение книги. Сборник имеет увеличенный формат, красивую запоминающуюся обложку. При солидном объеме почти в 300 страниц это создает заслуженное впечатление основательности и добротности. Текст хорошо вычитан. Большие поля, крупные обозначения страниц, указания фамилий авторов вверху каждой страницы делают книгу удобной при чтении. В качестве вспомогательного аппарата в нем предложен перечень авторов с краткими сведениями о них, что облегчает читателю ориентирование и, надо полагать, поможет в налаживании научных контактов. Редакторско-издательский коллектив, по нашему мнению, заслуживает комплимента.

Пожалуй, можно сделать один серьезный упрек составителям – им следовало более строго отнестись к группированию статей по разделам. При этом вполне допустимо нарушить деление, сложившееся на конференции. Так, материал о проектах М.М. Сперанского логичнее было бы видеть в третьем разделе, а не в четвертом. Статье А.В. Захарова о землеустройстве на хуторских и отрубных участках место в четвертом разделе, а не во втором. Может быть, по этой причине правильнее было бы употребить в содержании слово «раздел», а не «секция».

Замечание это носит, однако, технический характер. В целом же можно порадоваться, что гигантская столыпинская историография пополнилась добротным и небанальным изданием. Сборник пригодится студентам, причем многих специальностей, и широкому кругу исследователей разных научных направлений.

К счастью, рецензируемую книгу не спутаешь с безликими сборниками, которые в академической среде давно именуются «братскими могилами». Надеемся, что тираж в 300 экземпляров будет максимально эффективно использован для того, чтобы книга попала в руки заинтересованному, а не случайному читателю.

**ПРЕДСТАВЛЯЕМ КАФЕДРУ
ФИНАНСОВ, КРЕДИТА
И НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ
Поволжского института
управления
имени П.А. Столыпина –
филиала
Российской академии
народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте РФ**

Кафедра финансов, кредита и налогообложения – научно-образовательное подразделение института, строящее свою стратегическую и оперативную политику в соответствии с образовательными стандартами, с учетом изменений в текущем законодательстве в сфере образовательных услуг.

Кафедра была образована в 1995 г. У ее истоков стоял почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, заслуженный работник высшей школы, доктор экономических наук, профессор В.Е. Черкасов. В настоящее время кафедру возглавляет кандидат экономических наук, профессор В.Л. Коротина.

На кафедре работают 17 преподавателей, из них трое имеют степень доктора и десять – кандидата экономических наук. Опытные преподаватели, высококвалифицированные специалисты успешно курируют работу молодых преподавателей. Средний возраст профессорско-преподавательского состава составляет 42 года, что свидетельствует о хороших перспективах профессионального роста коллектива кафедры.

Работа кафедры строится на инновационной основе. Преподаватели внедряют новые

методы обучения, в соответствии с новыми стандартами качества образования разрабатывают актуальные авторские методические материалы.

Подготовка студентов среднего профессионального, первого и второго высшего образования преподавателями кафедры экономики осуществляется:

- по специальностям «Государственное и муниципальное управление», «Прикладная информатика (в управлении)», «Управление персоналом», «Таможенное дело», «Налоги и налогообложение», «Бухгалтерский учет, анализ и аудит», «Маркетинг», «Экономика и управление на предприятии (операции с недвижимым имуществом)», «Антикризисное управление», «Менеджмент организации», «Юриспруденция», «Документоведение и документационное обеспечение управления»;

- по направлениям подготовки бакалавров – «Экономика» и «Менеджмент»;

- по направлениям подготовки магистров – «Государственное и муниципальное управление», «Менеджмент» и «Экономика».

В 2010 г. на кафедре открылось новое направление подготовки магистров «Экономика» по программе «Государственные и муниципальные финансы». Целью реализации магистерской программы является подготовка специалистов высшей образовательной квалификации в области государственных и муниципальных финансов. Программа «Государственные и муниципальные финансы» нацелена на подготовку экономистов нового поколения, владеющих знаниями современной экономической теории и методами экономического анализа, способных применять полученные знания в области общественных финансов. В процессе обучения будущие специалисты получают фундаментальные теоретические знания и практические навыки, позволяющие осуществлять научно-исследовательскую деятельность, расчетно-аналитическую и организационно-управленческую в финансовой, денежно-кредитной и налоговой сфере. Высокий уровень их подготовки основан на использовании мирового и отечественного опыта в области управления государственными финансами, а также практическом опыте профессорско-преподавательского состава кафедры.

За последние пять лет преподаватели кафедры участвовали более чем в 50 программах повышения квалификации и профессиональной переподготовки. Уже два года подряд кафедра выигрывает конкурс на участие в Программе повышения квалификации государственных федеральных служащих Министерства финансов РФ.

Одним из приоритетных направлений работы кафедры финансов, кредита и налогообложения уже в течение многих лет является организация взаимодействия с потенциальными работодателями – учреждениями и организациями г. Саратова и Саратовской области. Это позволяет, с одной стороны, обеспечить высокое качество и практическую направленность учебного процесса, а с другой – последующее трудоустройство студентов.

Переход на двухуровневую систему образования потребовал переосмысления и активизации работы в данной области.

В настоящее время профессиональное образование, в том числе и экономическое, не всегда соответствует современным требованиям. Как следствие, сло-

жившаяся система формирования подготовки кадрового потенциала не в полной мере удовлетворяет запросы работодателей.

Взаимодействие с работодателями является сложным и многогранным процессом, состоящим из различных по содержанию этапов, форм и методов. Его цель состоит в подготовке кадров, ориентированных на инновационную деятельность в экономической сфере. В связи с этим взаимодействие вуза с работодателями должно начинаться уже в рамках профориентационной работы, продолжаться в организации и реализации учебно-воспитательного процесса, научных изысканиях «преподаватель – студент – работодатель», логическим завершением чего является трудоустройство выпускников и их дальнейший карьерный рост.

Направление деятельности «кафедра – работодатель», сложившееся на кафедре финансов, кредита и налогообложения, поступательно развивается. На протяжении многих лет преподавателями совершенствуются формы и методы взаимодействия с работодателями, что дает несомненные положительные результаты. Так, важное место отводится проведению выездных занятий на базе предприятий-работодателей, встреч за «круглым столом» и мастер-классов от представителей организаций-работодателей.

Все большую актуальность приобретает разработанная кафедрой система стажировок по приглашениям организаций-работодателей вне запланированного прохождения практики. В этих целях налажены деловые контакты с работодателями, представителями работодателей многих государственных и муниципальных предприятий, бизнес-структур, торговых компаний. Кафедра плодотворно сотрудничает с Управлением ФНС России по Саратовской области, МРИ ФНС России № 7 по Саратовской обл., МРИ ФНС № 8 по Саратовской обл., МРИ ФНС России № 12 по Саратовской обл., МРИ ФНС № 8 по Саратовской обл., ИФНС по Октябрьскому району г. Саратова, ИФНС по Фрунзенскому району г. Саратова, ИФНС по Ленинскому району г. Саратова, Управлением Федерального казначейства по Саратовской области, Управлением по борьбе с экономическими преступлениями, ООО «Русский Альянс», ООО «Альфастрахование», ОАО «РЖД», ОАО «Сбербанк России», ОАО «Жиркомбинат».

Самостоятельным по своему значению направлением в указанной области является выполнение дипломных исследований по заявкам предприятий и организаций региона. Результатом совместной научно-исследовательской деятельности студентов и работодателей является то, что более 60% выпускных квалификационных работ выполняется по заявкам предприятий и организаций-работодателей. Представители потенциальных работодателей приглашаются на защиту дипломных работ, включаются в состав государственной аттестационной комиссии при проведении государственной аттестации.

При этом реализуемое партнерство не является односторонним. Например, преподаватели кафедры, в свою очередь, участвуют в качестве независимых экспертов в работе конкурсных комиссий на занятие должностей государственной гражданской службы и присвоения чинов гражданской государственной службы в налоговых органах Саратовской области в комитете по финансам администрации г. Саратова. Такое взаимодействие позволяет преподавателям не только

знакомиться с актуальными практическими требованиями, предъявляемыми к профессионалам, но и рекомендовать студентов для прохождения практики в указанных учреждениях, проводить разъяснительную работу по информированию работодателей об уровне системы образования.

Преподавателями кафедры осуществляется научно-исследовательская работа в рамках таких приоритетных научных направлений, как «Пути активизации финансово-кредитных и учетных рычагов развития партнерских отношений между государством и бизнесом» и «Совершенствование системы налогового администрирования как важного инструмента развития партнерских отношений между государством и бизнесом».

В целом кафедра финансов, кредита и налогообложения достигла хороших показателей по всем ключевым направлениям деятельности и стремится реализовать свой потенциал таким образом, чтобы и ее выпускники и преподаватели демонстрировали высокую конкурентоспособность в непростых условиях современной российской экономики.

В.Л. Коротина, кандидат экономических наук,
доцент, заведующий кафедрой финансов,
кредита и налогообложения;

М.С. Жверанцева, кандидат экономических наук,
старший преподаватель кафедры финансов,
кредита и налогообложения

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абакумов Олег Юрьевич – кандидат исторических наук, начальник научно-организационного отдела Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиала РАНХиГС
e-mail: uprnauka@pags.ru

Авдеева Екатерина Сергеевна – кандидат экономических наук, доцент кафедры внешнеэкономической деятельности Саратовского института (филиала) Российского государственного торгово-экономического университета
e-mail: avdeeva_ek@mail.ru

Агабабян Арсен Зармирович – аспирант кафедры гражданского права и процесса Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиала РАНХиГС
e-mail: Arsen-ussr@mail.ru

Алебастрова Алла Анатольевна – учитель истории и обществознания средней общеобразовательной школы №100 г. Саратова, соискатель кафедры этики и эстетики Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского
e-mail: alebastrova_70@mail.ru

Александрова Юлия Александровна – аспирант кафедры политических наук Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиала РАНХиГС
e-mail: yulexa@bk.ru

Алексеенок Анна Алексеевна – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и психологии управления Орловского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: alexaconst@rambler.ru

Андреев Андрей Владимирович – кандидат экономических наук, доцент кафедры финансов, кредита и налогообложения Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиала РАНХиГС
e-mail: awvv@mail.ru

Аникин Владимир Иванович – доктор экономических наук, профессор кафедры государственного управления и национальной безопасности Дипломатической академии МИД России
e-mail: anikin_vi@rambler.ru

Аникин Леонид Сергеевич – доктор социологических наук, профессор кафедры социологии коммуникаций и управления Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского
e-mail: anikinls@rambler.ru

Аяцков Дмитрий Федорович – доктор исторических наук, профессор, директор Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиала РАНХиГС
e-mail: rector@pags.ru

Батраева Ольга Борисовна – кандидат социологических наук, доцент кафедры политических наук Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиала РАНХиГС
e-mail: o.batraeva@mail.ru

Ваховский Вячеслав Витальевич – кандидат экономических наук, профессор кафедры государственного и муниципального управления Ульяновского филиала РАНХиГС
e-mail: vahovskiy.v@mail.ru

Ваховский Евгений Вячеславович – аспирант кафедры экономики Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиала РАНХиГС
e-mail: kaffin@pags.ru

Гончарова Людмила Ивановна – кандидат экономических наук, профессор кафедры экономики Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиала РАНХиГС
e-mail: Goncharova-2008@yandex.ru

Григорьев Виктор Валерьевич – профессор кафедры государственного и муниципального управления Ульяновского филиала РАНХиГС
e-mail: binc@mv.ru

Григорьев Егор Вадимович – аспирант кафедры политических наук Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиала РАНХиГС
e-mail: egor.gtrk@ya.ru

Гришина Елена Алексеевна – старший преподаватель кафедры английского языка Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиала РАНХиГС
e-mail: English@pags.ru, elena.grishina79@mail.ru

Денисов Вячеслав Тихонович – доктор экономических наук, профессор кафедры мировой экономики и управления внешнеэкономической деятельностью
e-mail: denisov_VT@gmail.com

Егоренков Дмитрий Анатольевич – кандидат политических наук, доцент кафедры политических наук Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиала РАНХиГС
e-mail: egorenkovda@mail.ru

Жверанцева Мария Сергеевна – кандидат экономических наук, старший преподаватель кафедры финансов, кредита и налогообложения Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиала РАНХиГС
e-mail: kaffin@pags.ru

Захарова Наталия Ивановна – аспирант кафедры служебного и трудового права Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиала РАНХиГС
e-mail: zaharovanat@yandex.ru

Ильичева Марина Николаевна – соискатель кафедры мировой экономики и управления внешнеэкономической деятельностью Саратовского государственного социально-экономического университета
e-mail: Marinai-sbrf@rambler.ru

Коротина Виктория Леонидовна – кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой финансов, кредита и налогообложения Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиала РАНХиГС
e-mail: kaffin@pags.ru

Крахмалов Алексей Николаевич – преподаватель кафедры государственного и муниципального управления Балаковского филиала РАНХиГС
e-mail: Krahmalov-honour@mail.ru

Кряквина Екатерина Александровна – старший преподаватель кафедры менеджмента и логистики Саратовского государственного технического университета имени Ю.А. Гагарина, соискатель кафедры антикризисного управления социально-экономическими системами Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: EAKryakvina@rambler.ru

Кузнецов Андрей Геннадиевич – доктор социологических наук, профессор кафедры социальных коммуникаций Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: coscom@pags.ru

Кузнецова Карина Сергеевна – аспирант кафедры методологии образования Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского
e-mail: karinaSMF@yandex.ru

Мерзляков Сергей Леонидович – кандидат исторических наук, директор муниципального учреждения культуры «Культурный центр имени П.А. Столыпина»
e-mail: merzlyakovsl@yandex.ru

Монгуш Белек Сергеевна – преподаватель кафедры гражданского и международного частного права Саратовской государственной юридической академии
e-mail: belekmongush@yandex.ru

Посадский Антон Викторович – доктор исторических наук, профессор кафедры истории российской государственности и права Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиала РАНХиГС
e-mail: kafhistory@pags.ru

Присяжнюк Дарья Игоревна – аспирант кафедры социально-экономических систем и социальной политики Национального исследовательского университета Высшая школа экономики, Москва
e-mail: daria.prisyazhnyuk@socpolicy.ru

Романовская Ольга Алексеевна – доктор социологических наук, профессор кафедры социологии и политологии Ульяновского государственного университета
e-mail: oromanovska@yandex.ru

Россошанская Наталья Алексеевна – преподаватель кафедры бухгалтерского учета Саратовского государственного социально-экономического университета
e-mail: ZagulyaevaN@yandex.ru

Рутковская Наталья Сергеевна – аспирант кафедры всеобщей истории и мирового политического процесса Мордовского государственного университета имени Н.П. Огарёва
e-mail: Coneflower@inbox.ru

Рякина Анна Сергеевна – старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин Балаковского филиала РАНХиГС, соискатель кафедры теории права Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиала РАНХиГС
e-mail: anna.ryasina@mail.ru

Смирнова Валентина Михайловна – заведующая отделом досуговых, творческих и оздоровительных программ Волгоградского государственного аграрного университета
e-mail: Smirnowa04@bk.ru

Сулейманов Мнир Рафхатович – старший преподаватель кафедры социальных коммуникаций Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиала РАНХиГС
e-mail: mrsul@mail.ru

Сурма Иван Викторович – кандидат экономических наук, доцент кафедры государственного управления и национальной безопасности Дипломатической академии МИД России
e-mail: vsurma@gmail.com

Тарасов Илья Николаевич – доктор политических наук, профессор кафедры философии и политологии Саратовского государственного социально-экономического университета
e-mail: Tarasov@ssea.runnet.ru

Таратун Олег Викторович – адъюнкт Саратовского военного института внутренних войск МВД России
e-mail: taratun81@mail.ru

Тарский Юрий Иванович – доктор социологических наук, профессор кафедры социологии, социальной политики и регионоведения Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиала РАНХиГС
e-mail: kafsociology@pags.ru

Тарутин Алексей Петрович – старший преподаватель кафедры финансов и кредита Северного (Арктического) федерального университета (г. Архангельск)
e-mail: alptar@rambler.ru

Тимербулатова Наиля Эдуардовна – соискатель кафедры управления социальными и экологическими системами Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: nelek34@yandex.ru

Усынин Юрий Константинович – доктор социологических наук, профессор кафедры государственного и муниципального управления Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиала РАНХиГС
e-mail: gmu@pags.ru

Утенков Геннадий Николаевич – кандидат политических наук, заведующий кафедрой государственного и муниципального управления Балаковского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: ugn64@mail.ru

Федюнина Светлана Михайловна – доктор социологических наук, профессор кафедры социальных коммуникаций Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиала РАНХиГС
e-mail: smf777@bk.ru

Филатов Денис Игоревич – аспирант кафедры теоретической и социальной философии Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского
e-mail: d_filatov87@mail.ru

Чаркин Сергей Анатольевич – кандидат юридических наук, заместитель председателя Волгоградского областного суда
e-mail: anisimovap@mail.ru

Черкасов Василий Евдокимович – доктор экономических наук, профессор кафедры финансов, налогообложения и кредита Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиала РАНХиГС
e-mail: kaffin@pags.ru

Черняева Татьяна Ивановна – доктор социологических наук, профессор кафедры социальных коммуникаций Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиала РАНХиГС
e-mail: tatcher@yandex.ru

Яковлев Лев Сергеевич – доктор социологических наук, профессор кафедры социологии, социальной политики и регионоведения Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиала РАНХиГС
e-mail: kafsociology@pags.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Oleg Yurievich Abakumov – Candidate of Historical Science, Head of the Science and Organization Department, Stolypin Volga Region Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

e-mail: uprnauka@pags.ru

Ekaterina Sergeevna Avdeeva – Candidate of Sciences (Economics), docent of the Foreign Economic Activity Chair, Saratov Institute (Branch) of the Russian State Trade and Economic University

e-mail: avdeeva_ek@mail.ru

Arsen Zarmikovich Agababyan – post-graduate student of the Civil Law and Civil Proceedings Chair, Stolypin Volga Region Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

e-mail: Arsen-ussr@mail.ru

Alla Anatolievna Alebastrova – teacher of history and social science in the secondary school No.100, competitor of the Ethics and Esthetics Chair, Saratov State University named after N.G. Chernyshevsky

e-mail: alebastrova_70@mail.ru

Yulia Aleksandrovna Aleksandrova – post-graduate student of the Political Sciences Chair, Stolypin Volga Region Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

e-mail: yulexa@bk.ru

Anna Alekseevna Alekseenok – Candidate of Sciences (Sociology), docent of the Sociology and Psychology of Management Chair, Orel branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

e-mail: alexaconst@rambler.ru

Andrei Vladimirovich Andreev – Candidate of Sciences (Economics), docent of the Finance, Credit and Taxation Chair, Stolypin Volga Region Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

e-mail: awvv@mail.ru

Vladimir Ivanovich Anikin – Doctor of Sciences (Economics), Professor of the Public Administration and National Security Chair, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation
e-mail: anikin_vi@rambler.ru

Leonid Sergeevich Anikin – Doctor of Sciences (Sociology), Professor of the Sociology of Communications and Management Chair, Saratov State University named after N.G. Chernyshevsky
e-mail: anikinls@rambler.ru

Dmitry Fedorovich Ayatskov – Doctor of Science (History), Professor, Director of Stolypin Volga Region Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: rector@pags.ru

Olga Borisovna Batraeva – Candidate of Sciences (Sociology), docent of the Political Sciences Chair, Stolypin Volga Region Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: o.batraeva@mail.ru

Vyacheslav Vitalievich Vakhovsky – Candidate of Science (Economics), Professor of the State and Municipal Government Chair, Stolypin Volga Region Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: vahovskiy.v@mail.ru

Evgeny Vyacheslavovich Vakhovsky – post-graduate student of the Economics Chair, Stolypin Volga Region Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: kaffin@pags.ru

Lyudmila Ivanovna Goncharova – Candidate of Sciences (Economics), Professor of the Economic Chair, Stolypin Volga Region Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: Goncharova-2008@yandex.ru

Victor Valerievich Grigoriev – Professor of the State and Municipal Government Chair, Stolypin Volga Region Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: binc@mv.ru

Egor Vadimovich Grigoriev – post-graduate student of the Political Sciences Chair, Stolypin Volga Region Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: egor.gtrk@ya.ru

Elena Alekseevna Grishina – senior lecturer of the English Language Chair, Stolypin Volga Region Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: English@pags.ru, elena.grishina79@mail.ru

Vyacheslav Tikhonovich Denisov – Doctor of Sciences (Economics), Professor of the World Economy and Foreign Economic Activity Management Chair, Saratov State Socio-Economic University
e-mail: denisov_VT@gmail.com

Dmitry Anatolievich Yegorenkov – Candidate of Sciences (Politics), docent of the Political Sciences Chair, Stolypin Volga Region Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: egorenkovda@mail.ru

Maria Sergeevna Zhverantseva – Candidate of Sciences (Economics), senior lecturer of the Finance, Credit, and Taxation Chair, Stolypin Volga Region Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: kaffin@pags.ru

Natalia Ivanovna Zaharova – post-graduate student of the Service and Labor Law Chair, Stolypin Volga Region Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: zaharovanat@yandex.ru

Marina Nikolaevna Iliycheva – competitor of the World Economy and Foreign Economic Activity Management Chair, Saratov State Socio-Economic University
e-mail: Marinai-sbrf@rambler.ru

Viktoria Leonidovna Korotina – Candidate of Sciences (Economics), docent, Head of the Finance, Credit, and Taxation Chair, Stolypin Volga Region Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: kaffin@pags.ru

Aleksey Nikolaevich Krakhmalov – lecturer of the State and Municipal Administration Chair, Balakovo Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: Krahmalov-honour@mail.ru

Ekaterina Alexandrovna Kryakvina – senior lecturer of the Management and Logistics Chair, Saratov State Technical University named after Yu.A. Gagarin, competitor of the Crisis Management of Social-Economic Systems, the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: EAKryakvina@rambler.ru

Andrey Gennadievich Kuznetsov – Doctor of Sciences (Sociology), Professor of the Social Communications Chair, Stolypin Volga Region Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: coscom@pags.ru

Karina Sergeevna Kuznetsova – post-graduate student of the Methodology of Education Chair, Saratov State University named after N.G. Chernyshevsky
e-mail: karinaSMF@yandex.ru

Sergey Leonidovich Merzlyakov – Candidate of Sciences (History), director of the municipal cultural institution “Cultural Centre named after P.A. Stolypin”
e-mail: merzlyakovsl@yandex.ru

Belek Sergeevna Mongush – lecturer of the Civil and International Private Law Chair, Saratov State Academy of Law
e-mail: belekmongush@yandex.ru

Anton Viktorovich Posadsky – Doctor of Science (History), Professor of the History of Russian Statehood and Law Chair, Stolypin Volga Region Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: kafhistory@pags.ru

Daria Igorevna Prisyazhnyuk – post-graduate student of the Social-Economic Systems and Social Policy Chair, National Research University Higher School of Economics, Moscow
e-mail: daria.prisyazhnyuk@socpolicy.ru

Olga Alekseevna Romanovskaya – Doctor of Science (Sociology), Professor of the Sociology and Politics Chair, Ulyanovsk State University
e-mail: oromanovska@yandex.ru

Natalia Alekseevna Rossoshanskaya – lecturer of the Accounting Chair, Saratov State Social-Economic University
e-mail: ZagulyaevaN@yandex.ru

Natalia Sergeevna Rutkovskaya – post-graduate student of the World History and the World Political Process Chair, Mordovian State University named after N.P. Ogarev
e-mail: Coneflower@inbox.ru

Anna Sergeevna Ryasina – senior lecturer of the Civil and Legal Disciplines Chair, Balakovo Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; competitor of the Theory of Law Chair, Stolypin Volga Region Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: anna.ryasina@mail.ru

Valentina Mikhailovna Smirnova – head of the Department of Leisure, Creative, and Recreational Programs, Volgograd State Agrarian University
e-mail: Smirnova04@bk.ru

Mnir Rafkhatovich Suleimanov – senior lecturer of the Social Communications Chair, Stolypin Volga Region Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: mrsul@mail.ru

Ivan Viktorovich Surma – Candidate of Sciences (Economics), docent of the Public Administration and National Security Chair, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation
e-mail: vsurma@gmail.com

Iliya Nikolaevich Tarasov – Doctor of Science (Politics), Professor of the Philosophy and Politics Chair, Saratov State Socio-Economic University
e-mail: Tarasov@ssea.runnet.ru

Oleg Viktorovich Taratun – post-graduate student of the Saratov Military Institute of the Internal Troops of the Ministry of Interior of Russia
e-mail: taratun81@mail.ru

Yuri Ivanovich Tarsky – Doctor of Sciences (Sociology), Professor of the Sociology, Social Policy, and Regional Studies Chair, Stolypin Volga Region Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: kafsociology@pags.ru

Aleksey Petrovich Tarutin – senior lecturer of the Finance and Credit Chair, Northern (Arctic) Federal University (Arkhangelsk)
e-mail: alptar@rambler.ru

Nailya Eduardovna Timerbulatova – post-graduate student of the Social and Ecological Systems Management Chair, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: nele34@yandex.ru

Yuri Konstantinovich Usynin – Doctor of Sciences (Sociology), Professor of the State and Municipal Management Chair, Stolypin Volga Region Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: gmu@pags.ru

Gennady Nikolaevich Utenkov – Candidate of Science (Politics), Head of the State and Municipal Government, Balakovo Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: ugn64@mail.ru

Svetlana Mikhailovna Fedyunina - Doctor of Science (Sociology), Professor of the Social Communications Chair, Stolypin Volga Region Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: smf777@bk.ru

Denis Igorevich Filatov – post-graduate student of the Theoretical and Social Philosophy Chair, Saratov State University named after N.G. Chernyshevsky
e-mail: d_filatov87@mail.ru

Sergey Anatolievich Charkin – Candidate of Sciences (Law), Deputy Chairman of the Volgograd Regional Court
e-mail: anisimovap@mail.ru

Vasily Evdokimovich Cherkasov – Doctor of Sciences (Economics), Professor of the Finance, Credit, and Taxation Chair, Stolypin Volga Region Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

e-mail: kaffin@pags.ru

Tatiana Ivanovna Chernyaeva – Doctor of Sciences (Sociology), Professor of the Social Communications Chair, Stolypin Volga Region Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

e-mail: tatcher@yandex.ru

Lev Sergeevich Yakovlev – Doctor of Sciences (Sociology), Professor of the Sociology, Social Policy, and Regional Studies Chair, Stolypin Volga Region Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

e-mail: kafsociology@pags.ru

СОДЕРЖАНИЕ

От редколлегии	4
----------------------	---

ПУБЛИЧНАЯ ВЛАСТЬ, ГОСУДАРСТВЕННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

5

Утенков Г.Н. Идеология реформы государственного управления П.А. Столыпина	5
Алексеев А.А. Методологические подходы к государственному управлению формированием среднего класса в современной России	11
Федюнина С.М. Государственная языковая политика и языковое планирование в контексте развития многоэтнического российского общества	16
Тарасов И.Н. Динамика институционального развития антикоррупционной политики в регионах Приволжского федерального округа	23
Рутковская Н.С. Особенности российской модели бюджетного федерализма и основные результаты ее реализации в Республике Мордовия в 2000–2011 годах	29
Гончарова Л.И., Крахмалов А.Н. Концептуальные аспекты труда муниципальных служащих	37
Аникин В.И., Сурма И.В. Перспективы политико-экономического развития России: сценарный прогноз	43
Тарутин А.П. Изменение государственной политики в сфере страхования в связи с вступлением России в ВТО	49

РОССИЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО И ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО: ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

55

Мерзляков С.Л. Сотрудничество П.А. Столыпина и III Государственной думы как пример взаимоотношений власти и общества для современной России	55
--	----

Кузнецов А.Г.	
Власть и социальный обмен: методология социологической экспликации	61
Александрова Ю.А.	
Постмодерн политической власти: пространство симулякров и деконструкции	66
Аникин Л.С., Тарский Ю.И.	
Политическая составляющая местного самоуправления	70
Черняева Т.И., Сулейманов М.Р.	
Публичная политика как общественный договор: медийное сопровождение	75
Григорьев Е.В.	
Актуальные вопросы изучения политического имиджа: проблемы и методология	79
Аяцков Д.Ф.	
Электоральные рейтинги для региональных отделений политических партий как основа «работы над ошибками»	84
Батраева О.Б.	
Организационные изменения в партии «Единая Россия»	89

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

95

Монгуш Б.С.	
Особенности категории «правовые средства» и ее применения в цивилистике	95
Ряпина А.С.	
Роль правоприменителя в контексте употребления оценочных категорий	100
Агабабян А.З.	
Подсудность гражданских дел, возникающих из трудовых правоотношений	105
Чаркин С.А.	
Теоретические проблемы права собственности на земельные участки на современном этапе правовой реформы	109
Захарова Н.И.	
Мониторинг почв земель сельскохозяйственного назначения: сущность, цели и задачи	117

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

122

Таратун О.В.	
Развитие представлений о социальной справедливости в российском обществе: исторический контекст	122
Романовская О.А.	
Идиосинкратический контекст этничности: авторский опыт полевого исследования	127

Егоренков Д.А.

Практика и перспективы партнерского взаимодействия
Всероссийской политической партии «Единая Россия»
и государственной власти в сфере здравоохранения
на территории Саратовской области 131

Тимербулатова Н.Э.

Социально-экономические детерминанты процесса формирования
и реализации жизненных стратегий студенчества 138

Смирнова В.М.

Формирование аутопсихологической компетентности студентов
в системе высшей школы 143

Гришина Е.А.

Структура рефлексивной деятельности студентов в процессе формирования
иноязычной коммуникативной культуры 148

Кузнецова К.С.

Анализ сущности педагогического сопровождения в ряду сопряженных понятий
гуманистической педагогики 154

Присяжнюк Д.И.

Роль медицинских ассоциаций
в процессе коллективной мобилизации врачебного сообщества 158

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ РОССИИ

165

Усынин Ю.К., Яковлев Л.С.

Опыт Столыпинской реформы в концептуализации
современной аграрной политики 165

Авдеева Е.С.

Модернизация и интеграция производства
как основные направления стратегического развития
отечественных предприятий 171

Денисов В.Т., Ильичева М.Н.

Оценка эффективности управления производством на предприятии –
производителе авиакomпонентов 178

Андреев А.В.

Развитие концепции конкурентоспособности предприятия
(на примере предприятий пищевой промышленности) 186

Кряквина Е.А.

Потенциал устойчивого социально-экономического развития региона:
традиции и инновации 195

Ваховский В.В., Григорьев В.В.

Концептуальные подходы к развитию трудовых ресурсов
на региональном уровне (на примере Ульяновской области) 200

Черкасов В.Е., Ваховский Е.В.

Нестандартные формы занятости в условиях постиндустриальной экономики 205

Россошанская Н.А.

Специфика отрасли общественного питания,
влияющая на калькуляцию себестоимости услуг 212

**ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРА СОЦИУМА:
ПОДХОДЫ, КОНЦЕПЦИИ, МНЕНИЯ**
218

Ерёмина Т.В.

Концептуальные основания смены типов рефлексии:
методологический аспект 218

Филатов Д.И.

Определенность
путей человеческой деятельности 222

Алебастрова А.А.

Антонимические концепты «Чужой» – «Другой»
в феноменологическом проекте Э. Гуссерля 227

**РЕЦЕНЗИИ.
ХРОНИКА НАУЧНЫХ СОБЫТИЙ**
233

Абакумов О.Ю.

О юбилейных мероприятиях, посвященных
П.А. Столыпину 233

Посадский А.В.

Рецензия на книгу:
П.А. Столыпин: традиции реформирования России:
сб. науч. трудов. – Саратов:
Поволжский институт им. П.А. Столыпина, 2012. – 292 с. 237

Представляем кафедру финансов, кредита и налогообложения

Поволжского института управления имени П.А. Столыпина –

филиала Российской академии народного хозяйства

и государственной службы при Президенте РФ 241

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ
245

CONTENTS

<i>From the Editorial Board</i>	4
---------------------------------------	---

PUBLIC AUTHORITIES AND PUBLIC ADMINISTRATION IN THE RUSSIAN FEDERATION

5

<i>Utenkov G.N.</i> The Ideology of P.A. Stolypin State Government Reforms	5
<i>Alekseenok A.A.</i> Methodical Approaches to the Public Administration of the Middle Class Formation in Modern Russia	11
<i>Fedyunina S.M.</i> The State Language Policy and Language Planning in the Context of the Multiethnic Russian Society Development	16
<i>Tarasov I.N.</i> The Dynamics of Institutional Development of Anti-Corruption Policy in the Regions of the Volga Federal District	23
<i>Rutkovskaya N.S.</i> Features of the Russian Model of Fiscal Federalism and the Main Results of Its Implementation in the Republic of Mordovia in 2000–2011	29
<i>Goncharova L.I., Krakhmalov A.N.</i> Conceptual Aspects of the Municipal Employees' Labor	37
<i>Anikin V.I., Surma I.V.</i> Prospects of Political and Economic Development of Russia: Scenario Forecast	43
<i>Tarutin A.P.</i> The Change of Public Policy in the Insurance Sphere in Connection with Russia's Accession to WTO	49

RUSSIAN STATE AND CIVIL SOCIETY: HISTORICAL EXPERIENCE AND CONTEMPORARY CONDITION

55

<i>Merzlyakov S.L.</i> The Cooperation between P. A. Stolypin and the State Duma III as an Example of Relations between Authorities and the Society for Modern Russia	55
<i>Kuznetsov A.G.</i> Authority and Social Exchange: Methodology of Sociological Explication	61
<i>Aleksandrova Yu.A.</i> The Postmodernity of Political Power: the Space of Simulacra and Deconstruction ..	66
<i>Anikin L.S., Tarsky Yu.I.</i> The Political Component of the Local Self-Government	70

Chernyaeva T.I., Suleimanov M.R.	
Public Policy as a Social Contract: Media Support	75
Grigoriev E.V.	
Current Issues in the Study of the Political Image: Problems and Methodology	79
Ayatskov D.F.	
Electoral Ratings for Regional Branches of Political Parties as a Basis of "Work on the Bugs"	84
Batraeva O.B.	
Organizational Changes in the Party "United Russia"	89

LEGAL REGULATION IN CONTEMPORARY RUSSIA

95

Mongush B.S.	
Features of the Category of "Legal Means" and Its Application in Civilistics	95
Ryasina A.S.	
The Role of the Law Enforcer in the Context of the Evaluative Categories Use	100
Agababyan A.Z.	
Jurisdiction of Civil Cases Arising from Labor Relations	105
Charkin S.A.	
Theoretical Problems of the Property Right to Land Plots at the Present Stage of Legal Reform	109
Zakharova N.I.	
Monitoring of Agricultural Land Soils: the Subject Matter, Targets, and Tasks	117

SOCIAL POLICY IN THE RUSSIAN FEDERATION

122

Taratun O.V.	
The Development of Social Justice Concepts in the Russian Society: the Historical Context	122
Romanovskaya O.A.	
The Idiosyncratic Context of Ethnicity: Author's Pall	127
Yegorenkov D.A.	
Practices and Prospects of the Partnership between All-Russia Political Party "United Russia" and the Government in Public Health Services Sphere in the Saratov Region Territory	131
Timerbulatova N.E.	
Social-Economic Determinants of the Process of Student Life Strategies Formation and Implementation	138
Smirnova V.M.	
Formation of the Auto-Psychological Competence of Graduate Students	143
Grishina E.A.	
The Structure of Student Reflexive Activity in the Process of Foreign Communicative Culture Formation	148
Kuznetsova K.S.	
The Analysis of the Essence of Pedagogical Support in a Series of Paired Concepts of Humanistic Pedagogy	154
Prisyazhnyuk D.I.	
The Role of Medical Associations in the Process of Collective Mobilization of the Medical Community	158

SOCIAL-ECONOMIC MODERNIZATION OF RUSSIA

165

Usynin Yu.K., Yakovlev L.S.

The Experience of Stolypin's Reform in the Conceptualization
of the Modern Agrarian Policy165

Avdeeva E.S.

Manufacture Modernization and Integration as Basic Directions
of the Domestic Enterprises Strategic Development171

Denisov V.T., Iliycheva M.N.

Assessment of Production Management Efficiency
at the Aircraft Components Manufacturing Enterprises178

Andreev A.V.

The Development of the Enterprise Competitiveness Conception
(by the Example of Food Industry Enterprises)186

Kryakvina E.A.

Stable Social-Economic Development Potential of a Region:
Traditions and Innovations195

Vakhovsky V.V., Grigoriev V.V.

Conceptual Approaches to Labor Resources Improvement at the Regional Level
(by the Example of Ulyanovsk Region)200

Cherkasov V.E., Vakhovsky E.V.

Nonstandard Forms of Employment in Conditions of Postindustrial Economy205

Rossoshanskaya N.A.

Specificity of Catering Industry that Affects the Calculation
of the Catering Services Cost212

PHILOSOPHY AND CULTURE OF SOCIETY: APPROACHES, CONCEPTS, OPINIONS

218

Yeremina T.V.

Conceptual Bases of Reflection Types Change: Methodological Aspect218

Filatov D.I.

Certainty of the Ways of Human Activity222

Alebastrova A.A.

Antonymical Concepts of "Alien" – "Other" in the Phenomenological
Project by E.Husserl227

REVIEWS. SCIENTIFIC EVENTS CHRONICLE

233

Abakumov O.Yu.

On the Jubilee Arrangements Devoted to P. A. Stolypin233

Posadsky A.V.

Book Review: P.A. Stolypin: Traditions of Reforming Russia: Collected Scientific
Works. – Saratov: Stolypin Volga Region Institute, 2012. – 292 p.237

**We Present the Finance, Credit, and Taxation Chair of Stolypin Volga
Region Institute of Management of the Russian Presidential Academy**

of National Economy and Public Administration241

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

250

262 2012 ● ВЕСТНИК ПАГС

Научное издание

**ВЕСТНИК
ПОВОЛЖСКОЙ АКАДЕМИИ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ**

Научный журнал

№ 2 (31)

Редакторы *Т.П. Иванова, Е.В. Феклистова, Л.Н. Головченко*
Компьютерная верстка *Л.А. Михайловой, М.В. Лысцевой*

Тем. план 2012 г., п. № 761

Подписано к печати 20.06.2012 г. Формат 70х100 $\frac{1}{16}$.

Бумага офсетная. Гарнитура Лазурского.

Усл. печ. л. 21,28. Уч.-изд. л. 22,5. Тираж 500. Заказ 405.

Поволжский институт управления им. П.А. Столыпина.
410031, Саратов, ул. Соборная, 23/25.

**Требования к рукописям научных статей,
представляемым для публикации в научном журнале
«Вестник ПАГС»**

1. Редакцией журнала принимаются к рассмотрению статьи, связанные с управленческой тематикой (управление политическими, социальными, экономическими процессами, правовое регулирование различных сфер жизни общества и государства, социальное и гуманитарное развитие, актуальные проблемы современной России и международного сообщества). Редакция оставляет за собой право публиковать статьи и по иным направлениям науки.

2. Статьи представляются ответственному секретарю журнала не менее чем за три месяца до планируемой даты опубликования в номере журнала.

3. Автор представляет статью на бумажном и электронном носителях, объемом 0,3–0,5 п.л. (8–12 стр. печатного текста 14 кеглем 1,5 интервалом со стандартными полями). Сноски оформляются в квадратных скобках по тексту статьи, с указанием номера источника по библиографическому списку и страницы либо статьи нормативного акта, на которые ссылается автор (например: [8, с. 16], [8, ст. 16]). Библиографический список формируется в конце статьи по мере упоминания источников в тексте (не по алфавиту и не по иерархии источников). Не допускается дублирование наименований, а также указание под одним номером нескольких наименований источников или используемой литературы. Оформление библиографического списка должно соответствовать ГОСТ Р.7.0.5. – 2008. Для нормативных актов в списке указывается начальная и последняя редакция. Библиографический список входит в общее количество страниц статьи автора.

4. Помимо текста статьи автором представляются единым отдельным файлом в электронном виде на русском и английском языках:

- а) краткая (2–4 коротких предложения) аннотация с обязательным указанием названия статьи, фамилии и инициалов автора, индексов УДК и / или ББК (только на русском языке), и / или DOI, и / или других классификационных индексов или систем регистрации;
- б) ключевые слова и словосочетания (не более трех);
- в) пристатейный библиографический список;
- г) сведения об авторе – Ф.И.О. (полностью), должность и место работы или учебы, контактная информация (почтовый адрес, адрес электронной почты, контактный телефон).

Ответственность за достоверность указанных сведений несет автор статьи.

5. Статьи оцениваются членами редакционной коллегии, специалистами ПАГС или других вузов по профилю, соответствующему содержанию статьи. Статья направляется на рецензию без указания Ф.И.О. и иных данных, позволяющих идентифицировать автора. Автор вправе ознакомиться с выполненной рецензией. Автор вправе представить заверенную рецензию научного руководителя, доктора / кандидата наук соответствующего профиля.

6. Плата за публикацию статьи в журнале с аспирантов не взимается.

Ответственный секретарь научного журнала

«Вестник Поволжской академии государственной службы»

Сергеев Сергей Геннадьевич

(8452) 33 92 29

vestnik@pags.ru (в теме сообщения обязательно указывать: «Вестник ПАГС»)

Материалы журнала размещены по адресу: <http://vestnik.pags.ru>